

Борис Вишневский

К демократии

И ОБРАТНО

*Памяти тех, кто стал жертвами
террористических актов в России
в августе-сентябре 2004 года — посвящается.*

*Пять лет назад,
после взрывов жилых домов,
страх заставил многих пожертвовать
свободой и демократией
в обмен на стабильность и безопасность.*

*За эти годы у нас почти не осталось
демократии. И почти не осталось свободы.*

*Какую «стабильность» и «безопасность»
мы получили — спросите в Беслане.*

*Борис Вишневский,
сентябрь 2004 года*

Редактор: Ю.А. Здоровов

Корректор: И.М. Осипова

Б. Вишневский. К демократии и обратно.

Подписано в печать 15.09.2004 г. Формат 84х108/32. Объем 11 п. л.
Печать офсетная. Тираж 3 000 экз.

Федеральное государственное унитарное предприятие
«Смоленский полиграфический комбинат» Министерства Российской
Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций. 214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.
Заказ №

©Б. Вишневский, 2004

©«Интергаз-Информ, оформление, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ..... 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СОБЫТИЯ

1992
«Вся власть — никому!» 13

1993
Что это было — чья победа? 19
Великая октябрьская контрреволюция 22

1994
Нужен ли России президент? 26
«Матеж не может кончиться удачей» —
в противном случае его зовут иначе...» 32

1995
«Жизнь была прекрасна — судя по докладам...» 34
Какой вердикт хуже? 39
Остановиться, оглянуться..... 42

1996
Хватит выбирать «меньшее из зол» 50
Разноцветный фашизм 53
Выборы закончены. Забудьте? 57

1997
Либеральная интеллигенция и либеральная революция 63
Явка с повинной..... 69

1998
Эпоха фаворитов и пажей 73
«Черный октябрь»: цели, средства и результаты 77
Выборы или турнир провокаторов? 81

1999
Майская охота на царя Бориса 85
Возращение высокого блондина 89

2000
Господин Никто 92
НЕ всегда возможно 97
Все мы дети своего времени 101

2001
Царь не обязан любить своих критиков..... 111
Свобода или собственность: выбор либерала..... 114

Восшествие на «престол»	117
Для кого мы таскали каштаны из огня?	125
Арбитр, удаленный с поля	130
Присягни или проитраешь?	138

2002

Мифы «гайдарономики»	141
Такую память принято отбивать	147
Тень свастики над Невой	149
Ветви власти стали антеннами	152
Россия в роли Израиля	157
Империya, слава!	162
Выборы «по понятиям»?	167
Сон разума	173

2003

Праздник особого режима	180
Демократия без президента	183
Осечка «Авроры»	188
По следам Луи Бонапарта	194
Империализм как высшая стадия либерализма	204
Трудно быть боготом?	207
Опыт поджугалд?	210
Всем вернуться. Куда?	214

2004

Долой самодержавие!	217
Пособники террористов известны	221
От надежды — к равнодушию	224
Божья роса	227
У нас еще не было либеральных реформ	229
Невидимые миру строчки	232
Плевков на душу населения	235
В кровавом зеркале	239
Путин должен уйти	242

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛЮДИ

Анатомий Собчак: триумф и трагедия	245
Анатомий Чубайс: железный Дровосек, не получивший сердца	265
Альфред Кох: человек с портфелем Пиночета	284
Сергей Стенягин: искусство бега на длинную дистанцию	292
Валентина Мамвиенко: товарищ губернатор	306
Александр Кудрин: всероссийский главух	315
Дмитрий Козак: юрист для особых поручений	323
Владимир Яковлев: последний бросок на Юг	329
Взгляд со стороны (об авторе этой книги)	339
О «ЯБЛОКЕ»	341

Предисловие

И

здавать сборник публицистики, написанной в последние двенадцать лет, как правило, на «злобу дня» — по следам тех или иных событий в политической и экономической жизни, — довольно рискованное занятие.

Во-первых, отнюдь не все читатели хорошо помнят, о каких событиях идет речь.

Во-вторых, то, что при написании казалось необычайно важным, впоследствии нередко оказывалось куда менее значимым.

В-третьих, с тех пор могли сильно измениться многие авторские оценки, и неизбежно должны были не сбыться многие прогнозы...

Тем не менее, перечитав статьи, которые собраны в этот сборник, автор все-таки решил представить их на суд читателей, не смотря на все указанные выше обстоятельства. Кроме того, в сборник включены несколько «портретов» известных российских политиков, с которыми автору приходилось встречаться, и за чьей деятельностью он внимательно следил. При всей «разноплановости» этих персонажей, они, несомненно, — в первых рядах тех, кто определил ход событий «постсоветской» истории нашей страны.

Объединены ли чем-то все материалы сборника? Пожалуй, да. Все эти годы нам непрерывно объясняли, какие замечательные политические и экономические реформы проводит президент и правительство. И что этим реформам нет и не может быть альтернативы, потому что не может быть никогда.

Но разве не для нас Александр Галич писал «Бойся единственно только того, кто скажет — я знаю, как надо?»

Когда-то, занимаясь научной работой, я всегда исходил из старого принципа «Подвергай сомнению!». И подавляющее большинство моих статей, опубликованных в газетах и журналах, также написаны исходя из этого же принципа. «Красной нитью» через них проходит убеждение автора в том, что альтернатива была и есть всегда — и тем реформам, которые объявлялись единственно верными, и тем, кто проводил эти реформы...

Да, что-то из того, о чем писал автор, сегодня видится «делами давно минувших дней». Но и это — часть нашей политической истории, причем не самая малозначительная.

Да, какие-то из описанных мной событий сегодня какжутся не

самыми значимыми. Но, по большому счету, ни одной из «больших точек» последнего десятилетия автор в своих статьях не пропустил. Был пристрастен и эмоционален? Несомненно: неужели о расстреле Белого дома, о войне в Чечне или о президентских выборах 1996 года можно было писать иначе?

Да, не все прогнозы оправдались. Хотя, к сожалению, почти ни разу мне не удалось сделать настолько плохой прогноз, чтобы он не подтвердился бы. А иногда удавалось попадать, что называется, в «яблочко». Например, предсказать в феврале 1998 года, что Борис Ельцин уйдет со своего поста в декабре 1999 года. Насколько мне известно, этот прогноз уникален — никто более его не делал.

Были, впрочем, и противоположные примеры.

Так, в 1992—1993 годах автор считал, что Ельцин не решится на «слоевой» вариант выяснения отношений с парламентом. И даже после «указа 1400» какое-то время полагал, что это конец политической карьеры президента, а не парламента.

В 1996 году вплоть до последних недель кампании — полагал, что шансы Ельцина на президентских выборах — после развязанной им войны в Чечне, — ничтожны.

Наконец, в августе 1999 года, когда Путинна наизначили премьером и объявили преемником Ельцина, автор искренне считал, что у него нет никаких шансов. Правда, в этом он был не одинок. Исключение составляли лишь те, кто уже тогда готовил взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске и «маленькую победоносную войну»...

Что касается оценок — под подавляющим большинством из них автор мог бы подписаться и сегодня. Это касается и неприятия принципа «пель оправдывает средства», и отношения к гайдаровским реформам и чубайсовской приватизации, и мнения о том, что парламентская республика для России куда более пригодна, чем президентская (неизбежно вырождающаяся в «вертикаль»), и убеждения в том, что авторитарный путь развития — с ограничением демократии «во имя реформ» и усилением исполнительной власти, — не приведет ни к чему хорошему.

Ничуть не изменились мои оценки, касающиеся войны в Чечне, российской «пшочетовщины» — силового проведения реформ вопреки мнению большинства, неравных и нечестных выборов 1996—2003 годов, возрождения имперских идей, набирающего силу российского неофашизма и удивительного равнодушия к нему со стороны российских правоохранительных органов, фактического восстановления политической цензуры в СМИ...

Наконец, было и остается неизменным мое отношение как к самому Владимиру Путину, правление которого я считало губительным для страны, так и к убогой политической философии

«Путинизма» — с всевластием спецслужб, уничтожением неудобных СМИ, подавлением оппозиции и проповедями «сильного государства» и «державности».

Скалдывается ощущение, что сегодня мы живем в «колыбе обратного времени»: глава государства, культ личности которого стремительно нарастает, столь же стремительно нарастающее массовое подбострастие (если не холоуиство) перед ним, руководящая и направляющая партия, фактически слитая с государством, выборы, все более становящиеся декоративными, контроль государством СМИ, прогрессирующее единомыслие, преследование неудобных, «заканное» правосудие, приравнивание критики власти к борьбе с государством и так далее. И если не все, то многое надо начинать сначала.

Но найдет ли общество в себе силы второй раз за полтора десятилетия совершить «пассионарный скачок» и заставить уйти со сцены тоталитарный режим, установленный сегодня в России?

Весной 1990 года, когда в Москве, Ленинграде и многих других городах нашей страны демократы выпирали выборы, казалось, что пришла политическая весна.

Видимо, это была не весна, а оттепель.

Но весна обязательно наступит.

Я в это верю.

Часть первая

СОБЫТИЯ



Вся власть — НИКОМУ!*

**Заметки на полях
стенограммы шестого
российского съезда**

II

рошедший 6-й Съезд народных депутатов России — мисень, в которую трудно промахнуться журналисту. Еще труднее избежать искуса поупражняться в остроумии, подбирая эпитеты для участников этого политического спектакля, где все смешалось и встало вверх дном.

Не мудрено воскликнуть «не верь глазам своим», когда бывшие обкомовские секретари трубят «Вся власть — Советам!», а лидеры демократов твердят о необходимости ликвидации законодательной власти, соревнуясь в злобности к правительству. Когда, забыв бывлые обиды, братаются вчерашние коммунисты и христианские демократы. Когда последующие решения декларируют, что не обязательно выполнять предыдущие, причем и то и другое принимается под аллюдисменты.

Тем не менее должно смеяться перед зеркалом — чье это там такое уродливое лицо — можно лишь до тех пор, пока не знаешь, что это — зеркало...

У меня нет желания восхвалять или осуждать ни парламент, ни президента, ни правительство — не было на съезде ни агнцев, ни козлиц, ни зерен, ни плевел, ни праведников, ни грешников. Все были хороши, каждый играл свою, по-человечески понятную роль, и не стоит искать высший смысл в съездовских баталиях, глупокомысленно рассуждать — что более пригодно для России, парламентская или президентская республика, принимать близко к сердцу попытки депутатов решить голосованием те вопросы, в которых они мало что смыслят.

В конце концов, даже если бы съезд отменил на территории России законы Ньютона, мать-природа никогда бы об этом не узнала и продолжала бы честно двигать тела по инерции. Задуматься стоит над другим: какие выводы наделегит сделать гражданину из наблюдаемого зрелища сосязания властей?

*Здесь и далее приводятся источники, в которых опубликованы впервые полные версии статей. «Петербургский литератор», № 2, 3 июля 1992 года.

Сейчас законодательная и исполнительная власти замерли в неустойчивом равновесии, но долго этот сюрреализм не продлится — хотя, похоже, каждая из сторон опасается победы не меньше, чем поражения. При поражении будет «потеряно лицо», при победе придется отвечать за все и не на кого будет пенять, распричиывая за ошибки. В этом смысле и парламент, и президент, и правительство нужны друг другу необычайно, и в глубине души понимают, что обмен ударами надлежит более обозначать, чем проводить. Наше же отношение к взаимодействию властей как к спортивному состязанию, где кто-то должен прийти к финишу первым, откровенно огорчает.

Опять же все просто — российский житель, не привыкший к сложной конструкции сочетания нескольких властей в обществе, испытывает легкое головокружение от потери ориентации. Он всегда твердо знал, что власть только одна — а как именно она называлась, великий князь или император, генеральный секретарь или президент — не так и важно. Противоречия законодателей и министров, советов и мэрсов его забывают мало, главное — чтобы был порядок и все «было по-честному». Вот и читаем мы из крайности в крайность — то у всех на устах «Вся власть — Советам!», то — «Вся власть — президенту!».

Рискуя впасть в немилость к обеим сторонам, автор считает более уместным для демократического общества возгугн «Вся власть — никому!», ибо победителей в борьбе двух властей быть не должно. Понимание этого простого факта заставляет взглянуть иначе на глазами на происходящие события.

Традиционный российский менталитет воспитан на том, что авторитаризм всегда был правилом, а реформы и демократия — редким исключением. Царь всегда прав и добр, но его часто обвиняют в ненависти к своим министрам. Вершина же демократии — возможность всенародно избирать хорошего царя, а затем требовать от него манной небесной. Увы, истинная демократия должна выражаться, как английский газон — надо посеять траву, а затем триста лет ежедневно ухаживать. Мы же все «родом из тоталитаризма», не умеем ни слушать оппонента, ни отстаивать свою позицию без криков и ярлыков, считаем наиболее подходящим итогом состязания удаление команды противника с поля...

Так стоит ли удивляться тому, что наши избранные оказываются ничуть не лучше нас? Нас сбивает с толку словесная шелуха политологических терминов, но за странным поведением каждой из политических группировок на съезде стоят не задранированные послугами римского права и Монтегские идеалы, а весьма простые интересы. Воспользуемся старым философским принципом — «Бритвой Оккама»: не объяснять сложно то, что можно объяснить просто. Что же мы видим?

Главное, что заставляет воспринимать съезд, как спектакль — то, что слишком многие говорят «не своим голосом». Сразу вспоминается Михаил Жванецкий. Исаков, Горячев, Бабурин вызывают к разделению властей и правовому государству? Не верю! Шахрай проповедует просвещенный авторитаризм? Не верю! Братцев и Полозовов рвутся в бой «за власть Советов»? Не верю! Отец Глеб Якунин готов объявить президента чужь ли не месией, гонимым книжниками и фарисеями? Не верю и не поверю никогда! Но отчего бойцы разных станов говорят на языке друг друга? Не потому ли, что отстаивают они не различные принципы государственного устройства, а просто «полноняют» желаемую форму правления для совершенно конкретных личностей?

Те, кто считает президентом «игроком своей команды», подводят юридическую базу под «сильную исполнительную власть», нацеленные же на другие ворота воле�-неволей облачаются в топи защитников власти представляемой. Стоит сменить именно личности — все перевернется!

Проведем небольшой мысленный эксперимент.

Итак, президент — Руслан Хасбулатов. Кто возглавит сторонников парламентской республики и будет срывать голос, бичуя авторитаризм? Правильно: Сергей Шахрай.

Президент — Бабурин. Кто пригласит к микрофону, защищая с твердостью ранних приверженцев Алтая сильную президентскую власть? Голову кладу на отсечение: Астафьев, Аксочин, Павлов.

Президент — Слободкин. Кто начнет собирать митинги и подписи в защиту законно избранной законодательной власти? Шабай и Якунин.

Президент — Исаков. Кто будет отражать правительство от мажоритарной критики и требовать не мешать ему работать? Горячев, Вешняков, Саенко...

Президент — Собчак. Чей промовой голос с трибуны призывает аннулировать все «дополнительные полномочия» и установить жесточайший контроль над коррупционными чиновниками? Петра Филиппова (при этом все российское ТВ будет превращено Беллой Курковой в «Час президента»)...

Конечно, очень привлекательно сконструировать модель российской власти исходя из сиюминутных интересов своей «команды». Но не дорого ли обойдется в очередной раз подстраивать систему под личность?

Простое рассуждение: что скажут нынешние первосвященники суперпрезидентской республики, если лишится милости президента? С той же убедительностью будут проповедовать иную форму власти? Намерения противников Ельцина столь же прозрачны: раз у власти «не наш», создадим такую суперпарламент-

скую республику, что президент будет нужен только для праздничных выходов к народу, а правительства будем менять, как пятерки хоккеистов.

Кто наиболее ретив в лагере президентской власти? Те, кому постоянно хамит и кого открыто не выносит Руслан Иманович: Шахрай, Филиппов, Варов, Шабад. Кто богде других расцветен знаменами парламентаризма? Непримиримые оппоненты вышеазванных: Бабурин, Астафьев, Исаков, Аксочип. Кто ожидает сторонников «президентской вертикали» в случае торжества модели Шахрая? Как минимум, гарантированные должности в исполнительной власти (для тех, кто ими еще не обзавелся). Кем видят себя «звездинчики» в случае победы парламента? Не менее, чем министрами: неужели забудет Руслан Иманович верное подданное поведение?

Радуясь, народ: илеальная парламентская республика — это когда решение о стронительстве собачьей будки в поселке Малый Пуп принимается на всероссийском референдуме, илеальная президентская республика — когда то же решение принимается узким президентом...

Еще осенью одной из главных мишеней демократических сил был демагогический лозунг «сильной исполнительной власти», осенявший держанные лики стогичных маров Попова и Собчака. Удивляет, что сегодня, по сути дела, он же проповедуется крайними течениями «Демократической России» на уровне верховной власти.

Кто спорит — необходима сильная президентская власть на период реформ, но президентская власть — не есть власть одного лишь президента. За всем ему, будь он хоть семи пядей во лбу, не уследить, все не решить, всех чиновников не назначить. Часть полномочий естественно приходится передавать, причем тем, кому никакой народ их не вручал.

Слишком много уже примеров того, как из недр аппарата президента выхолит или открыто не проработанные (как введение ЧП в Чечне или слияние МВД и МБР), или противоречащие друг другу и общей концепции реформ указы и распоряжения. Сторонники Шахрая, Миронова, Якунина и прочих объявляют Совету всех уровней «коммунистическими заповедниками», как-то забывали, что исполнительная власть на уровнях от правительства до районных префектур рекрутирована едва ли не из одних бывших номенклатурщиков, которые плохо видятся в роли апостолов радикальных реформ. На предложения же о введении полюбия закона о лострациях и «запрета на профессии» для бывшей номенклатуры президент Ельцин уже заявил, что «не допустит избения опытных кадров», так что иллюзии излпшны.

Уместно и напомнить, что при «сильной исполнительной вла-

сти» мы с вами жили очень много лет — с генсеком КПСС на вершине пирамиды. Формально были и премьер (иногда — тот же генсек, что никого не смущало), и глава парламента (в последние времена — с аналогичным «совещением»), игравшие роли чисто декоративные. Так стоило ли «делать революцию» — не проще ли было бы избрать хорошего генерального секретаря?

Недавно «Коммерсантъ» упоминал, что по заданию Бурбулиса один из «придворных» институтов был озадачен двумя проблемами: как ввести в России просвещенный авторитаризм и как объяснить населению пользу от оного. Но «просвещенного авторитаризма» не бывает — так же, как «социалистической демократии», или «научного коммунизма», все это — химеры, призраки, чудовища, которых рождает сон разума! Помню, как завидя тот же Шахрай — «зеркало просвещенного авторитаризма», когда осенью 91-го начали проходить «мимо» него президентские указы. Как убедительно тогда он заговорил о законности, о разделении властей, об угрозе демократии... Выходит, не всякий авторитаризм погробен его пророкам — лишь тот, где кусочек власти монарха перепадает верному васалу?

И еще одна проблема. Наверяд ли будет выдержан «полный» срок нынешнего депутатского корпуса. Но приведут ли досрочные выборы к формированию «лучшего» состава Советов всех уровней — мягко выражаясь, не факт. В условиях экономической реформы и протрессирующего пока что падения уровня жизни более вероятно, что любые выборы «обременя» выиграть оппозиция. И если на выборах-90 кандидаты обещали, главным образом, разрушить старую систему, то на выборах-93 весьма вероятно приход к власти либо суперпозитивов (которые пообещают, что зарплата возрастет до небес, а цены упадут до нуля), либо — и это совсем не исключено — отсидевшейся в окопах номенклатуры «второго эшелона», либо — национал-патриотических группировок. Любой из описанных вариантов угрожает отбросить Россию с дороги демократии всерьез и надолго, поэтому необходимо «семь раз отмерить», прежде чем решаться на перемену власти.

Запихиве, воцарившейся после съезда, обманчиво. Вот уже и президент (честное слово, как выйдет куда из столицы — так обязательно «лынет» чего-нибудь, потом советники из кожи вон лезут, уверяя, что его не так поняли) в Череповце по-просещки намекал народу на разгон съезда — лучшего подарка Бабурину и компании и придумать было нельзя!

«Сигловой» вариант с разгоном съезда — например, через референдум — стал бы для Ельцина решающей ошибкой. Во-первых, не осталось бы, на кого «пенять». Во-вторых, любоя попытка избавляться от конституционного органа законодательной власти

может привести к попыткам — в будущем — смещения самого президента, по принципу «как он с нами, так и мы с ним».

Напомним, что разгон Учредительного собрания в свое время «спустил курок» диктатуры и тоталитаризма. В этих условиях и умеренные демократы, понимающие опасность авторитарной власти даже в руках самого того ни на есть хорошего президента, оказались бы в числе его оппонентов. Популяриная же в последнее время идея ликвидации съезда через референдум также не вызывает радости: имеются куда более важные вопросы, решение которых действительно невозможно иначе, как путем всенародного голосования.

Один из них — свободная купля-продажа земли, которую этот съезд организески не способен ввести. Второй же — и это необходимо важно — введение «запрета на профессии», моратория на 5 лет (хотя бы) на занятие руководящих постов в государственной службе для бывших номенклатурщиков. Такой закон этот съезд не примет никогда, и единственный шанс — обращение к народу. Вот о чем следовало бы собирать подписи «Демократической России» — а не об установлении президентского правления...

История не знает диктатур парламентов. Но она знает множество примеров, когда диктатуры вырастают из «сильной власти», усиливаемой с самыми благими намерениями. При этом первыми жертвами обычно становятся именно те, кто расчистил дорогу неограниченному правлению.

Легко выпустить джинна из бутылки — трудно потом загнать его обратно: посеешь ветер — пожнешь бурю. Дорога направо начинается с левой ноги, и чем длиннее тулик — тем больше он похож на дорогу. Сумеем ли отлучить дорогу от тулика, удержимся ли на «средней линии», избежим ли крайностей — от этого зависит будущее России на годы вперед, будущее и наше, и наших детей.

Как знать — может быть, именно сегодняшние дни — самые трудные, именно сейчас делается решающий выбор, который определит — вернемся ли мы в мировую цивилизацию, или снова будем служить ей путающим примером.

Что это было — Чья победа?

**Невеселые размышления
накануне 19 августа**

Первая и вторая годовщины «августовской революции» столь разительно отличаются друг от друга, что поневоле задумаешься. То ли время такое, что праздновать что-либо не очень хочется, то ли крайольный вопрос «для кого мы таскаем каштаны из огня», который некоторые из нас задавали себе еще тогда, начинает все больше беречь душу. И сегодня я пытаюсь понять: неужели и правду — «демократы потерпели победу»?

Ах, в какой эйфории мы пребывали в те первые «послепутчевые» дни! Закрыты подхалимские коммунистические газеты, вышвырнуты с постов подержавшие путь краевые и областные князьки, Ельцин на глазах у Горбачева подписывает указ о прекращении деятельности КПСС, над российскими городами — яркие трехцветные флаги, опечатаны райкомы и горкомы, припихли чиновники, в растерянности сотрудники КГБ, дрожат под пальчиками столами от страха прохановы и куняевы. Вместе, «спина к спине» — у одного танка — Ельцин и Руцкой, Хаббулатов и Силаев, Аксютин и Пономарев, Астафьев и Якунин. Еще немного, еще чуть-чуть — и вырвемся из лабиринта в нормальный мир, начнутся настоящие реформы и все будет не так, как раньше...

Где ты теперь, дней августа прекрасное начало? И в какой момент все покатило назад? Не в тот ли, когда начали наши лидеры соревноваться в благородстве, наперекорь заголосили — не допустить «охоты на ведьм», только не начать преследовать «бывших», миллионы коммунистов не отвечают за свою партию и своих секретарей? Или в тот, когда разрешили выпуск «Правды» и «Советской России», открыто приветствовавших путь (что в любой стране мира послужило бы основанием для немедленного закрытия)? А может быть, в тот, когда подписавший вместе с будущими участниками провокационное «Слово к народу» генерал Прохов был назначен заместителем министра обороны, а глашатай «чрезвычайки» в нашем городе генерал Самсонов — начальником Генштаба? Или тогда, когда главами административной пре-

эидент начал назначать вчерашних первых и вторых секретарей обкомов? Мы снисходительно улыбались — да ладно, все рано победа за нами, будем великодушны, к чему обращать внимание на мелочи! А маятник все стремительнее шел в обратную сторону — поднимали головы коммунисты и национал-фашисты, все нагнее становились «День» и «Народная правда», вчерашних соратников президента отсылали податворевшие в подхалимстве и мимикрии ашаратчики, «уходили» лучших — Старовойтову, Болдырева, Егора Яковлева...

Сегодня мы пытаемся понять — почему так бездарно растрачены время и силы, доверие людей и их надежды на то, что появился «свет в конце тоннеля»? Неужели защитники Белого дома и Маринского двorca отстаивали право администратии президента расположиться на Старой площади, а петербургской мэрии — в Смольном? Ведь, если вдуматься, то нельзя прийти ни к какому другому выводу, кроме самого простого: власть в стране просто перешла ко второму эшелону номенклатуры, слегка «разбавленному» которой президентских царедворцев. Подавляющее большинство из которых, между прочим, не имеет никакого отношения к демократам ни по взглядам, ни по прежним должностям. Бурбулис, что ли, всю жизнь проповедовавшего марксизм-ленинизм, считать эгалоном? Или Шахрая, всегда услужливо готового подвести (в полном соответствии с традициями советской юридической науки) базу под текущие желания президента? Вчерашнего полгитрука Ющенко, или «красного директора» Шумейко, или партийного хама Полторанина? Ни одному слову ни одного из них веры нет — не демократией и участью народной они озабочены, а тем, как бы удержаться у власти, представляющей слабую возможность безнаказанно прибрать к рукам когда-то общепризнанную собственность...

К сожалению, очень во многом виноваты мы сами.

Мы молчали, когда всех несогласных с методами гайдаровской реформы с ходу записали в стан ретроградов и реакционеров.

Молчали, когда в правительстве десантировались «красные директора», а в кресла губернаторов — вчерашние партбоссы: мол, «Президенту виднее, может быть они все перековались, а может быть — он вынужден так поступать, других-то нет...».

Молчали, когда на всех, не желающих одобрить президентские указы, не читая, лихо наклеивали ярлыки «красно-коричневых».

Молчали тогда, когда 20 марта президент на всю страну «послутил» про «особый режим управления» и открыто заявил, что не желает исполнять закон, который ему не нравится.

Молчим сегодня — когда, прикормленные исполнительной властью, верноподданные официальные лидеры демократов тре-

буют от президента «решительных действий», опирающихся не на закон, а на «доверие народа» (немного осталось после обмена купюр-93 от этого доверия), открыто призывают его к антиконституционным шагам — самому назначить перевыборы парламента, самому принять Конституцию.

Радеемся очередному «остроумному» выпиранию ног в прессе или на ТВ о злополучных депутатах, никак не желающих понять, что без них реформы шли бы куда успешнее.

Проверяем друг друга — кто выдержал «испытание на верность», как изычно выразился президентский пресс-секретарь?

И никак не хотим понять, что все это уже было, что колыцо истории замыкается в очередной раз: реформа оборачивается контрреформой, революция — контрреволюцией, а плодами победы, как встарь, пользуются проходимцы...

Не знаю точно, чья это была победа — в августе-91. Знаю только то, что не наша с вами. И бесконечно обидно, если именно такого итога мы и заслуживаем.

Великая октябрьская Контрреволюция

Итак, контрреволюция, о которой так долго говорили неობольшевники, свершилась: 21 сентября 1993 года Борис Ельцин таркнул парламенту «президент устал» и отправил законодателей по местам прежней трудовой деятельности. Дальше — 10-дневная осада Белого дома и трагическое воскресенье 3 октября в Москве, поставившее кровавую точку на первом этапе российской постбольшевистской парламентской демократии. Увы, реализован наихудший из прогнозов автора, сделанный в статье «Девяносто третий год» («Петербургский литератор», № 2, 1993 г.).

Как и ожидалось, российский народ вполне спокойно отнесся к тому, что свободно избранный им парламент повторил судьбу «Учредилки». За исключением Москвы, практически нигде — ни массовых манифестаций, ни пикетов, ни митингов: «народ безмолвствует». Сливовые структуры безоговорочно подчинились Ельцину, большая часть СМИ или находится в зависимости от непонятельной власти, или симпатизирует ей, а верхушка интеллигенции давно и настойчиво требовала от Бориса Николаевича «решительных мер» — без оглядки на какие-то законы и Конституцию. Как предельно откровенно выразился академик Дмитрий Лихачев, «воля народа выше старой Конституции... У парламента не оказалось ни своей армии, ни полиции, ни реальной опоры в народе, и сидение в Белом доме с самого начала было «заговором обреченных». Но ох как много недоуменных вопросов рождает мало-мальски внимательное рассмотрение событий!

Принцип «пусть рухнет мир, но восторжествует закон», над которым в последнее время так часто издавались ангажированные исполнительной властью комментаторы, выстрадан в истории человечества немалой кровью.

НИКОГДА общество не страдало от соблюдения законов. **ВСЕГДА** оно страдало от того, что на законы наступали во имя

«Петербургский литератор», № 9, 18 ноября 1993 года (под названием «Да здравствует король!»).

чем-то провозглашенной целесообразности, когда сила права уступала праву силы, а закон власти торжествовал над властью закона. **НИЧТО**, кроме закона, которому подчиняются все до единого должностные лица государства, не гарантирует гражданину соблюдения его прав. **НИЧТО** сегодня не мешает перечеркнуть любой закон наспех сформулированными президентским указом, а значит — ничто не мешает любому — самому мелкому — чиновнику на своем заштатном месте вышопнять не закон, а, как и раньше, волю вышестоящего начальства.

Это — политическая аксиома: если на закон публично и безнаказанно наступают президент, тем самым дается опущение преховшей «третьей власти» после 21 сентября — такое впечатление, что она просто оценена от ужаса повторить судьбу власти законодательной.

Спрятал голову в песок Генеральный прокурор Валентин Степанков — который, как бы плохо не была Конституция, не смел молчать, когда президент отрекался от данной им присяги. Впрочем, это ему не помогло — как только Ельцин остался окончательным победителем, на место Степанкова тут же был назначен Алексей Казанник — неплохой человек и юрист, но не работавший в прокуратуре ни одного часа и известный лишь тем, что вежливо уступил Ельцину свое место в союзном парламенте.

Как волды в рот набрал Верховный Суд (сегодня нет доказательства, что он вообще продолжает существовать). Вердикт же Конституционного Суда — высшего арбитра подлобных споров — оказался частным делом 13 судей: на него, кроме сидельцев Белого дома да местных депутатов, просто никто **НЕ ОБРАТИЛ ВНИМАНИЯ**.

Мне малосимпатичен бывший парламент, который за последнее время, к сожалению, дал очень много оснований для самой резкой критики. Вот только критиковали его пропрезидентские агитаторы не за то, за что следовало. Воюсе не был он таким уж «красно-коричневым», как нам изображали: от силы 20–25% голосов могли набрать сторонники этих взглядов. И воюсе не таким консервативным был парламент: при постоянных заксинаниях, что он-де «тормозит реформы», не припомнить почти **НИ ОДНОГО** случая, когда отклонялось бы «реформаторское» предложение правительства или принимался бы «антиреформаторский» закон.

Крики от микрофонов «Правительство в отставку!», «Подать сюда Ельцина!», «Снять с работы Чубайса!» — еще не решения парламента, а всего лишь эмоции. Да, приостанавливали президентские указы — но кто, простите, всерьез предполагает, что они не могут быть незаконными или просто скверными? Да, парла-

мент до одури тынул с элементарными вопросами, отказывался вычеркнуть из Конституции слово «СССР», алгодировал лидерам ФНС и коммунистов и требовал «разобраться» со средствами массовой информации — но разве времена парламентского единогласия (при Брежнев) или послушания (при Горбачев) нам милее?

Главное, за что этот парламент заслуживал осуждения — он так и не смог поработать у граждан и должностных лиц привычку законопослушания. Возможно, и потому, что сам не слишком уважал свои законы и изменял их голосованием по настроению и по принципу «за себя и за того парня», когда депутаты «работали» на десятке ключей. Недаром лучшей апитацией за Ельцина были прямые телетрансляции заседаний съезда народных депутатов...

Очень много вопросов и о «кровавом воскресеньи». Разве можно гарантировать, что упомянутые СМИ, целиком зависимые от президентских струггтур, дали нам объективную картину событий? Да, боевики Ручького-Ачалова-Баркашова со свастиками и гранатометами — это страшно. Но разве можно отмахнуться от свидетельства того, что огонь в тот страшный час начался незначительные стайперы с крыши мэрии и гостицы «Мир»? От того, что еще 2-го октября были разоружены части ОМОНа и вокруг Белого дома стояли невооруженные милиционеры? От того, что воинские подразделения входили в город такими темпами, будто их пришлось перебрывать с Камчатки?

А где были хваленые части «Альфы», «Беты» и иже с ними, тренировки которых мы наблюдаем по ТВ, и которые обзаны были разметать погромщиков в течение минут? Ведь на все это мы с вами платим налоги, чтобы в государстве было спокойно и не трагический голос Гайдара звал безоружных людей прикрывать своими телами мэрию, а те, кто обязан охранять наш покой, выполнили бы свой долг. А кому нужна была эта осада Белого дома, когда находившихся там людей довели почти до немаломного состояния психическими слухами о штурме, и многие уже не ведали, что творят? Зачем надо было промывать парламент из танковых орудий — вместо того, чтобы надежно окружить и предлюжить немедленную сдачу?

Часто приходится слышать — давайте выбирать меньшее из двух зол, лучше Ельцин с Бурбулисом, чем Ручкой с Хасбулатовым, ведь пришли они к власти — всех демократов бы перевешали... Но это — порочная логика: в свое время большевики призвали поддержать их, чтобы не пришел генерал Корнилов. Всем известно, чем это закончилось, и где в конце концов оказались те прекраснодушные интеллигенты, которые приветствовали «пролетарскую революцию», на знаменах которой тоже было написано

но «кто не с нами — тот против нас». Я отказывался считать любото, кому неприемлем нынешний президентский режим, автотатическим поклонником ФНС и «Памяти» — хватит чернобелого мира, он гораздо сложнее и не угадывается в эту, так нужную нынешней власти схему. И не только «красно-коричневые» против президента и на стороне законности и Конституции, достаточно много нормальных людей не желают отвечать на большевистский вопрос «Ты за Ельцина или за Хасбулатова?» и равно далеко и от тех и от других.

Не демократия победила в «великой октябрьской контрреволюции» — один номенклатурный клан избавился от другого, а нам вновь досталось в чужом пиру похмелье. И очень много нам придется начинать сначала — вперед выборы, на которых привидерованные пропрезидентские «блоки» заранее предадутся дележку мест в будущем парламенте, уверенные в своей победе, ибо монополично владеют всеми ресурсами — и финансами, и электронными СМИ. Скорее всего, мы получим вполне послушный парламент, но страшно далеко все это от демократии! Уже практически разогнана (под одобрительное улюлюканье прессы) предстательная власть на местах, а ее функции «в целях осуществления подлинной народолюбастия» (как написано в президентском указе) переданы административам.

Может, и не надо нам никакого разделения властей, правового государства и прочих буржуазных пережитков — пойдем своим путем? Вот только жаль тех дозунтов, которые выгнали над нашими головами на первых демократических митингах. И того, что рабочая готовность служить царю, а не закону, так и не выдана из наших душ.

Все повторяется в этом мире: за революцией — контрреволюция, за гениями — проходимцы, за Конвентом — Бонапарт.

Неужели все вернулось на круги своя?

Нужен ли России президент?

Предвыборная президентская кампания '96 сегодня уже фактически началась. В прогнозах нет недостатка, но быть оптимистом трудно, учитывая эффект «левого уклона маятника», наблюдаемый в большинстве посткоммунистических стран Европы. Если он не обойдет нас стороной, то в президентское кресло сядет отнюдь не сторонник демократии и рыночной экономики (условно говоря, более вероятен спор не между Явлинским и Гайдаром, а между Лужковым и Ручким). И в этой ситуации представляется актуальным задуматься о самой президентской должности в российском штатном расписании.

Предметом настоящей статьи будут три суждения. Первое: введение президентского поста в России было не столько объективной необходимостью, сколько отражением спонсорской политической конъюнктуры. Второе: отрицательные последствия этого решения (значительно превосходящие положительные) были закономерны и неизбежны. И третье: политическая стабилизация при сохранении демократического устройства общества возможна не только при переходе к парламентской республике.

Еще в 1991-м было вполне очевидно, что президентский пост в России создается под вполне конкретное человека. Даже вернейшие его сторонники хорошо понимали, что на референдуме 17 марта 1991 года происходит «подмена понятий»: избиратели отвечали не на вопрос «Считаете ли вы необходимым введение поста Президента РСФСР, избираемого всенародным голосованием?», а на вопрос «Желаете ли вы, чтобы Борис Николаевич Ельцин был единственным главой государства?» И точно так же, как первый вопрос референдума — о сохранении СССР — был нужен, в первую очередь, для удержания в составе государства республик Прибалтики, вопрос о российском президентстве прежде всего предусловил цель наделить Ельцина необходимыми полномочиями для борьбы с союзным центром. Но что же мы получили в результате учреждения невиданной ранее в России должности?

«Радикальные экономические и политические реформы», — скажут одни. Сформированное осенью '91 «гайдаровское» прави-

тельство решилось на смелый и отчаянный шаг — либерализацию цен, начало переход к миру нормальной экономики, когда заботой людей становится не «достать» товар в нескончаемой очереди, а заработать на него деньги. Демонтирована унаследованная от коммунистического режима и прикрывавшая его система «советской власти» и построена более работоспособная «испольнительная вертикаль». Наконец, появилась фигура главы государства, способного в нужные моменты без промедления принимать необходимые решения и брать на себя ответственность...

«Перманентную войну властей», конституционную лихорадку и трагический финал «великой октябрьской контрреволюции», — скажут другие. Никогда еще не были такими наглыми, всевластными и бесконтрольными чиновники, никогда так не расцветала коррупция и проивод, никогда так не разбухал бюрократический аппарат («личный» аппарат президента по численности превосходит правительственный, на его содержание в 1994 году выделено 350 млрд рублей — больше, чем на содержание ряда отраслей народного хозяйства, а на содержание президентского охранного ведомства ГУО — 450 млрд рублей, больше, чем на всю систему российской прокуратуры). Сегодня мы тораздо дальше от демократии и правового государства, чем в 1991-м, в стране фактически установлено монопольное правление узкого круга приближенных к президенту лиц, и даже те законы и Конституция, которые они создавали «под себя», для них ничего не значат...

По большому счету и те и другие правы. Но должно ли нам воспринимать вторую половину следствий как неизбежную «нагрузку» к первой? Иначе говоря, можно ли было предотвратить «нежелательную» часть событий при введенном президентстве и так ли было президентство необходимо для «желательной»?

К сожалению, ответ на оба этих вопроса оказывается отрицательным.

Теоретический спор между сторонниками двух основных форм демократического устройства власти — президентской и парламентской республики — длится уже не одно столетие. В принципе, обе формы имеют равное право на существование и благополучно прижились в разных странах. Пожалуй, президентская республика представляется теоретически даже более предпочтительной с точки зрения принципа разделения властей: каждой «ветви» — своя сфера властных полномочий, все увязано, уравновешено и выглядит чрезвычайно изящно. Не приходилось ли читать его, однако, встречать душеспасительные описания того, как импортные автоматы для изготовления, скажем, блинчиков «закапливают» в отечественных условиях? А причина проста: при традиционной «экономии» персоналом масла, яиц или муки отрегулировать техника категорически отказывается работать...

При всей своей привлекательности политический механизм президентской республики достаточно «капризен». Хорошо известно, что он способен надежно работать лишь в странах с сильной правовой системой, где, как в Соединенных Штатах, едва ли не каждый житель — «юрист в душе», а адвокат — привязанная к семейному быту. Только в таких странах может по-настоящему функционировать «система сдержек и противовесов», не дающая ни одной из ветвей власти подмять под себя другую, ибо ее эффективность обеспечивается не столько репрессивным аппаратом, сколько неколебимым законопослушанием общества. Попробуй американский президент не то что распустить конгресс — разогнать законодательное собрание самого захудалого штата, и через час ему не будут подчиняться даже мелкие клерки. У нас же эта система не сработала НИ РАЗУ: законодательная и судебная власти, как ни старались, не сумели «сдержать» исполнительную, мощно набравшую обороты и непрерывно усиливавшую экспансию властных полномочий.

Иногда представляется, что единственным способом избежать «конституционных кризисов» 1992–1993 годов было бы совмещение постов Верховного главногокомандующего и председателя Конституционного Суда — тогда, может быть, должностные лица опасались бы нарушать Конституцию? Но шутки шутками, а тот факт, что система «горизонтального» разделения властей в российском исполнении неминуемо вырождается в «вертикаль», неоспорим. «Высидели» законодатели «сильную исполнительную власть», как кукушкино яйцо — так чего удивляться, что осенью 93-го их отбросили как ненужное звено политической эволюции? Выпросили петербургские депутаты в порядке «эксперимента» введение поста мэра города — полагались разном торсовега в декабре того же года...

Было ли возможно предотвратить конфликты хотя бы на «верхнем» уровне?

Наверяд ли: дело отнюдь не в личных качествах президента Бориса Ельцина или его парламентских оппонентов. После учреждения президентского поста традиционные российские «спиральное» восприятие государства автоматически сместило парламент во второстепенное положение в иерархии и все попытки депутатов взглянуть в глаза общества равной президенту властью были заранее обречены на неудачу. К тому же, действовал и хорошо известный психологам принцип: один всегда прав против толпы (именно поэтому авторы детективных романов всегда оставляют положительного героя в меньшинстве), и любое столкновение с Ельциным ВСЕГДА заканчивалось для законодателей плачевно. При этом формальный статус законодательной власти сохранялся, но разительно не соответствовал ее реальным полно-

мочиям: власть — это те, кому согласны подчиняться, а подчиняться в любой кризисной ситуации соглашались только президентским и правительственным структурам. Не желая быть декорацией, парламент судорожно пытался восстановить теоретически полагающиеся статус-кво, но закипания в адрес исполнительных властей «Тень, знай свое место!» уже не действовали и действовать не могли.

«Пель власти — власть!» — говаривал когда-то Джордж Оруэлл. К великому сожалению, все без исключения российские политики воспитаны в одной и той же «тогалитарной парадигме», полагающей единичные и **МОНОПОЛИЮ** на власть единственно возможной формой ее существования. Именно поэтому таким разным оказывается их профессиональное заблуждение «Вся власть — мне!». Именно поэтому не сработывают никакие попытки «разделить полномочия» или «разграничить компетенции»: о какой дележке может быть речь, если основополагающим является принцип «своего не отдадим»?

Именно поэтому сила права постоянно уступает праву силы, а власть закона — Основному Закону. Власть: «Государство — это я!». Есть ли выход из заколованного круга? Есть: отказаться от безнадежных попыток бежать быстрее паровоза и внедрять те формы государственного устройства, которые не соответствуют реальному правовому сознанию граждан. В августе-91 была возможность заложить основы правового государства — тогда, казало, мы поняли, что закон должен быть выше власти, но мы упустили ее, скатились на путь «революционной целесообразности», молчаливо соглашались с тем, что «плохие» законы симпатичная нам власть может не исполнять. Теперь же «моделью» президентской республики для нас являются не Соединенные Штаты, а скорее — Латинская Америка, где президенты обладают суперполномочиями и мало чем отличаются от диктаторов. И все же еще не поздно исправить ситуацию.

Политическая система парламентской республики — менее рискованный инструмент демократии «переходного периода», чем республика президентская. Возможно, в чем-то она не так эффективна, но учиться ездить не начинают с гоночных автомобилей, тем более при традиционной не любви к пользованию тормозами и соблюдению правил движения. Да, в ней нет поста Самолета. Начальника — только избираемый народом парламент и назначаемое им правительство, но нет и двух конкурирующих центров власти, непрерывно занятых «перетягиванием каната». При этом спикер парламента не имеет решительно никакой возможности быть его «директором», а главной государства естественно является премьер-министр. Его вполне достаточно и для руководства правительством, и для подписания договоров, награжде-

ния орденами и присвоения воинских званий, что предписано президенту по нынешней Конституции, но при этом у него нет возможности объявить себя «всемерно избранным» и «самым легитимным» и не возникает искушения разогнать законодательную власть. Что же касается недостатков парламентской модели, то излюбленным обвинением в ее адрес является якобы крайняя «неустойчивость правительства» и «смена его каждые 3–4 месяца, как в Италии», которой постоянно путают нас сторонники просвещенного авторитаризма. Но это — не более чем миф: во-первых, частая смена итальянских правительств отнюдь не приводит к обществу хаосу, а во-вторых, смена насроения и текущих симпатий нынешнего российского президента, как выясняется, приводит к перетасовкам в составе правительства куда чаще, чем если бы его формировал парламент. И нет ни малейших оснований полагать, что при каком-либо другом президенте ситуация будет иной.

Да, парламентская республика — отнюдь не панацея от всех бед. Она легко навлекает на себя обвинения в медлительности и раздраженные религии «лучше двинуться хоть куда-нибудь, чем топтаться на месте». Но кто сказал, что двинуться не туда, хотя бы и решительно, лучше? И не доводило ли с нас большевистских экспериментов «не знаем что, но доведем до конца»? Да, избранный нами парламент может быть упрям, консервативен, утомителен и болтлив, но легальные и гласные «разборки» в его зале заседаний лучше, чем закулисная борьба за «доступ к телу» президента, когда очередное решение обрушивается как снег на голову.

Да, парламент может увязнуть в организационных вопросах и «рубить» одного претендента на высокую должность за другим — но очередной «фортунный баговень безродный» не сможет из-за президентской спины вершить судьбы отечества. Да, система парламентской республики может выглядеть, как своего рода возврат к эпохе 1989–1991 годов — но недаром говорят, что новое — это хорошо забытое старое. Говорят, что история не терпит соглядательного наклонения, но все-таки попытаемся предположить: что было бы, если в 1991 году Россия осталась парламентской республикой? События августа-91, вне всякого сомнения, развились бы так же: лидерство Ельцина в сопротивлении ГКЧП определялось не табличкой на двери его кабинета. А вот в дальнейшем, продолжках Ельцин оставляет председателем парламента, мы наверняка избежали бы гибельного противостояния «ветвей власти». Более того, его в принципе не могло бы возникнуть, поскольку исполнительная власть не стала бы «государством в государстве». При этом все возможности для «проведения реформ» (ради чего сторонники Ельцина были готовы одобрить

любые его действия) сохранились: опора на поддержку парламентского большинства надлежно позволяла бы и формировать правительство, и проводить необходимые законы. Могут возрады: указанные подержка парламентского большинства была бы постепенно переходил в оппозицию к президентскому и правительственному курсу. Но слишком много оснований утверждать, что оппозиционность парламента была связана не столько с несогласием с «курсом реформ» (который никто не мог толком сформулировать), сколько с безнадежными попытками самоуправления в борьбе с порожденной им же «президентской вертикалью».

Послесловие

Поскольку излюбленным способом российской дискуссии всегда был не спор по существу вопроса, а наклеивание ярлыков, автор не сомневается, что будет немедленно обвинен в «подпевании коммунистам»: как известно, Эгопанов уже не раз выступал за упряднение президентской должности. Что же, во-первых, подавляющее большинство нынешних жрецов «сильной исполнительной власти» не так давно (в отличие от автора) занимало в компартии немалые посты или верно ей служило, разоблачая буржуазную идеологию или преподавая марксизм-ленинизм. Во-вторых, не менее подавляющее большинство их 3–4 года назад единодушно требовало «Вся власть — Советам!». А в-третьих, давно следовало бы научиться оценивать идеи исходя из их содержания, а не из политической окраски тех, кто их высказывает. В противном случае, не могу не повторить ехидного вопроса одной из питерских журналисток: что делать, если на улицу выйдет демонстрация коммунистов, скандирующая таблицу умножения?

«Мятеж не может кончиться удачей — в противном случае его зовут иначе...»

Этот афоризм часто вспоминается, когда задумываешься над событиями «Великой Августовской революции». Баровый отблеск октября 93-го лег на август 91-го — и сегодня трудно удержаться от определения: путешествие неудавшийся государственный переворот. Удавшийся переворот называется поэтичной конституционной реформой...

Часто задаю себе вопрос: что бы было, если утром 19 августа объявили о переходе власти к ГКЧП в составе Ельцина, Рукского, Попова, Собчака, Хасбулатова, Афанасьева, Силаева, Шахрая? Поднялись бы в этом случае против ГКЧП сотни тысяч людей, которые в августе 91-го «вышли на площадь в свой назначенный час»? Сам себе отвечаю: вряд ли. Кого бы в этом случае интересовало, что от власти отстранен законно избранный (но давно уже малосимпатичный большинству) президент страны? Кто, увидев в роли гэкачепистов популярны в народе фигуры, задумался бы о «легитимности» и «конституционности» их действий? А голоса скептиков были бы быстро заглушены хором оптимистов и расуждений прилаврных политологов о принципиальной разнице между законом и правом и недопустимости юридического чистоплюйства в сложном и переходный период. Как это, впрочем, и произошло в реальности — через некоторое время.

А ведь тогда, в 1991-м, именно всеобщее осознание **незаконности** ГКЧП придавало силы сопротивлению! Может быть, тогда

«Невское время», 19 августа 1994 года.

да мы впервые опустили: наше дело правое потому, что закон — на нашей стороне, а не потому, что у нас больше солдат и танков. Вся сила и власть были у ГКЧП, но столь юридически шаткими были их позиции, что даже верные поначалу генералы не решились выполнять их приказы и переходили на сторону законной власти. И после победы возникла иллюзия: теперь то закон будет раз и навсегда выше власти! Но прошло время — и мы убедились, что совпадение векторов ЗАКОННОГО и ЖЕЛАЕМОГО было случайным. И мы готовы вновь и вновь пренебрегать формальностями в угоду логике «революционной целесообразности»...

Задумаемся: парламент 1993 года был ничуть не менее легитимен, чем президент Горбачев 1991 года. При этом и в августе 91-го, и в октябре 93-го Хасбулатов и Рукской защищали конституционный строй (причем один и тот же), а генералы Громов и Грачев обсуждали планы штурма одного и того же Белого дома. И, уйдяся путь 91-го — Ельцин и Хасбулатов сидели бы в тюрьме по тому же обвинению, что «октябрьские мятежники» 93-го: организация массовых беспорядков, а Грачев и Громов получили бы орден и повышения.

Да, нас справедливо отталкивало от Верховного Совета, осажденного в 93-м, то, что первую скрипку среди его защитников играли фашисты и национал-коммунисты. Но кто проверял на политические убеждения защитников Белого дома в августе 91-го? Среди них на баррикадах были разные люди, принадлевшие защищать не Ельцина, а демократию и законность. Точно так же, как в октябре 93-го очень многие защищали не Хасбулатова или Рукского, а закон как таковой, не парламент, а парламентаризм, не депутатов, а законодательную власть, которую исполнителю не ликвидировала одним росчерком пера. И стоит напомнить, что едва ли не первым «указ 1400» о разгоне парламента поддержал Жириновский, а затем — лидер фашистской Национал-революционной партии Дыбенко...

«Что это было — чья победа?» — раз за разом этот вопрос всплывает на страницах разных газет у разных авторов, обращаясь к одному и тому же, в конце лета к событиям августа 91-го. Но все гуще тон ответов, все очевиднее, что в который раз революция обернулась контрреволюцией, а плодами победы, как и положено, воспользовались проходимцы. И наверное, лучше всего говорит о нашем отношении к недавнему прошлому невеселый анекдот — о появлении в анкетах нового вопроса: «Защитили ли вы Белый дом? Если да, то в каком году?»...

«Жизнь была прекрасна — судя по докладдам...»

Давно уже предрекшие власти публично сожалют, что в свое время выпустили из бутылки джинна независимой прессы. Бывало, открыешь утренние газеты — и, словно в песне Булата Окуджавы:

*Римская империя времени упадка
Сохраняла видимость твердого порядка:*

*Цезарь был на месте, соратники — рядом,
Жизнь была прекрасна — судя по докладдам...*

То, что «жизнь была прекрасна», газеты советского периода охотно подтверждали — и тогда, как и сейчас, многие выписывали только одну-две газеты, но не по причине дороговизны, а по причине одинаковости содержания. Это уже потом пресса начала себе позволять вольнодумствовать и «свое суждение иметь», не всегда совпадающее с вышеупомянутым. А затем и вовсе пустилась во все тяжкие — с точки зрения начальства.

Какое-то время это можно было терпеть, но Чечня окончательно вывела власть из себя. «Московские новости» и «Общая газета», «Комсомолец» и «Известия», «Независимая газета» и другие (да и наше «НВ», между прочим, не последнее в этом ряду) начали позволять себе такое, что президенту лучше не покачивать: как бы не осерчал. Да и общественное мнение, мягко выражаясь, подкачало — не показывалог опросы желаемого «оценок», и все тут! Что тут сделаешь? Но не все еще потеряно, господа: под рукой, слава тебе Господи, придворная пресса, которая всегда (по причине необходимости регулярного содержания) готова, как юный пионер.

Главных придворных газет в России, как известно, две: «Российская газета» и «Российские вести». Обе учреждены федеральной властью (первая — правительством, вторая — администрацией президента), обе содержатся из бюджета, забот не зная, и обе, само собой, эти деньги всегда рады стараться отслужить. И с

«Невское время», 3 февраля 1995 года.

самого начала «кавказской войны» перед обими была поставлена простая, как валенок, задача: не пада сил, работать над «пропагандистским обеспечением» войны. В свое время первый вице-премьер Сосковец изыщно выразился, что у журналистов «не хватает мозгов» для такого обеспечения — и малость покривил душой: в указанных газетах с журналистскими мозгами все о'кей. Ох, тяжким был труд по прочтению обих шедевров отечественного пера за январь нынешнего года, и мажорно приятно ощущение после него, но время не потрачено даром: теперь я твердо знаю, что мы будем читать, как и раньше, всей страной, если нынешняя власть, не привлеки Господи, продлит свое политическое существование. Ее бы воля — все газеты были бы такими, как «РГ» и «ВВ». Стоит лишь «пройтись» по наиболее характерным цитатам (*примечания автора статьи. — Б.В.*).

«Тон истерике вокруг чеченского кризиса заданом парламентарии, считающие себя демократами».

«Скоронаблительный уход из Афганистана лишь усугубил прагматично этой спринт» (ох, зря войска вывели...).

*«Большевистская чувь о вооруженном народе»,
«Дудаевские бандиты, одетые в ту же форму, что и российские часты, под видом наших солдат еламываются в дома местных жителей — расстреливают, грабят, насиловать» (а также сами себя бомбят и стреляются у развалин, имитируя жертвы...).*

«Людей в бунтантах объединяет решимость довести дело до логического конца — мира на этой земле» (войны не будет — будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется: вот и дожили до реализации спурого ответа Армянского радио...).

«Пропагандистская подготовка могла быть куда эффективнее артиллерийской» (неужели еще «эффективнее»?).

«Телевидение ведет себя, как чеченские бандиты».

А это — заголовки статей: почти как прежде в «Правде».

«Истерика на «Свободе», «Эхо Москвы» устроило Варфоломеевскую ночь», «Не говорите от имени народа», «Приезжай верны», «Четвертая власть воеет на стороне Дудаева», «Неуместная стыдливость», «О бедном солдате заповлеяе слово», «Действия органов власти именов правове и моральные основания» (это — интервью с новоспеченным министром юстиции Валентином Ковалевым, «наблюдателям» за соблюдением прав человека в Чечне)...

Кстати, «РГ» даже завела отдельную рубрику под названием «К сведению борцов за права человека» и печатает в ней «Белую книгу черных преступлений режима Дудаева».

И наконец, отрывки из самого когда-то любимого жанра со-

ветской прессы. Помните: раньше случись что — и немедленно, как Красная Армия на битву с проклятыми буржуинами, спешит на помощь власти «глас народа». Дозрки и паслухи, пенсионеры и сталевары, вязальщицы и моргальщицы дружно сливаются в едином хоре всенародного одобрения и поддержки, демонстрируя в «письмах трудящихся» то известное шестое чувство советского человека («чувство глубокого удивления», то не менее известное чувство глубокого негодования. Например, по случаю присуждения Нобелевской премии «отпененцу» Борису или «предателю» Солженицыну, процесса «гуняеда Бродского» или «клевветников» Синявского-Даниэля. Думаете, жанр вышел из моды? Зря, зря... Стоит заглянуть в упомянутые газеты, чтобы убедиться: жив курлики!

Скажем, самый последний «перл»: в номере «РГ» от 31 января появляется «обращение воинов Объединенной группировки войск в Чеченской Республике» к президенту, премьеру, спискам обеих палат парламента, министру обороны и начальнику Генштаба «Оскорбляя армию, оскорбляют народ». Ну прямо как в добрые старые времена: тут вам и о солдатах, которые «воюют не с чеченским народом, а с хорошо укомплектованными и обученными вооруженными силами, созданными мафиозными группировками», и о том, что армии, воюющей в Чечне, «с фронта противостоят банды убийц, а с тыла наносит удары противники укрепления российской государственности, засевавшие в ряде СМИ и в составе отдельных псевдопатриотических организаций» (судя по тому, что военные адресуют письмо своему непосредственному начальству — Главному Борису Ельцину и министру обороны, оно есть не что иное, как рапорт об окружении и требовании немедленно прислать подмогу), и жалобы на то, что «преенебрежительно» относятся к армии не преследуют по закону (может, надо УК изменить?), и верноподданные заверения, что «у военнослужащих нет сомнений в правильности» действий правительства...

А в конце, само собой, — «требуем прекратить дискредитацию руководящего состава Вооруженных сил», «настаю время решительно поддержать воинов на государственном уровне и в средствах массовой информации». Удивляться-то нечего: вполне нормальный стиль советского политотдела, мало изменившегося за времена «департизации» армии. Приказано сочинить письмо «снизу» — сочиним, приказано подписать — подпишем! Правда, обращение, как водится, безымянное: ни одного имени или воинского звания, и неспроста — если начать «копаться», вряд ли среди истинных авторов найдутся чины ниже полковника и без образования в Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Удивляет другое: на кого рассчитывали? На то, что это якобы «коллек-

тивное обращение» мы воспримем, как истинное мнение армии, брошенной в Чечню бездарными политиками и генералами, которых лучше всего много дискредитирует каждое произнесенное ими самими слово?

В унисон с политотделским творчеством — и сами товарищи журналисты из «Российской газеты»: на собраниях 19 января коллектив редакции сочинил открытое письмо, которое трудно читать без некоторой брезгливости: «мы не можем печатать так называемых «правозащитников», которые призывают военных к дезертирству», «нам бежать некуда — мы любим нашу Родину и не будем ее предавать», «мы знаем, что найдутся СМИ, которые позадеваются над этими строками» (что верно, то верно...), и так далее. А вокруг — шедро разросшееся «общественное мнение» из тщательно подобранных писем:

«Борис Николаевич! Мы восприняли с чувством глубокого удивления творения Вашу непоколебимость в чеченском вопросе».

«Благodarим редакцию за четкую линию в освещении политических событий. Спасибо за правду, мужество и честь. Так держать!».

«Полностью поддерживаю позицию Президента, такво же мнение большинства простых людей».

«Гайдар! Народ подлость не прощает, ваше поведение омерзительно, живи и цинично, вы — политический тролл, вас не стает ни Боннар из Америки, ни Ковалева из Грозного».

И так далее, и тому подобное. Но еще раз перечитав все это, и задумавшись: а что делать читателю, который ничего, кроме данных изданий не выписывает? Он и вправду может подумать, что народ готов грудью встать за «исконные чеченские воичины», как незабвенный боярин Роман Бунносев из «Пера Первого», и лишь клеветники и отпенены из демократов иправят на руку врагам. Телевизор, конечно, вносит некоторый диссонанс — но можно смотреть одно «Останкино»...

Конечно, придворные (и к тому же московские) газеты манипулируют общественным мнением довольно неуклюже. Но, увы, — и наши, питерские, порой начинают присоединяться к этому хору, уплотняя сомнительные приемы.

Скажем, читаем в «Вечернем Петербурге» от 30 января в рубрике «Дожжи до понеделника» о том, что петербургская пресса опубликовала итоги очередного опроса жителей, из которых следует, что большинство — против досрочных выборов президента в связи с событиями в Чечне, наблюдается взлет доверия к Борису Федорову и падение рейтинга Егора Гайдара, а наибольшее число голосов — за сохранение нынешних полномочий президента и нерасширение полномочий парламента. Как-то не верится,

коллекты по перу — все известные нам опросы показывают, по сути, обратное: рейтинг президента выше 14–15% не поднимается, Федоров в связи с поддержкой чеченской войны явно не приобрел популярность, о необходимости ограничения бесконтрольной власти главы государства говорят практически все — что за безымянный «опрос» был проведен? Все основные питерские газеты перерыли — ничего подобного, более того: аналогичные вопросы вообще не встречаются в каких-либо опубликованных ре-зультатах социологических опросов.

Может, померещилось? Но если перед нами — сознательная «деза» в подкрепление своей позиции, то это уже называется иначе. Свое мнение позволено (и необходимо) иметь каждому. Вот только врагь — нехорошо...

Какой вердикт хуже?

В Конституционном Суде России — «процесс года»: обсуждается законность чеченской войны. Впрочем, война общественного интереса нахлынула и отступила — «аншлаги» первого дня нет и в помине, от выступления приглашенных экспертов и во-енных специалистов, поочередно обосновывающих правомерность или неправомерность «чеченских» указов главы государства.

И боюсь как огня «вмешательства в политику», суд аскетически замыкается на одном, хотя и чрезвычайно важном вопросе: вправе ли президент действовать, опираясь не на конкретные, записанные в Конституции полномочия, а на весьма туманно сформулированные «общие обязанности»?

Да, в 80-й статье Основного Закона записано, что президент в установленном Конституцией порядке «принимает меры по охране государственной целостности». Но означает ли это, что, желая за-щитить «государственную целостность», и при отсутствии какого-либо «установленного порядка», президент вправе делать все, что сочтет нужным, невзирая на действующие законы? В нарушение закона — бросить в республику, которую он считает частью России, армейские части? В нарушение Конституции — не объявляя чрезвычайного положения, приказывать закрыть границы Чечни и проводить обыски и насильственные депортации «подозреваемых»? Президентские представители и эксперты — Сергей Шахрай и Юрий Батурин, министр юстиции Валентин Ковалев и маршал Виктор Куликов, юристы Валерий Савицкий и Олег Кутафин уверяют — да, вправе!

Их оппоненты — председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству Исса Костоев и его заместитель Елена Мизулина, экс-министр юстиции Юрий Калмыков и правозащитник Сергей Ковалев с этими категорически не согласны. И как жаль, что заседания КС не транслируются по ТВ полностью — все это необходимо наблюдать воочию, «без режисси».

Центральная фигура с президентской стороны — конечно, Шахрай. Для него «чеченское дело» — вопрос принципа: именно

он долгие годы отвечал за национальную политику и сегодня записывает не столько президента, сколько себя. И надо видеть, с какими презаблудными выражениями лица одетый с иголочки «непотопляемый» вице-премьер поучает оппонентов, ловко жонглируя статьями законов.

Президентские указы и полицейские правительственные «чеченские» постановления нарушают права и свободы граждан? Ничего подобного, они содержат лишь «ненормативные поручения» силовым ведомствам, а все последующие кровавые последствия — не более чем неизбежные «экспессы». Президент нарушил закон «Об обороне», запрещающий использовать армию внутри страны? Ну и что: Верховный Главнокомандующий может использовать армию так, как хочет, а «запрещающую» статью закона президент, оказываясь, своим указом признал «недействующей».

Надо видеть, как мучительно неловко чувствует себя на процессе еще не до конца ставший человеком-функцией Юрий Батурин — нетрудно догадаться, как «легко» ему на сей раз оправдывать президента, хотя и он честно играет положенную роль.

Надо видеть, как ведут себя обладатели судейских мантий — позиция большинства судей КС мгновенно становится ясной по тем вопросам, которые они задают. Традиционные сторонники президента или представляющие им судьи — председатель КС Владимир Туманов, Эрнест Аметистов и Тамара Моршакова, Марат Батдаев и Анатолий Кононов допытываются: носят ли «чеченские» указы нормативный характер (подоплека проста: «ненормативные» документы КС выправе сразу же снять с рассмотрения)? Согласны ли представители Думы и Совета Федерации, что Конституция имеет прямое действие (с явными намеками на упомянутую 80-ю статью)?

А по другую сторону баррикады надо видеть вырывающиеся на процесс прямо из больницы Сергея Ковалева, открыто называя его президентские указы «лихемерием» и «конституционным преступлением», и хоть раз заглянуть в смертельно усталые глаза Исы Костоева, который чуть ли не кричит в микрофон: да неужели в Чечне все происходит с ведома того самого Бориса Ельцина, который в январе 1991-го после трагедии в Вильносе обратился к военнотружущим со словами «если вам дадут приказ выступить против мирного населения под предлогом наведения порядка — помните, что нельзя решать политические проблемы с помощью армейских подразделений»?!

Присутствующим на процессе журналистам были розданы официальные тексты «сторных» документов — в частности, печально знаменитого «секретного» указа № 2137 от 30 ноября 1994 года, который нелегально печатался в «Новом времени» и «Независимой газете». Но замечательен не столько сам указ, сколько скромное приложение к нему, озаглавленное «План мероприятий

по восстановлению конституционной законности в Чеченской Республике». В этом плане — «обращение Президента РФ к участникам конфликта в Чечне» (срок — 28 ноября), закрытие административных границ и воздушного пространства Чечни (10 декабря), подготовка «плана ликвидации бандформирований на территории Чечни» (28 ноября), обращение к иностранным государствам о недопустимости вмешательства во внутренние дела России (29 ноября) и «организация экономической помощи населению Чеченской Республики» (с 29 ноября — весь период, от ветвящийся — Правительство РФ).

А напоследок — два шедевра: 28 ноября — публикация «Обращения руководителей северокавказских республик и регионов к президенту с просьбой о наведении конституционного порядка в Чечне» (ответственный — Совет Федерации (1)), это — к вопросу о разделении властей), а 29 ноября — создание «пресс-центра по осведомлению обстановки в связи с выполнением плана мероприятий».

Напомним, что указ подписан 30 ноября — нужны ли комментарии? Представители президента уверяли на процессе, что указ уже в середине декабря был отменен — в связи с «невозможностью введения ЧП», но свидетели утверждают, что еще в марте 1995-го Павел Грачев ставил подчиненным задачи, «вытекающие» из этого указа...

Решусь на грустный прогноз: «обвинительного приговора» не будет. Тянувшееся когда-то в КС почти бесконечно «дело КПСС» уже показало нам, что попытка судить власть по законам, которые она сама для себя сочинила, заведомо юридически безнадёжна. Тогда, поскольку победители судили побежденных, КС сумел извернуться и принять решение, оправдывающее (хотя и с многочисленными оговорками) роспуск компартии — сегодня ситуация принципиально иная.

В лучшем случае КС решится признать незаконными отдельные положения оспариваемых актов, что не даст ответа на главный вопрос: кто ответит за гибель десятков тысяч людей и искалеченные души сотен тысяч? Впрочем, такой вопрос КС перед собой в принципе не ставит — а его вердикт, какими бы он не оказался, будет для нас в равной степени печальным.

Если «полное и окончательное решение чеченского вопроса» будет признано неконституционным — трудно в очередной раз не ужаснуться власти, способной на подобное беззаконие.

Но если все, что уже семь месяцев происходит в Чечне, выписывается в рамки наших «тибих» законов — трудно в очередной раз не ужаснуться тому, по каким законам мы живем. И в обоих случаях нельзя не задуматься над тем, что может случиться с нами в любой момент, и за что впоследствии никто и никогда не понесет никакой ответственности.

Остановиться, оглянуться...

Н

а лицах большинства активных участников «демократической весны» сегодня — «уmeshика горькая обманутых надежд».

Тогда, в конце 80-х, мы мечтали о многом: о разрушении тоталитарного строя и защите прав человека, о свободных выборах и об отстранении от власти компартии, о демократии и свободе, о правовом государстве и многопартийности, политической и экономической реформе. Но вот на дворе 1995-й — не пора ли «остановиться, оглянуться»?

Да, прежний тоталитарный строй разрушен — государство не господствует над обществом так, как десять лет назад. Но все более знакомые черты обретает могущественная «партия власти», в руках которой — государственные финансы и собственность, телевидение и пресса, армия и милиция, суд и прокуратура. С трибуны своих помпезных съездов она, не стесняясь, заявляет: не для того мы находимся у власти, чтобы ее кому-то отдавать! И что с того, что именуется она сегодня не Коммунистической партией Советского Союза, а движением «Наш дом — Россия»? —

Да, нерушимость прав человека возведена, наконец, в конституционный принцип. Но все больше и больше тревожных сигналов о нарушении этих прав, все чаще появляются открыто и полнейшие законы и указы, все безнаказаннее самодурствуют «карательные органы». И наиболее характерный символ — комиссия по правам человека при президенте: с таким же успехом ее можно было создавать при ЦК КПСС...

Да, выборы являются формально свободными. Но даже выборы 1989-го (не говоря уже о выборах 1990-го) на фоне выборов 1993-1994 годов кажутся сегодня несомненным примером демократичности: тогда «нежелательным» для власти кандидатам приходилось куда легче, чем сегодня.

Да, устройство власти носит демократические черты: налицо все «ветви власти» — законодательная, исполнительная и судебная. Но нынешняя Конституция, пришедшая на смену злополучной «брежневской», делает законодательную и судебную власти

жалким придатком исполнительной, сосредотачивая почти абсолютно и полностью бесконтрольную власть внутри «президентской вертикали».

Да, мы обрели желанную свободу говорить, что задумается, митинговать, где душа просит и работать, где правится. Но на все разговоры никто из власти имущих и бровью в ответ не поведет, даже если говорящий обличен депутатским мандатом. И писать все, что угодно, не возбраняется — но никто не обязан это печатать. И пикет можешь выставить, где понаравится — но, может быть, десяток завяз задержится рядом, а «Вольво» с маром на борту и стаяй милийских машин сопровождения прочитается мимо куда резвее, чем прежде черная «Волга» с председателем оргисполкома. И работать можешь где угодно — но только там, куда возьмут, и где бывший директор, а ныне президент акционерного общества, в упор не видит ни КЗОТ, ни профсоюз.

Да, мы начали экономические реформы — либерализация цен, приватизация, триумфальное шествие частной собственности. В этой области декларируемые успехи наиболее впечатляющи, но пока один, словно тетерева на току, самозабвенно выводят трели о небывалых достижениях приватизации и укреплении инфляции, другие советуют сравнить уровень жизни до реформы и после, и задается понятный вопрос: во имя чего эта реформа вообще проводится? И кто для кого — реформы для людей или люди для реформ?

Назад, в будущее?

Под непрерывные заклинания о недопустимости реставрации старого режима мы все явственнее движемся вспять.

Что сегодня главное — власть или закон? У кого эта власть — у избранных народом или у назначенных? Что важнее — сила права или право силы? Куда, наконец, мы движемся — туда, куда желает большинство или туда, куда ведет меньшинство, якобы знающее, «как надо»?

Вряд ли читатель затруднится, выбирая нужные ответы.

Но почему через четыре с лишним года после «Великой Августовской революции» большинство наших тогдашних лозунгов — о правовом государстве и народодовластии, верховенстве права и торжестве законности, демократии и свободе — обернулись карикатурной противоположностью? Вместо правового государства и законности — произвол и беззаконие, вместо нерушимости прав человека — их массовые нарушения, вместо демократии — авторитаризм, вместо свободы слова — политическая цензура и монополия на информацию...

Окинем взглядом страну, в котором мы живем. Что же мы увидим?

«Невское зеркало», № 1, 22 августа 1995 года (под названием «Куда ж нам плыть?»).

В этой стране люди, называющие себя демократами, могут требовать роспуска парламента и призывать к отмене выборов, на которых неразумный народ может привести к власти не нравившиеся им партии.

В этой стране люди, называющие себя либералами, могут публично тосковать по «сильной руке», восхищаться опытом генерала Пиночета и призывать силой удерживать в России народы, которые не желают в ней более оставаться.

В этой стране люди, называющие себя сторонниками правового государства и борцами за права человека, могут призывать к незаконно и репрессивно по отношению к политическим противникам, а светочи интеллигентности и властители дум — подписывать в этих целях коллективные письма со словами «Хватит говорить. Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи понимают только силу».

В этой стране власть путает граждан возвратом коммунизма — но бывшие коммунисты занимают все мало-мальски значимые руководящие посты, а власть президента многократно превышает власть Генерального секретаря ЦК КПСС.

В этой стране один писатель — Яков Гордин — может через газеты сурово упрекать другого писателя — Самуила Лурье — в неадекватке верноподданнических чувств.

И наконец, в этой стране не граждане создают «снизу» партии, которые затем борются за места в парламенте, чтобы сформировать правительство — в этой стране правительство создает «сверху» партию, чтобы затем получить послушный парламент. И остается только где-то раздобыть подходящий народ, о всеобщих переменах которого кое-кто тайно мечтает...

Впрочем, если вдуматься, то никаких парадоксов на самом деле не окажется — все происшедшее вполне закономерно. Стоит лишь «остановиться, оглянуться» — и вспомнить, с чего все началось.

На перепутье

Тогда, в 1991-м, став кульминацией «демократической революции», Август одновременно стал и ее пирровой победой.

Ибо демократия, которую тогда отстояли все вместе — обоюдострое оружие: она по определению является властью большинства, хотя и снабженной множеством «страховочных» процедур — независимым правосудием, разделением властей, свободной прессой. Она необходима, если ты и в меньшинстве и в оппозиции — как право получить слово (в том числе на парламентской трибуне) и быть услышанным, как гарантия участия в принятии решений и как возможность прийти к власти, добившись на выборах доверия избирателей. Она удобна и приятна, когда и власть

и большинство — на твоей стороне: желания вполне законно совпадают с возможностями. Но она же становится раздражающим тормозом, когда ты обладаешь властью — но не имешь поддержки большинства.

Российским демократам суждено было пройти все три стадии.

Первую — до Августа.

Вторую — в Августе.

И третью — после.

«Мы думали, что это будет вечный бой — яростный и победоносный. Мы думали, что всегда будем сохранять ясные представления о добре и зле, о враге и друге. И думали, в общем, правильно — только многого не учли ...» Это — братья Стругацкие, «Трудно быть богом». Но разве это только про средневековый Арканар и благородного дона Румату?

Кризис российского демократического движения начался именно с августовской победы — когда от привычной роли оппозиции партийно-государственным структурам «центра» пришлось стремительно переходить к роли власти, вынужденной принимать решения. Понятно, что главным желанием победителей было немедленное проведение долгожданных экономических реформ: «Вперед к рынку!» — провозглашают они, он, как волшебная палочка, все расставит по местам, и страна на манер барона Мюнхгаузена вытянет себя за волосы из засойного болота! Но...

Реформы хочется проводить быстро — но парламент не может (а порой и не хочет) «выпекать» необходимые законы. И демократы встают перед выбором: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ИЛИ ЗАКОННОСТЬ?

Реформы резко сокращают роль государства — но обратной стороной экономической свободы неизбежно явятся имущественная поляризация и разрушение прежних институтов социальных гарантий. И демократы встают перед выбором: СВОБОДА ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?

Реформы ведут к росту цен и безработице, падению уровня жизни и обесцениванию сбережений — но большинство всегда будет против этого. И демократы встают перед выбором: РЕФОРМЫ ИЛИ ДЕМОКРАТИЯ?

Каждая из этих развилок противостоитenna, компромисс был бы спасителем, но на него не хватает терпения — и демократы раскалываются на два несоместимых и враждующих лагеря.

Один (большой частью — получившие в 1990-м депутатские мандаты активисты демократии) продолжают держаться за прежние идеалы: пусть рухнет мир — но восторжествует закон, любые перемены в обществе — только на строгой правовой основе! Другие (те же активисты, но ушедшие после Августа в исполнительную власть) занимают позицию революционной целесообразности: «ре-

формы превыше всего». Одни резонно полагают, что даже самые теоретически привлекательные преобразования нельзя проводить против воли большинства — другие делают ставку на активное меньшинство и не менее резонно считают, что ежели исходить из мнения большинства, то о реформах лучше забыть сразу.

Вторая позиция постепенно перевешивает — по крайней мере, она становится официальной точкой зрения «Демократической России». Ее подхватывает либеральная интеллигенция: в устах «взастигателей дум» уже давно стали популярными рассуждения о неизбежности авторитарной стадии на пути от тоталитаризма к демократии, восхищение опытом Аугусто Пиночета и публичные сетования на то, что большинство «не хочет понимать торжких истин» и не любит ходить к зубному врачу. А раз так — что с того, что не желают воспитанные при социализме граждане вытерпеть курс необходимого «шокового» лечения до конца, тоскуя по временам дешевой колбасы и низкой квартплаты? Нужно продолжать операцию без наркоза, не обращая внимания на сопротивляение больного — а попутно развешивать ему премудрества дарованной свободы...

Но и у сторонников иной точки зрения, чей голос слышен все меньше, тоже есть доводы: если я — свободный человек, то я сам и отвечаю за свои поступки. В том числе — и во время болезни: сумеет врач меня убедить, что именно его метод необходим — пусть лечит, не сумеет — буду искать другого врача. Может быть, напрасно: надо было потерпеть еще немного — и наступило бы улучшение. А может быть, и не напрасно: что если врача интересует не мое выздоровление, а экспериментальная проверка теоретических положений его диссертации? Но в любом случае это МОЙ выбор и мое право — в полном соответствии с принципами либерализма, между прочим. И если я не душевнобольной — никто не вправе делать этот выбор вместо меня, приговаривая к принудительному лечению...

Ставка на меньшинство

«Кризис нашего демократического движения именно тогда и начался, когда им была сделана ставка на меньшинство» — обими руками подписывалось под этими словами Григория Явлинского.

Те, кто начал в январе 1992-го «шоковую» экономическую реформу, не могли не понимать ее последствий: жесточайшее социальное расслоение и сращивание власти с криминальным миром, стремительное падение уровня жизни и обесценивание поколений, рост безработицы и фактическая ликвидация базовых социальных гарантий. А в обмен на сегодняшние лишения и нищету, унижения и крушение привычного образа жизни — негарантированное благополучие в неопределенном будущем и

сладкие речи о премудрествах свободы. Могла ли подобная стратегия не вызвать массового недовольства?

Да, свобода — великое достижение, но человеку мало быть свободным: надо иметь крышу над головой и работу, возможность растить детей и спокойно выходить на вечернюю улицу, достойную плату за труд и обеспеченную старость. И ощущение, что от тебя — гражданина своей страны — на деле, а не на словах зависит происходящее: что к твоему мнению прислушиваются, а когда таких мнений большинство — поступают в соответствии с ним, а не вопреки ему.

Но силы, однако, неравны — и ценности, связанные с идеями правового государства и законности неуклонно отступают под напором ценностей, связанных с экономической реформой и идеологией «сильной исполнительной власти». Более того: именно и только приверженность либерально-экономическим и просвещенно-авторитаристским концепциям становится общепринятым «необходимым и достаточным признаком демократа».

Стоит еще раз процитировать Григория Явлинского: «Право считается демократом стало своего рода монополией, которой обладали лишь те, кто выступал за центрацию власти в руках президента Ельцина, приватизацию «по Чубайсу» и финансовую стабилизацию в духе ортодоксального монетаризма. А если ты не согласен с правом Ельцина игнорировать законы «во имя реформ», критикуешь чубайсовскую модель скоростной распродажи госсобственности и не считаешь первостепенной борьбу с дефицитом государственного бюджета — значит, ты уже не демократ и благодари Бога, если тебя при этом не называют коммуно-фашистом»...

Однако, как и в недавние годы, холодульник не удается подкличить к телевизору: обещания («полгода терпения — и наступит лучишее», «на каждый вторник — две «Волги» и так далее) все ощутимее расходятся с реальностью. Становится очевидным: интересы реформы и интересы большинства граждан разошлись. Что делать — менять курс?

Нет, отвечают поддерживающие власть демократы (предпочитающие с некоторых пор называть себя «реформаторами»): курс верен, и ему нет альтернативы — но нам ставят палки в колеса «противники реформ», консерваторы и ретроградь, мечтающие вернуть страну в прошлое к плановой экономике, тотальному дефициту и распределительной системе. Правда, в их числе очень скоро оказываются слишком многие — но реформаторы уже научились по-большинствуки презирать неразумные массы. Кто не с нами — тот против нас, если враг не сдастся — его уничтожат, не знаем, что — но доведем до конца!

Граждане требуют индексации пенсий и зарплат? Не обращать внимания, это бунтуют «лопхенны» и «наглые нищие», чьи

иждивенческие настроения надо выжигать каленым железом. Они недовольны остановой очередей на получение жилья, возмущаются «прихватизацией» и переходом бывшей общенародной собственности в руки «красных директоров» и «денежных мешков»? Красно-коричневая пропаганда, в свободном обществе государство больше никому ничего не должно: выживает сильнейший, а если погибнет слабейший — сам виноват, не смог приспособиться. Вчерашние соратники не желают идти в ногу и продолжают крамошные «разговорчики в строю»? Объявить их оппортунистами, уклонистами и прокоммунистами. Проведение реформ тормозит парламент, выражающий настроения «тугой и бессмысленной черни» — значит, парламент надо обратить в развалины...

Дальнейшее, к сожалению, слишком хорошо известно.

Придет лишь два с лишним года после Августа — и продолжатся старые ставки на Бориса Ельцина и его «вертикаль» официальные демократы пойдут на выборы в составе «партии власти». В одной упряжке с вчерашними врагами — экс-секретарями обкомов, пересевшими в губернаторские кресла, и под президентскими взглядами вчерашних друзей, не способных улюлюкать вслед победившим и заходиться в истерике от крика «Раздавите гадину!»; свидетельствующего о неполой уверенности в победе. А еще через два года станет ясно, что «партия власти» уже не нуждается в маскировке — и «Гайдару и его команде» покажут на дверь.

Они сделали свое дело — как отработавшая ступень ракеты. Дальше «партия власти», обьявившая своим «домом» всю Россию, пойдет без них: когда я пишу эти строки, она тщательно готовится к выборам — чтобы не повторить ошибку своих вчерашних товарищей по компартии и не допустить «случайностей». Через четыре года после Августа, «приватизируя» власть, она надеется на бесспорное свидетельство о собственности. Останется лишь ее сегодня очень сложно — удастся ли?

Либерализм с большевистским лицом?

Последние десять лет мы до хрипоты спорили о либерализме, зачитываясь его наконец-то переведенными классиками. Но вынуждены ли мы их прочесть?

«Каждый из нас в бессонные ночи мечтает о тирании, но только пусть она даст власть нашим единомышленникам!» Это — один из самых знаменитых политологов мира доктор Раймонд Арон.

«Все шире распространяется пагубное заблуждение, что для того, чтобы чего-то добиться, надо развязать руки исполнительной власти, устранив бремя демократической процедуры». А это — отец западного либерализма, доктор Фридрих Хайек.

Давно ли перечитывали эти строки отечественные реформаторы?

«Во имя реформ» была выращена «сильная исполнительная власть» — и стоит ли удивляться, что она повела себя с предствительной (куда демократы когда-то рекрутировали свои лучшие силы) на манер кукушонка? «Во имя реформ» был узаконен пролив «своих» — и стоит ли удивляться, что беззаконие стало нормой жизни? «Во имя реформ» в руках главы государства была сосредоточена почти абсолютная власть — и стоит ли удивляться, что вслыхнуло пламя в Чечне?

«Ты этого хотел, Жорж Дантен — ты это и получи!» А это — Жан-Батист Поклен, он же Мольер. Вы хотели, господа, «жесткую президентскую вертикаль»? Получите всевластие чиновников и беззащитность граждан, бесправный парламент и послужный суд, воров в губернаторских креслах и подлецов в министерских, горящий Белый дом и пылающий Грозный.

Кстати, не генерал ли Дудяев одним из первых восторженно приветствовал октябрьское «подавление коммуно-фашистского мятежа», с чем горячо поздравил старшего коллегу? Что же, ни одно доброе дело не остается безнаказанным...

Сегодняшний российский либерализм несет в себе все родовые признаки большевизма. Большевики, как известно, тоже отпачились презрением к неразумному народу и судили за этапом страданий благоденствие рая. И все отечественные «преобразователи» — от Гайдара до Черномырдина — оказываются лишь их прилежными учениками, демонстрируя страстную любовь к «сильной власти» как методу принудительного проведения желаемых реформ, и одновременно — предельное равнодушие к людям, которые рассматриваются как объект для научного эксперимента. Но опыты, простите, надо ставить сперва на крысах!

Хватит выбирать «Меньшее из зол»

Итак, СЛОВО, на которое публично до самого последнего времени не решался никто из демократов, сказано: Сергей Ковалев не станет голосовать за Ельцина даже и в том случае, если альтернативой будут Эгоганов или Жириновский. А это — первый признак того, что проклятая традиция выбора «меньшего из двух зол» может наконец прерваться. И первый признак того, что роман демократической интеллигенции с властью заканчивается горьким прозрением...

Но прозрение Ковалева — особой пробы: его мнение — эталон для очень и очень многих. И никто, пожадуй, сегодня не решится «бросить камень» в правозащитника, не рискуя необратимо «потерять лицо» и репутацию. Как лишился ее остатков Георгий Сатаров, назвавший поступок Ковалева «бегством с корабля», и привычно переутав президента и Россию. Его-то логика понятна: с точки зрения придворного, глава государства — как раз тот «корабль», к днищу которого, словно мидии, прилепились многочисленные обитатели Кремля. Пойдет он ко дну — что делать? Так стоит ли удивляться, что Сатаров (да и другие помощники Ельцина) не раз показывал, что готов оправдывать патрона в любой ситуации без малейшего напряжения совести. И весьма характерно, что за всю историю чеченской авантюры ни один из президентских помощников, считавшихся ранее интеллигентными и порядочными людьми, не подал в отставку: ни Юрий Батурич, ни Михаил Краснов, ни Эмиль Паин.

Ну что же, мы еще раз увидели разницу между соратником (хотя и бывшим) и подданным. И последний раз убедимся: сегодняшний президент нуждается только в подданных. Иных рядом уже не будет даже для камуфляжа.

Но «президентская гвардия» обязана Ельцину всем, а Ковалев — ничем. Напротив, президент у Ковалева в неолигатном долгу: не встать тот осенью 1993-го на сторону Ельцина, не брось на неверную чашу весов всю силу своего авторитета — как знать,

чем бы все закончилось? Сегодняшний Ковалев с горечью вспоминает те времена — считает, что слишком легко поверил тогда в добрые намерения президента и его искреннее стремление к демократии.

Впрочем, сегодня в них не верит уже никто из демократов, ибо приметы прошлого множатся с каждым днем. И дело не только в уходе от Ельцина последних кадров «демократического призыва» и назначении на высшие посты испытанных товарищей президента по его бывшей (а может быть, и будущей?) партии. Или в том, что во главе обеих палат парламента стоят бывшие (а может быть, и будущие?) соратники по ЦК КПСС. Эти приметы — в тоне прайвительственных газет, оценивающих сегодня приватизацию куда хлеще, чем еще недавно «Советская Россия», и раздвоенных словесные олгуехи демократам, не понимающим, что именно сейчас нагло слитотится в едином порыве вокруг Бориса Ельцина. И в том, что трудовые коллективы в добровольно-принудительном порядке спешно выдвигают Ельцина на второй срок, а мастера культуры убеждают нас в том, что ему «нет альтернативы»...

Надо ли, однако, удивляться? Просто все, наконец, становится на свои места: карьеристы и подхалимы — у трона, порядочные люди — в неимлости и опале. Надо ли еще раз доказывать, что место интеллигента — в оппозиции власти, какой бы власть не была, и как бы она себя не называла?

Отчаянный призыв Егора Гайдара к президенту — не выставляя свою кандидатуру — по-человечески понятен: весьма нетрудно «просчитать», что выставляв Ельцина, «партия власти» (на которую продолжит надеяться Гайдар) потерпит поражение во всех законных вариантах. Но, увы: нет более надежного способа заставить президента что-либо сделать, чем попытаться назвать склонить его к прямо противоположному. Тем более, если совет будет давать тот, кто давно уже не в чести. И в этом смысле сегодняшний Ельцин «управляем» безошибочно — а значит, шаг Гайдара неминуемо будет иметь противоположный результат: только укрепит президента в намерении баллотироваться. А намеки на то, что Ельцину следовало бы уступить место в ближайшее Черномырдину, еще больше усилит его решимость — и еще больше ослабит решимость премьера (если она у него имеется). Да и ставка на Черномырдина, мягко выражаясь, не бесспорна: ну какой, по большому счету, из премьера демократ? И кто помешает ему, получив президентские полномочия, отречься от любых обещаний, которые он даст до выборов?

Но если Ельцин выйдет на выборы, а Черномырдин — нет, то у демократов остается лишь два варианта.

Первый — смогут договориться Явлинский и Гайдар, «сложив», насколько это возможно, свои программы: при этом, ко-

нечно, об этом придется слегка поспулитаться экономическими принципами, но, по большому счету, их разницу плохо понимают даже их соратники. Этот путь крайне труден для обоих лидеров, но для президентской команды он может оказаться губительен — не потому ли из Кремля так старательно раздувается миф о минимом «союзе» Явлинского с коммунистами? И очень жаль, что кое-кто в «Демократическом выборе» столь охотно «принимает» эту откровенную «поддачу», начиная рассуждать уже о якобы «договоренности о разделе постов президента и премьера», и мотивирует это тем, что у КПРФ... нет экономистов. Интересно, как бы восприняли в ДВР высказанное кем-либо «предположение» об аналогичной «договоренности», скажем, Гайдара и Жириновского? У ДДПР ведь тоже с экономистами не очень... И все же кремлевский расчет точен: ничем нельзя так сильно «развестись» лидера «ЯВЛОКА» и лидера ДВР, как подобным обвинением. Но, между прочим, Сергей Ковалев, да и другие известные депутаты демократического крыла (не считая «ЯВЛОКА») на выборах спикера за Рыбкина не голосовали — может, их всех тоже обвинить в «пособничестве» коммунистам?

Второй — если договориться все же не удастся, а в результате во втором туре окажутся два неприемлемых кандидата — демократам не останется ничего, кроме как призывать граждан голосовать против обоих «финалистов», чтобы любиться новых выборов. Потому что непонятно: чем Эоганов принципиально хуже Елыгина, Макашов — Грачева, а Илюхин — Барсукова?

О «великий провокатор Бродский»: слишком долго угасали себя многие тем, что воры лучше душеубов. Хотя многие предупреждали, что рано или поздно воры начнут проливать кровь, чтобы удержаться наработленное.

Но найдем ли мы в себе силы не выбирать вперед меньшее из двух зол, уверяя себя, что оно все-таки больше похоже на добро?

Разноцветный фашизм

Требуете каульды. Зарплата слезыная» — название статьи Валерии Новодворской («Невское время», 7 февраля 1996 года), повествующей о ее восхищении очередным (после Альфредо Стресснера и Аугусто Пиночета) антикоммунистическим героем нашего времени. На сей раз это — генералиссимус Франко, подавший, по ее мнению, пример уничтожения коммунистов в одной отдельно взятой стране.

И пока, мол, не будет также беспощадно «свернута шея красной Дернейской гилре» и в России — нет Валерии Ильиничне ни сна, ни покоя, и неустанно ее пальцы просятся к перу, а перо — к бумаге, рождая все новые и новые серии публицистической эпопеи «Лучше быть мертвым, чем красным». Название не условное: именно с таким плакатом ее сторонники недавно митинговали в Москве...

Что же, далеко не первый год «профессиональная революционерка» Новодворская излагает обществу свои мысли, мягко выразившись, возбуждающего характера. Перечень наиболее примечательных цитат занял бы не одну страницу — ограничимся лишь некоторыми:

«Мы должны привыкнуть к мысли, что люди будут стреляться, вешаться, топить, сходить с ума. Надо будет — пойдем против народа, мы ничем ему не обязаны».

«Хорошие мозги должны были повернуть косяную, отупевшую страну вивисекции, естественному отбору по силе духа, таланту, трудолюбию и уму. А лишних, нежизнеспособных вне социализма придется убирать с дороги».

«Сейчас не до пустяков — не до права народа решать свою судьбу. Свобода выбирать социализм и коммунизм не может быть предоставлена. Риск слишком велик».

«Фашизм и коммунизм неслепитимны, даже если всенародно избраны. Народ может запросто избрать чуму или холеру, и это не означает законности власти, а только слабое умение избирателей. Коммунистическое правительство находится вне закона и может быть ликвидировано всеми способами».

«Где наша фаланга из непримиримых, хорошо вооруженных антикоммунистов?»

«Народ всегда предавал нас и предаст в 1996 году, если мы ему это позволим. И не тратьте время на то, чтобы поднять народ. Не поднимем. Оружием разживайтесь заранее. Сейчас».

«Не бойтесь осуждения современников и потомков, не бойтесь болтливых гуманистов и трусливых соглашателей, не бойтесь за жен, детей, родителей, не бойтесь Страшного суда. Бойтесь промахнуться!».

Набор указанных постулатов с некоторыми вариациями возникает раз за разом в различных изданиях демократического толка, шеюча нервы читающей публике. При этом наиболее распространено отношение общественности к «enfant terrible» российской демократии — этакая снисходительная улыбка: да, конечно, откровенный эпатаж, горячится немного в своей личной ненависти к коммунистам, но ведь от чистого же сердца! Но дело, по большому счету, делает полезное, антикоммунистическое, да и почитать приятно — пером владеет весьма искусно. И вообще — на то и Новодворская в мире, чтобы Эгопанов не дремал...

Мало что, однако, читатель, может быть менее опасным, чем данное заблуждение!

Мне непонятно: почему демократы с такой снисходительностью взирают на людоедские откровения г-жи Новодворской? Почему либеральные издания столь охотно предоставляют ей слово? Неужели не понятно, чем может закончиться эта игра с оп-нем? Между тем ни одной попытки полемизировать с Валерией Новодворской в демократической прессе ни разу не наблюдалось. В ответ на кровожадные призывы видной революционерки с другой стороны баррикады не прозвучало ни одного осуждающего слова. Не хотят связываться?

Между тем хорошо помнится, какая буря возмущения поднялась в рядах демократической общественности, когда румяный псевдофюрер Веденкин заявил с телеэкрана о личной готовности застрелить Ковалева и Юшенкова. «Фашизм наступают!», «Кула смотрит прокуратора?», «Демократия в опасности» — лейтмотив «Известий» и «Вестей», «МН» и «Итогов». А кто из демократических «властителей дум» столь же бурно возмущился, когда Новодворская в интервью газете «Вести» заявила, что «если Ручкой или Хасбулатов придут к власти, они будут в первые же недели убиты членами нашей партии»? Могут возразить: одно дело — по телевидению, на всю страну, а совсем другое — в областной газете. Не тот масштаб! Но стоит спросить: а если бы Валерия Ильинична — да то же самое и по телевизору? Возмутились бы? Или все-таки сочли невинной шалостью, легким перегибом, прости-

тельным заслуженному ветерану Демдвижения, столь много пострадавшему от режима?

Страдания от режима, кстати — особый разговор: с режимом боролись многие, но мало кто, подобно Валерии Ильиничне, буквально заставлял власть себя преследовать, непрерывно мечтая «умереть от руки врагов на руках друзей». Кто не верит — пусть прочтет ее книгу «По ту сторону отчаяния». Сплошные галлоцицициды: «мы боялись не ареста, а того, что нас не возьмут», «в арестах, пытках, казни я видела свой долг», «я хотела казни, а не добровольного ухода из жизни» и так далее. Но пройдет немного времени — и священная жажда гибели за правое дело сменяется другой.

«Мы могли умереть, но предпочли убивать». Это уже из другой книги: «На той единственной, гражданской». Октябрь 1993-го — Валерия Новодворская торжествует на пепелище: «Октябрьские баррикады — самое радостное событие в этом году. Но полною радостью я не смогла испытать лишь потому, что Белый дом со всем своим содержанием не был превращен в кучу развалин». Заповедь, высказанная когда-то в песне Горюхицкого к спектаклю про народолюбцев «Боже, не дай мне убить — избери меня лучше убитым», — это не для нас. Это не наш разумный выбор. Наш выбор — «Убей его!»...

Интересно, готова ли Валерия Ильинична лично расстреливать коммунистов? А стерилизовать «быдло, голосящее за яром», чтобы не рождало себе подобных? Или эту грязную работу она предпочтет поручить другим?

Можно, конечно, восхищаться генералиссимусом Франко и негодовать по поводу Пол Потта, истребившего три миллиона сограждан под красным флагом. Но преступники не имеют национальности, а убийцы — идеологии: людей на планете уничтожали не только во имя коммунизма. Стоит лишь вспомнить, например, Индонезию, где сотни тысяч людей были убиты как раз под лозунгом борьбы с коммунистической оппозицией. Может, и с генерала Сухарто возьмем пример?

Впрочем, сама Валерия Новодворская, не стесняясь, признается: «Дедущка Гайдар мне и сейчас ближе и понятней влукка». Дедущка был, как выяснилось недавно, папач и вешатель, обожавший лично пьять арестованных и уволенных из Красной Армии за излишнюю жестокость. Не от него ли пламенная революционерка переняла неколебимую готовность уничтожить врага, который не сдается, и радостную уверенность в том, что его трупа всегда хорошо пахнет?

Стоит понять: клокочущая ненависть Валерии Новодворской — отнюдь не безобидное явление. Каждая ее публикация — вовсе не милая шутка излишне эмоциональной поклонницы скоростного

построения капитализма в России, а ритуальный танец дикаря с факелом на бочке с порохом. Каждое ее слово, не оставшееся без ответа, — зуб дракона, а ничто так легко не всходит в небогато-лучной стране, как ненависть. Ибо севший ветер пожнет бурю.

Я утверждаю: фашизм бывает не только коричневый или красный, фашизм бывает и трехцветный. Потому что фашизм — это право летить людям на «высших» и «низших», все равно на какой основе: партийной, национальной или классовой, и утверждение права «высших» на насилие над «низшими». Велика ли дистанция от фашизма до Валерии Новодворской?

Впрочем, будь я товарищем Эогановым — все без исключения статьи Новодворской перепечатывались бы в «Правде» на первой полосе и направлялись бы для обязательного тиражирования в местной коммунистической прессе. С указанием: сочинение одной из самых известных публицистов демократического лагеря напечатано в такой-то демократической газете. Читайте, думайте: вот что они следуют с нами, если смогут. Вот что они думают о вас — народе. Вот какими методами «огня и железа» они собираются построить в стране капитализм. А если забывается «тулая и бессмысленная чернь», составляющая, по мнению Новодворской, 9/10 населения страны — так на это есть «провременные временем средства»: надо понимать — танки и пулеметы, бомбы и виселицы и прочие средства враждебная «чернь». Ударим «нашим качеством да по их коллечеству»...

Странно: почему руководство КПРФ до сих пор до такого не додумалось? Ряды их сторонников множилось бы с каждым днем, ибо нет лучшего способа пропаганды коммунистических идей. А когда додумается — какие песни, нужные природе, запоет Валерия Ильинична? Заявит, что хотела как лучше?

«После коммунистов я больше всего ненавижу антикоммунистов».

Это уже не Валерия Новодворская — это Сергей Довлатов.

Выборы закончены. Забудьте!

Кульминация российской политики 1996 года — президентские выборы — позади. Борис Ельцин вновь избран президентом и 9-го августа торжественно вступил в собственную должность. Казалось бы, обе главные задачи российской демократии решены: выборы состоялись в срок и по закону, а коммунистический реванш провалился — но что-то мешает испытывать чувство даже не очень глубокого удовлетворения. Может быть, то, что сразу после окончания выборов они были кем-то метко названы «победой страха над совестью»? Или саркастическая фраза Збигнева Бжезинского? Мол, из России пришли две новости, хорошая и плохая. Хорошая — не избран Эоганов. Плохая — избран Ельцин...

Ключевым словом выборов 1989–1990 годов было слово «надежда». Ключевым словом выборов 1996 года стало слово «страх». Сумев сыграть на Большом Страхе перед реставрацией, Ельцин решил свою главнейшую, быть может, в жизни задачу: обеспечил себе второй (и последний) кремлевский срок. Но, будучи переизбран, он не добился победы: не столько Ельцин выиграл эти выборы, сколько Эоганов их проиграл — многие, особенно во втором туре, голосовали не столько за Ельцина, сколько против Эоганова. Социологические опросы (например, опрос ВЦИОМ 9–12 июля 1996 года) четко констатируют: лишь 50% тех, кто голосовал за Ельцина 3 июля, поступили так потому, что хотели видеть его президентом, а 45% поступили так потому, что не хотели видеть президентом Эоганова.

Что же касается «победы демократии», как утверждают верноподданные аналитики, то о ней говорить просто смешно: прошедшие выборы не были ни демократическими, ни равными, ни свободными. Давным-давно, летом 1991-го, мы с надеждой ждали перемены, возмущались нечестной игрой, которую вели против Ельцина и искренне радовались его победе. Сегодня мы боимся перемен, молчим, когда нечестную игру ведет Ельцин, и не испыты-

тываем ни малейшей радости от его переизбрания (кроме, разумеется, тех, для кого поражение Ельцина означало бы потерю не только должности, но, возможно, и свободы). Так что если кто и победил на этих выборах, так это неэлекторальная теория «меньшего зла». А проиграл — все мы, через пять «реформенных» лет вновь оказавшиеся почти в той же точке, с которой начинали.

Грустно сознавать, что через пять лет после триумфа 91-го главным соперником Ельцина на выборах оказался представитель тех, кто тогда проиграл — и, как представлялось, надолго. Грустно сознавать, что в момент решающего выбора реформаторам оказалось нечего предъявить обществу, кроме патологического антикоммунизма, и самое лучшее, кем они смогли себя представить — это «меньшим злом», нежели конкуренты. Грустно сознавать, что в честной борьбе глава государства вряд ли смог бы победить лидера коммунистов — и лишь нечестная игра принесла ему успех: вопиюще неравные по сравнению с другими возможностями, да беззастенчивая мобилизация всех ресурсов государства себе на пользу.

Впрочем, следует признать: партия «Выборы-96» была разврана президентской командой весьма грамотно.

Победить любой ценой!

Еще в дебюте, в качестве домашней заготовки, был «следган» Зюганов: то, что многие в декабре 1995-го считали неуспехом власти (10% Черномырдина против 23% Зюганова), было лишь первым ходом политической комбинации. Как мнимый успех коммунистов на маю что решающих думских выборах (ставкай-то были места в декоративном парламенте, а не власть), так и мнимая слабость «партии власти» были абсолютно необходимы для того, чтобы следующие полгода посвятить хорошему исполнению кантаты «Не допустим красного реванша!», которая только и могла вывести Ельцина во второй тур президентских выборов. Именно ради этой комбинации осенью практически без помех и без контратипации властей дали провести кампанию Зюганову, а Черномырдинский блок «раскручивали» явно неуклюже: пропаландис-декабря одним из финалистов президентской гонки уже мог считать себя лидер коммунистов, оставалось сделать вторым финалистом Ельцина. Но для этого необходимо было «приподнять» Ельцина с его январским рейтингом в 8%, и одновременно «утопить» Явлинского, который только и мог составить ему реальную конкуренцию за голоса демократов. И тут мы столкнулись с таким ярчайшим примером реализации принципа «цель оправдывает средства», какого не приходилось наблюдать с осени 1993-го. Во имя желанной цели с февраля по июнь 1996-го вся гитан-

тская машина государства была запущена на полную расчетную мощность. И четыре месяца «промывки мозгов», которую последовательно и методично осуществляли безраздельно контролируемые командой Ельцина информационные каналы (главным образом, телевидение), привели к невероятному результату: Президент в четвёрте (!) раза увеличил свою популярность. Оправдав выскомерное «куда они, понимаешь, денутся», верноподданно склонились на сторону президента почти все демократические организации за исключением «ЯВЛОКА». Дольше других колебался ДВР — еще в феврале один из лидеров выборов Сергей Ющенко заявлял: «Ельцина мы не поддержим ни при каких обстоятельствах». Однако и Гайдар со товарищи в конце концов решили «прогнущься». Впрочем, не в первый раз. И не в последний...

Ну а то, как пропрезидентские СМИ травили (другого слова просто не подобрать) Григория Явлинского, надолго останется черным пятном на совести российской демократии. Явлинский был замкнут в глухое кольцо информационной блокады, ему адресовали неслышные обвинения (типа «стовора с коммунистами» в Думе, где в это время «Наш дом — Россия» братается с Жириновским) и не давали слова для ответа, о нем пренебрежительно отзывались не скрывавшие своей антипатии комментаторы, в последний момент снимались с эфира подготовленные передачи с его участием — и результат не мог не сказаться. Не потому ли многие избиратели не стали голосовать за Явлинского, что им внушили мысль об отсутствии у него шансов?

Касаясь фантастического роста рейтинга президента, нельзя не сказать об откровенном игнорировании его командой практически всех норм избирательного законодательства. Например, тех, что устаивали «информационное равенство» кандидатов в государственном телеэфире и в государственных газетах. Или тех, что вводили запрет на участие должностных лиц в пресвыборной агитации и запрет на использование служебного положения стрелмашею к переизбранию президента.

Ельцин часами красовался на телеэкране, раздавал триллионы бюджетных подаяек с барского плеча, выискивал заедомо «дутьцы» указы (вроде отмены всеобщей воинской обязанности с 2000 года) — разве сравнимы с этим были возможности всех его соперников вместе взятых? Вся «исполнительная вертикаль», не стесняясь, работала на успех Ельцина: вопреки закону за него открыто агитировали Черномырдин и Дужков, Немцов и Россель, Собчак и Беляков, Шаймиев и Рахимов. «Штабы по поддержке Ельцина» во главе с первыми лицами исполнительной власти были в обязательном порядке организованы в каждом регионе, а губернаторы открыто заявляли, что их задача — обеспечить переизбрание президента.

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что в подавляющем большинстве СМИ с начала апреля была явно или неявно введена мощнейшая политическая цензура, сравнимая лишь с «брежневской» конца 70-х годов: допускалось лишь хвалить Ельцина и ругать Зюганова. Но не печалью ли, что ни один политик из группы поддержки Ельцина, называющий себя демократическим, не выразил по этому поводу ни малейшего протеста?

На заключительном этапе задача власти оказалась несложной: реализовать добытое преимущество. Простейшим способом для этого оказалась заранее спланированный союз с Лебедевым, которому в последние недели перед первым туром были выданы неограниченные средства, а главное — неограниченный телеэфир. Да и «раскручивались» тирагольское командарма, как известно, люди из «Нашего дома» и «Демократического выбора» — Алексей Головкин (бывший руководитель аппарата правительства Гайдара) и Леонид Радзиховский (журналист «выборос»). Известный своей пропрезидентской позицией). Правда, сегодня неясно, что ожидать от «птицы-секретаря», как назвали Лебедева в одной из передач «Куклы»: занимая нигде в законодательстве не прописанный пост с непонятными полномочиями, генерал ведет себя так ли как вице-президент, то ли как регент королевства.

Кроме этого, стремясь сыграть наверхьяка, главами административных регионов «тонко» намекнули о личной ответственности за «нужный» исход выборов, и те старались, как могли — тем более, что избиркомы во многих местах были де-факто департаментами администрации. В российских СМИ не раз предавались отласке факты откровенного «административного давления»: скажем, в Башкирии и Татарстане президенты Рахимов и Шаймиев — оба в прошлом высокопоставленные партийные функционеры — проводили специальные совещания с главами административных районов и городов и угрожали: тот руководитель, на территории которого Ельцин проигрывает, будет снят с должности. Вот и получили мы результаты, которые никакому иному логическому объяснению, кроме как влияние злоупотреблений властью, не поддаются. Например, во втором туре в Татарстане за Ельцина проголосовало 64% избирателей, в то время как в первом туре — 38%. А вот Зюганов... уменьшил число «своих» голосов с 38% в первом туре до 30% во втором, чего при двухтуровых выборах не бывает никогда (каждый из «финалистов» хоть немного, но прибавляет — за счет сторонников не прошедших во второй тур кандидатов). А что сказать про Дагестан, где картина еще более поразительная? Во втором туре Ельцин получил 51% голосов, а в первом туре у него было лишь 26%. Зюганов же во втором туре набрал 46%, а в первом туре у него было... 66(1)!: на 40% больше, чем у Ельцина! А Северная Осетия, где Ельцин во втором

туре получил 43% вместо 19% в первом туре, а Зюганов во втором туре набрал 52% по сравнению с 63% в первом туре? Наконец, упомянем о Чечне, где Ельцин в обоих турах получил 68% голосов: слабо верить, что президент пользуется в республике популярностью, лишь немного уступающей Москве, Петербургу, Свердловской области и Чуковке.

Конечно, на итоговом 54-процентном рейтинге Ельцина сказано не только подавляющее информационное, финансовое и организационное преимущество. Слишком велико оказалось — и об этом нельзя не сказать — неверие избирателей в то, что власть отдадут по такому мелкому поводу, как выборы. Немало моих знакомых, не питающих к президенту никаких симпатий, рассуждали пинично, но точно: стоит Зюганову получить больше голосов — Ельцин не уйдет из Кремля, а вызовет танки, и прольется большая кровь. Лучше уж не допускать такого развития событий...

Может ли это радовать? И не слишком ли высокая цена заплачена за то, чтобы коммунисты, которым досталась частная собственность, не допустили к власти коммунистов, которым не досталась частной собственности?

Что там, за горизонтом?

Дальнейшие перспективы сегодня выглядят нерадостными.

Первые же «послеобеденные» шаги президента показали, что Ельцин и не собирался выполнять свои предвыборные обещания. Наиболее пинична ситуация с урегулированием в Чечне: даже сторонники Ельцина сегодня не отрицают, что обещание закончить войну было чисто предвыборным ходом. И еще не успели просохнуть чернила на циковских протоколах, как война вспыхнула с новой силой — и с новыми тысячами жертв. Обострился кризис с выдачей зарплат и пенсий (ярчайший пример — ситуация в Приморье). Вместо обещанной налоговой реформы правительство ужесточило таможенный режим для десяти миллионов «челноков». Вместо борьбы с коррупцией Ельцин подписал указ № 1025 от 10 июля 1996 года, которым карательным органам Москвы было дано право нарушать гарантированные Конституцией права человека — например, депортировать из столицы не прописанных в ней граждан (в первую очередь, конечно, «лиц кавказской национальности»). Главой президентской администрации, которая все явственнее стремится стать из «второго правительства» первым, назначен Анатолий Чубайс — политик, для которого цель всегда оправдывает средства. Наконец, после того, как охваченная страхом возможного роспуска Дума утвердила «старо-нового» премьера Черномырдина, на ключевые посты в правительстве были назначены не высокие профессионалы или ответственные политики, а президентские фавориты и денщики.

Так, первый помощник Ельцина (еще с обкомовских времен) Виктор Иглошин в награду за проведенную избирательную кампанию стал первым вице-премьером по социальным вопросам, другим помощник — Александр Лившиц, чьей профессией было дежурно уверять россиян, что дела в стране идут все лучше и лучше, стал вице-премьером и министром финансов. А первым вице-премьером, отвечавшим за «макроэкономику», назначен Владимир Потанин — президент ОНЭКСИМбанка. Тот самый, который в прошлом году получил на залоговом аукционе в свое владение богатейшую кампанию «Норильский никель» — по бросовой цене, и по протекции г-на Чубайса со товарищи: Госкомимущество просто-напросто не допустило к аукциону конкурентов, предлагавших государству за «Норильский никель» куда более высокую цену. Ну а нынешний пост Потанин занял с подачи Чубайса. Случайность? Или закономерность процесса глобальной «прихватизации»? Или, что точнее, процесса приватизации власти?

Два несхожих лица у августа 1996-го. Одно — горящий! Проозный, запутавшийся во вранье генералы и чиновники, гибнущие в окружении мальчишки в российской форме, и тысячи беженцев, бредущих по чеченским дорогам. Другое — Борис Ельцин, выходящий на сцену на нетнущихся ногах, чтобы мерзвеным голодом считать с «тегелодсказки» текст президентской присяги. И банкет «победителей», деливших власть в стране, как военную добычу.

Пир во время чумы?

Либеральная интеллигенция и либеральная революция

Прежние, случившиеся со страной и с нами всеми за последние годы, по праву заслуживают названия революционных. Рухнула не только тоталитарная система, ее идеология, ценности и структура — рухнул установившийся десятилетиями образ жизни: конец десятилетиях годов отделяет от начала восьмидесятых куда более длинная дистанция, чем начало восьмидесятых годов от конца сороковых.

Итак, на дворе революция, но как же воспринимает ее российская интеллигенция — советская нация, нравственный камертон общества?

Несложно убедиться: большинство тех, чье мнение традиционно воспринимается как мнение интеллигенции вообще — Михаил Жванецкий и Эльдар Рязанов, Андрей Вознесенский и Даниил Гранин, Марк Захаров и Лия Ахеджакова, Олег Басилашвили и Александр Калыгин, Геннадий Хазанов и Олег Табаков, Владимир Войнович и Михаил Задорнов — последовательные сторонники происшедших в стране изменений вообще и радикальных экономических реформ в частности. И не устают убеждать сограждан: да, реформы долги и болезненны, десятки миллионов людей оказались на грани нищеты и даже за ней, но это жертвы, которые можно и нужно было принести на алтарь главного достижения «либеральной революции» — обретенной россиянами свободы. Ведь в стране сегодня существует свобода слова и свобода совести, свобода собраний и свобода печати, можно свободно выбирать власть и критиковать ее, не боясь преследований, свободно ездить за границу и возвращаться, свободно зарабатывать деньги и приобретать любые товары. И только лопхены и маргиналы, голосящие за жаждающих реставрации коммунистов, готовы вновь вернуться в клетку и получать пайку, отказавшись от свободы во имя дешевой похлебки и доступной колбасы...

Да, звучит убедительно, тем паче — из уст тех, чьи сужде-

ния мы привыкли принимать как аксиомы. Но не стоит ли взглянуть поближе?

Наверное, если бы свобода слова, печати, собраний и прочие были бы главной ценностью для большинства россиян, советская власть не продержалась бы и нескольких лет. Но ведь продержалась же — в том числе и потому, что большинство наших соотечественников не готово было на жертвы ради возможности читать Солженицына и смотреть по ТВ выступления Сахарова, выступать в партии и агитировать за своих кандидатов, выезжать за границу и ходить на митинги. Другое их волновало и волнует до сих пор: чтобы были жилье и работа, чтобы за труд платили столько, что в магазине можно было бы пойти не только на экскурсию, чтобы можно было вырастить детей и дать им образование, чтобы можно было не волноваться за стариков-родителей и самим впоследствии спокойно встретить старость.

Все перечисленные выше свободы необычайно важны — но лишь для узкого круга людей они являются «предметом первой необходимости». Однако именно к этому кругу принадлежат те, кто с начала «либеральной революции» стали признанными лидерами общественного мнения — и сочли приоритетные для себя ценности столь же важными и для всех остальных. После чего начали искренне недоумевать (а порой и осуждать несогласных): как же так, почему соотечественники не осознают необходимости жертв во имя свободы?

Но разве достойно интеллигента осуждать тех, кто не готов пожертвовать своими ценностями во имя ваших? **Если свобода нужна одним — почему жертвы должны приносить, в основном, другие?**

Известно: большинство либеральной интеллигенции, для которой нет ничего ценнее свободы, проживает в Москве и Петербурге. Но Россия — не только две столицы, это и сотни больших и малых городов. Многие из них «замкнуты» на два-три завода, и стоит им остановиться — разрушается налаженный десятилетиями уклад жизни, закрываются детские сады и пионерские лагеря, а большинство людей просто лишается средств к существованию.

«Но ведь можно пойти и зарабатывать!» — скажет столичный интеллигент, живущий в благополучном и сытом городе. Но это в столице, если не платят зарплату, можно без труда найти приработок — а в Арзамасе или Новокузнецке? Это в Москве кто-то из «новых русских» порой может себе позволить нанять оставшегося без работы инженера выгуливать собаку за 50 долларов в день. А в Пермь? Или в Челябинске? Да и в Москве «новых русских» все же меньше, чем обедневших инженеров...

При коммунистах мы жили в условиях несвободы — но немалых это касалось по-настоящему. Жили бедновато, но большин-

ство притерпелось, ведь почти каждому удавалось отложить что-то: на старость, на «черный день», многим — на машину или кооперативную квартиру (а очень многие получили жилье бесплатно). И это позволяло относиться к возможным «черным дням» более спокойно. Зато сегодня многим ничего не остается, кроме как существовать одним днем — нынешним. И стараться не задумываться — а что завтра?

Конечно, можно укорять людей за то, что они сегодня не готовы на жертвы во имя свободы, а вчера не брали в руки оружие, не выходили на баррикады, не пытались свергнуть тоталитарный режим и любиться утверждения свободы и демократии. Но разве все по-прежнему нынешние либералы боролись с режимом с оружием в руках, сидели за антисоветскую деятельность, были высланы за границу и лишены гражданства? Разве для большинства из них неприятности не ограничились тем, что издавались не все их книги, ставились не все задуманные фильмы или спектакли и удавались не все желательные заграничные поездки? Что же касается сегодняшней свободы, которой они так восхищаются — она, к сожалению, далеко не так радужна, как ее рекламируют.

Так, свобода слова в нынешней России — понятие относительное: писать или говорить ты можешь что угодно, но никто не обязан это печатать или показывать (и тем более никто, а в первую очередь — власть, не обязан на это реагировать). Ведь «ковенная» экономическая цензура — осуществляемая финансовыми структурами, которые контролируют большинство СМИ и при этом зависят от властей, не менее эффективна, чем прямая политическая цензура, осуществлявшаяся вчера властями непосредственно. И свобода слова для интеллигенции заканчивается там, где начинается свобода властей определять, какое мнение от имени интеллигенции должно прозвучать. Оно и звучит, а техника отбора проста: нам показывают на экране и представляют в газетах лишь тех «властителей дум», чьи взгляды соответствуют официальному курсу. При этом каждый из них знает: пока ты этот курс поддерживаешь — никаких трудностей в распространении своей точки зрения не будет, но стоит разойтись с генеральной линией — и, как выясняется, даже Александру Солженицыну мгновенно будет «перекрывать кислород». Не так давно гендиректор ОРТ-гн-Благоволлин открыто признался: да, «не могли себе позволить» в период президентской кампании оставить Александра Исаевича в эфире — не те взгляды высказывал. Чего уж говорить о менее значимых фигурах?

Конечно, год назад можно было совершенно свободно высказаться в поддержку Ельцина с экрана ТВ или с газетной полосы. Но у тех, кто хотел бы сказать аналогичные слова в поддержку даже не Эюганова (хотя и в этом не было бы ничего крайольно-

го), а Горбачева или Явлинского, возникли почти непреодолимые трудности. Так, известное обращение Сергея Ковалева, Елены Боннэр, Юрия Афанасьева и других — в поддержку Явлинского — лояльные властям СМИ аккуратно «замочили». Ничуть не лучше — и со свободой выбирать: ничего не решающего духу, конечно, можно выбрать свободно, а вот президента... Многие ли верили год назад, что случится Ельцину проиграть выборы — он законопослушно передаст полномочия конкуренту?

Однако часто ли лучшие представители российской интеллигенции публично высказывались по этому поводу? Многие ли из них во время президентских выборов возмущались открыто и односторонним их освещением в государственных СМИ, содержащихся за счет налогоплательщиков (далеко не все из которых являлись сторонниками действующего президента)? Многие ли призывали к честной борьбе и соблюдению гарантированных законом равным условиям для кандидатов? Большой частью, к сожалению, наблюдалось обратное: так, торжаче одобрение в либеральной среде вызвали известные заявления Николая Сванидзе и Светланы Сорокиной о том, что они не могут себе позволить объективно освещать избирательную кампанию, потому что тогда может победить Эгопанов. Да и расуждения о том, что проигравший Ельцин имеет полное право во имя демократии отменить результаты выборов и сохранить власть, были встречены либералами с большой симпатией.

Трудно не заметить, впрочем, что те, кто открыто боролся с советской властью и пострадал от нее — покойные Андрей Синявский и Владимир Максимов, здравствующий Мария Розанова, Владимир Белоперковский, Владимир Буквешкин, Александр Солженицын — расуждают о делах сегодняшних совсем иначе. Они куда меньше говорят о счастье обретенной россиянами свободой, и куда больше — о той неизмеримо дорогой цене, которая за это заплачена: в одночасье оказались изменены (а порой — и сломаны) судьбы десятков миллионов людей, и далеко не все — к лучшему: ничтожное меньшинство вознеслось к сказочным богатствам, явное меньшинство сохранило прежний уровень жизни или чуть-чуть его улучшило, а большинство еле сводит концы с концами. Но, к сожалению, не эти люди сегодня задают тон общественному мнению — хотя их позиция видится куда больше соответствующей традициям российской интеллигенции, которая всегда считалась защитницей униженных и оскорбленных, слабых и обездоленных...

Когда-то Александр Блок, в знаменитой статье «Интеллигенция и революция», печалился о сторевающей усадьбе — но при этом пытался понять и оправдать крестьян, скинувших барские особняки. А многие из нынешних «властителей дум» даже не пытаются

ся понять тех, кто не разделяет их систему ценностей. Может быть потому, что легче обьявить их люмпенами и маргиналами, чем беда понимать вовсе ни к чему?

Все сказанное в вышней степени печально. Печально, что лучшие представители российской интеллигенции готовы считать социальные контрасты «издержками переходного периода». Печально, что они отказываются от сострадания и соболезнования тем, кого либеральные реформы отбросили на самый низ «социальной лестницы». И печально, что если в чем наши «властители дум» и упрекают наших реформаторов — то разве что в недостаточной решительности и излишнем внимании к мнению неразумного большинства, не способного «воспринять продуктивные идеи либеральной экономики», как сетовал один из них на страницах «Московских новостей».

Что же, мысль не нова — именно на том, что общество должно двинуться в том направлении, которое считает необходимым прогрессивное меньшинство, а не в том, которого желает консервативное большинство, строилась теория и практика коммунизма (и российского большевизма в том числе). Круг замыкается: во имя либеральных реформ и недопущения коммунистического рванца либеральная интеллигенция незаметно скатывается к чуть перефразированным догматам коммунистической веры. Демонстрируя при этом — увы — не лучшие душевные качества.

Так, в сентябре 1992 года покойный Булгаг Окуджава отказывался считать интеллигентами тех, кто не способен на терпимость к анакомыслию и неприятие насилия. Но минул год — и в период жесткой конфронтации Ельцина с Верховным Советом множество деятелей культуры, составляющих цвет российской интеллигенции, не раз подписывались под коллективными письмами, где ни о терпимости, ни о ненасилии уже не было и речи. Зато в избытке содержались призывы запретить оппозиционные партии, закрыть оппозиционные газеты, разогнать парламент и представить органы на местах — конечно же, во имя самых благих целей. Анофеезом стало письмо, опубликованное в «Известиях» 5 октября 1993 года, в стиле «Раздавите гадину!» — со словами: «Хватит говорить, пора научиться действовать, эти тупые недодумывающие только слух». И самое грустное — в том, что все высказываемые публично суждения были вполне искренними...

Трудно не заметить, однако, сходство указанных писем с коллективными разносами «врагов народа» 60-летней давности — под которыми тоже стояли подписи лучших представителей интеллигенции. И которые столь же искренне считали: стоит уничтожить мешающих построению социализма врагов — и наступит процветание. Разве не великий писатель впервые произнес: «если враг

не сдается — его уничтожат?»? Разве не лучшие мастера культуры славили коллегтивизацию, горячо одобряя ее единственно верный курс и приветствуя суровые, но вынужденные меры против кулаков и подкулачников? Разве не они призывали ответить красным террором на белый? Наконец, разве не они приветствовали октябрьский переворот?

Осенью 1917-го немалая часть интеллигенции поддержит большевиков. Цвет нации — Брюсов, Вересаев, Тимирязев, Горький, Гиляровский, Маяковский, Пильняк, в первое время — даже Куприн и Шаляпин с восторгом встретят строительство нового мира и будут восхищаться энергией, умом, административными способностями и молодостью революционеров. Вскоре интеллигенция залптит за это — или вынужденной эмиграцией, или гибелью в лагерях, или унижительным существованием в качестве «прослойки», а общество — десятилетиями тоталитарного режима.

Через три четверти века немалая часть интеллигенции подержит радикальные экономические реформы и будет восхвалять энергию, умом, административными способностями и молодостью реформаторов. Вскоре интеллигенция залптит за это — или вынужденной эмиграцией, или нищенским существованием с единственной надеждой на 500 долларов от Сороса, а общество — деградацией науки и тихим умиранием образования, медицины и культуры. А впереди будет вполне выжатая переспектива тоталитарного режима — потому, что репрессированное состояние экономики слишком часто заканчивается подводящей «сильной рукой».

Неужели и вправду нет ничего нового под солнцем?

Явка с повинной

История с «союзом писателей» (как ехидно назвал Григорий Явлинский авторский коллектив во главе с Анатолием Чубайсом, получивший сказочный гонорар за неизданную книгу) стала главной темой ножа. И еще раз подтвердила: самый выгодный бизнес в России — приватизация власти.

Факты известны: некий банк выдал неким гражданам авансом 450 тысяч долларов за книгу о приватизации. При этом, по чистой случайности, именно эти граждане руководили этой приватизацией, а именно этот банк добился небывалых успехов в приобретении максимального количества государственности по минимальным ценам. Все это получило отласку — и последовала отставка всех соавторов с государственных постов (впрочем, Чубайс потерял лишь кресло министра финансов, сохранив пост первого вице-премьера).

Не будем вести поиск конкретных заслуг «писателей» перед издателями — история приватизации «Норильского никеля» и «Связьинвеста» общеизвестна. Не будем и обсуждать причины, по которым разоблачениям «писателей» был дан «зеленый свет» — слишком уж недавно Чубайсом был сильно обижен Березовский. Поговорим о другом: о тактике защиты, выбранной сторонами первого вице-премьера.

Как известно, оппоненты Чубайса заявляли, что неправдоподобно высокий гонорар из кармана лиц, явно заинтересованных в служебных услугах авторов, за узкопрофессиональное издание, интересное нескольким сотням (или тысячам) профессионалов — плохо замаскированная взятка.

Что они слышали в ответ? Устами Николая Сванидзе и его подчиненных по Российскому ТВ, Егора Гайдара и его коллег по ДВР, а также ряда представителей интеллигенции, души не чающих в либеральных реформах вообще и в либеральных реформах в частности, было заявлено следующее. Во-первых, против Чубайса организована заказная кампания — руками банков, которые не хотят обещанных «честных правил» приватизации. А

«Невское зеркало», 4 декабря 1997 года (под названием «Чубайс как Бродский нашего времени»).

хотят, как раньше, получать собственность с черного хода и по дешевке. Во-вторых, полмиллиона долларов за хорошую книгу — не так и много. Вот Лигачев за свою книгу 150 тысяч долларов получил, а Хиллари Клинтон — и вовсе 750 тысяч. В-третьих, Чубайс настолько полеген для дела реформ, что ему и большие суммы не жалко. Тем более, что все союзники Чубайса — на руку налогом с гонораров. В-четвертых, критика Чубайса — на руку коммунистам, которым он как косяк в горле. В-пятых, стоит Чубайсу лишиться хоть одного из постов — для российской экономики наступит полная катастрофа. Акции предприятий упадут, рынок ценных бумаг рухнет, а инвесторы ринутся прочь из страны. Принадлежащая банку-«издателью» газета договорилась даже до сравнения атаки на Чубайса с... процессом над Иосифом Бродским. Исходя из того, что оба рыжике и оба неправедно гонимые неблагоприятными соотечественниками.

Что тут скажешь? Сравнения с Бродским даже и обсуждать как-то неудобно — неловко делается за газету, вынужденную защищать хозяев такими методами. А что касается прочей аргументации — перед нами блистательные образцы расуждений в извещенном стиле. Помните, какой-то американский президент отъезжая от диктатора Сомосе: он, конечно, — сукин сын, но он — наш сукин сын! А «нашему сукину сыну», как известно с большевистских времен, можно все: ведь нравственно все то, что служит интересам дела... Впрочем, давайте по порядку.

Компания по вытаскиванию на свет работы издательского дома «Чубайс и его команда» организована его противниками? Да, это так. И безусловно, плохо, что журналисты становятся орудием сведения счетов с политическими противниками. Но разве все это хоть в чем-то ставит под сомнение истинные истории с гонорами? И не лукавство ли — подменять неудобный вопрос о квалификации десятий «писателей» удобным вопросом о том, кому выгодно обнародование их литературных успехов? И не печально ли, что для обнародования правды о деятельности Чубайса он должен крепко насолить Березовскому?

Причина атаки на Чубайса — недовольство банков будущей «честной приватизацией»? Для начала, не верить в то, что приватизация будет честной: организатор и вдохновитель недавних заведомо нечестных правил игры вряд ли способен вдруг перекопаться и создать честные. Что касается прочего, то банки, как предполагается автору, заинтересованы как раз в честных правилах — потому что при нечестных правилах никто не может заранее сказать, кто в текущий момент будет ходить в придворных фаворитах. И если кампанию против Чубайса организовали противники честной игры — то как раз тот банк, который сегодня наживается на игре нечестной. Быть может, Чубайс пригрет эмею на своей груди?

Полмиллиона долларов — не так и много? И это расуждение как-то неудобно комментировать: подавляющее большинство граждан страны столько не заработает за всю жизнь. И когда главный приватизатор страны педит сквозь губу «эти несчастье 100 тысяч долларов — он убедительно показывает, что презирает десятки миллионов своих сограждан. Кстати, Егор Лигачев получил за книгу не 150, а 15 тысяч долларов. А жена Клинтон получила свои деньги за распродажную книгу, а вовсе не авансом.

С гонораров будут загланы налоги? Блистательный защитный довод, но, помнится, в заспойные времена был популярен вопрос: должен ли коммунист платить взносы со взятки? Ответ: должен, если он — честный коммунист!

Критика Чубайса играет на руку коммунистам? А что делать, если на улице выйдет демонстрация коммунистов, скандирующая таблицу умножения? Когда мы научимся оценивать, что сказано, а не КЕМ сказано? Очень жаль, что даже Сергей Ковалев добавил голос в этот хор, посетовав: мол, надо задуматься, что независимая пресса оказалаь по одну сторону баррикад с коммунистической оппозицией! Но давно ли сам Сергей Адамович подвергнулся ostrакизму за то, что, отказываясь поддерживать Ельцина, тоже способствует коммунистам?

И наконец, о пророчествах неизбежного краха российской экономики в случае урзания полномочий Анатолия Чубайса. Даже как-то неловко за бесспорно неглупых людей — Егора Гайдара, Андреа Илгарionoва и других, всерьез уверявших в этом общечеловечности. Рынок — как мировой, так и российский — смещения Чубайса с минфинского поста даже не заметил. А высокопоставленные лица с Запада четко дали понять: время, когда российские реформы олицетворяли конкретные люди, прошло. Кто будет у власти в России — с теми и будут работать...

В заключение отметим, что широкое читательское обсуждение деятельности «союза писателей» показало: наконец-то доходы от написания книг о российской приватизации превысили доходы от самой приватизации! Ведь и сегодня (не говоря о дне вчерашнем с его сказочно дешевой для избранных госсобственностью) приватизация пары-тройки заводов обойдется куда дешевле, чем покупка прав на изданные книги кого-нибудь из приватизаторов. Для справки: ВСЕ доходы государства от ваучерной приватизации нескольких десятков тысяч российских предприятий составили около 5 миллиардов долларов и лишь в десять тысяч раз превышают стоимость известного колледжничного труда во главе с крестным отцом ваучера. А петербуржцам, проживающим в «культурной столице Европы» (как недавно выразился президент), интересно узнать, что доля каждого из пяти союзников книги (как и гонорар выгуглавшего недавно в индигидуальном зачете Альф-

реда (Коха) почти вдвое превышает сумму, выделенную в этом году из петерского бюджета на поддержку всего петерского книгоиздания.

И все же, молвим слово в защиту опального «союза писателей». Думается, что Григорий Явлинский излишне суров, когда заверяет, что даже самая выдающаяся литература по столь частному вопросу, как приватизация, никак не может стоить так кие выдающиеся деньги.

Лично я верю, что за книгу о российской приватизации можно заглажить не только полмиллиона долларов, но и гораздо больше.

Для этого в этой книге Чубайса и его коллег должна быть написана вся правда о том, как действительно проходила российская приватизация.

Ну а деньги **будут** заплачены за то, чтобы эта книга никогда не увидела свет.

И называться эта книга должна «Явка с повинной»...

Эпоха фаворитов и пажей

Возможно, к моменту выхода статьи частично запуганный роспуском, а частично пожульленный парламент уже согласится на то, чтобы Сергей Кириенко стал легитимным премьером.

Мало кто сомневается: со второй, в крайнем случае — с третьей попытки вторым человеком в стране станет 36-летний бывший секретарь Горьковского обкома ВЛКСМ, вознесенный в кресло старческим капризом 67-летнего бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

Что же, президент становится все опаснее для страны, вынужденной зависеть от того, с какой ноги встал утром глава государства и что ему удалось нащептать с вечера в высочайшее ухо. Исторические аналогии напрашиваются: ранний Ельцин правил, опираясь на соратников и единомышленников, поздний Ельцин опирается на фаворитов и пажей...

Характерно, что в поддержку Кириенко с самого начала не выступила ни одна фракция, кроме самой продажной — ДДПР. Упогреблять столь резкие выражения есть все основания после того, как Владимир Волфович публично заявил, что его фракция не будет голосовать «за», потому что Кириенко отказался предоставить им хотя бы два «заваливших» министерских поста. Впрочем, судя по всему, жириновцы все-таки проголосовали «за» (видимо, за дополнительную плату) — иначе нижегородскому «вундеркинду» ни за что было бы не набрать 143 депутатских голоса.

Все прочие фракции оценили его критически: так, «ЯВЛОКО» резонно полагает, что менять надо не премьера, а экономический курс, а еще лучше бы — президента, коммунисты — что кандидат в премьеры должен иметь опыт работы хотя бы на уровне члена ЦК, как Черномырдин или Строев, но никак не на уровне секретаря обкома ВЛКСМ, и даже фракция НДР, которой полагается поддерживать исходящее из Кремля, не обсуждая поддержку Кириенко отнюдь не единодушно.

В свете этого отказ утвердить премьера с первого захода не удивителен. Как и то, что Кириенко упорно отказывается называть фамилии будущих министров и даже обсуждать их кандида-

турь, что кое-кем расценивается как признак гордости и принципиальности. Мол, не хочет торговаться с фракциями в обмен на голоса.

Думается, что все гораздо проще: быть может, Кириенко просто нечего предложить на этот торг? Потому что ему-то лучше всех известно, что судьбу министерских кресел решат другие люди, а «карманного» премьера просто поставят перед фактом? Собственно, этот процесс уже идет: ряд министров (Примаков, Задорнов) были назначены Ельциным, в нарушение Конституции, не дожидаясь утверждения премьера.

Впрочем, независимо от причин, отказ обсуждать кандидатуры членов кабинета не с лучшей стороны показывает г-на Кириенко. Депутатам предлагается утвердить премьером никого толком не известного человека, и судить о будущем курсе его кабинета можно было бы по «знаковым» кандидатурам в министры — но юный претендент встает в позу, предлагая депутатам не просто «кота в мешке», а целый «мешок с котами». И при этом демонстративно заявляет о своей политической индифферентности, как будто можно быть политиком, не имея политических взглядов. Инфантильность? Недостаток ума? Иллюстрация будущей конъюнктуры и готовности делать, что прикажут?

Прямо скажем, малосимпатичным в этой ситуации выглядит и президент, который не жагает объяснить обеществу, почему из длинного ряда политиков и экономистов выбран для премьерского кресла именно Кириенко. Так может вести себя абсолютный монарх или диктатор — но не глава государства, стремящегося перед Западом выглядеть демократическим. Правда, методы, которые демонстрирует Борис Николаевич, типичны для его партийного прошлого: если Первый решил — он не обязан никому объяснять мотивы. Но что (или кто) заставляет президента упорствовать в назначении именно этого человека?

Аргумент «в сложной экономической обстановке стране нужно легитимное правительство, без которого она живет уже три недели» откровенно слаб: все проблемы президент создал себе и стране сам. Ведь увольнение кабинета произошло отнюдь не по инициативе Думь, а ежели ситуация и выпрям сложная — с отставкой правительства можно было бы и потерпеть. Тем паче, что еще недавно придворные экономисты гайдаровского толка (Игдармонов, Улюкаев и пр.) уверяли, что прошлый год был для экономики лучшим за все последние, а правительство работало просто замечательно. Правда, теперь они как-то сразу умолкли и готовы для Кириенко экономическую программу, где доказываются прямо противоположное: прежде правительство все развалило, и только новое может спасти положение...

Выбор президента (или выбор тех, кто определяет выбор пре-

зидента) можно объяснить разными гипотезами. Предложим читателю ту, которая предлагается автору наиболее вероятной.

Для того, чтобы понять, почему именно Сергей Кириенко выбран на должность Виктора Черномырдина, надо сперва ответить на вопрос: почему эта должность именно сейчас стала вакантной? Обросшим предположения о том, что президент вдруг прочел газеты и выяснил, что Чубайс докладывал ему, что с экономической все в порядке, а на самом деле — все наоборот. Или о том, что вокруг Кремля созрел разговор во главе с Куликовым, задумавшим ускорить вступление Черномырдина в президентскую должность. Ельцин решил опередить оппозицию и отправить правительство в отставку еще до акции протеста 9 апреля? Темлее, но жертва явно несоответственно опасности. Экспремьера выводят из под удара, как твердо выбранного преемника? Еще теплее, но зачем делать это за два с лишним года до выборов? Политическая логика (которой, возможно, лишен президент, но которой вряд ли лишены те, к чьим советам он прислушивается) подсказывает, что такой шаг был бы уместен за год до выборов — скажем, весной или летом 1999 года. Тогда Черномырдин мог бы, еще не будучи забытым, провести в Думу сильный список НДР, и «раскрутиться» к лету 2000 года полностью.

Но если предположить, что кремлевские выборы состоятся не через два года, а значительно раньше — все становится на свои места. И самые разрозненные факты выстраиваются в связную цепочку.

Во-первых, вполне логично тогда выглядит отставка Черномырдина и его немедленное заявление о вступлении в президентскую гонку. А во-вторых, логично выглядит предложение на пост премьера откровенно бесцветной, управляемой и слабой фигурой, на которую, с одной стороны, легко свалить очередные непопулярные меры, и которая, с другой стороны, не будет мешать в случае экстраординарных обстоятельств. В частности, не сможет реально вмешаться в ход «внеочередной» избирательной кампании.

Понятно, что в этом случае известные и самостоятельные политики и не могли быть предложены на должность премьера. Скажем, Григорий Явлинский — которого большинство граждан, судя по опросам, хотели бы видеть на этом посту. Достаточно представить себе звонок президента к Явлинскому-премьеру с категорическим требованием сделать что-либо, что лидер «ЯБЛОКА» считает категорически неверным. Что касается Строева или Лужкова — и тот и другой вполне могут и сами претендовать на президентский пост, и вряд ли обеспечивают Черномырдину режим наибольшего благоприятствования.

Конечно, в запасе есть и абсолютного послушные фигуры —

скажем, Гайдар, никогда ни в чем не перечивший Борису Николаевичу, или Шумейко, или Лившиц. Но еще удобнее «политический бройлер» Кириенко, который, не имея ни связей, ни авторитета, по определению не будет иметь ни на что сильного влияния. Не заслуживает еще.

Есть и еще один момент. Назначение премьером представителя любой партии автоматически означало бы, что именно ей де-факто передается власть. Помимо всего прочего, именно премьер-министр — случись что — замещает президента. И в этой связи очень символично, что лидер фракции НДР Александр Шохин вдруг затворил о том, что если с президентом что-то случится, а в стране нет легитимного премьера — возникает коллапс, ибо Конституция не предусматривает дальнейших звеньев в цепочке передачи власти. Шохин, без сомнения, очень хорошо информирован — быть может, вопрос скоро станет актуальным?

«Гроссмейстер пожертвовал ферзя» — так называлась статья Михаила Бегака в предвыдущем номере «НО», где рассматривались различные версии внезапной отставки правительства и назначения «проходной пешкой» Сергея Кириенко.

Скорее всего, пешку продвинул до последней горизонтали. Но вовсе не обязательно, что она станет ферзем: правила шахматной игры позволяют превратить ее в любую фигуру — по воле игрока, который, между прочим, не имеет обыкновения заранее сообщать пешкам свои планы.

Да и кто поручится, что именно Ельцин принимает соответствующее решение? Ведь нет никаких гарантий, что он является игроком, а не пешкой на доске большего размера. Да и в шахматы ли мы, собственно, играем? Быть может, одни играют в шахматы, а другие — в подкидного дурака?

«Черный октябрь»:

Цели, средства и результаты

На фоне экономического кризиса, скорее всего, пройдет малозамеченной неведома годовщина — пятилетие «Черного октября». Тогда, осенью 1993-го, президентским указом № 1400 от 21 сентября был разогнан российский парламент, и двухнедельное противостояние «ветвей власти» завершилось кровавыми событиями 3–4 октября.

Впрочем, мы не будем обсуждать вопрос о том, кто тогда был прав, а кто нет, хотя точка зрения автора была и остается неизменной: Борис Ельцин совершил государственный переворот, разогнал Конституцию, отрекся от своей президентской присяги и узурпировал власть в стране, установив существующий и по сей день авторитарный режим. Поговорим о другом: пять лет назад сторонники президента, даже признавая незаконность использованных им средств, оправдывали их применение величием цели. И как тогда, так и сейчас от них можно слышать: не было иного способа обеспечить продолжение необходимых стране экономических реформ, проведение которых блокировал реакционно-консервативный парламент. Только устранение парламента с реформаторской дороги и принятие новой Конституции, развязывающей руки президенту и правительству, способно обеспечить эффективное построение «светлого капиталистического будущего» с рыночной экономикой, свободной конкуренцией, широким слоем собственников и, естественно, высоким благосостоянием граждан.

Что же, по проществу пяти лет можно «остановиться, оглянуться» и попытаться оценить, насколько оказались достигнуты цели, во имя которых были применены столь сомнительные средства. И платой за применение которых стал дряхлеющий до сей поры раскол бывших соратников по демократическому движению на два непримиримых лагеря. По одну сторону политической баррикады встали те, кто осенью 1993-го поддерживал линию исполнительной власти и одобрил разгон и расстрел парламента.

«Вечерний Петербург», 3 октября 1998 года.

Впоследствии именно они составили ядро «Демократического выбора России». По другому — те, кто отказался опрадать действия президента «революционной несолообразностью» и «интересами проведения реформ». Впоследствии именно они составили ядро «ЯБЛОКА».

Однако чем закончилось противостояние — известно, и к декабрю 1993 года все «стартовые условия», о которых мечтали сторонники радикальных реформ, были выполнены. Старый парламент устранен и заменен новым с весьма ограниченными полномочиями, новая Конституция сосредоточила почти абсолютную власть в руках Ельцина, «реформаторский семафор» открыт — наш паровоз, вперед лети! Дорога реформ отныне свободна, никто не может помешать президенту и правительству твердой рукой проводить все необходимые преобразования. Закончить приватизацию, погасить инфляцию, стабилизировать рубль, и... остается только дождаться экономического роста, который, согласно учебникам, обошлемся передовой опыт других стран мира, неминуемо наступит. Надо только заглушить в себе жгучую и не обращать внимание на неразумные мечты, не готовые по указанию врача принимать горькие лекарства и терпеть лишения во имя прядущего рая.

Правда, оппоненты либерал-радикалов (в том числе, и автор статьи) еще тогда предупреждали: Не верьте, что подавление инфляции автоматически гарантирует экономический рост! Не верьте, что неудачи реформ проистекают исключительно от неадекватности властных полномочий у реформаторов! Не верьте, что дело надо не от той болезни, которая есть, а от той, лекарство от которой очень нравятся врачу, как самое передовое в мире!

Однако воспитанные на аксиомах Фридриха и Андерса Осгунда либерал-радикалы ответили нам: курс верен и ему нет и не может быть альтернативы, а все, кто его критикует, тем самым льют воду на мельницу коммунистов и сознательно или неосознанно стремятся вернуть нас к прежним временам, к очередям, дефициту и пустым полкам. И поскольку большинство СМИ (особенно, электронных) на долгие годы стали чем-то вроде агитационно-пропагандистского департамента при тех, кто проводил радикальные реформы, указанная дилемма прочно заняла свое место среди так называемых «общепризнанных точек зрения».

Что же, понадобилось пять лет и нынешний невиданный по масштабам кризис, чтобы понять — дорогой ценой — ложность этой дилеммы. Ведь именно то, чем нас пугали в случае возврата к власти консерваторов — очереди, дефицит и пустые полки, — мы получили при неизменном политическом режиме и при неизменном сохранении у политической власти людей, которых принято называть реформаторами.

Оказалось, что подавление инфляции путем невыплаты зарплат и перевода трех четвертей экономики на бартер, векселя и взаимозачеты — это еще не финансовая стабилизация. Потому что маннакаральное «сжатие денежной массы» любой ценой ведет к спаду производства и, как следствие — снижению доходов бюджета и к бюджетному дефициту.

Оказалось, что сосредоточение некоей общественной собственности в руках узкого круга лиц — это еще не создание широкого класса собственников.

Оказалось, что передача доходов от использования природных ресурсов страны в руки близких к власти структур — это еще не торжество свободного рынка и конкуренции.

Оказалось, что привлечение на российский фондовый рынок международных финансовых спекулянтов, требовавших за высокий риск не менее высокие процентные ставки — это еще не инвестиционный бум.

И оказалось, что свобода государства от выполнения своих финансовых обязательств — это еще не либеральная экономика.

Однако сегодня, когда выяснилось, что все жертвы, принесенные во имя «борьбы с инфляцией» по сути оказались напрасны, а практически все широко разрекламированные достижения последних лет рухнули, как картонный домик, идеологи радикальных реформ и не думают признавать свои ошибки! Напротив, они продолжают твердить: все дело было в неадекватной решительности и жесткости, надо было проводить реформы еще тверже, и все бы обязательно получилось. Так и хочется привесить над ними крышечку каструли с молоком, чтобы оно не убежало, придавило киприном. А когда оно все-таки убежало, повара начал сокращаться: вот если бы положил больше кипричей... Но ведь нужно-то было всего лишь уменьшить огонь!

Что же, это — типично большевистский стиль поведения: теория была верная, исполнение подвело. Помните, как в свое время нам внушали, что все неудачи в строительстве коммунизма проистекают от извращений верного ленинского пути? Собственно, и коммунизм-то Брежневу, Андропову и Черненко чуть-чуть не дали достроить — вот если бы еще немного народ потерпел во имя светлого будущего...

Очень жаль сегодня тех, кто искренне принимал ругавшие декорации за прочные постройки. Тех, кто постепенно начал верить государству, привыкать к относительно стабильным ценам, вкладывать средства не в «зегеные», а в ответственные ценные бумаги, планировать свой бизнес и свою жизнь, которая казалась более-менее предсказуемой. Увы, все оказалось блефом. Государство цинично отказалось от своих обязательств, элементарно

«кинуло» не только внешних кредиторов, но и собственных граждан. И после всего этого власть снова начинает твердить о неизбежных непопулярных мерах (как будто до сих пор она проводила популярныи!) и необходимости выпереть снижение уровня жизни, чтобы преодолеть последствия экономического кризиса, который оно же и вызвало. Ведь совершенно очевидно: без не-продуманных и безответственных политических решений кризис вряд ли достиг бы такой силы — ничего такого не случилось в России в последний месяц, что объективно привело бы к 3–4-кратному падению рубля! Именно действия высшей российской власти (недаром в гражданском праве они относятся, наряду с наводнениями и землетрясениями, к «форс-мажорным обстоятельствам») спровоцировали кризис. Сперва правительство Кириенко обьявило о девальвации и отказалось платить по долговым обязательствам государства, а затем Черномырдин вместо того чтобы немедленно дезавуировать «наперсточные» действия предшественника, занялся переговорами об условиях своего утверждения Думой. При всем этом страна имела бездействующий Центробанк, который, являясь главным продавцом долларов в России, просто устранился с валютного рынка — что же удивляться, что курс «зеленых» начал астрономически расти? И наконец, имелся традиционно запершийся в сложной ситуации в Горках президент, продолжающий повторять, что в отставку, чего требует три четверти россиян, он не уйдет, а другой кандидатом, кроме Черномырдина, у него нет (как пять месяцев назад не было другой, кроме Кириенко).

«Не теряйте мужества — худшее впереди», — любил повторять император-столк Марк Аврелий. И все же очень хотелось бы надеяться, что достигнутый с утверждением премьером Евгения Примакова политический компромисс приведет и к компромиссу экономическому: изменению скомпрометировавшего себя экономического курса. Собственно, не так и сложны меры, способные хотя бы в первом приближении восстановить доверие граждан к государству, успокоить валютный рынок, стабилизировать банковскую систему. Нужно лишь одно: проводить реформы, учитывая мнение общества, а не вопреки ему, и не подаваясь гипнозу простых решений и единственно верных курсов.

Да, мы не в силах переписать заново страницы истории, но мы в силах хотя бы в будущем избежать горьких ошибок прошлого. Еще не раз на нашей памяти, как осенью 1993 года, нам будут пытаться оправдать негодность средств величьем цели. Но давайте не будем легковерными — ведь тот, кто не помнит о прошлом, неизбежно обречен на его повторение.

Выборы или турнир провокаторов?

Когда пишутся эти строки, еще не известен результат первого тура выборов в Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. Выборы, которые не обошла своим вниманием, кажется, ни одна из крупных российских газет и телекомпаний, заслуженно назвав их самыми грязными в стране за последнее время.

Два с половиной года назад очень многие называли прошедшие президентские выборы самыми недемократическими выборами в России.

Тогда казалось, что достигнут максимум поглощения в жизнь принципа «цель оправдывает средства» — настолько неприличным путем обеспечивалось переизбрание Ельцина. При этом весьма существенно роль играли не только административные (скажем, превращение региональных администраций в штабы поддержки президента, или установление контроля за электронными СМИ), но и психологические методы — откровенное манипулирование массовым сознанием.

Потом, когда выборы закончатся, многочисленные «имидж-мейкерские фирмы» и «центры политических технологий» начнут делиться воспоминаниями о том, как здорово они отработали свои деньги, дурача доверчивых граждан и обеспечивая нуждым результатам...

Что же, сегодня, во время избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, придумается признать, что все прежние кампании выглядят невинными детскими шалостями.

Выставление «двойников» не только для известных кандидатов, но и для и политических партий (скажем, создание фальшивого «ЯВ/ЮКА»). Откровенный подкуп избирателей — с обещанием бесплатных услуг, раздачей подарков и вывозом целыми автомобилями на «досрочное голосование» за бутылку водки или

пакет с продуктами. Массовое тиражирование листовок-анонимок с клеветой на конкурентов или, напротив, якобы с их поддержкой от имени фашистских организаций. Ночные звонки к избирателям с предложением ознакомиться с программой кандидата (с вполне предсказуемой реакцией). Обещания близкой к выборам применить еще более «нетрадиционные» методы — например, расклеить прочным клеем листовки конкурентов на ветровых стеклах автомашин или дверях квартир...

Это — далеко не полный перечень изобретений петербургских «предвыборных гениев», которые, большей частью, стараются оставаться в тени, хотя имена некоторых из них открыто называются питерскими и центральными изданиями. При этом характерно, что мастера политических провокаций (в том числе эзэзские) не скрывают, что расматривают город в качестве испытательного полигона. И проверяют: можно ли превратить демократические выборы в откровенный фарс и издевательство над демократией?

Понятно, что ставки в предвыборной борьбе высоки. В 1994 году, когда избирались нынешние депутаты Законодательного Собрания, петербургский парламент был почти беспартийным органом, потому что практически вся власть в городе принадлежала мару. А сегодня Собрание, в соответствии с Уставом Санкт-Петербурга, обладает немалой властью — за которую принято бороться всерьез. Но бороться надо честно, и если в открытой и честной борьбе побеждает лучший из кандидатов — ему не зазорно уступить.

Между тем уже не раз выборы становились соревнованием богатых с мошенственными, или выбором между богатыми и очень богатыми. Ну а сейчас выборы в Петербурге превращены в состязание закулисных интриганов и политических провокаторов. Созданные программам, позиций, идей, способов выхода из кризиса искусно подмешено турниром провокаторов, маскирующихся под «индустриальных», «политических консультантов» и «технологов». И все они словно соревнуются друг с другом: кто придумает более «ловкий» (а на самом деле — подлый) способ запугать граждан? Кто лучше сумеет проталкивать в депутаты тех кандидатов, которые в честной борьбе не имели бы шансов?

Недаром все время муссируются слухи о неких «закрытых списках» кандидатов, которыми якобы оказывается особая протекция со стороны чиновников. Которым созданы привилегированные условия в ведении предвыборной агитации. И в пользу которых настраивают «нужным образом» школьных учителей, врачей и милиционеров.

При этом те кандидаты, о которых говорят, что они входят в эти «списки», имеют, прямо скажем, не лучшую репутацию: это

либо депутаты Законодательного Собрания, практически ничего не сделавшие как законодатели, зато исправно обслуживавшие интересы нынешней власти (все равно — мэра или губернатора), либо бизнесмены с сомнительной репутацией, либо представители старой партийно-хозяйственной номенклатуры.

Не требуют особых доказательств: праздные методы предвыборной борьбы и, безусловно, стоящие за ними праздные деньги убивают свободные выборы и демократию. Понимают ли это граждане? К сожалению, не всегда.

Только что по квартирам моего дома ходил (явно решивший «поухалтурить») милиционер (!) и раздавал некие абонементы на получение бесплатных консультаций до 2002 года, когда заканчивается срок полномочий избирательного Законодательного Собрания, в некоем «правозащитном центре». Само собой, этот центр возглавляется одним из кандидатов по моему округу, работавшим ранее, впрочем, отнюдь не юристом, а реультировщиком радиопаратуры, но кто же обращает внимание на такие мелочи? Соседи исправно расписывались за абонементы, и не исключено, что многие пошли голосовать за благодееля, не понимая, что далее их ждет одно из двух. Либо кандидата не изберут, и тогда они не услышат от нем ничего до новых выборов, либо изберут, и они в лучшем случае услышат его помощников, которые будут объяснять, что депутат очень занят и не имеет возможности быть у них бесплатным юристконсультантом.

Прецеденты уже были — но все ли граждане об этом знают? Все ли понимают, что как только к их головам начинают относиться, как к товару, обещая якобы бесплатные услуги или просто деньги — значить, перед ними или провокаторы, или криминалитет, стремящийся к власти?

Да, 50—100 рублей, которые сегодня платят за досрочное голосование за определенного кандидата — для многих немалые деньги. Но надо понимать: голоса избирателей скапают не для каких-то отвлеченных целей, а чтобы получить доступ к городскому бюджету и печально знаменитым депутатским «резервным фондам» — изобретению именно питерских депутатов, когда каждый из них может лично распоряжаться сотнями тысяч долларов из бюджета. И таким образом иметь возможность вынуть из кармана избирателей куда большую сумму, чем сегодня им заплатят за их голосы.

Что же, если на питерских выборах (а в случае успешного апробирования провокационных «избирательных технологий» — и в других регионах) побеждает те, кто используют «грязные» методы предвыборной борьбы, — мы получим столь же «грязных депутатов» со всеми вытекающими последствиями. Как-то не хочется видеть в реальности карикатуру из петербургской газеты, где

в зале Маринского дворца на заседании Законодательного Собрания фракция «Бандиты Петербурга», растопырив пальцы веером, берет переверыв на полчаса...

Можно ли поставить заслон этой «грязной игре»? Представляется, что сделать это можно тремя путями. Созданием массового неприятия подобных методов в общественном сознании — иначе говоря, кропотливой разъяснительной работой, объясняя избирателям, как их дурачат. Внесением изменений в избирательное законодательство — чтобы подобная «грязная игра» со стороны кандидатов не просто квалифицировалась как нарушение, но и вела к немедленной отмене результатов выборов, победа на которых одержана нечестным путем. Ведь только реальная угроза «дисквалификации» может поставить хоть какой-то барьер на пути любителей «грязной игры». Наконец, представляется (хотя этот тезис, возможно, спорен), что следует двинуться в направлении пропорциональной избирательной системы и выборов по партийным спискам. Ведь закупить на корню целый регион (или закупать все конкурирующие политические партии) куда сложнее, чем подкупить конкретный избирательный округ или «надавить» на 8—10 соперников. Ну а пока каждый день в Петербурге приносит известия о новых провокациях, новых анонимках, новых угрозах и новой лжи...

В середине ноября мы с моим старым другом, депутатом Госдумы Александром Шиншловым говорили с одной из известных питерских журналисток о том, насколько грязно проходят выборы. Однако в ответ услышали, что «топить» кандидатов-конкурентов, дурачить избирателей, придумывать все новые и новые методы и трюки для достижения своих целей — это творческая, интересная и интеллектуальная работа, в которой нет ничего такого уж плохого. Тогда, помнится, Шиншлов ответил ей, что и киллер — профессия творческая. Журналистка улыбнулась и сказала, что не надо преувеличивать.

Через три дня в Петербурге прозвучали выстрелы — убили Галину Старовойтову.

Майская охота на царя Бориса

Объяснят ли импичмент человеку, похуже ему президент?

13

мая в Думе ожидается аншлаг: депутаты приступят к голосованию по импичменту Борису Ельцину. Если Дума не менее чем 300-ми голосов выдвинет хотя бы одно обвинение в адрес президента, Верховный Суд подтвердит справедливость обвинений, Конституционный Суд подтвердит соблюдение процедуры, а Совет Федерации двумя третями голосов выкажется против президента — Ельцин будет отрешен от должности.

Пять обвинений, адресованных Ельцину: развал Союза в 1991 году и подписание Беловежских соглашений; государственный переворот 1993 года; разгон и расстрел парламента; война в Чечне; организация геноцида российского народа, намеренный подрыв обороноспособности страны и развал армии.

Конечно, эти пункты неравнозначны.

Так, обвинения Ельцина в **геноциде или намеренном развале армии** трудно считать обоснованными.

Достаточно спорным является обвинение в **развале Союза** — ведь Верховный Совет РСФСР в декабре 1991 года ратифицировал Беловежские соглашения. Хотя сегодня очень многие искренне сожалеют, что в 1991-м, распалась не просто страна — мир, в котором мы жили. И если бы «Развод» не проводился бы Ельциным с единственной целью — как можно быстрее избавиться от ненавистного ему Горбачева, может быть, заранее предусмотрели бы условия, которые бывшим республикам Союза, стремившимся к независимости, пришлось бы выполнять. И не было бы таких «больных» проблем, как положение русскоязычного населения в Прибалтике.

Но есть еще два обвинения.

«Невский обозреватель», 7 мая 1999 года.

Осень 1993 года: разгон Верховного Совета и Съезда народных депутатов, расстрел парламента и присвоение его законодательных функций президентом, фактическое уничтожение всех законно избранных представительных органов власти и местного самоуправления в стране — можно ли отрицать, что это — государственное преступление? И можно ли отрицать, что именно Ельцин несет за это всю полную ответственность?

Некоторые, впрочем, считают, что можно.

Столичные издания пестрят статьями президентских аналитиков и бывших депутатов ВС России, первыми тогда переметнувшись к Ельцину, уверяющих нас, что президент-де всего лишь стремился «не допустить коммунистического рванша» и «отката от реформ» (известно, куда нас завели эти «реформы»), а мятежде подняли Руцкого и Хасбулатов. Честно говоря, даже спорить с этими людьми не хочется — время расставило все по местам. Напомним лишь, что именно президент в ночь с 3 на 4 октября отдал армии приказ войти в Москву и штурмовать Белый дом.

Само собой, не считалог поведение президента осенью 1993-го преступным и правые либералы, которые ничего не забыли и ничему не научились. Те же люди, что в 1993-м научившись президенту на парламенте и англодировали расстрелу Белого дома — Гайдар и Б. Федоров, Чубайс и Юшенков, Новодворская и Боровой (единственный из думских депутатов, отправившийся на юбилей НАТО) — сегодня назвали себя «Правым делом», мечтают о «либеральном рванше» и выводят в Москве своих сторонников на демонстрации под лозунгами «Нет — импичменту!» и «Ельцин — наш президент».

Наконец, **война в Чечне.** Погибло сто тысяч человек: и мирные граждане, и брошенные в военную мясорубку солдаты, которых даже толком не обучили воевать (до сих пор не все погибшие опознаны — на это у президента и правительства якобы нет денег), разрушены города и села — неужели это не тяжчайшее преступление, не имеющее срока давности? Неужели можно отрицать, что именно Ельцин — главный виновник этой войны?

Оказывается, можно отрицать и это.

Единым строем выступают против импичмента, считая тем самым, что президент ни в чем не виноват, премьер Примаков и его министры, включая коммунистов, — вот цена их «принципиальности». Против — почти все главы регионов, в том числе Владимир Яковлев и его союзники по новоспеченной «партии власти» — блок «Вся Россия», Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов, Константин Титов и другие. Против — Жириновский, всегда поддерживающий власть по твердым расценкам. Против — НДР (когда Черномырдин был против Ельцина?). Против — и «Правое дело», считающее, что если народ в 1996 году выбрал прези-

дента, значит он это за все простил. Политсовет питецкого отделения ДВР призывает граждан потребовать от своих депутатов Думы не участвовать в определении президента от должности и упрекает «ЯБ/ЛОКО» в том, что оно-де «птрет на руку коммунистам». А депутат Думы от ДВР В. Похмелкин в журнале «Эксперт» заявляет: президент не виноват, поскольку не он ведь отдал приказ о применении оружия и убийстве мирных граждан!

С премьером и губернаторами все ясно — своих не выдают. С Жириновским и Черномырдиным — тоже. А вот позиция ДВР просто беспринципна.

Напомним: едва ли не единственная ситуация, в которой «выборосы» вели себя достойно — чеченская война, против которой они выступали. И даже заявляли в январе 1996 года: «Ельцина не поддержим ни при каких обстоятельствах!». Храбрости, правда, хватило лишь на три месяца, после чего ДВР оправдал президентскую реплику Ельцина «куда они, понимаешь, денутся?».

Выбрав Ельцина, народ его «простил»? Генерал Пиночет (кумирных правых либералов) успел не только избраться президентом, но и объявить себя пожизненным сенатором — тем не менее, испанский суд справедливо требует привлечь его к ответственности за совершенные преступления.

Голосуя за импичмент, «ЯБ/ЛОКО» способствует коммунистам? А если на глазах и демократа, и коммуниста совершено преступление — должен ли демократ в суде свидетельствовать «против» лишь потому, что коммунист свидетельствует «за»?

Ну а логика г-на Похмелкина мне знакома: адвокаты нацистских преступников уверяли, что высшие чины рейха ни в чем не виноваты, поскольку не они подписывали приказы об отправке людей в газовые камеры. Хорошо, что доктор юридических наук Похмелкин не был членом Нюрнбергского трибунала. Того самого, о котором его товарищи по партии Гайдара очень любят вспоминать, требуя суда над КПСС...

Что дальше?

Скорее всего, лишь по «чеченскому» обвинению можно набрать 300 голосов, да и то благодаря провальной «ЯБ/ЛОКОМ» поправке к регламенту: голосовать будут именными бюллетенями. Зная, что скрывает свою позицию от избирателей не удастся, не все решатся открыто поддерживать Ельцина. Учитывая сложность дальнейшей процедуры (особенно голосование в Совете Федерации), вряд ли импичмент состоится. К тому же совершенно фантастической видится такая сцена: после того, как Совет Федерации голосует за отрешение, Борис Николаевич не вызывает танки, авиацию и артиллерию, а законопослушно собирает вещи и съезжает из Кремля. Прямо скажем, сцена «Я, как гарант Конституции, уйду только вместе с ней» и коллективные письма про-

Прессивной общественности «Во имя демократии и недопущения коммунистического реванша Ельцин должен остаться» видится куда более жизненной...

Но и одного выдвинутого обвинения достаточно, чтобы нанести сильнейший удар по репутации президента и создать первый в истории России прецедент, когда верховная власть отвечает за свои деяния. Бюджет показано: преследование не останется безнаказанным, а судить можно и победителей. И к ответственности может быть привлечен даже возмнивший себя новым самодержцем бывший первый секретарь Свердловского обкома КПСС.

Возвращение Высокого блондина

Выйдя днем 12 июля в зал прибытия пилерского международного аэропорта «Пулково-2», высокий блондин, прилеженный рейсом «Эр-Франс» из Парижа, мгновенно попал в толпу ожидавших его с утра журналистов, почувствовал себя в знакомой стихии и начал свою речь известным мандельштамовским: «Я вернулся в свой город, знакомый до слез». А затем добавил: «Я приехал навсегда!»

Прямо в зале прилета он дал первую пресс-конференцию, а на следующий день — вторую, где журналисты услышали много интересного.

Он заявил, что результаты выборов, которые он проиграл три года назад, были сфальсифицированы, потому что «вбросили 50 тысяч бюллетеней».

Он выразил удивление тем, что после дефолта 17 августа народ России не вышел на улицы и не потребовал ареста и наказания тех, кто довел страну до такого позора.

Он отверг обвинения в коррупции и злоупотреблениях и указал, что с ним «сводят счеты», но он ни в чем не виноват и готов ответить на любые вопросы.

Он заверил, что вполне поправил здоровье, и парижские врачи считают, что его жизнь вне опасности.

Он дал понять, что не опасается репрессий со стороны правоохранительных органов, и уверен в своей безопасности (не уточнив, насколько это связано с назначением его старых знакомых или бывших подчиненных Сергея Степашина, Владимира Путина и Юрия Шевченко на высокие посты).

Он сообщил, что, будучи опытным юристом, намерен баллотироваться в Государственную Думу по одному из пилерских округов. И намекнул, что если бы он был в нынешнем парламенте — Дума была бы совсем другой.

Он рассказал, что поддерживает «Правое дело» и является

членом партии «Демократическая Россия», куда вступил по факсу, прислав его из Парижа. И отметил, что всем демократам и антикоммунистам в преддверии думских выборов надо объединяться.

Он сказал, что если с ним все же что-нибудь случится, то заказчиков надо искать в Смоленском, в кабинете губернатора Якова Лева. Отметил, впрочем, что на губернаторский пост в 2000 году претендовать не будет, а общаться с Яковлевым не намерен.

Он, наконец, сравнил себя с академиком Сахаровым и сообщил, что верит в грядущую победу демократии...

Все стало ясно: бывший петербургский мэр Анатолий Собчак вернулся домой после чкаловского перелета Петербург-Париж в ноябре 1997 года и полуторатовичного отсутствия дома, где мало кто уже его ждал.

Его осыпали цветами, окружили улыбками, вынесли его фото на первые полосы газет и не задали ни одного неприятного вопроса. Хотя могли бы.

Можно было спросить у Анатолия Александровича, почему о масштабных «фальсификациях» и «вбросе 50 тысяч бюджетней» он узнал только в Париже и только через полтора года после выборов. И известно ли ему, что такие фальсификации если и случаются — то исключительно в пользу действующего мэра, а никак не его конкурента.

Можно было бы спросить, помнит ли бывший мэр, какая политическая пензура была установлена в городских СМИ для обеспечения его победы, как обеспечивали ему нужный процент голосов чиновники его администрации и как никого, кроме его агитаторов, не пускали в больницы, училища и воинские части.

Можно было бы спросить, как выжестся его праведный гнев на организаторов дефолта 17 августа с намерением баллотироваться в Думу от «Правого лева», которое, по странному совпадению, возглавляют именно те, кого он считает нужным арестовать и судить. И потребует ли он ареста и суда Чубайса, Непцова, Б. Федорова, Гайдара, а также Кириенко, если его включат в соответствующий партийный список.

Можно было бы спросить, кто и от какой именно болезни его лечил в Париже, поскольку установить характер его заболевания в Петербурге так и не удалось из-за поспешной эмиграции. И означает ли это, что его лечащий врач и нынешний министр здравоохранения Юрий Шевченко менее квалифицирован, чем французские кардиологи.

Можно было бы спросить, насколько полезным в будущей Думе считает себя юрист, занимавшийся социалистическим хозяйственным правом, не раз заявлявший, что не нравятся ему законы он исполнять не будет, и чьи распоряжения в бытность

мэром около 200 раз отменялись как незаконные, а все суды с оспариванием данных отмен он проиграл.

Можно было бы спросить, должен ли быть парламентарием человек, который, будучи председателем Ленсовета, поссорился со всеми депутатами сразу, поскольку они мешали ему принять единоличные решения, а затем потребовал себе практически неограниченные полномочия в качестве мэра.

Можно было бы спросить, насколько связано его желание стать депутатом с гарантированной кандидатам (не говоря о депутатах) неприкосновенностью. И почему, если он ни в чем не виноват, он категорически не желает встречаться со следователями.

Можно было бы спросить, считает ли он злоупотреблениями властью, заслуживающими наказания, наделение квартирами чиновников, отнюдь не нуждающихся в улучшении жилищных условий, продажу за бесенок государственных квартир редакторам газет, которые поддерживали его на выборах, и выдачу крупных кредитов (впоследствии невозвращенных) из городского бюджета под ничтожные проценты своим знакомым.

Можно было бы спросить, как выжестся его антикоммунизм и гневные филиппики в адрес органов госбезопасности с тем, что на ведущие посты в мэрии им были назначены именно секретари райкомов КПСС и офицеры КГБ.

Можно было бы спросить, продолжает ли считать себя демократом человек, который считает врагом каждого, имеющего отличное от его мнение, поддерживавший рагон Верховного Совета и организовавший рагон Петербургского городского Совета.

Наконец, даже не акцентируя внимание на, мягко говоря, разных масштабов личностей, можно было бы напомнить, что академик Сахаров выступал за передачу власти от коммунистической номенклатуры к избранным гражданам и депутатам, а профессор Собчак выступал за передачу власти от избранных гражданами депутатов к бывшей коммунистической номенклатуре, занявшей кресла мэров и губернаторов.

Понятно, впрочем, почему этих вопросов бывшему петербургскому мэру так и не задали. Нельзя же с первых минут на родной земле портить человеку настроение...

Господин Никто

В ситуации, когда нам внушают, что исход выборов predetermined, а главный кандидат в президенты делает все возможное, чтобы остаться Господином Никто и ни в коем случае не раскрыть свои политические и экономические взгляды, многим не остается ничего, кроме самоутешения и выдумывания «своего Путина».

Правые уговаривают себя, что Путин после выборов призовет их во власть, поручив проводить либеральные реформы. Запрет КИРФ, свободная купля-продажа земли, альтернативная служба в армии, Чубайс — премьер, Тайдар — министр финансов, Кириненко — председатель Центробанка...

Левые уговаривают себя, что Путин после выборов вернет в экономику государственное регулирование, пересмотрит результаты приватизации и отнимет у олигархов награбленное у народа. Чубайс с Березовским — под суд, доллар — под контроль, Беловезжские соглашения — под сукно, Маслюков — премьер, Илюхин — Генеральный прокурор, Макашов — министр обороны....

В пианиста не стрелять — он мечтает, как умеет. Сам Путин делает все, чтобы не разочаровать ни тех, ни других. Но и не обнадеежит. Все как у Дельфийского оракула: ответы на любые вопросы формулированы так, чтобы их можно было интерпретировать в зависимости от желания спрашивавшего.

Ельцин после выборов не выполнял обещаний потому, что считал себя вправе от них отказаться.

Путин не будет их выполнять просто потому, что ничего не обещал.

Конечно, можно усмотреть в этом мудрость политика, желавшего стать «президентом всех россиян». А можно — и другое.

Путин говорит, что до выборов не обнародует свою программу — мол, «растает на части». Вот избереете, а там...

Это здорово напоминает исламскую традицию, когда до свадьбы жениху не разрешалось видеть лицо невесты. Женившись — потом увидишь, на ком. Не понапрасну — четыре года (а то и восемь!) развестись не сможешь. При этом у мусульман, по крайней мере, развод никакой сложности не представляет...

«Независимая газета», 18 февраля 2000 года.



Непонятно, впрочем, чего опасается Путин. Когда это у нас выбирали президентов, сравнивая программы? Будь так — давно бы уже Явлинский правил страной. Или Тайдар. Или Лебедь. Кто из голосовавших за Ельцина читал его программу? Может, не в бозани платилата дело, а том, что при обнародовании выискился, что нечего было «растаскивать»?

Массовая любовь к Путину — явление иррациональное. Единственное, что способны вымолвить граждане — «молодой и энергичный». Но Кириненко и Явлинский — молодежь, Чубайс и Жириновский — энергичнее. В чем же дело?

В ответ нам внушают, что недостатки Путина как раз и являются его достоинствами. Что вся сила его взглядов — в отсутствии тактовых. Что он ни правый, ни левый, ни «белый» и не «красный», ни реформатор и не консерватор...

Но разве политик без политических взглядов, без команды (не считать же ей сослуживцев из КГБ-ФСБ), без прошлого может стоять во главе одного из крупнейших государств мира?

Переизбирая Ельцина, все знали, на что идут. Не так уже и велика была его легендарная «непредсказуемость».

Изабирая Путина, никто не знает ничего: его непредсказуемость куда больше, чем у предшественника. И куда опаснее — с учетом той Конституции, которую не смогли исправить при старом и больном Ельцине и которую будет куда сложнее исправить при молодом и здоровом Путине.

Приди к власти Явлинский или Зюганов, Чубайс или Лужков — нетрудно предсказать, кто будет премьером, кто — министром обороны, кто — министром финансов и куда будет двигаться страна.

А что в «путинской обойме»? Сочьяк в генпрокуратуре, Гуров в МВД, Карелин в министерстве по налогам и сборам? А на всех прочих постах — те, кто всю жизнь «меч перековывали в шит и затыкали нам орала»? Подобные тем, кого Путин уже сегодня расставляет направо и налево?

Возможно, конечно, что истинное лицо Путина настолько прекрасно, что его можно показывать даже в программе «Спокойной ночи, малыши». А если оно таково, что его и взрослым перед сном показывать не стоит?

Однако никто не пытается разглядеть лицо, скрытое под маской.

Коммунистов еще можно понять — для них Путин социально близок уже в силу своего происхождения. Но демократы зачем занимаются самопинозом?

Может быть, 15-летняя работа в КГБ сформировала у Путина любовь к свободе и либеральные экономические взгляды?

Может быть, шесть лет, проведенные в качестве правой руки

ненавидящего представлятельную власть Анатолия Собчака сформировали у Путина демократические убеждения и веру в верховенство закона?»

Может быть, работа в президентской администрации сформировала у Путина нетерпимость к коррупции?

Может быть, руководство акцией в Чечне сформировало у Путина убеждение в нерушимости прав человека?

Кстати, о Чечне — с которой только и связана многократно воспетая лгстами «жесткость» и «решительность» Путина (все прочие его действия в экономике и в политике такой квалификации не заслуживают за отсутствием действий). С решительностью — порядок: бросил отборные части армии и МВД против чеченских сепаратистов, чтобы быстрее решить проблему. А ведение боевых действий, не обращая внимания на жертвы среди мирного населения, и заявления пропагандистов в понохах и без погон о том, что население Чечни, мол, само виновато, раз терпело бандитов, — это разве «жесткость»? Может быть, слово «жесткость» подошло бы лучше?

Увы, все эти вопросы практически не звучат. Почти все как воды в рот набрали, заворожено слушая известное «Подойдите на один шаг!» И все ближе, ближе к избирательной урне....

Но мы — народ или стаи Бандерлогов?

В итоге, по мере приближения 26 марта обостряется чувство очередного обмана. Очередных «выборов без выбора». Очередной предпрешности ситуации. И как следствие — возвращение знакомых по прошлому ощущений: происходящее вокруг — отвратительно, но что-либо изменить мы не в силах, потому что от нас ничего не зависит.

Показательно, что такие ощущения вновь выдеют нами актурат в десятилетнюю годовщину первых (и единственных) свободных и честных выборов в России. Показывая, как недалеко мы ушли от, казалось бы, забытой эпохи. Кто в 1990-м мог представить себе, что в 2000-м народным кумиром станет бывший полковник КГБ (хотя бывших полковников КГБ не бывает)?

И второе чувство — брезгливое отращивание к «элите», массово присягающей на верность местоблюстителю престола.

Впрочем, губернаторов можно пожелать — планида у них такая: проглотиться перед властью, одновременно проглатывая ей кнут для собственной порки и руку за трансферами.

Олигархов можно понять: бизнес, выступивший против государства, в России обречен. Ради сохранения богатства, дающего власть, и власти, дающей богатство, они присягнут кому угодно.

А вот «властителей дум», которые жадно толпой рванули к трону, чтобы успеть преложить ножку и поцеловать ручку, не хочется ни пожелать, ни понять. Знакомые до боли лица

среди тех, кто смело заявляет о любви к власти и ее полной поддержке: Марк Захаров, Людмила Зыкина, Никита Михалков, Елена Образцова и прочие, последовательно и пламенно любившие Горбачева, Ельцина, Лужкова, а теперь — Путина. Выделяется актер Боярский, возторженно объясняющий, какая великая для него честь — участвовать в выдвижении Путина, и ректор Петербургского университета Вербицкий, требующая привлечь по 319-й статье УК авторов «Кукол» за умаление светлого образа Путина. Давно ли г-жа Вербицкая состояла сперва в НДР, а потом во «Всей России», и славилась сперва Собчака, а потом Яковлева?

Впрочем, указанные граждане — профессионалы клакверского жанра, а что делают в этой компании Константин Райкин и Юрий Любимов? Не жаль губить репутацию? Разве можно было предсказать лет пятнадцать назад, что Любимов, которого именно КГБ выжил из страны, будет выдвигать в президенты человека, отдавшего Лубянке свои лучшие годы?

Задумаемся: что, собственно (кроме военной акции в Чечне) сделал Путин за полтора пребывания у высшей власти?

Может быть, зарплата и пенсия повысились не на 20% (минимальная зарплата и пенсия не менялись два (!) года, а цены за это время выросли втрое), а так, чтобы на них можно было жить? Кроме того, при чем тут заслуги Путина? Он всего лишь выполнял закон о бюджете, где все это предусмотрено...

Может быть, как-то «приструнили» коррупцию? Кто-то из неприкасаемых для закона олигархов или высших чиновников лишился неправедно «прихватизированной» собственности? Был вынужден сдать государству незаконно и бесplatно полученную элитную квартиру? Ответил перед судом за коробку от керосика или за взымку, полученную под видом «авторского гонорара» за какую-нибудь книгу о приватизации?

Может быть, правительство пресегло бандитизм «бензиновых королей», начало бороться с беспределом сборщиков дани из ГИБДД на дорогах и таможенников — на границах? Приняло меры для снижения курса доллара — чтобы ценники в магазинах не менялись с такой быстротой?

Ничего этого нет и в помине — есть только ничем не мотивированная вера в чудо. И понимание демократии как венародных выборов хорошего царя.

Впрочем, похмелье все равно наступит и будет очень торжким — хотя и запоздалым. Весть выбранный президент обмену и возврату не подлежит.

И в завершение — несколько цитат. Братяя Спрутацкие «Трудно быть богом».

«Три года назад он вынырнул из каких-то заплесневелых под-

вагов дворцовой канцелярии, мелкий, незаметный чиновник, уютливый, бледненький...»

«Не высокий, но и не низенький, не толстый и не очень тонкий, не слишком густоволос, но и далеко не лыс. В движениях не резок, но и не медлителен, с лицом, которое не запоминается, которое похоже сразу на тысячи лиц. Вежливый, галантный с дамами, внимательный собеседник, не блещущий, впрочем, никакими особенными мыслями...»

«Он никто. Он никтокуда. Это не могучий ум при слабом государе, каких знала история, не златоголобег-временщик, думаящий лишь о золоте и о бабах, убивающий направо и налево ради власти и властвующий, чтобы убивать...»

И наконец — финал (тоже из Струтацких):

«Мы тут ломаем головы, пытаясь вписать сложную противоречивую фигуру орла нашего дона Рабы в один ряд с Риппелем, Неккером и Монком, а он оказался мелким хулиганом и дураком. Он предал и продал все, что мог, затутался в собственных затеях, насмерть струсила и кинулся спастись к Святому Ордену».

Там, где торжествует серость, к власти всегда приходят черные.

НЕ ВСЕГДА ВОЗМОЖНО

Два президентских выборов — три дня. Одни ждут их окончания с длого скрываемым нетерпением, другие — с горечью, а третьи, которых подавляющее большинство, — с полнейшим равнодушием. Им внушили, что исход предопределен, и впереди — не выборы, а чистая формальность. Им дали понять, что всякое сомнение будет наказано как ослушание — призыв не идти на выборы или голосовать против всех трактуется как доказательство политической неблагонадежности. Им сообщили, что вся политическая элита — иными словами, центральное и региональное начальство — в едином порыве слюотилась вокруг Нето и соревнуется лишь в скорости припадания к Его ногам. Наконец, на голубом экране и на газетной полосе они каждый день видят кроссворд с одним и тем же словом по горизонтали и по вертикали... И после этого нам еще будут говорить, что это — честные и свободные выборы?

Никто не отменял избирательные законы — но губернаторы и президенты совершенно открыто заявляют, что обеспечат нужный процент голосования за Нето на контролируемых территориях. Чиновники всех уровней записываются к Нему в доверенные лица и открыто за Нето агитируют. Наконец, Его избирательный штаб и Его «мозговой центр» жаждутся, что даже не могут освоить все добровольно предлагаемые средства.

Никто не отменял принципа равенства кандидатов в президенты — но на государственных или полугосударственных телеканалах и в подавляющем большинстве общероссийских (не говоря уже о местных) газет частота Его появления уже превзошла частоту появления рекламы прокладок или спиральных поршневых: Он — с ветеранами, благодарщиками Его за выслугу полуженных по закону пенсий, Он — с детьми, благодарщиками Его за свое счастливое детство, Он — с мастерами культуры, благодарщиками Его за возможность творить, Он — с актрисами, благодарщиками Его за то, что Он есть...

Никто не отменял свободу слова и не вводил политическую цензуру — но критический взгляд на Нето или благожелательный — на

Его конкурентов встречается не чаще, чем интервью с академиком Сахаровым в «Правде» времен Леонида Ильича. Редакции большинства газет охотно печатают все, прославляющее Еро, и под лобным предлогом отказываются печатать что-либо, способное бросить тень на Его светлый образ. А если встречаются исключения — то они лишь подтверждают правило.

Собственно, все это уже было — четыре года назад, когда избрала Бориса Николаевича. И верноподданное усердие губернаторов, дружно создававших штобы по избранию Ельцина. И непрерывный показ по телевидению сериала «Голосуй сердцем». И мастера культуры, скандирующие «Ельцин — наш президент!». И концерты «Голосуй, или проиграешь!», где звезды эстрады совершенно свободно поддерживали Ельцина, а потом на оплату этих концертов из Белого дома выносили в коробках из-под ксерокса свободно конвертируемую валюту. И стыдливо опущенные глаза редакторов газет, невнятно объяснявших, что критический по отношению к Ельцину материал лвет воду на мельницу Эюганова. И «Демократический выбор России», сперва заявляющий, что не поддержит Ельцина ни при каких обстоятельствах, а затем оправдывающий президентскую реплику президента «Куда они, понимаешь, денутся»...

Последнее требует отдельного упоминания: только что политические наследники ДВР — радикал-либералы из Союза правых сил приняли все-таки «мужественное и ответственное» решение о поддержке Еро на выборах. Приняли, несмотря на блогирование «медвежьей» фракции в Думе с коммунистами. Несмотря на отданную олигархам российскую алюминиевую отрасль. Несмотря на то, что в одной кампании с СПС по поддержке Еро (даже решение приняли в один день) оказались их непримиримые, казалось бы, оппоненты — Аграрная партия, верные союзники коммунистов, которых они раньше иначе как создателями «АгроГУДАГа» не величали. Несмотря, наконец, на вторую чеченскую войну. Впрочем, кто сомневался, что СПС поступит иначе? Местом одиножды «опущенного» — в 1996 году — может быть только у параша...

Приведу одну цитату. Хоть и длинную — но весьма уместную. «Не первый раз стоит проблема: «Граждане! Отечество в опасности», но признаю: эту опасность никак не могли соединить-ся, чтобы противостоять ей сознательно и вопреки личным амбициям. Этому в незначительной степени способствовали и некоторые «страстные агитаторы за объединение», присутствующие здесь сегодня. Теперь такое объединение, наконец, состоится. Вокруг кого? Вокруг вынужденно единного кандидата от не знаю уж каких сил. Извините, но мне стыдно сказать: от демократических.

Давайте называть вещи своими именами: мы сейчас ответствен-

но принимаем решение поддержать лжеца и убийцу. Ну, пускай вынужденного убийцу, пускай не очень успешного лжеца. Мы аккуратно говорим об ошибках, которые надлежит проциять ради политической целесообразности. И прощаем. Но ведь ошибки-то состоят в убийствах! Ошибки-то состоят в прямой лжи! И каковы бы ни были сложные причины этих убийств и этой лжи, это стыдно называть ошибками. И это — действия первого лица государства...

Вот это наша позиция, и за эту позицию нашей партии в будущем придется платить. Уверю вас, нам придется платить чрезвычайно высокую цену. Сегодняшним шагом мы закрываем себе возможность в будущем стать эффективной и действенной демократической оппозицией. Избиратель скажет: «Резьята, вы приваляли меня голосовать за этого президента, а сегодня призываете меня оказать ему сопротивление». Вы и в самом деле навивно полагаете, что сумеете объяснить избирателю, что он глупее нас?»

Это — Сергей Адамович Ковалев. Но это не март 2000 года, а май 1996 года. И не Координационный совет СПС, а съезд ДВР. А все остальное — то же самое. Все то же «повторение пройденного».

Хотелось бы напомнить, что было в прошлый раз — после того, как искусно заглушенная совесть уступила искусно раздутому страху.

Перед этим нас уверяли: если президентом останется Ельцин — грядет расцвет экономики, в страну хлынут иностранные инвестиции, реформы обретут «социальный характер», прекратятся задержки зарплат и пенсий, будут побеждены преступность и коррупция. Но если, не дай Бог, победит Эюганов — рухнет экономика, упадет рубль, прекратятся западные кредиты, будет удушена свобода слова, вернется цензура, очереди и дефицит...

В итоге победил Ельцин — а случилось все, как обещали при победе Эюганова. Экономика рухнула вместе с рублем в августе 1998-го, после чего тут же вернулись (хоть и ненадолго) очереди и дефицит и закончились только после того, как впрое возросли цены. Западные инвестиции с той поры в Россию — ни ногой. Мой знакомый западный бизнесмен клянется, что лучше будет есть радиояктивные отходы, чем выжить в нас хоть один доллар. Что же касается свободы слова — большей частью она сводится нынче к свободному восхвалению Еро и столь же свободной критике Еро соперников...

Вспомним и то, что сделал Ельцин после избрания на второй срок.

Отменил свои щедрые предвыборные обещания.

Уволил Лебедева, подарившего ему голоса своих избирателей.

Поставил своего зятя Окулова руководить «Аэрофлотом», а сочинителя своих мемуаров Юмашева — главой президентской администрации.

Снял «героя» Чечни Грачева, заменив его на «героя» Тбилиси Родионова.

В благодарность за финансирование избирательной кампании назначил одного банкира — Потанина — первым вице-премьером, а другого — Березовского — вице-секретарем Совета Безопасности.

Окончательно отдал Украине Севастополь, за что простил ей долги.

Объединился с поклонником г-на Гитлера г-ном Лукашенко, которого в Европе не пускают ни на один приличный порог.

Подписал договор с Чечней, обещав финансировать ее за счет российских налогоплательщиков.

Сменил пять правительств за три года.

Пригрозил НАТО первым применить ядерное оружие.

И, успешно решив все прочие проблемы страны, занялся проблемами: развязал новую войну в Чечне и назначил преемника, гарантировавшего ему и его семье неприкосновенность.

Скорее всего, после 26 марта нас ожидает серьезное расхождение Его сегодняшних обещаний и Его реального поведения.

Да, собственно, с чего Ему уважать нас и считаться с нами — если мы сами себя не уважаем? И послушно приближаем к избирательной урне под завораживающее «Подойдите на один шаг...»

Да, потом мы спохватимся, начнем сокращаться — как же так? Как мы могли дать Ему себя заигноризировать — с Его стеклянным взглядом и натянутаой улыбкой? Как мы могли своими руками вручить Ему правление страной на четыре года? Как мы могли предложить Его тем, у кого, в отличие от Него, есть политическое прошлое и политические взгляды?

Нам будет стыдно — но будет поздно.
Единственный шанс избежать этого стыда — не допустить Его избрания.

Это нечеловечески трудно и почти невозможно.
Но необходимо быть реалистами — и потому требовать невозможного.

Четыре года назад, когда вокруг бушевала пропагандистская истерия выбора «меньшего из двух зол» все время вспоминался старый лозунг диссидентов.

Еще сильнее он вспоминается сегодня. Когда потеряно почти все — кроме чести. Да и то у немногих.

«Не верь, не бойся, не проси»...

Все мы дети своего времени

Борис Ельцин, Александр Руцкой, Сергей Ковалев, Сергей Бабурин, Борис Немцов, Светлана Горячева, Николай Травкин, Руслан Хасбулатов, Лев Пономарев, Олег Пошпов, Олег Румянцев, Сергей Шахрай, Михаил Челнок, Александр Любимов, Багла Куркова, Рамазан Абдулатипов, Глеб Якунин, Владимир Исаков, Сергей Степашин, Александр Починок, Владимир Луккин, Михаил Митюков, Виктор Шейнис, Михаил Молозцов, Николай Рябов, Дмитрий Волкогонов, Юрий Несеров, Петр Филиппов, Марина Салье, Олег Васильевич, Виктор Югин, Галина Старовойтова, Евгений Наздратенко, Михаил Лапшин, Валентин Степанков, Николай Аржанников, Михаил Астафьев, Виктор Аксютин, Илья Константинов, Никита и Михаил Толстые...

Что объединяет эти, казалось бы, абсолютно несовместимые политические фигуры, в один ряд? Ответ прост: десять лет назад, в марте 1990 года, все они стали депутатами первого — и последнего — Съезда народных депутатов РСФСР. А перед этим одержали победу на первых — и пока что тоже последних — честных выборах в нашей стране.

Все — на борьбу с «империей»?

Сделанный вывод отнюдь не голословен: даже выборы народных депутатов СССР в 1989-м и то были куда более честными и свободными, чем выборы-93, выборы-95 и выборы-99 (и тем более, выборы-96). А о выборах-90 и говорить нечего — они были беспределными. Размножив на ксероксе (втайне от стропило «первого отряда») несколько сот листовок, нарисовав десяток другой самодельных плакатов, выставив с помощью друзей и родственников кустарные пикеты у станций метро и лично отдежурирав у этих пикетов две-три недели, можно было стать не толь-

ко городским или районным, но и российским депутатом. И не опасаясь при этом ни потока клеветы в контролируемых партийными органами газетах и на телевидении, ни фальсификаций с «вбросом» бюллетеней в столы же полконтрольных райкомов и горкомов избирательных комиссиях, ни массовых тиражей листовок с компроматом (хотя в распоряжении указанных райкомов множительной техники хватало)...

Тогда для выдвижения кандидатом достаточно было собрать десяток сослуживцев в отделе или лаборатории, ни о каких сборах подписей (тем паче, за деньги) и речи не могло идти, а команды конкурентов не занимались «защитской» почтовой ящичков от чужих листовок и срыванием чужих плакатов. Парадокс, но безраздельно властвовавшая тогда КПСС не побоялась выставить своих кандидатов на честный и равный бой с активистами демократического движения, и практически не пыталась аннулировать их победу там, где потерпела поражение. Насколько иной будет ситуация через каких-нибудь шесть лет — когда режим, созданный Борисом Ельциным, четко продемонстрирует, что, будучи у власти, власть не отдаст — по крайней мере, демократическим путем. И летом 1996-го нам предстоит совершенно свободный выбор: Ельцин, оставшийся у власти, или Ельцин, не ушедший от власти. Или кто-нибудь верит, что, проиграв выборы 1996 года, Ельцин собрал бы вещички и отправился на пенсию?

Применительно к российскому съезду Ельцин, впрочем, заслуживает особого разговора —виду своей особой роли. А пока отметим один чрезвычайно важный фактор.

За год до выборов-90 многие (если не большинство) из тех, кто стал депутатами, активно участвовали в выборах-89. Или баллотировались, но проиграла, или не были допущены даже к голосованию — не прошли «сито» недоброй памяти окружных собраний, или входили в «команды» кандидатов, набираясь опыта. После этого на протяжении года они наблюдали трансляцию заседаний союзного съезда, возмущаясь его медлительностью, косностью, преобладанием партийно-хозяйственной номенклатуры, повелением Горбачева, ущемлением Межрегиональной депутатской группы и делегатов от Прибалтики... Постепенно крепло убеждение в том, что только собственныи, «прогрессивныи» российские структуры власти способны противостоять «консервативным» и «имперским» советским. Тогда еще даже о суверенитете (тем паче, о независимости) России никто не помышлял, но идеи «регионального хозяйства» и «свободных экономических зон» были весьма популярны. И не могли не трансформироваться в идею этакой «свободной зоны» в масштабе РСФСР, которая будет процветать, если станет сама распоряжаться своими ресурсами и перестанет кормить «отсталые» национальные окраины. В

общем, как пелось в одной из тогдашних передач КВН, «закживем мы не хуже японцев, вермишель отряхнувши с ушей»...

Решить эту задачу — завоевать российскую власть — можно было только создав будущее парламентское большинство. А для него был нужен лидер — поскольку такой лидер уже имелся у «конкурирующей фирмы». И уже был учрежден пост Президента СССР. И уже (между двумя турами выборов российских депутатов, в середине марта 1990 года) избран президент — Михаил Горбачев.

Логика событий была неумолима — вождем российских демократов (точнее, российских сенаратистов) и противовесом Михаилу Горбачеву не мог не стать Борис Ельцин. Просто потому, что никакой иной и равной по масштабу фигуры на эту роль не было.

Летом 1991 года, после триумфального избрания Бориса Николаевича Президентом России, профессор и генерал, покойный Дмитрий Волкогонов (кстати, выигравший выборы по округу в Оренбурге у Виктора Черномырдина), в кулуарах Съезда народных депутатов весьма откровенно и весьма зло издевался над теми, кто называл Ельцина демократом. И говорил: конечно, мы понимаем, что Ельцин — никакой не демократ, но он — наиболее подходящая компромиссная фигура для текущего момента. Фигура, под прикрытием которой смогут в течение переходного периода «вырасти» и набраться опыта демократические кадры... Последующие годы показали, чем обернулся «переходный период». А демократические кадры, которых не было тогда, так и не выросли — и не могли вырасти. Просто потому, что заинтересован в их выращении вокруг себя может быть только демократический лидер. Но никак не авторитарный, которым был и остался Ельцин на протяжении всех восьми с половиной лет своего правления. Это же, впрочем, относится и к Михаилу Горбачеву — будучи по своему характеру лидером примерно такого же склада, и он не был заинтересован в пестовании демократов. Хотя после отставки отношение демократов к нему постепенно изменился — так, в 1996 году съезд «ЯБЛОКА» будет стоя рупколикескать Михаилу Сергеевичу, при этом чуть ли не проклиная Ельцина...

Вечно второй?

Но вернемся к российскому съезду, собравшемуся впервые 16 мая 1990 года в Большом Кремлевском дворце. Сегодня уже трудно представить себе его атмосферу, но чтобы описать ее — дадим слово очевидцам. Депутатам от Ленинграда.

Перед съездом, вспоминает сегодня Виктор Югин (впоследствии — председатель Комитета ВС по средствам массовой информации), затем — руководитель питерского телевидения), обо-

мовское руководство города еще пыталось заставить депутатов с парубигетами «проводить на съезде линию КПСС» — но поздно: только что рухнула 6-я статья Конституции, на выборах в крупнейших городах России победили демократические блоки, и будущее рисовалось восторженно-оптимистические краски. Тогда, в первый день съезда, вспоминает Юрий Нестеров (выпоселдствия — депутат Госдумы второго созыва), именно «неская» делегация была предельно активной — рвались к микрофонам и на трибуну Петр Филиппов и Илья Константинов, Николай Аджанников и Марина Салье, Белла Куркова и Геннадий Богомолов. Яростно «торошили» ведущего съезда — председателя ЦИК Василия Казакова, требовали скорее включении в повестку дня самая «горящая» вопрос — о российском суверенитете, об экономической самостоятельности республики, о выборах председателя ВС, которым практически все они видели Бориса Ельцина... Ощущения этого дня, по словам Михаила Толстого (сейчас — депутат Законодательного Собрания Санкт-Петербурга), были совершенно феерическими: «полная свобода и какие-то безграничные перспективы: вот сейчас начнем принимать решения — и вся жизнь в стране пойдет по-другому». Но получи тогда депутаты возможность заглянуть в будущее — поверил бы кто-нибудь из них «пропорочеству Касандры»?

Вот Борис Ельцин, получив свои «вышарпанные» 535 голосов, становится председателем ВС — мог ли кто помыслить о трагедии «войне властей» и «указе 1400»? Депутаты решают, что первым заместителем председателя ВС будет кто-то из представителей национальных меньшинств — и на сцену выходит скромный московский профессор Руслан Хасбулатов, еще не догадывающийся о грядущем Лефортово. За поддержку своей кандидатуры Ельцин раскладывается «креслами» заместителей и председателей палат — и рядом с ним в президиуме съезда оказываются те, кто через год потребуют его отставки: Светлана Горячева, Борис Исаев, Рамазан Абдулатипов. Трижды Ельцин безуспешно «прогалактивает» на последнее вакантное место своего зама молодого и никому не известного Сергея Шахрая — не в эти ли минуты съезд подучает одного из самых зломыслимых и непримиримых врагов? Вернейший сторонник и земляк Ельцина, свердловский профессор-юрист становится председателем Совета Республик — но стоит напомнить его имя: Владимир Исаков...

Впоследствии сторонники Ельцина часто упрекали его за то, что сразу после августовского путча он не распустил Съезд и ВС и не назначил новые выборы — дескать, тогда все было бы хорошо, и не случилось бы октябрьской трагедии 1993-го. Но разве осенью 1991-го все без исключения российские парламентарии не ходили в гермах? И Хасбулатов (именно он на знаменитой сес-

сии ВС 21 августа 1991-го первым произнес слово «хунта»), и Рудкой, бывший тогда символом обороны Белого дома, и будущие «непримиримые» — Константинов и Аксочин, Астафьев и Челноков, стоявшие на пути танков плечом к плечу со своими будущими антиподами Ющенковым и Пономаревым, Якушиным и Шабадом, были бы на «ура» переизбраны на второй срок в любом округе России... Говора же о Хасбулатове, напомню один эпизод, о котором услышал еще летом 1991 года. Тогда, еще до путча, но уже после избрания Ельцина Президентом России, развернулась отчаянная борьба за осевоболившеся кресло председателя Верховного Совета. Главными конкурентами стали Хасбулатов и Сергей Бабурин, причем Бабурин при нескольких последовательных попытках голосования получал больше голосов, чем его соперник. И тогда в коридорах Белого дома Глеб Якунин и Лев Пономарев провоздрили «разъяснительную работу», объявляя чуть ли не вратами демократии всякого, кто не проголосует за Хасбулатова в противостояе Бабурину. Именно тогда впервые в новейшей российской истории появились теис о выборе меньшего из зол, которое надолго заменило добро...

Трагедия парламентарии, не сумевшего оправдать шедро питаемые нами надежды времен «демократического романтизма», была, как кажется, предопределена его ролью «вечно второго».

Ни одного дня парламентарии, собравшиеся для «великих дел», не олушали себя верховной властью: до осени 1991-го в роли «старшего брата» был союзный центр и Михаил Горбачев, а после — возвращенный их собственными руками Борис Ельцин. Не от этого ли и постоянное желание вырваться, наконец, на первую позицию, любой ценой доказать, «кто в доме хозяин», принимая судьорожные решения, которые давно уже никто не намеревался исполнять? Впрочем, говорит Михаил Толстой, эйфория весны 1990-го быстро иссякла, сменившись олушением, что настояшая власть — где-то в другом месте, а здесь просто позволяют собраться и поговорить: «зимой 1990-го иду на работу в Белый дом, тану изо всех сил за ручку еле-еле открывающейся двери, и думаю: а что, если она уже закрыта навсегда? Ведь единственное, что я смогу в этом случае сделать — утереться и уйти...»

Не перечисть случает, когда мы бурно возмущались происходящим в зале парламентских заседаний — но часто ли мы задумывались, что обижается на зеркало? Да, заглянув в него, мы не обидаружили ничто напоминающего розовый рисунок «мыльной оперы» — но ведь это Мы сидели в зале, а не сброшенные с десантом пришеельцы с другой планеты. Это Мы дружно осивтывали неприятных и улолокали вслед непонятным. Мы хамидли тем, кого не могли переубедить и затыкали уши, не желая слышать чужую точку зрения. Мы клгли ярлыкки и не задумыв-

вазь отвергали все, исходящее из лагеря противников... И все же, глядя на нынешних соглядных, но бесцветных «думцев» и «сенаторов», порой поддаешься ностальгии по временам, когда в первый свободно избранный парламент России пришел ЛИЧНОСТИ. Те, избранные в 1990-м, были не в пример нынешним «пассионариями», почти каждый из них «следил себя сам», был бойцом, проявившимся через барьеры, победив десяток соперников и «выскачив по пояс над сеткой». И не их вина, а их беда, что предстательственной власти России была суждена общая печальная участь, ибо демократия в глазах подавляющего большинства граждан не вышла за пределы всенародных выборов хорошего царя, а раздражающей «болтовней», которую нам так щедро показывали на телеэкране, заняты все парламенты мира...

«Грехи» действительные и мнимые

Да, не было (особенно в 1992–1993 годах) лучшей апитации за Бориса Ельцина, чем прямые телетрансляции парламентских заседаний и лишь съезды народных депутатов были единственно надежным способом увеличения рейтинга президента. Парламент до одури танул с элементарными вопросами, отказывался вычеркнуть слово «СССР» из Конституции, пал из своей среды неудобных и давил несогласных, легко превращаясь в топшу, повинующуюся директорской палочке спикера. Но достаточно ли было всего этого для вынесения ему обвинительного приговора? И не стоит ли, наконец, отделить действительные грехи парламента от мнимых — как говорили когда-то Спиноза, «не для того, чтобы высмеивать, осуждать или порицать, а для того, чтобы понять»? Приведу две цитаты:

«Съезд и Верховный Совет — высшие органы законодательной власти страны. Какое-либо стремление низложить их открывает трагичную дорогу по-тишескому беспрелуду и ведет в тупик».

«Сегодня раздается призывы к роспуску съезда. Выскажу свою позицию: нацивать стабилизационный период просто абсурдно».

Эти слова произнесены не Хабдулатовым, не Бабуриным и не Исаковым. Это сказал Борис Ельцин: в апреле 1992 года (6-й Съезд народных депутатов) и в декабре 1992 года (7-й Съезд)...

В течение полутора лет — с апреля 1992-го по сентябрь 1993-го — в сознание российских граждан внедрялась простота, заманивая и легко усваиваемая схема. Есть демократический президент и реформаторское правительство, проводящие единственно верные экономические преобразования, и есть консервативно-реакционный, прокоммунистический парламент, этим реформам со-

противляющийся и стремящийся вернуть страну вспять. Но, будучи чрезвычайно удобной для агитпроповской работы и митинговых резолюций, эта конструкция не выдерживает непредвзятого анализа.

Важнейшим содержательным обвинением в адрес законодательной власти был, как известно, упрек в «тормождении реформ». Конкретно упоминалось покушение на приватизацию (присоставка двух президентских указов о приватизации), принятие летом 93-го гиперинфляционного бюджета с огромным дефицитом (тогда было широко распространено мнение, что отказ президентом подписать этот бюджет приведет осенью 1993-го к импичменту), блокирование закона о банкротстве и отказ назначить референдум о частной собственности на землю — несмотря на собранные два миллиона подписей. Вот, собственно, и все, что противники парламента вменяли ему в вину — если отбросить чисто пропагандистскую шелуху, которой в течение всего 1993 года и второй половины 1992-го были заполнены поддерживающие Ельцина газеты и телепрограммы...

Что же, давайте вспомним, что закон о банкротстве был в конце концов принят именно Верховным Советом России, что бюджеты последующих годов, вносимые исключительно Ельциным и его «реформаторскими» правительствами, имели куда больший дефицит, что о референдуме по поводу частной собственности на землю, как и о самой частной собственности на землю, спорят до сей поры, а приостановленные приватизационные указы немедленно выпускались заново под новыми номерами. Крики же «Президента в отставку!», «Долой позорное правительство!», «Подать сюда Лужкова!» или «Уволить Чубайса!» не в счет: оценивать следует не слова, а принятые решения (скажем, вопрос об отставке так нелюбимого парламентом правительства ни разу не мог набрать голосов даже для включения в повестку дня). А заклятые враги парламента — Лужков и Чубайс — придерживались и придерживаются кардинально разных взглядов на приватизацию, но это абсолютно не мешало им на протяжении многих лет быть членами одной ельцинской команды.

И наконец, самое простое. О «тормождении реформ» бывшим российским Съездом и ВС еще можно было бы говорить, если бы после их ратона эти реформы резко ускорились. Но какие-либо доказательства этого отсутствуют. Так, если проанализировать период с октября 1993 года по февраль 1994-го, когда единственным источником права в стране были указы Ельцина — выяснится, что президент не решил ни одного вопроса из тех, что раньше якобы «тормозил» парламент. Да и впоследствии, когда новая Государственная Дума начала принимать законы в условиях крайней урезанных полномочий, мало что могло «помешать» Ельцину де-

дать то, что он считал нужным. Никакого «ускорения реформ», однако же, не произошло. Если, конечно, не считать этим «ускорением», например, печально известные аукционы, или строительство пирамиды ГКО. Правда, трудно не прийти к выводу о том, что «затормозить» эти процессы было бы весьма полезно для страны и для ее граждан...

На самом деле упрекать бывший парламент России надо было бы совсем за другое. За недопустимое затягивание конституционных преобразований — по сути, три года не могли (или, скорее, не хотели, понимая, что за этим последуют перевыборы) решить вопрос о новой Конституции. За отмену влотов до 1996 года (кстати, по инициативе Ельцина) выборов глав администраций регионов и городов. И главное: парламент так и не смог принять российским гражданам институт ЗАКОНОПОСЛУШАНИЯ, в чем обязан был первым подавать пример. Но он и сам-то демонстративно не уважал собственные законы, изменяя их голосованием по настроению — за что и полагается головой.

Впрочем, на каком-то этапе «великого противостояния» стало очевидным, что для команды президента роспуск парламента из СРЕДСТВА — предназначенного для проведения реформ, обеспечения дееспособности правительства, реальных конституционных изменений — превратился в ЦЕЛЬ. Но и для парламента спреножившие исполнительную власть (постоянное стремление «оставить ее на месте» и показать, кто есть высшая власть в России) из средства реализации разделения властей трансформировалось в цель — ограничить до предела президентские полномочия, а при удаче — добиться импичмента. И в этом смысле обе конфликтующие стороны были чрезвычайно похожи, а борьба между ними была не борьбой позиций или подходов, скажем, к проблемам экономики — она была борьбой враждующих кланов за право от нашего имени распоряжаться и приказывать, разрешать и запрещать, казнить и миловать, распределять среди «своих» государственное имущество и землю, недвижимость и кредиты, квоты и лицензии.

Кто-то сказал, что если бы аксономы геометрии задевали бы реальные интересы людей — из-за них велись бы кровавые войны. Так что же удивляться, что схватка не на жизнь, а на смерть развернулась в решающую эпоху Великого Передела Собственности? К сожалению, большинство наших политиков воспитаны в «тоталитарной парадигме» и искренне считают единоначалие и монополию на власть единственно возможной формой ее существования. Так что же странного в том, что разделение властей (то есть их конкуренция, не дающая ни одной из «ветвей», условно говоря, зарваться) так и не вылезло в плоть и в кровь тех, кто правил и правит нами?

Выбор из неприємного

Осенью 1993 года самым трагическим было то, что огромное количество людей было поставлено перед ВЫБОРОМ ИЗ НЕПРИЕМЛЕМОГО, их заставили отвечать на типично большевистский вопрос: «Ты за законодательную или за исполнительную власть?» Именно поэтому многие вечеринки соратники оказались помимо своей воли по разные стороны баррикад. Но если те, кто обязан быть вместе, оказались порознь, а те, кто должен быть порознь, вдруг оказались соратниками — значит, баррикады были построены не влотив, а поперек. Настрой на компромисс, на умение договариваться и услужать был смит волной политической истерии: «Если враг не сдастся, его уничтожат» — что может быть опаснее и страшнее для будущего?

Скорее всего, политическое время парламента было исчерпано к осени 93-го. Так же, как и время всех, не способных слушать друг друга и постоянно жажущих «последнего, решительного» боя с полной и окончательной победой над врагом — а таких несложно найти и на стороне победителей. Трагедия осени 93-го в том, что «гласам вопиющего в пустыне» ослылись требования «нулевого варианта», одновременных перевыборов и парламента, и президента (кстати, только чудю могло помешать Ельцину переизбраться в декабре 93-го). Но — никто не хотел уступать: одни заявляли, что парламент распушен раз и навсегда, другие в это время принимали решение о рядущей уголовной расправе над противниками. И все ярче разгорался вперед кровавый октябрьский рассвет.

О «рассвете» стоит сказать отдельно — и до сей поры в общественном сознании главенствуют сложившиеся тогда мифы. Например, о «мятеже», развязанном парламентом и подавленным «героическими» усилиями Ельцина. Мятежом, однако, называется вооруженное выступление против законной власти. И если следовать Закону, а не «революционной целесообразности», то мятежниками следует считать вовсе не Ручикого и Хабудягова, а, напротив, Ельцина с Грачевым и Бурбулиса с Шахреем. Ведь с момента подписания «указа 1400» Ельцин, в точном соответствии с действующей Конституцией, уже не являлся президентом. Может быть, парламентские войска окружили Кремль, а не президентские — Белый дом? Ответ очевиден. Далее, еще осенью 1993-го очевидцы уверяли: первые выстрелы 3 октября прозвучали вовсе не из Белого дома, а с крыши гостиницы «Мир», где находилась штаб московского ОМОНа. А в 1996 году были обнаружены вады матерьялы, показывающие: двое погибших у телецентра в Останкино стали жертвами не боевиков Макашова, а своих же товарищей из спецподразделения «Витязь». Это полностью разрушает центральный эпизод так называемого «коммуно-фашист-

ского матажа», после которого расстрел Белого дома был пред- ставлен российской и мировой общественности как вынужденные действия власти по обузданию погромщиков. Кстати, еще в 1994 году бывший Генеральный прокурор Алексей Казанник расказа- зывал мне, что штурмовавшая «Отганкино» колонна защитников Белого дома в ночь с 3 на 4 октября ввернулась назад и более никакой активности не проявляла. А утром 4 октября расстрел здания начался без каких-либо предложений о сдаче. **Той осе- нью я писал: путем называется неудавшийся государственный переворот. Удавшийся государственный переворот называется позашной конституционной реформой...**

И еще один момент, который никак нельзя упустить. Парла- мент был сперва «расстрелян» из телекамер, а уже потом — из танков. Увы, подавляющее большинство российских СМИ в те- чение 1992—1993 годов занималось тем, что очень трудно не на- звать травлей российского парламентаризма. Травлей не конк- ретных парламентариев (хотя и этого хватало), а парламентариз- ма как института. Любые же попытки депутатов добиться воз- можности выступать в СМИ (особенно, электронных) хотя бы на паритетных началах с исполнительной властью тут же вызывали поток заявлений о свободе прессы и якобы возвращении цензу- ры. Хотя сводилась эта «свобода» лишь к тому, что можно было свободно хвалить Ельцина и ругать его оппонентов...

Тогда, в мае 1990-го, глядя на вошедших в Большой Кремлевский дворец депутатов, мы тайне ждали чуда: российский парламент представлялся той самой величавой «точкой опоры», которая должна была позволить перевернуть мир. Мир не переворачивая — но стал дру- гим, пройдя за эти десять лет «дисциплину огромного раз-мера», и подаром сегодня кажется бесконечно дале- кими события весны 1990-го. А тот первый парламент, переживший и расцвет Агвуста, и закат Октября, все же вытолкнул свою главную миссию, хотя и неумоверно дорогой ценой: проложил дорогу идущим вслед.

ЦАРЬ НЕ ОБЯЗАН ЛЮБИТЬ СВОИХ КРИТИКОВ

Печальный финал неравного боя за любимый нами ка- нал НТВ не может не заставить задуматься о его начале.

Одни наблюдатели считают, что несчастья НТВ начались с разоблачения «семьи» и поддержки Лужкова-Примакова на дум- ских выборах 99. Другие — с раскрутки «дела писателей» осенью 1997-го, следшей Чубайса и Коха смертельными врагами Гу- синского и Киселева. Третьи — с морального компромисса, со- вершенного весной 1996-го, когда НТВ превратилось в отдел пред- выборного штаба Ельцина...

Рискну предположить, что нынешняя буря — следствие ветра, посеянного гораздо раньше. А именно — восемь лет назад.

Помните, какой был год тогда? Ах да — недоброй памяти 1993-й, на протяжении которого «четвертая власть» была созда- тельным, добровольным и мочушественным союзником «второй», помога ей бороться с «первой». И едва ли не ежедневно телеви- дение, радио и большинство центральных газет старательно разьяс- няли народу ничемность представительной власти — депутатов всех уровней — по сравнению с исполнительной, возглавляемой всенародно избранным президентом.

Времена «казанной» журналистики тогда еще не наступили, и те, кто поддерживали идеологию «сильной исполнительной влас- ти», восхитались опытом генерала Пиночета, пропагандировали дозунги типа «Советы и демократия несовместимы!», соревнова- лись в поиске наиболее уничижительных эпитетов для парламен- тариев, видимо, искренне верили в то, что их дело — правое. Что они защищают демократию и реформы. Что стоит только изба- вить Ельцина и его правительство от контроля со стороны тульях, косных, реакционных депутатов, и страна семимильными шага- ми двинется к светлому будущему...

Во имя этой благой цели стоило ли обращать внимание на средства? Например, на создание пропагандистской спруткуры,

Монополизировавшей государственные электронные СМИ — Федерального информационного центра во главе с Михаилом Полтораниным? На формирование, говоря современным языком, «единого информационного пространства» в котором оппонирует президенту позволялось только одному фигурам типа Макашова или Анпилова (чтобы потом сторонники Ельцина могли сказать: видите, кто против нас?). На разучивание «Да, да, нет, да!» по всем ТВ-каналам одновременно? На объявление депутатских требований соблюдать равные и честные условия дискуссии покусением на свободу слова? На развязывание гражданам: все, кто не согласен с правом Ельцина игнорировать законы, — пособи коммунистов, желающие вернуть страну в прошлое?

Ничуть не склонен идеализировать представительную власть, и тем паче — ее отдельные представители. Но среди ее недостатков нет и не может быть одного: стремления к установлению единomyслия, ибо это противоречит ее внутренней природе. Депутаты (естественно, избранные демократическим путем, а не назначенные из Кремля в нерушимый блок «Единого» и бесартийных) всегда будут придерживаться РАЗНЫХ взглядов и всегда будут заинтересованы в существовании реального разномыслия, в возможности донести до общества разные точки зрения на происходящее. Для власти же исполнительной в силу ее внутренней природы именно единomyслие — единственно возможная форма существования, и она ВСЕГДА будет стремиться его установить. И всегда будет понимать свободу слова как возможность совершенно свободно хвалить себя, любить, и столь же свободно ругать своих оппонентов...

Не позволить исполнительной власти установить в стране жеданное единomyслие могут лишь три силы, над которыми она не властна: законодательная (представительная) власть, независимые СМИ и гражданское общество. Ключевая роль здесь принадлежит именно законодателям. Ибо лишь они, в отличие от двух других сил, — власть, имеющая право принимать решения. Формулировать законы, которым обязана подчиняться исполнительная власть, контролировать ее работу, требовать от нее действий в интересах общества.

Хорошо известно, что осенью 1993-го традиционная для демократии система «сдержек и противовесов» была сломана, равновесие властей было катастрофически нарушено — и во многом потому, что тира «четвертой власти» легла на чашу весов «второй» и помогла перевесить чашу «первой». Ни в чем с тех пор представительная власть не может «сдерживать» исполнительную, а тем паче — президента, превратившегося в ни перед кем не отвечающего самодержца.

Еще до того, как это случилось, мне не раз приходилось гово-

рить знакомым журналистам: «Поймите, следующая очередь — ваша! Когда это произойдет — за вас уже будет кому-то заступиться, потому что вы сами способствовали устранению с политической арены той силы, которая могла бы встать на вашу защиту. И когда, оставшись один на один с исполнительной властью, вы окажетесь перед совершенным «свободным» выбором — умереть стоя или жить на коленях, — не говорите, что вас не предупреждали...»

Тогда, восемь лет назад, таких, как я, уверяли, что все это — надуманное, пустые страхи. Что сейчас надо добить коммунистов, сделать реформы необратимыми, пусть даже для этого и придется слегка пожертвовать демократическими процедурами. Что Ельцин, конечно, не ангел, но свобода слова для него — безусловный приоритет. И так далее, и тому подобное.

Увы, пустыми оказались не страхи, а упования на «гаранта Конституции». И прустно, что многие защитники независимых коллективных прошений, пытаются условить, предостеречь... Словно наш президент-самодержец обязан заботиться не о себе, а о своих критиках. Где вы видели таких самодержцев?

Свобода или собственность: Выбор либерала

Кого бы не избирали председателем СПС, его фамилия будет Чубайс.

Не верите? Прочтите документы учредительного съезда СПС, где сказано: «Ответственная партия должна использовать все свои идейные и политические ресурсы для влияния на власть. Потенциал такого влияния, подвигающего главу государства вправо, пока еще не исчерпан».

И никогда не будет исчерпан, добавляю я. Потому, что этот «потенциал» определяется не существом власти, а существом тех, кто хочет «влиять».

СПС, как и его предтеча ДВР — партия, представляющая интересы крупного капитала. Того пренебрегающего меньшинства, которое «поднялось» благодаря либерализации по Гайдару, приватизации по Чубайсу и залоговым аукционам по Коху. Правда, ценой этого «подъема» стало «опускание» всех остальных граждан страны — но когда правых радикалов беспокоили такие «мелочи»?.

Крупный капитал в России существовать, будучи нежелательным к власти, не может. Он потому и стал крупным, что был назначен таковым. Или кто-нибудь думает, что богатство российских олигархов есть следствие их исключительного ума и таланта, а не следствие близости к властям? И потому в спокойной политической ситуации правые радикалы могут позволить себе фрондировать по мелким вопросам — но в решающие моменты они всегда присягнут на верность.

Собственно, так всегда и было — достаточно вспомнить президентские выборы 1996 года (за пять месяцев до них лидеры ДВР уверяли, что Ельцина они «не поддержат ни при каких обстоятельствах») или вторую чеченскую войну, безоговорочная поддержка которой стала для СПС главным предвыборным ходом на думских выборах. Или — то, что представители правых радикалов в правительстве, в президентской администрации или в ру-

«Невский обозреватель», 4 мая 2001 года.

ководстве полугосударственных монополий всегда вели себя с властью, как крепостные с барином. «Сильный ход, Борис Николаевич», «Енальное решение президента», «Огромный либеральный потенциал президента». «Мы примем любое решение президента»... Барин суров, но отходячив — велит выпороть на конюшне, но потом подарит рубль. Помните — «чем им сильней накажут, тем им милей господа»?.

СПС имел шанс стать демократической партией — если бы в нем возобладали сторонники его «правозащитной» части, олицетворяемой Сергеем Ковалевым, а не «олигархическо-номенклатурной», олицетворяемой Чубайсом и Кириенко. Но они всегда были в меньшинстве — и в нем остались.

Как и прежде в ДВР, сегодня в СПС немало приличных людей, со многими из которых мы вместе начинали в конце 80-х. Но они никогда не «дедали погоду». И если уж даже такие «твердокаменные» прежде тайларовцы, как Сергей Ющенко или Владимир Головяев, сегодня оказываются суровыми критиками бывших товарищей, значит СПС стал «олигархическим» образованцем. Да и правозащитник Юлий Рыбаков отказался вступать в питерский СПС (руководимый шефом «Ленэнерго» Андреем Дихачевым), заявляя, что не хочет состоять в акционерном обществе (политсовет питерских «правых» составили сплошь крупные бизнесмены)...

Ну а когда бывший демократ Аркадий Мурашев из СПС радостно призывается: «Я — путинюид», становится совсем тоскливо. Потому что мне — в отличие от большинства граждан, мнение которых я уважаю, но имею другое — товарищ Путин категорически не нравился. Сохранение его у власти я считал и считало разрушительным для моей страны. И не потому, что он бывший соррудник КГБ, а потому, что он до сих пор считает КГБ не преступной, а достойной организацией. Потому, что он начал войну в Чечне осенью 1999 года и использовал ее для того, чтобы получить президентский пост. Потому, что именно при нем стали нормой подавление инакомыслия, преследование нежелательных СМИ как «антигосударственных», использование правоохранительных органов как «дубинь» в отношении оппозиции, устранение неугодных кандидатов на выборах и верноподданные митинги «путинюнда»...

Одно из расхождений «ЯВ/ЛОКА» и СПС ярко проявилось в апреле, во время разгрома НТВ, когда встал вопрос, что важнее — свобода или собственность?

«ЯВ/ЛОКО» считало и считает, что — свобода.

СПС считает, что — собственность. Что все, что мешает собственности безраздельно распоряжаться своим имуществом, должно быть сметено с пути.

Любопытно? Да. Удивительно? Нет. Потому что каждый записывает то, что он обрел за последние десять лет: «ЯБЛОКО» — свободу, СПС — собственность.

В свое время «ЯБЛОКО» создавалось как объединение демократов, несогласных с принципом «цель оправдывает средства» и проведением реформ в интересах меньшинства. ДВР же создавался как «партия Госкомимущества», для приличия забывалась правозащитниками. И все эти годы одни отстаивали права граждан, а другие занимались приватизацией в особо крупных размерах.

Вот теперь каждый и охраняет то, что имеет.

Если есть свобода — собственность появится. А если нет свободы — собственность в любой момент могут отнять. И жаловаться будет бесполезно. И некому. Да и не услышит никто.

Когда-то диссиденты собирались под лозунгом «За вату и нашу свободу».

Лозунг «За вату и нашу собственность» им почему-то в голову не приходил.

Восшествие на «престол»

Десять лет назад, 12 июня 1991 года в стране провозгласили сразу три знаменательных события. Борис Ельцин был избран Президентом РСФСР, Гавриил Попов — мэром Москвы, а Анатолий Собчак — мэром Ленинграда. Три ярчайших харизматических политика той эпохи, три председателя соответствующих представительных органов (ВС РСФСР, Моссовета и Ленсовета), три (как казалось тогда) воплощения новой российской демократии стали во главе республики и двух ее «столпов». С их «восшествием на престол» были связаны большие надежды — но оправдались ли они? Увы, история дает недвусмысленный — и резко отрицательный ответ на этот вопрос...

С чего все начиналось в 1989-1990 годах? Конечно же, с уверенности в том, что стоит честным и порядочным людям подумать от народа депутатские мандаты, как все в стране изменится к лучшему. Впоследствии многократно осмеянный лозунг «Вся власть — Советам!» тогда был совершенно реальным «двигателем» общественных преобразований, и это, как отмечают политологи, легко объяснимо. Причин тому — две: реакция на многолетнее использование Советов в качестве своего рода «ширмы» для реального всевластия структур КПСС и тот факт, что именно под «флагом» представительной власти пришедшими во многих местах к власти представителями демократических движений были одержаны победы на выборах над прежней номенклатурой.

Тем не менее достаточно быстро и практически во всех представительных органах депутаты столкнулись с одной и той же проблемой.

С одной стороны, принимать в коллегияльном порядке оперативные решения по управленческим вопросам оказалось и трудно, и хлопотно. Хотя, надо сказать, тогда (как и сейчас) у населения находились безоговорочный отклик демократические призывы к депутатам «заниматься конкретными делами», а не просиживать штаны на сессиях. Хорошо помню по собственному опыту, как ринулись мои коллеги-депутаты «призыва 1990 года» раздавать «гуманитарные» посылки из Германии, принимать продукты

на овощных базах, контролировать рынки и магазины и заниматься другими «конкретными делами». Причем, естественно, под алгоритментами работников исполкомов, получающих конкретную зарплату за то, чтобы данные вопросы решались. А тут с неба свалилось «бесслатное приложение» в виде депутатов для запыления дыр! Этакий корпус быстрого реагирования на пиковые ситуации, возникающие чуть ли не ежедневно...

С другой же стороны, руководители представительных органов, считавшие себя, само собой, «первыми лицами» в республике или в городе, стремились решать вопросы индивидуально, без всякого обсуждения (понять их было можно: какой я начальник, если не могу решить нужный вопрос сам, ни с кем не советуюсь?). И видели себя не столько в роли спикера представительного органа, не обремененного личной властью за его стенами, сколько в роли «хозяина» — страны или города.

Естественной реакцией на эти процессы достаточно быстро стали депутатские мечты о разделении властей по образу и подобию цивилизованного мира. Причем в крайнем понимании: полном отлучении исполнительной власти от представительной, с прямыми выборами главы исполнительной власти и разделении его всей полнотой власти (и, как казалось, ответственности за выполнение всей «черной работы»).

На российский уровень эта идея восторжествовала в известной трактовке: на референдуме 17 марта 1991 года было принято решение о введении в России президентского поста, причем все понимали, что он не только вводится под вполне конкретное человека — Бориса Ельцина, но и для того, чтобы наделять его необходимыми полномочиями для борьбы с союзным центром. При этом в Верховном Совете России тогда еще не было никакого серьезного конфликта Ельцина с депутатами, право председателя ВС на единичное «решение вопросов» практически никем не оспаривалось, а российское правительство под руководством Ивана Силаева, по большому счету, было формальным — все реальные полномочия в 1990—1991 годах еще оставались за союзными структурами. Да и сама Россия была де-факто не суверенным государством, несмотря на принятие Декларации 12 июня 1990 года, а административно-территориальным образований в составе Союза...

Что касается президентских выборов — все их перипетии тоже хорошо известны: Ельцин уверенно победил в первом же туре. Ни Николай Рыжков, ни Владимир Бакагин, ни Владимир Жирновский (чье третье место стало крайней неожиданностью), ни Аман Тулеев не могли ни на что рассчитывать.

Если же говорить о Москве и Ленинграде — ситуация там была несколько иной.

В Москве идея введения поста выборного мэра исходила от Гавриила Попова, который еще осенью 1990 года начал активно пропагандировать идею «сильной исполнительной власти, независимой от Советов». Неспособный справиться с ролью «директера», балкансировщика депутатских мнений и интересов, собственного терпеливо выслушивать разные точки зрения и находить компромисс, Гавриил Харитонович желал реальной и, что важно, единоличной власти. Конечно же, для того, как сам он говорил и писал впоследствии, «проводить реформы, а не руководить депутатскими дискуссиями».

То, что профессор Попов, автор знаменитого в конце 80-х годов определения «Административная Система», понятия не имел о том, каковы конкретные проблемы Москвы и как их решать, не являлось препятствием для его стремления к персональной, а не коллективной власти: предполагалось, что «черную» работу по решению злободневных проблем возьмут на себя вице-мэр и городское правительство, при этом зависеть правительство будет не от «неуправляемого» Моссовета, а от профессора Попова лично.

Налю сказав, что реализация «проекта «Мэр» (как называет его Попов впоследствии в своей книге «Снова в оппозиции») стоила кнулась с серьезными препятствиями: далеко не все депутаты Моссовета захотели идти на введение поста выборного мэра. Сам Попов, естественно, обвинил оппонентов в том, что они просто «боятся сильной исполнительной власти», «не хотят лишаться возможности делить квартиры и выдвигать здания» — но, думается, причины были куда глубже — о них мы поговорим чуть позже. Кстати, сам Попов тоже пишет в своей книге: мол, «в нашей стране, исходя из ее торжкого исторического опыта, не бояться усиления исполнительной власти просто нельзя». И это — куда более верная сентенция, нежели расуждения Попова и его единомышленников о необходимости «избавить исполнительную власть от мелочной опеки Советов»...

В результате пост мэра был введен в Москве специфическим путем — через опрос населения, проведенный одновременно с референдумом 17 марта 1991 года. После этого началась достаточно любопытная борьба за этот пост — хотя все понимали, что главным претендентом на этот пост является Гавриил Попов. На сессии Моссовета голода «за» и «против» выдвижения Попова кандидатом на пост мэра разделились поровну: 190 на 190 (при том, что в Моссовете было 450 депутатов). Разочарованный таким исходом, Гавриил Харитонович споряча решил даже не баллотироваться — но вскоре осознал и передумал (тем паче, что и Ельцин хотел, чтобы Попов избирался в мэры).

Особенность выборного процесса в Москве была такова, что в «наде» с мэром должен был избираться и вице-мэр. И, вопреки

ожиданиям московских демократов, Попов взял к себе «в пару» не первого зампреда Моссовета Сергея Станкевича, а председателя Мосгорисполкома Юрия Лукжова. Впрочем цинично расчитав, что, по его собственным словам, «выдвижение еще одного кандидата-демократа новых голосов не прибавит».

Что касается конкурентов, то их было мало — и всерьез помешать Попову они не могли. Ни Валерий Сайкин (бывший председатель Мосгорисполкома, а ныне — депутат Госдумы и председатель Комитета по социальной политике), ни Владимир Климов (первый секретарь Ленинского райкома КПСС), ни Алексей Бречихин (первый секретарь Севастопольского райкома) не смогли составить Попову реальную конкуренцию. Бречихин к тому же еще до выборов пришел «сдаваться» — обещал Попову, что сине-зеленый кандидат уступит в его пользу. И после выборов тут же был назначен префектом одного из десяти административных округов Москвы. Была еще Татьяна Корягина — народный депутат России, известный экономист и ярый борец с коррупцией, но она не смогла даже собрать 35 тысяч подписей. Фамилии остальных кандидатов сегодня не помнят даже профессиональные историки...

В результате Гавриил Попов был триумфально избран мэром — получив почти 2/3 голосов московских избирателей. Мечта профессора сбылась — правда, как показали последующие события, ненадолго.

Ситуация в Ленинграде разворачивалась еще любопытнее. В городе на Неве с инициативой введения поста выборного мэра выступил не Анатолий Собчак (как может показаться), а группа депутатов Ленсовета.

Этому предшествовала бурная дискуссия о том, надо ли совмещать посты председателя Совета и председателя исполкома (помнится, не один месяц соответствующие материалы не сходили со страниц городских газет). Напомним, что председателем Ленгорисполкома был тогда Александр Щелканов — народный депутат СССР, весьма популярный в городе человек, который согласился занять эту хлопотную должность лишь при условии, что Ленсовет будет ему доверять и не будет ежеминутно «влезать» в компетенцию председателя исполкома. Но очень быстро выяснилось, что председатель Ленсовета Анатолий Собчак категорически не желает мириться с ролью спикера и хочет руководить не депутатами, а всей городской жизнью. Однако отставной капитан первого ранга Щелканов совершенно не желал выступать в роли послухного исполнителя указаний! Но при этом он подал под «отонь» непрерывного слововизвержения профессора Собчака, который умело сваливал ответственность за тяжелое положение в городе как на депутатов, так и на исполком, не понимаящий его мудрые указания...

Не раз Щелканов пытался подать в отставку, но его каждый раз уговаривали остаться. И все же «фризис власти» был очевиден. Стремясь его разрешить, депутаты попытались найти выход в разделение властей, и как признавали они сами — хотели решить две задачи. Во-первых, избрание Собчака мэром (в результате выборов никто не сомневался) избавляло Ленсовет от капризно-го и парализующего его работу председателя. Во-вторых, это лишило Собчака возможности и дальше перекладывать на исполнителю власть ответственность за положение дел в городе.

Ближайшее будущее показало, насколько эфемерными были эти надежды — ничто не помешало Анатолию Собчаку, возглавив исполнителю власть, тут же сделать «козлом отпущения» власть предстательную. Но главное было не в этом.

Весной 1991-го, когда Ленсовет обсуждал вопрос о введении поста мэра, я не раз говорил моим коллегам-депутатам: опомнитесь, друзья! Введение поста единичного руководителя исполнительной власти, избираемого жителями, которого вы не сможете снять и на решения которого не сможете повлиять — самое неразумное, что только можно сделать в этой ситуации. Как только вы создадите независимую исполнительную власть, да еще и поставите во главе ее яркого харизматического лидера, не терпящего возражений, не любящего законы и при этом пользующегося поддержкой горожан, — вы подпишете себе смертный политический приговор. Все реальные полномочия, с которыми и связана власть — финансы, имущество, административные связи — тут же «уйдут» по другую сторону от границы разделения властей, и вы ничего не сможете с этим сделать. А попытки выстроить «систему сдержек и противовесов» окажутся бесполезными — в силу отсутствия правовых традиций и независимого суда. И закончится все это тем, что представительная власть станет ненужной помехой на пути у всеявлястной исполнительной — после чего с ней поступят так же, как кукушонок поступает со своими соседями по гнезду...

К сожалению, эти предупреждения не были тогда услышаны. Правда, заметим: как и в Москве, далеко не все депутаты хотели немедленно избрать мэра города (даже те, кто выступал за введение этого поста, порой не хотели спешить). В итоге решение о введении поста всенародно избранного мэра и назначения выборов на 12 июня было принято на сессии горсовета 18 мая 1991 года большинством лишь в один (!) голос.

Если же говорить о предвыборной кампании — ее практически не было. Единственный кандидат, который конкурировал с Собчаком — коммунист Юрий Севенард (последствия — депутат Государственной Думы двух созывов), набрал около трети голосов, при этом и сам он хорошо понимал, что исход predetermined.

Заметим, что уже первые шаги Собчака на посту мэра под-

твердили мои (и не только мои) худшие опасения. В июле 1991 года мар активно пытался «через головы» депутатов Ленсовета пробить через Президиум ВС России положение о структуре органов власти в Ленинграде. Этим положением предусматривалась фактически ликвидация Ленсовета, превращение райсоветов в что-то вроде отделов мэрии, передача исполнительной власти практически неограниченного права распоряжения собственностью и полную бесконтрольность мэра и его администрации. Едва ли не каждый пункт документа противоречил двум-трем статьям Конституции РСФСР. Но все это не смутило мэра, который сперва пообещал, что «наверху» проект примут, как бы не протестовал Ленсовет, а затем припротизил, что в случае неприятия подаст в отставку (правда, так и не подав). И только вмешательство в процесс народных депутатов России (которые были одновременно и членами президиума Ленсовета) Юрия Несерова, Петра Филипова, Маринны Салье и других помогло «отбить» претези Собчака на создание, по сути, авторитарного режима в отдельно взятом городе...

«Период политического полураспада» у героев этой публикации оказался разным, хотя разочарование во всех троих наступило почти синхронно. Весной 1992-го, с началом «гайдаровских» реформ, и Борис Ельцин, и Гавриил Попов, и Анатолий Собчак начали стремительно терять популярность — и одновременно прибавать себе все новых и новых полномочий, полагая, что все трудности прористекают исключительно от того, что у них недостаточно власти.

Впрочем, схожи они будут не только в этом: ошущаемое большинство голосов, полученных на выборах, будут трактоваться всеми тремя как индуглыгения на беспредельное самоуправство. Логика каждого из них была хрустально прозрачна: раз мне оказали доверие избиратели, значит мне все можно. Главным образом — можно руководствоваться всеобщим законом дикарей, маленьких детей и хулиганов: «Я так хочу!».

Можно нарушать законы, которые мне не нравятся — все равно эти законы или безнадежно плохи, или безнадежно устарели. Можно объявлять всех, кто со мной не согласен, «врагами реформ», «бездельниками, державшимися за свои кресла», «реакционерами» или «красно-коричневыми». Можно раздавать приближенным немислимые льготы, даровое имущество, шедрые квоты и невозвратные ссуды — «то, что прежде нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города»...

Неудивительно, что, получив высшие посты в исполнительной власти, и Ельцин, и Попов, и Собчак очень скоро оказались в жесточайшей конфронтации со «своей» представительной властью. Чем закончился осенью 1993-го этот конфликт на российском

уровне — к сожалению, хорошо известно. Фактически уничтожив независимую законодательную власть, Ельцин смог обеспечить себе нахождение на «престоле» вплоть до отставки в декабре 1999-го.

В Москве ситуация разворачивалась иначе: еще в июне 1992 года профессор Попов, поняв, что слишком явно не справляется с должностью, ушел в отставку сам. Но радуются депутатам Моссовета, безуспешно пытавшимся заставить мэра выполнять законы, как выяснилось, оказалось нечему. На посту прадоначальника Попова по президентскому указу заметил вице-мэр Юрий Лужков, а все попытки Моссовета добиться проведения выборов оказались прочно заблокированы Кремлем.

Справедливости ради, надо сказать, что «хозяин города» из Лужкова получилась куда лучший, чем из Попова — но «любовь» Юрия Михайловича к представительной власти была еще меньше, чем у Гавриила Харитоновича. На протяжении полугода лет мэр попросту в упор не видел депутатов, а в октябре 1993-го Моссовет стал одной из первых жертв беспардонной расправы президента над представительной властью. Тогда, помнится, Лужков торжественно произнес знаменитое: «Советы в Москве не возродятся никогда!» и оказался прав: Московская городская Дума является собой даже не бледную тень Моссовета, а скорее пародию на представительную власть, ибо все в городе решает мэр и только мэр. Вплоть до того, кому быть депутатами городской Думы (тех депутатов, которые, еще будучи кандидатами, рисковали бы открыто выступать против Лужкова, как-то с ходу и не припомнить).

Что касается Петербурга, то два с половиной года, прошедших после его избрания мэром, Анатолий Собчак неустанно воевал с Ленсоветом — достаточно сказать, что на каждой сессии городского Совета и на каждом заседании малого Совета «дежурным» был вопрос об отмене очередной «порции» незаконных распоряжений мэра. Подавляющая часть этих распоряжений касалась вопросов собственности — целевого выделения городской недвижимости и земельных участков. В общей сложности горсоветом было отменено около 200 таких незаконных распоряжений — и ни разу (!) через суд мэру не удалось доказать свою правоту. Впрочем, как показывала практика, Собчак благополучно умудрялся игнорировать даже и судебные решения — его распоряжения, признанные незаконными, отменялись им самим далеко не всегда. При этом, как отмечали исследователи той эпохи, ни разу мэр не нашел в себе мужества признать свою неправоту публично — напротив, он продолжал в своих выступлениях по телевидению и радио клеймить горсовет за «юридическую некомпетентность» даже тогда, когда его собственная правовая безграмотность была установлена судом...

Осенью 1993-го Ленсовет, казалось бы, избежал общей участи

представительных органов — несмотря на достаточно резкую позицию в отношении «указа 1400», он продолжил существовать и активно готовил положение о следующих выборах. Но увы: 22 декабря 1993-го, задним числом (впоследствии выяснилось, что соответствующий документ, подготовленный Собчаком, глава президентской администрации Сергей Филатов «подмахнул» у Ельцина чуть ли не на банкете) был обнародован президентский указ о роспуске горсовета с 21 декабря. Практически вся власть оказалась сосредоточена в руках мэра — будущее Городское Собрание заранее «поражало» в политических правах».

В дальнейшем, вплоть до декабря 1994-го, Петербург существовал вообще без представительной власти — городом бесконтрольно и единолично правил мэр, поскольку правомочный состав депутатов Собрания был избран лишь к концу ноября. Но победа мэра оказалась пирровой: постепенно, на протяжении полутора лет, питерские депутаты восстановили в городе «правовое пространство», серьезно ограничили мэра в его ранее безбрежных правах, а затем... затем наступило лето 1996 года, когда Собчак проиграл губернаторские выборы и вплоть до самой кончины в феврале 2000 года являл собой уже не политическую, а скорее историческую фигуру...

Научили ли нас чему-нибудь десять прошедших лет? Вопрос, к сожалению, остается открытым...

Для кого мы таскали каштаны из огня?

Ах как громко играл в августе 1991 года «надежды маленький оркестрик»! Последние дни лета дарили миллионам людей подлинно весеннее настроение: пылкой жизнью тяжела, а вокруг — очереди, дефицит и полупустые прилавки, но впереди наконец, повислая «свет в конце тоннеля». Не удалась попытка путинцов вернуть нас назад, к недоброй памяти старым временам, покончено с монополией на власть бывшей правящей партии и косной номенклатуры, и теперь ничто не мешает провести давно назревшие демократические реформы. Ведь это именно тот путь, следуя которым наша страна, по примеру своих соседей по Европе, станет процветающей, благополучной, безопасной. И мы пройдем по этому пути — тем более, что на смену вечно колеблющемуся Горбачеву пришел репительный Ельцин...

Сегодня, по прошествии десяти лет большинство из тех, кто тогда «вышел на площадь в свой назначенный час», вряд ли повторило бы этот поступок. Их надежды оказались жестоко обмануты, прошедшие годы не принесли им почти ничего, кроме боли и разочарования в недавних ценностях и недавних кумирах — и недаром слова «демократия», «реформы», «либерализм» уже давно в устах очень многих людей звучат как ругательство. Почему так случилось?

«Причина — в завышенных ожиданиях, — говорят одни. — Иначе и не могло случиться в силу объективных обстоятельств. Из той пропасти, в которой находилась страна, надо выбираться не один десяток лет».

«Россия вообще не готова к демократии, — возражают другие. — Оптимальным для нее является политический режим «пиночетовского» типа, при котором есть возможность железной рукой провести необходимые экономические реформы, не обращая внимания на недовольство населения».

«Все дело — в заведомо некомпетентных решениях тех, кто

после августа 1991-го пришел к власти, — считают Третьи. — Принципный, корыстный и вульгарный подход к проведению экономических реформ в интересах узкого круга лиц, игнорирование закона, покаяние воровству, пренебрежение общественным мнением — все это привело нас к результатам, во многом противоположным тем, о которых мы мечтали десять лет назад».

Не скрою: последняя точка зрения мне ближе.

«Мятеж не может кончиться удачей...»

Путчем называется неудавшийся государственный переворот. Удавшийся государственный переворот называется погасившей конституционной реформой.

Это простое определение пришло мне в голову, когда отмечая третья годовщина августовских событий 1991-го, а одним из самых популярных в стране был анекдот о новом вопросе в анкете: «Защищали ли вы Белый дом? Если да, то в каком году?»...

Тогда, летом 1994-го, я задавал многим вопрос: а что, если бы утром 19 августа 1991-го нам объявили о переходе власти от Горбачева к «чрезвычайному комитету» в составе Ельцина, Хаббудаева, Руцкого, Попова, Собчака, Афанасьева и Глицина, Хаббудаева? Вызвало бы это массовый протест? Ответ был: вряд ли. Кого бы в этом случае интересовало, что от власти отстранен законно избранный (но давно уже малосимпатичный большинству) президент страны? Кто, увидев в роли организаторов переворота популярны в народе фигуры, задумался бы о «легитимности» и «конституционности» их действий? А голоса скептиков были бы быстро заглушены хором оптимистов и рассууждениями приливорных политологов о принципиальной разнице между законом и правом и недопустимости юридического чистоплюйства в сложный переходный период. Как это, впрочем, и произошло в реальности — через некоторое время.

А ведь в августе 1991-го главным аргументом противников ГКЧП была незаконность действий «путчистов»: И Горбачев, и Ельцин воспринимались как законная власть, а Янаев, Крутойков, Пуго, Язов, Павлов и другие — как очевидно незаконная. Поражение ГКЧП было тогда воспринято как, в первую очередь, победа закона, после чего возникла массовая иллюзия: теперь-то закон будет раз и навсегда выше власти! Но прошло время — и мы убедились, что совпадение векторов законного и желаемого было случайным. Очень скоро станут нормой принцип «цель оправдывает средства», пренебрежение формальностями в угоду логике «революционной целесообразности», право исполнительной власти игнорировать «во имя реформ» те законы, которые ей не нравятся, призывы к президенту — действовать, опираясь не на закон, а на «доверие народа»...

Закончилось это тем, чем и должно было закончиться — осенью 1993-го неконституционный «Указ 1400» был встречен не акциями гражданского сопротивления, а равнодушием: разогнали парламент — ну и ладно. К тому же большинство тех, кому было даровано право выступить (в том числе действительно уважаемые люди) в лучшем случае снисходительно относятся к разгону парламента. А в худшем случае — будут приветствовать его криками «Раздавите гадину!», свидетельствующими о неполюной уверенности в победе. И подписывать коллективные письма, обличающие противников Ельцина, с выражениями типа «Хватит говорить, пора научиться действовать. Эти тупые недодяди понимают только силу...»

Между тем очевидно: осенью 1993 года закон был на стороне российских депутатов, а не российского президента, как бы кто ни относился к кому-либо из парламентариев. Парламент образца 1993 года был ничуть не менее легитимен, чем президент Горбачев образца 1991 года. При этом и в августе 91-го, и в октябре 93-го Хаббудаев и Руцкий защищали конституционный строй (причем один и тот же), а генералы Громов и Грачев обсуждали планы штурма одного и того же Белого дома. И, удайся переворот 1991 года — Ельцин и Хаббудаев сидели бы в тюрьме по тому же обвинению, что и «мятежники» 1993 года: за организацию массовых беспорядков...

«Что это было — чья победа?»

Вопрос «Что это было — чья победа?», казавшийся тривиальным летом 1991 года, не казался таковым уже через три года. Когда стало ясно: в который раз революция обернулась контрреволюцией, а плодами победы воспользовались проходимцы...

Одной из главных летом 1991 года была надежда на решительное обновление власти. «Вот придут к власти новые люди, — мечтали мы, — умные и честные, и все будет по-другому...» Но скоро выяснилось: одни из пришедших во власть оказались не очень новыми. Другие — честными, но не очень умными. А третьи — умными, но не очень честными.

Для начала активисты демократического движения (искренне считавшие, что август 1991-го — это именно их победа) с удивлением обнаружили, что Ельцин совершенно не спешит назначать видных демократов на видные посты. Так, на только что введенные посты глав администраций регионов президентом были назначены в некаком количестве первые или вторые секретари обкомов или горкомов КПСС или председатели облисполкомов. Исклечения, конечно, были — но их можно было пересчитать по пальцам. А предложение о выборности губернаторов (тогда этот

термин только-только начал входить в лексикон) было президентом категорически отвергнуто: мол, народ неразумен, может выбрать не тех, нельзя терять возможность президентского влияния на местные власти. Совершенно ту же картину демократы обнаружили даже там, где у власти, казалось бы, находились «свои» — в Москве и Петербурге: мэры Попов и Собчак подбирали себе руководящие кадры по принципу личной преданности, при этом большинство составляли ярчайшие представители той самой прежней номенклатуры, которая, как надеялись, будет надежно «отодвинута» от власти.

Ну а затем обнаружилось, что слишком многие политики, считавшиеся демократами, попав на высокие административные посты, начали исповедовать принцип «То, что раньше нагло забирал дракон, теперь в руках лучших людей города. Иначе говоря — моих и Генриха», позанимывавший из прекрасной сказки Евения Шварца.

Во-первых, те привилегии, которые тенью обличались, пока они принадлежали прежней номенклатуре, очень быстро стали казаться вполне умеренным «возмещением» за неустанные труды «реформаторов». Многокомнатные квартиры, персональные машины, охрана, государственные дачи, проезды по городам и весам с «эскортом», «мигалками» и сиренами — все это оказалось свойственным демократам ничуть не меньше, чем их предшественникам.

А во-вторых, масштабы коррупции и злоупотреблений властью (при полной бесконтрольности «стойких приверженцев реформ», которых от любых проверок надежно защищал президент) оказались такими, что перед ними быстро помerkли самые громкие дела минувших дней. Примеры нет нужды приводить — они общеизвестны.

Естественно, возник вопрос — за что боролись?
Естественно, ответа не последовало.

Мифы новейшей истории

Массовое разочарование в демократии и реформах — один из самых печальных признаков нынешнего общественного сознания. Наверное, если бы десять лет назад нам предсказали, что так случится — мало кто бы поверил.

Но давайте пойдем: под видом демократии и либеральных реформ за эти десять лет обществу было навязано то, что на самом деле не имеет к ним никакого отношения.

Задумавшись: какое отношение к демократии имеет то, что многие губернаторы и мэры оказываются практически несменяемыми? Что на выборах царит вопиющее неравенство, покрываемое избирательными комиссиями и прокуратурой? Что правоохра-

нительные органы нередко используются как орудие в «разборках»? Что средства массовой информации все более превращаются в средства массовой пропаганды? Что кандидаты от «партии власти» любого уровня беззастенчиво пользуются государственным ресурсами и государственными СМИ? Что суд снимает с регистрации неугодного властью кандидата за три часа до выборов? Что закон применяется «избирательно» — в зависимости от занимаемой должности?

Ну а какое отношение к либеральным экономическим реформам имеет то, что несколько тысяч российских граждан установили при помощи властей контроль за наиболее рентабельными объектами собственности («оседлав» нефтяную или газовую трубу) и обеспечили себе сверхвысокие доходы? То, что государство планомерно и сознательно отказывается от выполнения своих конституционных социальных обязательств? То, что депрессируют образование и здравоохранение? Какое отношение к либерализму имеет наш «рынок», где интересы власти и бизнеса туго переплетены? Или ценовой беспредел государственных и полугосударственных монополий, высший менеджмент которых (как в случае в РАО «ЕЭС») оказывается не «по зубам» даже президенту?

Сказанное означает: дискредитированы в глазах большей части российских граждан не демократия и либеральные реформы, а их вульгарное воплощение, а еще точнее — навязанные нам мифы. Среди них — миф о том, что символом демократии является Ельцин, а символом рынка — Чубайс. Создатели этих мифов точно рассчитали: когда они укоренятся в обществе — каждый, кто критикует Ельцина, будет объявлен противником демократии, а каждый, кто критикует Чубайса — противником рыночной экономики...

Тогда, десять лет назад, мы верили, что пришла весна.
Сегодня очень похоже, что это была не весна, а только оттепель.

Могло ли случиться иначе? Наверное, могло — будь мы тогда менее наивными и более опытными. Быть может, тогда не вдалека бы нами сегодня «умешка горькая обмануток на-дежд»...

Арбитр, удаленный с поля

К 10-летию Конституционного Суда России

Среди длинной череды 10-летних юбилеев новейшей российской истории, связанных с нынешним годом, почти незамеченным прошел юбилей Конституционного Суда: 29 октября 1991 года Съезд народных депутатов РСФСР избрал тринадцать судей российского КС.

Промежуточные в СМИ сообщения о торжественном собрании по этому случаю и о привлечении президента, отменителе его важную роль Конституционного Суда в судьбе российской государственности — вот и все, чем было отмечено 10-летие высшего суда страны...

Удивляться, впрочем, особенно нечему: последние восемь лет из этих десяти КС напоминает спруауса, спрятавшего голову в песок, более всего опасаящегося, что его вновь, как и осенью 1993 года, обвинят в «политизации», а потому — расшатывающего, большей частью, мелкие вопросы.

Между тем десять лет назад предполагалось, что КС будет выполнять совсем иную роль!

Есть высший суд?

Конституционный Суд был создан осенью 1991 года — тогда Россия формально была еще частью Советского Союза. Тогда в моде были расхождения о необходимости переделки политических конфликтов в сферу права, о возможности для граждан защищать свои права, гарантированные Конституцией, о саморанжировании власти, и так далее. Стоит напомнить, что после августа 1991-го была сильна иллюзия: теперь-то Закон превыше всего...

Вообще же нам было мечтать — очень скоро выяснилось, что «самолегитимизация» российской власти — и, в первую очередь, исполнительная — категорически не желает. Да и подчиняться закону и Конституции, которые ей не нравятся — тоже.

Первому составу КС суждено будет работать менее двух лет. Однако сформированный в период безразличного влияния Ельцина, суд сразу демонстрирует, что не будет послушным инструментом президентской власти. Более того: вместо того чтобы (как, видимо, рассчитывало окружение Ельцина) признавать неконституционными то, что ему не нравится, КС начал признавать неконституционными действия самого Ельцина.

На страже «конституционного поля»

Результат рассмотрения первого же дела в КС оказался обескураживающим для Ельцина: 14 января 1992 года суд признал неконституционным его указ № 289 от 19 декабря 1991 года о слиянии министерств безопасности и внутренних дел. Указ об образовании этого «суперминистерства» был издан в порядке применения так называемых «особых полномочий» Ельцина — который мог издавать указы, противоречащие законам, но Верховный Совет в течение недели мог их отменить. В данном случае ВС именно так и поступил — но указ все равно вышел в свет. Разбирательство в КС четко констатировало, что президент вышел за пределы «конституционного поля», — и Ельцин отступил. Редакционный случай — уже на следующий день (!), 15 января 1992 года злопотоучный указ был отменен.

Впрочем, дальнейший ход событий показал, что подобное законопослушание президента было исключением, а не правилом.

Важно заметить, что КС образца 1991—1993 годов был наделен правом принимать дела к рассмотрению по собственной инициативе (сейчас восстановление этого права, которого КС был лишен после «черного октября», вновь стало актуальным). Кроме этого, с запросом о соответствии того или иного решения Конституции мог обращаться даже один депутат, а не пятая часть той или иной палаты парламента, как сейчас. По мнению ряда политиков (да и судей — например, заместителя председателя КС Тамары Моршаковой), все это делало суд политическим органом, самостоятельным «интроком» на политической сцене, что, на их взгляд, противоречило предназначению органа конституционно-го надзора. Да и вело к его сильной перегрузке.

Согласится с этим, тем не менее, трудно. КС — не рядовой орган судебной власти, а верховный контролер, который не может работать в режиме фракса, поставленного на автоматический прием, и реагировать лишь на поступающие запросы. В обстановке, когда все «ветви власти» не умеют или не хотят (достаточно вспомнить 1992—1993 годы, да и более поздние времена, чтобы в этом убедиться) следовать закону — чем строже будет надзор, тем лучше. Что касается перегрузки — за два первых года работы КС рассмотрел порядка 40 дел. В последующие же времена, когда

крут субъектов обращения был резко снижен, порой выносились по 200—250 решений в год...

Из других важных решений КС на первом этапе его жизни стоит вспомнить признание неконституционными ряда пунктов Декларации о государственном суверенитете Татарстана, провозглашавших приоритет местных законов над российскими. К сожалению, это решение КС (как и многие другие), способное надежно заблокировать сепаратистские тенденции в регионах, так и не было выполнено: Ельцин не решился ссориться с Шаймиевым. Через два года это привело к заключению договора между Россией и Татарстаном, даровавшего республике привилегии, а затем начался «парад договоров» об особом статусе и особых правах тех регионов, которые оказались «более равны, чем другие». И только в самое последнее время процесс создания «договорной Федерации» повернул вспять.

Ну а затем КС принял решение, которое впервые поссорило его с президентом. В ноябре 1992 года суд вынес вердикт по поводу указа Ельцина от 23 августа 1991 года «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР». Оставив за компартией право на существование, КС навлек на себя гнев радикал-демократов, до сих пор считающих, что суд «не справился со своей исторической задачей». Но мог ли он с ней справиться? И, главное, должен ли был? Ведь даже такая «твердокаменная» сторонница Ельцина, как Моршакова (одна из четырех судей КС, отказавшихся признать неконституционным «указ 1400»), сегодня полагает, что суд все сделал правильно. И замечает в интервью одному из столичных журналов: «Мы ограничили осуждением практики, отражавшей коммунистическую идеологию. Надо идти по пути запрета такой деятельности, но не идеологии, потому что такого рода мировоззрение имеет право на существование...»

«Есть только действующая Конституция...»

Впрочем, вердикт по «делу КПСС» Ельцин стерпел — тем паче, что тогда коммунисты не представлялись влиятельной силой. Куда более раздраженно он отнесся к ситуации, сложившейся на седьмом съезде российских депутатов в декабре 1992 года, когда возник первый «конституционный кризис» в России — с правительством, покидающим зал съезда, с паразитическими образованиями Ельцина и съезда к народу...

В критический момент председатель КС Валерий Зорькин берет на себя роль и строгого судьи, и посредника, заявляя враждующим «ветвям власти» с трибуны съезда: «Не можете договориться, как вам вместе работать — договаривайтесь, как вместе уйти!», и отвечает любителям рассуждать о скверной «брежневской»

Конституции, которую необходимо срочно заменить новой: «Нет ни сталинской, ни брежневской Конституции — есть только действующая Конституция. Не умеете эту соблюдать — вам и новая не поможет...» Кажется бы, его миссия удалась — враждующие стороны идут на компромисс, но ненадолго: очень скоро участники «войны властей» начинают стремиться не к миру, а к победе.

20 марта 1993 года Борис Ельцин появился на телеэкранах и заявил согражданам: «Сегодня я подписал указ об особом порядке управления страной». Президент заявил, что «сотрудничество с федеральными органами законодательной власти и ныне действующим депутатским корпусом невозможно», и сообщил, что «в условиях особого порядка управления не имеют юридической силы любые решения органов и должностных лиц, которые направлены на отмену и приостановление указов и распоряжений Президента и постановлений Правительства». Объявлялось также, что «главы исполнительной власти и правительства субъектов Российской Федерации подлежат непосредственно Президенту и Правительству России, а их полномочия не могут быть прекращены без решения Президента Российской Федерации». Наконец, на 25 апреля назначалось голосование о доверии Президенту и вице-президенту, которое «решит вопрос о том, кому руководить страной — Президенту или Съезду народных депутатов».

Собравшись через три дня по запросу Верховного Совета, КС вынес достаточно жесткое решение. Суд констатировал, что, хотя президент «подтвердил в Обращении свою обязанность обеспечить соблюдение основ конституционного строя, избранные им средства противоречат этой цели». Намерения Ельцина по всем пунктам были признаны неконституционными — в результате чего КС стал его открытым врагом.

После этого президент пошел по простейшему пути — стал просто-напросто игнорировать принимаемые судом вердикты.

Последняя капля

«Последней каплей» в судьбе КС стало его знаменитое решение относительно «указа 1400» от 21 сентября 1993 года, который (тогдашние девяти судей против четырех) был признан основным для немедленного прекращения полномочий Ельцина. В глазах многих этот эпизод до сих пор остается главным упреком в адрес «старого» состава КС и лично Валерия Зорькина. Дескать таким путем КС поддержал Хабсбургова, спровоцировал съезд на «коронацию» Руцкого и эскалацию конфликта и чуть ли не оказался виновным в происшедшем кровопролитии. Но мог ли суд поступить иначе?

Сам Зорькин на этот вопрос всегда отвечал однозначно. Вот что он рассказывал мне через несколько лет после той осени:

«Я присяжал не президенту, а Конституции, и не был ни с президентом, ни с парламентом — я вытолкнул свою присягу. Что требовать от судьи — закрыть глаза на нарушение Конституции? Оправдать разрушение конституционного строя — во имя неких выских интересов? Гнать надо такого судью в три шеп из Конституционного Суда — это не судья, а подневала в манши.

Что касается «широкого понимания права», которое от меня требовали, подразумевая понимание действий Ельцина соответствующими «духу Конституции» — напомню, что впервые это «широкое понимание права» назвал проповедовать Гитлер! Именно он выдвинул конституцию: право — это не то, что записано в уставшей Веймарской конституции, это — справедливость, которую я несу, выражая волю народа. Известно, какая «справедливость» пришла в Германию и в Европу...

Тогда, осенью 1993 года, оказалось разрушительны все наше «правовое пространство». Ведь танки были брошены не столько против Белого дома (скажем так, говори о прощаном Ручком и скверном Хасбулатове), сколько против Закона и Конституции. Теперь сам Ельцин в воспоминаниях признается: да, нарушил Конституцию. Выходим, КС был прав тогда? И вся его «виза» в том, что он это понял раньше, чем президент? Тогда большинство общества убедил в том, что законность должна устоять целесообразности. Но результат печален: подломан конституционный институт, подломано хрупкое правовое сознание, подломана только рождающаяся традиция жить по Конституции...»

Достаточно очевидно: проявил тогда Валерий Зорькин лояльность к Ельцину — он бы получил все, что только можно было бы пожелать. Достаточно было просто не собирать КС, как ему это рекомендовалось «указом 1400» — и по сей день он занимал бы крепко председателя суда. Однако судья поступил иначе — precisely создавая последствия. Кстати, то заседание КС до сих пор остается загадкой — ни один из судей так ни разу и не подлился подробностями. Единственное, что удалось узнать — почему КС собрался в «пожарном порядке», ночью, без манши (как потом упрекали оппоненты). Ответ был прост: утром собораться уже могли и не позволить...

После «черного октября» деятельность КС оказалась парализована на полтора года — вплоть до марта 1995-го. Формально она была лишь «приостановлена», фактически — КС стал «арбитром, удаленным с поля».

В поисках «скрытых полномочий»

Конституция, принятая в декабре 1993 года, и новый закон о статусе КС существенно ограничили его возможности. Суд лишился права рассматривать дела по собственной инициативе, обрпашаясь в него теперь могли либо пятая часть депутатов Госдумы или Совета Федерации, а также президент, правительство, губернаторы и региональные парламенты. Рассмотрению отныне подлежали только федеральные и региональные законы и нормативные акты президента и правительства, а все «ненормативные» решения главы государства оказались выведены из-под конституционного контроля.

Кроме этого, судьи КС теперь могли предлагаться только президентом, а состав суда был расширен с 13 до 19 человек. Смысл такого «расширения» был прозрачен донельзя. В «старом» составе КС было девять судей, признавших неконституционным «указ 1400», и четверо судей, вставших на сторону Ельцина. Добавление шестерых судей, представляемых президентом, и заведомо явившихся его сторонниками, гарантированно обеспечивало ему большинство в «новом» КС.

К марту 1995-го неустоявшие шесть судей были утверждены Советом Федерации, и «удаленный арбитр» вернулся на «конституционное поле». Но вернулся он, как быстро выяснилось, не таким, как был раньше — неизлечимый отпечаток осени 1993-го уже не стирался ничем. Наиболее ярко это проявилось в июле 1995 года, когда КС рассматривал конституционность указов Ельцина, «случившихся курок» первой войны в Чечне в декабре 1994 года.

С тех пор прошло больше шести лет. Серьезно изменились оценки происходящего на Северном Кавказе у многих из тех, кто высказывал их тогда, да и общественное мнение перевернуло судьственные изменения. Но речь не о том, прав или не прав был Ельцин, отдав приказ о военной операции в Чечне. Речь — о правовом механизме «скрытых полномочий» президента, который был изобретен в КС, чтобы признать правомерность действий Ельцина. Механизм этот, действует до сих пор, а суть его проста: президент может, «заполняя пробелы в законодательстве» (которые будут всегда, ибо никто не обоймет необъятного), издавать указы, подменяющие собой законы. А то и изменяющие их — как это случилось недавно, когда президентским указом был изменен порядок выплаты пенсий, установленный законом. КС признал указ конституционным — исходя из той же концепции «скрытых полномочий».

Тогда, летом 1995-го, судья КС Борис Эбзеев рассказал мне любопытную историю. В начале 80-х годов известный юрист профессор Перциг написал статью, где доказывал, что КПСС, явля-

ясь руководящей и направляющей силой общества, должна действовать в рамках Конституции и закона, и, таким образом, может не все. Этому решительно воспротивился секретарь Свердловского обкома КПСС Ельцин, отгвавший профессора: как это так, партия чего-то не может? Партия может все! И в этой связи, по словам Эбзеева, КС отвечал на простой вопрос: может ли все президент? И ответил: да, может! Но государство, по словам Эбзеева, «может все» только в условиях абсолютизма — а в условиях демократии и правового государства власть окружена традициями, которые образуют неотъемлемые и неотчуждаемые права человека и через которые она не вправе переступить...

Два процента политики

Ником образом не хочу обидеть высокий Конституционный Суд, но концепция «скрытых полномочий» во многом обесценила его деятельность, поскольку стало почти бессмысленно обжаловать в суде президентские указы (традиционно — самую спорную часть российского «правового пространства»).

В итоге сегодняшний КС являет собой инстанцию, где 98% дел рассматривается по жалобам граждан на нарушение их конституционных прав, и лишь 2% дел — когда спорят политики. Не умаляя важности восстановления конституционных прав граждан, ущемленных действиями властей или несовершенными законами, хочется сказать, что не в этом виделось главное предназначение КС. В стране, где никогда не жили по силе права, а всегда жили по праву силы, было особенно важно наличие верховного арбитра, расставляющего «флажки» конституционного поля, выход за которые строго запрещен и перед вердиктом которого должины покорно склоняться президент, парламент и правительство...

Справедливости ради заметим, что за минувшие шесть лет КС время от времени рассматривал общественно значимые политические вопросы — и иногда даже давал на них не нравящиеся президенту Ельцину ответы.

Так, в апреле 1998 года КС обязал президента подписать не понравившийся ему закон о реституции — который был принят обеими палатами Федерального Собрания, но Ельцин не желал ставить под ним свою подпись, ссылаясь на процедурные нарушения. А в ноябре 1998 года КС отказал Ельцину в праве избираться на третий срок — как ни старался его советники доказать, что по новой Конституции он был избран только один раз, в июле 1996 года. Тогда, кстати, единственный раз в качестве аргументации на заседании КС была использована ссылка на газетную публикацию — известный юрист, профессор Сурен Авакьян цитировал мою статью в «Независимой газете». Ход моих рассуждений был простым: в Конституции речь идет о запрете зани-

мать президентскую должность более, чем два срока подряд. И если считать (как президентские юристы), что в 1998 году у Ельцина идет лишь первый срок, то какую же должность он занимал, скажем, летом 1994 года? Если это была не должность президента России — то какая? И насколько тогда законны все его указы, изданные до лета 1996-го? Как показало решение КС, эти аргументы возымели действие.

Тем не менее все эти исключения лишь подтверждали правило — во всем остальном КС вел себя настолько смиренно, что о нем просто-напросто стали забывать. И сегодня сообщения о рассмотрении дел в КС редки на газетных страницах (не говоря о телерапортажах). Еще немного — и граждане нашей страны могут вообще забыть, что есть такая судебная инстанция. А жаль — десять лет назад, как уже сказано, на КС возлагались немалые надежды.

Впрочем, десять лет назад они возлагались не только на него...

Присятни или проигрнешь?

II

о прошедствии полугода после «спецоперации НТВ» становится ясно: цель ее заключалась не в том, чтобы конкретный телеканал сменил оппозиционные настроения на лояльные. В конце концов, при наличии сервильных и куда более мощных ОРГ и РТР можно было не опасаться, что НТВ будет оказывать решающее влияние на общественное мнение. Цель была в другом — дать медиа-сообществу сигнал: присятни или проиграешь.

Далше Кремль присягнул к наблюдению: понят ли сигнал? Оказалось, что понят. И даже очень.

«Понимаешь, газета дышит на ладан, — объяснял мне приятель, работающий заместителем редактора в одном из популярнейших московских изданий, — и потому проглотить президента нельзя. Пиши что хочешь, только не критикуй Путина и то, что он делает».

«Интервью с Явлинским? — задумался редактор другого московского издания. — А о чем с ним говорить? Он же будет президента критиковать, а нам этого не надо. Вот Жириновский — другое дело. Или Рогозин...»

«Путинская затея с федеральными округами и полпредами, конечно, никчемная, и польза для людей от нее никакой, — вздохнул редактор одной из питерских газет. — Но, может быть, ты о чем-нибудь другом напишешь?»

Замечу: все три издания — негосударственные, денег от властей не получают и много раз за последние годы позволявшие себе критику действий Ельцина и его окружения. Раньше они этого не боялись. Теперь — боятся.

Нет-нет, никто не вводил цензуру и никто не угрожал неприятностями за критические в отношении Путина публикации. Все происходящее — инициатива снизу, добровольная самоцензура. Естественно, ее введение требует некоторого нравственного напряжения, но оно легко снимается ставшими нынче очень популярными рассуждениями о том, что надо не критиковать власть, а подталкивать ей плечо и помогать делать общее дело.

Конечно, подобное встречалось и раньше и даже носило массовый характер — во время избирательных кампаний. Государ-

ственные СМИ (как федеральные, так и местные) и раньше отключились сервильностью, привычно путая государство с президентом, правительством или губернатором, а многие негосударственные нередко продавали свое перо за чечевичную похлебку. И все же в «бесзвездный» период критика была возможна, хотя большей частью и оставалась незамеченной и практически не влияла на действия властей. Нынче же примеров Гусинского и Березовского оказалось достаточно для выработки условного рефлекса: ежеси с ними, богатыми и могущественными, так обобщись — что же будет с нами, если полезем на рожон? И вове не факт, что найдется другое издание, где согласятся приютить безработного главного редактора и его творческий коллектив. Так не разумнее ли начать работать «конструктивно»?

Что же, количество тех, кто перешел в «конструктивное» русло и храбро заявляет о поддержке президента, множится на глазах. С целью облегчить им выбор по стране, как говорил мне генеральный секретарь Союза журналистов Игорь Яковенко, курсируют эмиссары не испытывающего финансовых трудностей «Медисоюза» и вербуют в свои ряды тех, кто согласен «пропагандировать новый курс руководства Россией». Блага для согласных и проблемы для несогласных подразумеваются — народ нынче пошел грамотный, все понимает с полуднадека.

И вот уже не только в московских, но и в питерских изданиях стало большой проблемой публично усомниться в правильности каких-либо реформ Путина — пенсионной, жилищно-коммунальной, судебной или административной. Более того: стало трудно найти издание, которое не боится критиковать не то что президента, но даже его питерского полпреда Виктора Черкесова. Речь идет, повторяю, о негосударственных СМИ. Что уж говорить о государственных — например, о питерском РТР, которое позволяет себе подвергать сомнению правильность действий президента или полпреда не чаще, чем газета «Правда» тридцать лет назад — правильность действий Политбюро ЦК КПСС? Дабы крамольные мысли не просочились в эфир — до сотрудничества открыто доводят перечень нежелательных для выступления городских политиков: скажем, правозащитников Юлия Рыбакова и Юрия Вдовина, «яблочника» Юрия Нестерова (этот факт подтвердила недавно ушедшая с питерского «Радио России» известная журналистка Наталья Ухова). При этом первый зампред питерского филиала ВТРК Игорь Игнатьев с торжеством заявляет: «Я служу России!». Что же, каждый понимает служение России, как умест...

Впрочем, на федеральных каналах эта практика — не новость: так, на выступления упомянутого Григория Явлинского наложен негласный запрет на ОРГ, РТР и НТВ (в последнем случае «удачно» сходится интересы Кремля и фактически контролирующего

канал Анатолия Чубайса). А если лидеру «ЯБЛОКА» и удастся появиться на экране, скажем, в связи с обсуждением ввоза в Россию отработавших ядерных отходов — это 30-секундное выступление сопровождается 20-минутным комментарием, где гражданам объясняют, что Явлинский небескорыстно лоббирует интересы западных фирм, и вообще все, кто против ввоза ОЯТ — это «агенты влияния»...

Прошлого возвращается — наверное, придется вновь овладеть эзоповым языком и умением читать между строк и слышать между слов. Но полезно вспомнить, что, как говаривал Станислав Ежи Лец, «надевшим на глаза шоры следует помнить, что в комплект входят еще узда и кнут»...

Мифы «гайдарономики»

Десять лет назад в России
начался «шок без терапии»

Десять лет назад Россия столкнулась с самыми масштабными потрясениями за всю свою историю двадцатого столетия. Восьмого декабря 1991 года перестал существовать Советский Союз, 25 декабря ушел в отставку Президент СССР Михаил Горбачев, а со 2 января 1992 года, согласно указу Президента России Бориса Ельцина, начался «гайдаровские» экономические реформы.

Две трети минувшего десятилетия граждане России ощущали себя подопытными, на которых радикал-реформаторы испытывали правильность исповедуемых ими экономических теорий. Во имя этих теорий в жертву абстракциям — «рынку», «приватизации», «либерализации» — были принесены принципы социальной справедливости и благополучие большинства населения. Последствия для десятков миллионов людей известны: жесточайшее социальное расслоение, падение уровня жизни и оторасывание 40% населения за черту бедности, обесценивание накопленных, рост безработицы, ликвидация базовых социальных гарантий и крушение привычного образа жизни.

В любой стране подобное назвали бы национальной катастрофой, а ее организаторы надолго, если не навсегда, оказались бы отстранены от власти и лишены возможности распоряжаться судьбами соотечественников. В России случилось иначе: «реформаторы», которым покровительствовал Ельцин, могли экспериментировать над согражданами, не обращая внимания на общественное мнение и не неся ни малейшей ответственности за результаты своей деятельности. При этом они очень любили называть себя «камикадзе», приходящими в правительство чуть ли не на верную погибель, чтобы проводить непопулярные реформы. Правда, покидая правительство, каждый из «камикадзе» почему-то прихватывал с собой все, что мог унести, и становился удачливым олигархом, руководителем фонда, имеющего пипатские льготы, или директором института с государственным финансированием...

Понадобился август 1998 года, чтобы на идеологии «гайдарономики» жизнью был наконец поставлен крест. Лишь тогда, когда все широко разрекламированные достижения «либерального курса» — твердый рубль, стабильные цены, изобилие на прилавках, устойчивые банки, надежные ценные бумаги, — представляли как дым, экономический курс российской власти начал меняться в лучшую сторону. Но и по сей день из лагера наследников и единомышленников Гайдара — правых радикалов из СПС раздается призывы к продолжению «либерального» курса, при котором каждый сам за себя, государство никому ничего не должно и вызывает только сильнейший, а главной угрозой «завоеваниям» молодого российского капитализма» объявляется «социальное иждивенчество, несоместимое со свободой»...

Тот, кто не помнит прошлого, как известно, обречен на его повторение. И если мы не хотим повторения «гайдарономики» — стоит напомнить, в чем она заключалась и к чему привела.

Главное слово — «ЛОЖЬ»

В свое время, усилиями правительственных пропагандистов, была выработана следующая точка зрения на «гайдаровские» реформы. Согласно ей, на фоне пустых прилавков 1990—1991 годов и сумасшедших очередей, правительство России отважилось на единственно верный шаг: провело либерализацию цен, после чего прилавки наполнились товарами и исчезли очереди. Затем «Гайдар и его команда» в соответствии с рекомендациями крупнейших экономистов мира провели приватизацию, создали в стране класс собственников и начали осуществлять программу финансовой стабилизации и укрощения инфляции, после чего должен был начаться экономический рост. К сожалению, противопоставив реакцию Верховного Совета привело к тому, что поставленные цели так и не были достигнуты...

Скажем сразу: перед нами — искусно созданные мифы.

Да, правительство Гайдара «отпустило» цены — после чего действительно появились товары и исчезнут очереди. Но не стоит забывать, что главной причиной пустых прилавков осени 1991-го были массовые ожидания заранее обещанного «отпуска» цен! Если бы в 1982 году цены «прыгнули» бы в десятки раз — очереди бы исчезли точно так же. К тому же, еще неизвестно, что хуже — стоять в очереди с надеждой купить нужный товар или придти в магазин как на экскурсию, заранее зная, что не можешь позволить себе необходимое?

Заметим, что в декабре 1991-го Гайдар уверял, что цены «прыгнут» в 2—3 раза, а уже к февралю 1992-го они выросли в 20—30 раз. Впоследствии Геннадий Бурубуйс цинично признается: мол, если бы мы честно сказали, какими будет скачок цен — кто бы нам

позволили их «отпустить»? Что же, недаром Григорий Явлинский — один из самых последовательных критиков «гайдарономики» — скажет: «Главным словом, определяющим способ проведения реформ, было слово ЛОЖЬ». ... И в довершение «либерализации» в пыль превратятся сбережения россиян, но правительство заявит, что никакая компенсаций не будет. А журналисты, годами специализировавшиеся на восхвалении «реформаторов», будут уверять праждан, что инфляция, мол, просто «перешла из скрытой формы в открытую»...

Правительство Гайдара начнет приватизацию, обещая надлить каждого равной долей государственного имущества. И тоже — обманет: к осени 1992 года именитые приватизационные счета (при помощи которых граждане действительно могли бы получить определенную долю) усилиями Анатолия Чубайса сменяются безличными ваучерами. После чего вместо двух «Вольт» рядовой гражданин не получит ничего — зато владельцы крупных состояний, обогатившиеся на дешевых государственных кредитах и полученных по протекции «друзей» из правительства квотах на экспорт сырья, беспрепятственно приобретут к рукам лучшую часть государственной собственности. Особенно это коснется нефтяной и газовой отраслей, где доходы, на которые существовала вся советская империя, перешли в руки узкой группы лиц. И понадобится Александр Солженицын, чтобы сказать, что ни один российский гражданин не получил по своему ваучеру причитающейся ему доли собственности — не рискуя быть заклейменным как «противник реформ».

Правительство Гайдара будет молиться на «финансовую стабилизацию» — полагая, что при подавлении инфляции автоматическим начнется экономический рост. Однако скоро выяснится, что борясь с инфляцией правительство может только путем отказа платить людям зарплаты и пенсии и вздуванием налогов, способных задушить на корню любое производство. Что касается экономического роста, то дежурными заклинаниями о том, что в будущем году он непременно начнется, нас пичкали вплоть до дефолта 1998 года...

Ставка на меньшинство

Столь же иллюзорными оказались и другие мифы «гайдарономики».

Как выясняется, «лучшие экономисты мира», консультировавшие реформаторов, давно уже кардинально изменили свои взгляды. Так, еще в 1994 году пять нобелевских лауреатов по экономике — в том числе Василий Леонтьев, Дуглас Норт и Кеннет Эрроу — публично заявят об ошибочности курса российских реформ, но их крик души останется гласом вопиющего в пусты-

не. Более того: об этом заявлении мы вообще узнаем лишь через два года (!), потому что ни одно российское СМИ не захочет предавать его огласке.

Как выясняется, никто и ни в чем не мешал Гайдару: Верховный Совет, который обвиняли в «противодействии реформам», реально не мог повлиять ни на какие действия исполнительной власти, ибо в 1992 году действовали так называемые «особые полномочия» Ельцина, позволявшие ему издавать указы, противоречащие законодательству. А в 1993 году парламент был уже разогнан.

Как выясняется, никакого «среднего класса» из миллионов собственников в России так и не возникло (не считать же таковыми владельцев вузучеров). Напротив, командой Гайдара был взят сознательный курс на создание не «среднего класса», а узкого слоя «новых русских». Именно они, объединенные всем «реформаторам», станут их главной опорой — и, получив во владение основные СМИ, помогут в 1996 году сохранить за Ельциным политическую власть...

Ошибки гайдаровских реформ можно перечислять долго. Многие экономисты — Григорий Явлинский и Николай Петраков, Дмитрий Львов и Леонид Абакин, Станислав Шаталин и Сергей Глазьев — пытались предостеречь от них или объяснить, как можно скорректировать проводимый курс, чтобы смягчить его негативные последствия. В ответ натасканная в стенах Чубайсовского Госкомимущества компания правительственных пропагандистов, имевшая неограниченный доступ к СМИ, не переставала уверять: курс реформ верен, ему нет и не может быть альтернативы, а все, кто его критикует, — «красно-коричневые», мечтающие вернуть страну к тотальному дефициту, очередям и распределителям.

Итог оказался печален. «Шоковая терапия» не позволила возникнуть реальному среднему классу — зато приватизация по Чубайсу создала узкий слой крупных собственников-олигархов. В угоду им был создан уродливый финансовый рынок, выкачивавший ресурсы из реального сектора. В угоду им была построена «пирамида ПКО», позволявшая олигархам извлекать сверхприбыли и перекачивать их на Запад. В угоду им были созданы основы криминально-олигархического капитализма, подчиняющего государство интересам олигархов. В угоду им все тяготы социально-экономических экспериментов легли на плечи граждан. В угоду им государство в одностороннем порядке отменялось от своих социальных обязательств перед гражданами. И в угоду им российское общество оказалось расколотым на выправившее меньшинство и разочаровавшиеся большинство, доверие которого к власти упало к осени 1998 года до критической точки. Но именно ставка на меньшинство и была одной из особенностей «гайдарономики»...

Шаги от пропасти

Три с половиной года после дефолта-98 деятельность четырех правительства — Примакова, Степашина, Путина и Касьянова — тех лет во многом направлена на то, чтобы преодолеть последствия дефолта любыми средствами «шюка без терапии».

Важнейшим среди «шагов от пропасти», куда вот-вот была готова обрушиться страна, стало изменение отношения государства к социальной сфере, которая перестала наконец (как это было принято при «реформаторах») рассматриваться как досадная помеха на пути макроэкономических преобразований. Достаточно сказать, что три с половиной года (!), начиная с января 1997 года, в стране не менялась минимальная заработная плата и, в нарушение закона, не индексировалась минимальная пенсия — даже дефолт с последующим трехкратным обвалом уровня жизни ни не заставил российскую власть повысить зарплаты и пенсии собственным гражданам.

Уже с осени 1998 года, когда объявившее дефолт и девальвацию рубля правительство Сергея Кириенко было заменено правительством Евгения Примакова, ситуация стала меняться. Были постепенно погашены долги по зарплатам и пенсиям, а затем, уже при правительстве Владимира Путина и Михаила Касьянова, была несколько раз подряд повышена минимальная зарплата и пенсия — без привычных спращилок отечественных «монетаристов», что рост доходов граждан-де «провоцирует инфляцию»... Наконец, в федеральных бюджетах 2000 и 2001 годов серьезно выросли расходы на социальную сферу, а вице-премьеры и министры научились говорить о социальных проблемах без брезгливого выражения на лице.

Вторым шагом стало снижение налогов — впервые за десять лет в России был уменьшен налог на прибыль предприятий и введена «плюска» 13-процентная шкала подоходного налога. Заметим: все предшествующие годы на все предложения о снижении налогов (что, в частности, постоянно предлагалось «ЯВ-ДОКОМ») правительство неизменно отвечало, что это совершенно невыгодно, невозможно и что этого никогда не будет. И лишь после того, как в послании Владимира Путина к парламенту прозвучала мысль о том, что в России «неразумный уровень налогового обложения» и надо вводить естественную, низкую ставку подоходного налога, ситуация изменилась.

Третьим важным шагом стали изменения в бюджетной политике: впервые за долгие годы федеральный бюджет стал бездефицитным, позволившим не «наручивать» новый государственный долг. Изменилась и политика в отношении предпринимателей, задваивавших бесконечными проверками и вынужденных со-

бирать немалое число бумаг для того, чтобы начать свое дело. Недavno через Думу проводился «пакет» законов, предусматривающий резкое сокращение числа проверок и введение принципа регистрации предпринимателей в «одном окне». Если он будет нормально работать — есть надежда на серьезные изменения в этой сфере.

Наконец, появились примеры того, что реакция общества на планы власти заставляет ее менять первоначальные намерения. Так, вопреки первоначальному путающим заявлениям, был приторможен немедленный «суперлиберальный» переход на 100-процентную оплату жилья и коммунальных услуг — столкнувшись с жестко отрицательным мнением населения, правительство само заговорило о том, что надо ориентироваться на платежеспособность граждан и бесмысленно форсировать переход к 100-процентной оплате...

Любимый тезис тех, кто задумывал и проводил «шоковые» реформы — «мы все делали правильно, а то, что реформы не привели к позитивным результатам, вызвано исключительно тем, что нам не хватало власти и реформы не дали довести до конца». Но это — неправда. Не власти не хватало «реформаторам», а, как в свое время заметил Григорий Явлинский, «могов и совети».

Что же, кто хочет — тот может и нынче верить, что «гайд-рономике» не было альтернативы. И что в огромной стране с умным и трудолюбивым народом, прославленной на весь мир наукой, мощнейшей промышленностью и богатейшими природными ресурсами нельзя было провести экономические реформы иначе, как отбросив миллионы граждан за грань нищеты, превратив качественное образование и медицинское обеспечение в привилегию меньшинства, взрастив небывалую коррупцию, передав большинство национальных богатств узкой группе олигархов и поставив страну в зависимость от унизительно нерегулярно выдаваемой порции международных кредитов.

Я этому верить отказываюсь.

Такую память принято отбивать

Вообще-то, политики — люди недоверчивые. Но президентскому указу, датированному первым апреля 1996 года, политическая элита Петербурга поверила сразу. Наверное потому, что всем тогда было не до шуток — в городе кипели предвыборные страсти...

Выборы губернатора Петербурга первоначально были назначены одновременно с президентскими выборами — на 16 июня 1996 года. Но затем мэр Анатолий Собчак, желая обеспечить себе победу «малой кровью», решил перенести выборы на месяц назад — на 19 мая, чтобы конкуренты не успели «раскрутиться». И даже «пробили» специальный указ Бориса Ельцина. После этого на протяжении недели представители мэрии выкручивали руки Законодательному Собранию, чтобы оно отменило только что принятый закон о назначении выборов на июнь и приняло другой — об их назначении на май.

Все силы Смольного были брошены на то, чтобы «пробить» закон, — чиновники буквально дневали и ночевали в Мариинском дворце, где заседает питерский парламент, обрабатывая депутатов. В конце концов операция удалась, и мэр вздохнул свободно. А затем... затем наступило 1 апреля, когда автор статьи подумал: почему бы не пошутить?

Компьютера, ножниц, клея и скрепки оказалось достаточно для того, чтобы изготовить вполне пристойный на вид президентский указ от 1 апреля 1996 года. Этим указом Ельцин, «учитывая многочисленные обращения граждан и общественных организаций», отменял свой прежний указ от 12 марта и разрешил провести выборы губернатора Петербурга одновременно с президентскими. То бишь 16 июня. Все возвращалось на круги свои.

Отплевая десяток копий свежескопированного указа, автор отправился гулять по Мариинскому дворцу, демонстрируя его встречным депутатам, как якобы только что приставленный из Москвы. Реакция была вполне предсказуемой: сторонники Собчака

тихо чертыхались, противники — бурно восторжались и спешили занести радостную весть дальше. Наконец, на моем пути попался кабинет старого приятеля, заместителя председателя Законодательного Собрания Виктора Новоселова (ныне покойного — осенью 1999-го он стал жертвой покушения). Будучи инвалидом, прикованным к коляске, Новоселов практически жил в своем кабинете, куда непрерывно стекалась вся любопытная городская информация. И тут началось такое...

Внимательно прочтя «указ», Виктор затрянулся традиционной сигаретой «Салем», и, поддерживая свой имидж сверхинформированного человека, заявил: «Боб, я знал об этом еще вчера!» И, подумав минуточку, продолжил: «Сейчас мы кое-кого обрадуем». С этими словами он потянулся к телефону спешивая и набрал номер одного из заместителей Собчака.

«Вова, ты чудак на букву «м»! — жизнерадостно произнес Новоселов. «Это еще почему?» — недовольно откликнулся Вова на том конце провода. «А потому! Борис Николаевич засосал длинный стакан и отменил указ о выборах 19 мая. Я вас, дураков, предупреджил, что из всей вашей комбинации из трех палыев хрен что получится. Сейчас я тебе по факсу указ пришло — прочти и перезвони»...

Вскоре Вова перезвонил, причем то, что он зеленеет на глазах, явно ощущалось даже по телефону. По всей видимости, он решил одну задачу: как доложить о случившемся Собчаку, чтобы не убили сразу. «Прочел? — ехидно поинтересовался Новоселов. — Выкручивайтесь теперь сами, ребята, я вам больше не помощник. И вообще, на всякий случай ищи себе новую работу, когда на выборах пролетите...»

Стаго ясно, что ситуация приобретает неконтролируемый характер — еще немного, и мэра, которому вот-вот доложили бы об «указе», мог спокойно хватить кондрагий. «Витя, ты на дагу указ посмотреть?» — невинным голосом поинтересовался я. «А что?» — встретенулся Новоселов. «Присмотрись внимательно». Через минуточку Виктор тихо прозанес: «Ну, Боб, ты и сукин же сын». А затем добавил: «В Смольный я поюзать позвоню. Пусть поддержат полчаса — для здоровья очень даже полезно...»

Через два месяца состоялось выборы — на которых Анатолий Собчак проиграл Владимиру Яковлеву. Часть команд мэра тут же присягнула на верность новому губернатору, но некоторым и, в первую очередь, Вове, не повезло. «Чтоб завтра и духа этого... здесь не было», — распорядился новый хозяин Смольного.

Правда, никто из уволенных не пропал в этой жизни — в том числе и Вова, над которым давно уже вряд ли кто решится пошутить, даже 1 апреля.

Да и Вовой его теперь мало кто называет.
Предпочитают уважительно: Владимир Владимирович.

Тень свастикки над Невой

Именины Гитлера — любимый праздник для питерских продолжателей фашистского дела. Как правило, в северной столице день рождения фюрера не обходится без экссессов. В лучшем случае — дружный топот армейских ботинок по асфальту и крики «Эг хайль!», в худшем — кровь. Банды бритоголовых скинхедов избивают африканцев и кавказцев: камерунцев, танзанийцев, азербайджанцев, дагестанцев. Есть жертвы. А милиция, как правило, безмолвствует — в крайнем случае, привяжут за хулиганство, а вовсе не за разжигание межнациональной розни с применением насилия. Почему?

«Если верить откровениям расистов, из некоторых отделений милиции их провокают наутствиием «бить чурок сколько угодно», — говорит известный журналист, редактор «Новой газеты» в Петербурге Николай Донсков, «принципно» занимающийся этой проблемой. — Если учесть, что едва ли не половина милиционеров так или иначе прошла через мисорубку Чечни, вернувшись оттуда далеко не с самыми дружелюбными по отношению к кавказцам настроениями, это звучит не так уж неправдоподобно...»

Донсков снял короткий фильм, поражающий открытостью высказываний питерских неонацистов. Вот на экране — группа «бритоголовых» молодых людей, у одного из них — на шее тагуировка: череп и кости.

«Это «Мертвая голова», эмблема дивизии СС, которая охраняла еврейские концлагеря, — поясняет один из скинхедов. — СС — основоположники: они оципали свою нацию, а мы оципаем свою от евреев, кавказцев, азиатов и негров».

— Как?
— Убивать их на х.й, резать, бить... — дружным гоголом отвечают «бритоголовые»...

По словам Донскова, в Петербурге от 500 до двух тысяч скиннов, многие объединены в группировки с характерными названиями: «Кровь и честь», «Объединенные бригады-88» (цифры — закодированные имя и фамилия Гитлера). Натого пострижены, одеты в короткие куртки без воротников (так удобнее вы-

ворачиваться из рук миллионеров), они орут: «Россия — для русских!» и стремятся избить любого попавшегося на пути «инородца».

Другой отряд неонацистов — местное отделение национал-большевистской партии. Вот их лидер Андрей Гребнев, разодетый в камуфляж, развязывает товарищам по борьбе, что надо «возродить бериевские традиции».

«Почему не реабилитирован Берия, который сделал Россию великой, а реабилитирован подполк Солженицын, которого только благодаря гуманизму Сталина и Берии не расстреляли?» — надрывается он на трибуне партийного собрания. А соратники скандируют: «Сталин, Берия, Гугар!»...

Но Гребнев — не только партбосс, но и редактор газеты «Наше обозрение», которой восхитился бы Геббельс. Содержание каждого номера — наглядная иллюстрация к 282-й статье УК «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». Призывы «бить подручными средствами оккупантов-кровососов с Кавказа и Средней Азии», логотипы «Минздрав предупреждает: общение с пришельцами с Кавказа и Азии опасно для вашего здоровья», объяснения, какую «угрозу» для русских представляют пьиганы и таджики... На первой полосе — групповая фотография скинов с ружьями, вскинутыми в нацистском приветствии. И лозунг тех, кто любит называть себя «гаулейтерами» и «партайгеноссе» — «Антифашизм не пройдет!».

А как же прокуратура? Никак. На обращения питерских депутатов Законодательного Собрания и Государственной Думы от «ЯБЛОКА» Михаила Амосова и Александра Шишлова от прокурора города Ивана Сыдорука и заместителя Генерального прокурора России Василия Колмогорова приходят стандартные ответы: в возбуждении уголовного дела отказано, поскольку не установлено наличия прямого умысла. Видимо, для привлечения фаншистов к ответу надо, чтобы статьи завершались нотариально заверенным признанием того, что автор намеревался разжечь национальную рознь. И заявлением в прокуратуру с просьбой возбудить против него, мерзавца, уголовное дело.

Кстати, та же прокуратура недавно отказалась признать расистскими надписями изображение свастик на питерских домах. Мол, если рядом написано «Вей жидов» — это другое дело. Но и тогда, когда «бить» призывают публично — прокуратура приставляет подзорную трубу к выбитому глазу. Вот на митинге на Дворцовой площади лидер «Русской партии» Николай Вондарик говорит:

«Страной правит еврейский кагал, и пока мы, русские, эту жидовскую власть не свергнем, наших сторонников будут убивать! Надо воспитывать молодежь так, чтобы было модно и популярно создавать, что ты белый человек, а не негр, русский, а не

папуас. И чтобы она ненавидела преступный режим кавказских бандитов и еврейской мафии! Евреи сами из России не уедут — их надо вынести вперед ногами, и сделать это должна русская молодежь!»

Реакция прокуратуры, сами понимаете, никакой.

Заметим: некоторые питерские расисты вполне цивилизованы по форме (но не по содержанию). Скажем, муниципальный депутат, корреспондент черносотенной газеты «Новый Петербург» и член ЦК Российского общенародного союза («Бабуринского») Денис Усов. Хороший костюм, аккуратная причёска. Баллотировался под лозунгом: «Хочу выселить черных. Кандидат Усов». Лично подтверждает в фильме Донскова, что подготовил программу выселения из района «лиц кавказской национальности, занимающихся антисоциальной преступной деятельностью». Лозунг «Убей хачал!» ему «импонирует», более того — «очень близок». Охотно, много и со знанием дела цитирует Гитлера и Геббельса. Призывает вспомнить такую науку, как евгеника. Мол, не надо чураться этого лишь потому, что ей занимались нацисты: «не все же в нацистской Германии было плохо». Напомним: евгеника — наука об улучшении наследственного здоровья человека. Активно использовалась в фашистской «расовой теории»...

И еще один автор «Нового Петербурга» — доктор юридических наук Олег Каратаев. Регулярно публикует статьи о евреях, виновных в коллективном преступлении перед русским народом. Или о том, как «русский народ строил свое государство тысячу лет, другие же народы либо помогали ему в этом, либо были нейтральны, либо активно мешали (поляки, немцы, татары, чеченцы, черкесы, евреи — таких большинство!)». Цитата взята из журнала, выпускаемого при поддержке питерской администрации и полпреда президента.

Ни питерская, ни федеральная власть не замечает тенъ свастик, нависшую над Невой.
Или не хочет замечать?

ВЕТВИ ВЛАСТИ СТАЛИ АНТЕННАМИ

Административная реформа — новыми словами, **РЕФОРМА ВЛАСТИ** — была первой из объявленных Владимиром Путиным. Начало ей было положено два года назад: 13 мая 2000-го, вскоре после инаугурации был подписан указ № 859 о создании семи «федеральных округов».

И если последующие реформы — налоговая, пенсионная, жилищно-коммунальная или военная — в общественном сознании, как правило, связываются с правительством, то административная реформа связывается исключительно с президентом, не уточняящим говорить об «укреплении государства» как о главной стратегической задаче.

Возможно поэтому, мало кто отваживается усомниться в том, что для решения этой задачи выбраны верные методы. А редкие критические голоса тонут в дружном хоре пропагандистов, радиошхиса «вертикали» и «сильному государству».

Государство, впрочем, полагается не сильное, а наглое. И весьма напоминающее то, которое уже было...

Прокураторы на марше

«Институт полпредов удался», — удовлетворенно заметил Владимир Путин, встречаясь со своей семеркой «прокураторов». А в апреле 2002 года в президентском послании прозвучало, что «федеральная власть реально стала ближе к регионам» и «настало время перенести на окружной уровень исполнение некоторых федеральных функций». Заметим, что за минувшие два года на «окружном уровне» успели создать свои структуры едва ли не все федеральные ведомства — от ФСБ, МВД, МЧС и прокуратуры до Минюста и Минздрава, и активно лоббируются предложения отложить в распоряжение полпредов бюджетные трансферты и субсидии, направляемые в регионы. Следующий шаг — превращение полпредств в неконституционные «правительства округов», ли-

шенные при этом какого-либо противовеса в виде избранных гражданами представительных органов...

Между тем институт полпредов принципиально не мог удаваться потому, что он вообще не нужен. Ведь все возложенные на прокураторов задачи либо не имеют никакого отношения к реальным потребностям граждан, либо должны выполняться существующими в государстве структурами.

Так, разрезамированное «приведение регионального законодательства в соответствие с федеральным» — рутинная функция прокуратуры. Именно она должна следить за «несоответствиями», исправление которых является перманентной проблемой, поскольку федеральные законы постоянно меняются. И если эта задача не решается — надо не выводить пост полпреда, а увольнять прокурора. А еще более существенно то, что граждане мало волнуют расхождение региональных законов с федеральными. Источником нарушений их прав является совсем другое: например, «резанье» федеральной властью доходов регионов и перекладывание «вниз» ответственности за повышение зарплат «бюджетникам» и финансирование ветеранских льгот. Но что-то не слышно, чтобы полпреды были озабочены этими проблемами. Как, впрочем, и другие, реально волнующими гражданами.

Зато, как показывает практика, полпредов очень даже волнуют, как они выглядят с точки зрения положенных номенклатурных благ (помните ельцинское — «не так селит!»). И вот ради одного полпреда высегают Дворец бракосочетания, ради другого (к чести его, впоследствии отказавшегося от «подарка») — Дворец пионеров. Передвижения полпредов по городам и весям — не иначе, как кортежем с охраной, сиренами и «мигалками». А для путей галстевенности телефоны приêmных полпредов в «столпах округов» засекречены настолько, что, в отличие от телефонов администратии президента, и, страшно сказать, самого президента, отсутствуют даже в справочнике правительственной ВЧ-связи...

Что касается других заявленных функций прокураторов, то бороться с коррупцией может и должно МВД. Докладывать президенту, как идут дела в «федеральном округе», могут референты, изучив местную прессу. «Координировать работу федеральных структур» на территории регионов, входящих в «федеральный округ», нет никакой необходимости. В какой «координации» нуждается работа налоговой инспекции Петербурга и Калининграда? Или — таможни на Таймыре и в Туве? Или — антимонопольных ведомств Чуколки и Приамурья?

Так что гражданам от полпредов — ни тепло, ни холодно. И обходиться без них можно и нужно — но было бы странно, если бы чиновники, имеющие статус вице-премьеров, членство в Совете безопасности, госохрану и прямой выход на президента, огра-

ничлись парадно-декоративными функциями. Они и не организованы: каждый из семерки прокураторов уверен, что ежесид президент — полновластный хозяин страны, то полпред — такой же хозяин «федерального округа». И выправе распоряжаться в нем, как в дарованной «на кормление» вотчине. То есть, всем руководить и ни за что не отвечать.

И вот уже вокруг каждого из прокураторов создан свой «центр притяжения» со всеми необходимыми атрибутами власти — «сидовниками», приближенными коммерческими структурами, подконтрольными СМИ и так далее. И конечно, с избирательными штабами, ибо главное, чем занимаются полпредства (если не считать участия в передаче собственности) — вмешательством в региональные выборы. Где-то это принимает законодательную форму, как в Ингушетии, где-то — обрачивается фарсом, как в Приморском крае, где-то — приводит к перемещению чиновников под предвзвтом в губернаторские кресла, как в Томени или в Воронежже. Но почему-тоезде воспринимается как должное! Так, в ведомстве приволжского прокуратора Сергея Кириенко открыто заявляли: «мы могли снять Климентьева» (на выборах в Нижнем Новгороде), «мы решили не снимать Илюхина» (на выборах в Пензе), давая понять, что решение вопроса зависело исключительно от них. С какой стати? Разве закон, запрещающий госслужащим заниматься агитацией, полпредам не писан? Или де-факто считается, что полпред, как тень президента, выше закона, и может судить, казнить и милловать?

Принцип Калигулы

Другое направление административной реформы — изменение принципа формирования Совета Федерации — так же, как и создание полпредств, ничуть не улучшило соблюдение интересов граждан. Скорее наоборот.

Недавнее (правда, в итоге так и не состоявшееся) наименование членом СФ от Ленинградской области Альфреда Коха стало «последней каплей» в доказательстве сомнительного характера нынешнего принципа делегирования сенаторов. Прежний сенат, состоявшийся из губернаторов и спикеров законодательных собраний, был хотя бы уважаем. Сенат же нынешний — стал жалок и заставляет вспомнить императора Калигулу, который объявил сенатором своего коня. В этом СФ присутствует множество персонажей, имеющих отдаленное отношение не только к законодательному процессу, но и к регионам, делегировавших их в верхнюю палату. И которые они не всегда могут показать на карте, поскольку, большей частью, являются постоянными жителями Москвы — о чем не раз писала «Новая газета»...

Но суть дела — не только в отсутствии у сенаторов географи-

ческих познаний. Суть дела в том, что СФ, многие члены которого обязаны своим сенаторством исключительно воле Кремля, перестал быть органом, который он обязан быть — защищающим интересы жителей регионов. Приведем наиболее показательный пример. В декабре прошлого года «реформированный» СФ дружно одобрил федеральный бюджет-2002, где доля доходов регионов в консолидированном бюджете России была снижена до 29% — вместо 50%, гарантированных Бюджетным Кодексом. Потери регионов составили 450 миллиардов рублей — в среднем по 3 тысячи рублей в год на каждого жителя. Неминутным последствием будет рост тарифов на общественный транспорт и платы за квартиру, нехватка средств на школы и поликлиники, детские сады и лекарства для «льготников». И что-то не слышно было, чтобы московские «представители регионов» молвили хоть слово в их защиту.

Ну а членом СФ от Ленобласти вместо Коха стал Валерий Голубев — председатель комитета по туризму питерской администрации. Не надо спрашивать, какое отношение он имеет к представляемому региону. Вполне достаточно того, что прежде он служил в ПГУ КГБ СССР, уволившись в запас в 1991 году в звании подполковника. И был у него сослуживец — тоже подполковник, и тоже ставший впоследствии чиновником. У товарища, правда, карьера пошла быстрее...

Назад, в будущее?

Заклпнания о необходимости «сильного государства» давно стали общим местом. Но под их прикрываем в последние два года «усилилось» лишь одно — власть подчиненных президенту чиновников. Как раз то, в укреплении чего не было никакой необходимости: хилость бюрократии никогда не была российским недостатком. То же, что надо было укреплять — еще более ослабло.

В каком «сильном государстве» нуждается гражданин? Ответ прост: в том государстве, которое эффективно выполняет свои обязанности. Обеспечивает гражданам безопасность, доступное и качественное образование, здравоохранение и социальное обеспечение, благоприятную окружающую среду, достойную плату за труд, нормальную работу общественного транспорта, тепло и свет в домах...

Все это невозможно без ответственности власти перед гражданами. Что, в свою очередь, невозможно без сильного парламента, независимого суда и свободных СМИ. Но насколько силен наш парламент и как он защищает граждан — легко судить по принимаемым законам. Насколько независим наш суд — легко судить по процессам, где выплывает не правый, а сильный. Ну а насколько свободны наши СМИ, легко судить, просто включив телевизор.

В итоге двух лет ударного строительства «вертикали» все ветви власти превратились в ретрансляторы команд. При этом низший должен беспрекосно повиноваться вышнему, а несогласного быют дубиной один раз, но по голове. И выбор граждан заменен выбором власти, поскольку выбрать на любых значимых выборах можно лишь того, кто заранее назначен победителем. А тот, кто пытается бороться, не «договорившись», обречен — либо его снимет с выборов независимый суд, либо его объявит побежденным независимый избирком. После чего независимый ЦИК не найдет никаких нарушений...

Ключевой принцип «вертикали» — сочетание ВЛАСТИ и БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ. Так, в отсутствие закона, определяющего статус «прокураторов», полпредами являются органы власти, обладающими ПРАВАМИ, но лишёнными ОБЯЗАННОСТЕЙ перед гражданами, поскольку ни перед кем, кроме своего начальника-президента, ответственности не несут. То же относится и к президентской администрации, которая, в отсутствие закона о ней, во все вмешивается и ни за что не отвечает.

Вообще говоря, «вертикаль» не есть политическое изобретение Владимира Путина. Она — прямое продолжение указа Бориса Ельцина об «особом управлении» и самодержавной Конституции 1993 года. Но она также — прямое продолжение аштарданной структуры КПСС: именно потому, как говорил еще в 1995 году покойный Лен Карлинский, «вертикаль» так легко была поддержана бюрократией ельцинской эпохи. И именно потому она стала знаменем бюрократии путинской эпохи — когда у власти оказались те, кто «меч перековывали в шит и запытали нам орала».

Чем, собственно, нынешняя система отличается от системы 20-летней давности? Тогда тоже была полная «вертикаль»: глава государства, любое желание которого было законом, парламент, послушно голосующий за все, спущенное из ЦК, суд, которому диктовали приговор по телефону, СМИ, явившиеся коллективным агитатором и пропагандистом, правящая партия, где состояло все начальство, и выборы без выбора. И критика властей приравнивалась к борьбе с государством. И «государственные интересы» были куда важнее, чем права граждан. И само государство было «сильнее некуда»...

Потом, правда, сотни тысяч людей вышли на улицы и площади, чтобы разрушить эту систему.

Им не дано было предвидеть будущее, оказавшееся проплым.

Россия в роли Израиля

Диапазон расуждений российских политиков и дипломатов о дннщемся вот уже несколько месяцев новом витке ближневосточного конфликта невелик. Оужденне действий «израильской военщины», требоваия немедленно вывести израильские войска с территории Палестинской автономии (ПА) и создать-таки независимое палестинское государство, вновь и вновь вестн переговоры Израиля с Арафатом...

В этом узком спектре разместились Василий Шандыбин и Владимир Жиринковский, Игорь Иванов и Геннадий Сегезнев, Дмитрий Рогозин и Геннадий Селезнев, Геннадий Райков и Виктор Алкснис, Елена Драпеко и Виктор Черенков. Трое последние предложили Госдуме проект постановления «О прекращении насилия в Палестине», призывая к «незамедлительному прекращению нарушений прав человека на палестинских территориях». Коллеги дружно поддержали. Чуть особняком стоит Владимир Путин: по его мнению, «Россия не может не признавать озабоченности Израиля по поводу безопасности своих граждан». Однако, считает он, «все действия должны быть соизмеримы с угрозой»...

Что же, оценим эту угрозу — с использованием простых аналогий.

Представим себе, что четверть территории России населена враждебно относящимся к ней 45-миллионным народом «соседей».

Представим себе, что на этой территории три тысячи лет назад жили предки россиян и на ней когда-то возникло их первое государство.

Представим себе, что «соседи» считают своей территорией всей России, которая лишь «временно оккупирована славянским врагом».

Представим себе, что около трех миллиардов «соседей» проживает в окружающих Россию странах, которые поддерживают и финансируют боевые организации союзечественников и пропаганду их идей.

Представим себе, что официально провозглашенной национальной идеей «соседей» является уничтожение России путем вооруженной борьбы.

Представим себе, что на протяжении пятидесяти лет воспитание подрастающего поколения «соседей» сводится к внедрению в умы необходимости уничтожать русских всегда и везде.

Представим себе, что десятки лет в российских городах «соседи» организовывают террористические акты, жертвами которых стали десятки тысяч мирных граждан. Превращаются в кровавое месиво автобусы с женщинами, стариками и детьми, прохочут взрывы в универмагах, на рынках и в кафе, снайперы обстреливают жилые кварталы — при этом после каждого теракта в городах «соседей» празднуют его «успешное» проведение.

Наконец, представим себе, что мир хладнокровно взирает на эту картину, призывая Россию простить «соседей» все обиды и сесть с главарями террористов за стол переговоров. Приняв план урегулирования, предусматривающий создание государства «соседей» на территории, занимающей пол-России, со столицей в Москве, и въеза в Россию еще 100 миллионов «соседей», ныне проживающих в соседних странах...

Понятно, что подобная картина (как и подобный «план», основанный самоликвидацию России) может представляться ответственному читателю лишь в кошмарном сне. Однако она абсолютно точно отражает ситуацию, в которой более полувека лет находится страна, где живет «на четверть бывший наш народ». И, глядя на которую, российские дипломаты продолжают говорить о «неадекватном применении силы» израильской армией и требуют вывода войск с территории ПА, а российские политики — о «массовых нарушениях прав человека в Палестине» и необходимости «диалога» с Арафатом.

Заметим: те же самые люди не призывают руководство своей страны к выводу войск из Чечни и диалогу с Масхадовым. Хотя Масхадов, в отличие от Арафата (документально и неопровержимо в этом отношении), не организовывал и не финансировал террористические акты и не призывал свой народ «русской кровью начертать границы своего государства» на территории от Черного до Белого моря.

Те же самые люди не требуют прекращения насилия в Чечне. Хотя его масштабы неизмеримо больше, чем масштабы происходящего на Ближнем Востоке. Где, в отличие от происходящего в Чечне, израильская армия, входя на территорию палестинских городов, не мародерствует, не насилует женщин и не берет заложников, требуя за них выкуп. Где не применяются «ковровое бомбометание» и ракетно-артиллерийские обстрелы жилых кварталов. Где среди погибших палестинцев 95% составляют не мир-

ные жители, а террористы «ХАМАСа», «Исламского джихада», «ФАТХа», «Хезболлы» и им подобные.

И те же самые люди не озабочены нарушениями прав человека во время семилетней «второй кавказской войны». Хотя этих нарушений неизмеримо больше, чем в Палестине. Где, в отличие Чечни, не практикуются многолетние «зачистки», не созданы «фильтранные лагеря» и не применяются пытки. Где среди погибших террористов, являющихся гражданами Израиля, подучают пособие от государства в связи с потерей кормильца. И где, наконец, действительно проводится антитеррористическая операция...

За минувшие восемь лет мне много раз приходилось бывать в Израиле. Наблюдать все этапы начавшегося в 1994 году «мирного процесса», так и не приведшего к миру. Говорить с политиками, журналистами, обычными гражданами — в том числе с прибывшими на «землю обетованную» из Советского Союза и России. И все они уверены: если бы Россия столкнулась в Чечне с настоящим терроризмом, подобным палестинскому, — российская действительность превратилась бы в ад крошечный. Если же этого не произошло после всего, что совершила российская армия в Чечне, наводила там «конституционный порядок» — значит, Россия имеет дело с чем-то совсем другим. С кровавой «смесью» вооруженного мятежа, партизанской войны, бандитских «разборок» во имя лежажа прибылей от торговли наркотиками и нефтью — но не с терроризмом в его обычном понимании.

Последнее, впрочем — тема отдельного разговора. Легитимном же расуждений моих собеседников было и остается возмущение лицемерием России и ее «двойными стандартами» — для внутреннего и внешнего употребления. Что, впрочем, касается не только России — лицемерие Запада, применяющего кардинально различные «стандарты» для Северного Кавказа, Афганистана и Ближнего Востока, возмущает их ничуть не меньше. И когда супруга британского премьера Черил Блэр после очередного террористического акта в Иерусалиме говорит о том, что Израиль «де «не оставил палестинцам другого выхода», а министр иностранных дел Великобритании Джек Стро признается в «соучастии» к палестинцам-смертникам, подрывающим себя в иерусалимских автобусах — хочется спросить: господа, вы были бы столь же синхронизированы к террористам, действуя/и они такими же методами на территории доброй старой Англии?

Но вернемся к России: понятно, что сказывается многолетняя советская привычка считать ситуацию на Ближнем Востоке борьбой арбов против «израильской агрессии» (при том, что все три ближневосточные войны 1948—1973 годов развязывались арабскими странами) и именовать «лагерями беженцев» базы поддержки террористов. Понятно, что хочется подучать арабскую нефть,

вернуть долги, которые числятся за арабскими странами, освотить местный рынок оружия... Но неужели России, говорили мне, непонятно, что палестинским террористам нужен не мир с Израилем, а мир без Израиля?

Видимо, непонятно. Иначе не объяснить то, что мы видим в большинстве российских СМИ. Разве что после теракта 11 сентября в Нью-Йорке, когда праздничные пляски палестинцев попали в телеэпоптеажки, тон изменился — но все вскоре вернулось на круги своя. В кадре российских телеканалов — как правило, не кровавые последствия терактов в Хайфе, Нетании или Иерусалиме. Не израильские политики, объясняющие, что палестинцы используют машины «Скорой помощи» для доставки террористов, а здания палестинской полиции являются опорными пунктами террора. Не Арафат, который из своего бункера в Рамадле призывает к «священной войне с сионизмом». На «картинке» — то израильский спецназ, окруживший храм Рождества в Вифлееме, то похороны погибших палестинцев, то демонстрации, где пилот проклятия Израилю, то Арафат, заверяющий в своей готовности к переговорам и объявляющий хорошо организованные и оплаченные террористические акты действиями «отчаявшихся одиночек».

И невдомек российскому зрителю, что двести палестинских террористов (ныне благополучно покинувшие убежище) укрылись в храме Рождества именно затем, чтобы потом трубить на весь мир об «осквернении израильскими агрессорами» христианских святынь. Невдомек ему, что они, как и сам Арафат, с детства воспитаны в убеждении, что обмануть «неверного» — не грех, а доблесть. Как невдомек ему и то, что говорит духовный лидер «ХАМАСа» шейх Ахмед Ясин: «Борьба продолжается до конца оккупации. Ислам позволяет нам прекращение огня на некоторое время, но не окончательное перемирие». Или — то, что твердит мусульманский проповедник Ахмед Абу-Халабия: «Палестинскому народу предначертано Аллахом вести войну против евреев до воскресения мертвых»...

Не видим мы и самое, может быть, выразительное для российского зрителя: фашистские флаги со свастикой, под которыми палестинцы время от времени выходят на свои демонстрации.

Впрочем, эти флаги все чаще появляются и в России.

И те, кто их держит, считают врагами и призывают «убивать и резать» не только евреев.

P.S. Эта статья была написана еще в конце апреля. С той поры успели предоставить свободу Мейру Арафату, отпраздновать Рождество, разрабатывать два новых плана Ближневосточного урегулирования, начать строительство «защитной стены» между Израилем и Палестинской автономией...

Но террор продолжается: едва ли не каждый день приносит сообщения о новых взрывах, ответственность за которые берет на себя омерзительная «бригада мучеников» и кровавые последствия которых отмечаются праздничными манифестациями в палестинских городах. Россия же продолжает приставлять подзорную трубу к выбитому глазу — объявлять «неадекватными» действия Израиля против террористов и снова и снова настаивать на «диалоге» и выводе войск.

Что же, продолжая линию «двойных стандартов», российское руководство должно быть готовым к тому, что международное сообщество предложит ему начать с себя. И требовать от других соблюдения лишь тех принципов, которые неукоснительно выполняет само. Так, чтобы не было принципов для «внешнего» и «внутреннего» употребления.

В общем, это было бы вполне справедливо.

Империя, слава!

Российская политика последних лет перестала быть публичной.

Во-первых, ключевые решения принимаются неизвестным путем, по неизвестным мотивам и неизвестным кругом лиц.

Во-вторых, политическая элита — люди, от которых зависит принятие решений, — рекрутируется исключительно путем назначения.

И в-третьих, важнейшие для граждан проблемы не являются предметом открытого обсуждения.

То, что затрагивает интересы миллионов граждан, — начиная с пенсионной, налоговой или жилищно-коммунальной реформ и заканчивая войной в Чечне и вывозом ядерных отходов, — как правило, готовится в кулуарах, и лишь «на выходе» обретает публичную форму указа или постановления. Но и в том случае, когда решение требует парламентского «оформления», оно не является результатом содержательной дискуссии: в нынешней Госдуме безадаптивные попытки переубедить проправительственное большинство при помощи сколь угодно разумных аргументов, если оно получило противоположную установку.

Критерии назначений в правительство, президентскую администрацию или Совет Федерации неизвестны, и на сколь угодно высокой должности может оказаться дилетант с репутацией любой степени сомнительности. Напротив, политики, чей профессионализм общепризнан, а взгляды разделяются большинством граждан, но не назначены в «элигу», полностью отстранены от принятия решений. Для них становится почти бессмысленным исследование поддержки сограждан, разрабатывать и предлагать идеи и доказывать свою правоту кому-либо, кроме президента.

Наконец, никто не вводил цензуру, но все шире распространяется добровольное единомыслие: большинство СМИ транслирует позицию президента и правительства, не подвергая ее сомнению, и так, как будто бы иных подходов к проблеме вообще не существует. С оппозицией не спорят — ее просто игнорируют. А возможность систематически излагать на федеральных телека-

налах и в других массово распространяемых СМИ точку зрения, отличную от официальной, надежно блокирована. Несогласие с президентом еще не считается пресупруглением, но уже считается политически самоубийственным. Редкие исключения лишь подтверждают правило...

Таким образом, влияние граждан на власть практически отсутствует. Правительство не имеет никаких причин следовать мнению граждан, поскольку от них ни в чем не зависит. Депутаты Госдумы (а тем паче — члены Совета Федерации), в большинстве своем, уверены, что их пребывание в следующем парламенте зависит не от вылобления ими волн избирателей, а от вылобления ими волн президентской администрации. Политические партии поставлены перед выбором: либо смириться с ролью воинопонета в пустыне, либо стать «партиями услуг», подносящими Кремлю лаптонья...

Что остается? Право выбирать президента или губернатора? Но выборы давно уже считаются слишком серьезным делом, чтобы его можно было доверить народу. Вспомним, как в 1996 году президентом страны был переизбран человек, которому за полгода до выборов не доверяли 97% избирателей. Или — как недавно избирала президента Ингушетии. Помните, и в выборах Дюку Завгасаева главой Чечни в 1995 году ЦИК не обнаружил нарушений. Политологи уже не обсуждают, программа кого из кандидатов в губернаторы лучше, и каковы их человеческие и профессиональные качества. Они обсуждают, на кого из них ставит Кремль.

Между тем независимость власти от граждан неизбежно ведет к очевидным последствиям. И главное — из них — в том, что власть принимает решения, исходя из интересов, которые могут не иметь с интересами граждан ничего общего. Только что президент заявил, что надо поднять внутренние цены на газ до мировых. Понятно, что это нужно, в первую очередь, «Газпрому». Также понятно, что после этого энергетики потребуют увеличения тарифов в связи с возросшими затратами, после чего вырастут цены на все. Надо объяснять, каков был бы результат опроса общественного мнения по этому вопросу? Или результат обсуждения вопроса в независимом от правительства парламенте? Другой пример — намерение правительства ввести «повременику», категорически отвергаемую подавляющим большинством граждан, которым открыто и пинципно дают понять, что на их мнение можно наплевать, ибо оно ни на что не повлияет...

Иные последствия не менее выразительны. Наличие в стране **коррупции** не требует доказательств. Но чего еще ждать от системы, где вопросы, «стоящие» миллиарды долларов, решаются одной подписью и при закрытых дверях? Или кто-то полагает, что на руководящие посты назначаются анге́лы, заботящиеся исключительно о благе народа и равнодушные

к своему благосостоянию? Результат — приватизация власти и невозможность для гражданина решить нужный вопрос иначе, как «позволив» соответствующую ручку...

Не менее очевидным является **беззаконие**, ведущее к массовым нарушениям прав граждан. «Право иметь, но не можете» — этот стереотип советских времен сегодня распространен ничуть не меньше. Получить положенные по закону бесплатные лекарства, льготы или пособия, не платить незаконные сборы, зарестирироваться по выбранному месту жительства нередко становится неразрешимой проблемой. Почему? Да потому, что пребывание решающего этот вопрос чиновника на своей должности зависит исключительно от воли назначившего его лица. И исполнение этой воли всегда будет для него неизмеримо важнее исполнения закона.

Наконец, авторитарная система, лишенная обратной связи, работает, конечно, быстрее, чем система демократическая. Но и **ошибается чаще** — человеку вообще свойственно ошибаться. В России, как известно, за все отвечает президент. Но отвечать за все — значит, не отвечать ни за что, ибо человеческих сил и способностей недостаточно, чтобы не только держать в голове все проблемы 150-миллионной страны, но и знать, как их решать. Если же президент ошибся в своем решении — исправлять эту ошибку некому. Ведь в свое время парламент был объявлен «тормозом» на пути радикальных реформ, и сначала отодвинут в сторону, а затем и вовсе превращен в декорацию. «Тормоза» не стало, и мы поехали — отлепленные глухой переторжкой от водителя, который сам решает, куда держать путь...

Если сравнить все описанное выше с тем, от чего в начале «демократической эры» мы хотели решительно отказаться — обнаряджиться разительное сходство. Почему же круг почти замкнулся?

Можно, конечно, полагать это результатом действий чьей-то злой воли или реализацией коварного плана ЦРУ. Но куда более уместна иная гипотеза: случившаяся — неизбежное следствие поставленного в 1991 году эксперимента по превращению России из парламентской республики в республику президентскую. «Президентская модель», будучи «наложена» на вековые традиции единой и единообразной, и уверенности в том, что начальник выше закона, а сам закон, что дышло, не могла «родить» ничего иного.

Хотели как лучше, понимая демократию как всенародные выборы хорошего царя — вышло как всегда: **вместо кровати просто обязан был поучиться плутому**. Президентская республика с ее «вертикальной» концентрацией полномочий не могла не превратиться в бюрократическую и самовоспроизводящуюся (в том числе — на низжестоящих уровнях). Власть разворачивает, абсолютная власть — разворачивает абсолютно, и самый замечательный человек, поду-

чая единоличную власть, легко дает себя убедить, что в интересах страны или региона — ее расширение и максимальное продление. Для чего облагает оборотом бизнесменов, подминает под себя СМИ и перекрывает кислород возможным конкурентам...

Есть ли выход из этой ситуации? Часто предлагают дожидаться, когда создание людей перестанет быть «монархическим», когда граждане будут готовы к тому, чтобы ответственно выбирать себе власть, когда политические партии реально встанут на ноги... Но с такой же вероятностью может закипеть чайник, поставленный на холодную плиту. Теоретически это возможно, ибо не противоречит законам термодинамики, но вот на практике наблюдать эту ситуацию еще никому не удавалось. Вот и здесь петючка причин и следствий противноложна: откуда в «монархической» системе может возникнуть «демократическое» сознание? Откуда у граждан появится «ответственность», если им дают понять, что выборы являются формальностью? Откуда в системе, где никто, кроме «партии власти», не допущен к принятию решений, «встанут на ноги» прочие партии? Или мы не видим, как партии, большей частью, борются не за голоса избирателей, а за поддержку со стороны президента?

Что же, если мы стремимся бороться не со следствиями, а с причинами — значит, надо изменить причины. Если не устраивалась нас система является неизбежным следствием принятого когда-то решения — значит, надо изменить само это решение. Отказавшись от «президентской модели» и ее продолжения — прямых выборов губернаторов населением. Иначе говоря, **вернуться от президентской республики — к парламентской**, уже существовавшей в России в 1990-1991 годах.

Теоретический спор между сторонниками президентской и парламентской республик длится не одно столетие. И та и другая системы имеют свои достоинства и недостатки и вполне равноправны в том смысле, что вполне могут работать в рамках демократических процедур. Вот только приживаются они в мире по-разному, что отмечали еще двенадцать лет назад — при разработке первой демократической Конституции России (впоследствии, осенью 1993-го, эти разработки были отброшены за ненадобностью сторонниками «сильной исполнительной власти»).

Выход российских конституционалистов был таков: из демократических стран «президентская модель» успешно существует только в США. Франция, которую любят приводить в пример, — полупрезидентская республика (с сильным президентом, но и с сильным парламентом, назначаемым ответственным перед ним правительством). Зато — почти все развитые европейские страны предпочитают парламентскую демократию президентской. И не только европейские: достаточно назвать Канаду или Австралию, Ин-

дино или Япония. В свою очередь, президентская модель является преобладающей для коррумпированных латиноамериканских или азиатских режимов. **Еще в 1990 году** профессор Колумбийского университета Анджей Рапашиньский предупреждает: «Я не советую создавать в России президентство в американском стиле, американская система нигде в мире не была удачно транслирована, все попытки скопировать ее заканчивались лишь той или иной формой диктатуры...». К сожалению, к этому и другим подобным мнениям тогда не прислушались. Слишком велик был соблазн «копирования», которое, как тогда многим казалось, помогло бы «скопировать» и американский уровень жизни. Да и окружение будущего первого российского президента стремилось — в попятных целях — наделять его единоличной властью, не связанной парламентским контролем...

Многие schoдятся сегодня в том, что для России оптимален европейский путь развития. Но в таком случае было бы вполне логично выбрать «европейский путь» и с точки зрения устройства власти. Иначе говоря — путь парламентской демократии. Где нет поста Самого Большого. Начальника, являющегося для граждан источником повышенной опасности независимо от своих личных качеств. Где нет соревнования в скорости беге до президентского кабинета с целью «решить вопрос», опередив конкурента. Где нельзя одной подписью вычеркнуть из бюджета миллиарды рублей, повысить цены или начать войну. Где никакой «фортуны баговень безродный» не может из-за президентской спины вернуть судьбы Отечества. Где политики борются за мандаты в законодательной власти, а не за должности в исполнительной. Где партии формируют правительствo, а не наоборот. Где отсутствует монополия на власть, на информацию и идеологию...

«Все это — наипрасные мечты, — могут возразить автору. — И вообще, у нас другие традиции». Что же, даже в 1987-м призывы к отмене 6-й статьи Конституции были бы расценены как маниловщина. Не говоря уже о многопартийности или независимых СМИ. Но разве традиция руководящей роли КПСС была менее прочной, чем традиция руководящей роли президента?

В свое время было много споров о том, кто будет преемником Бориса Ельцина. При этом все сходилось (и оказалась прав) в том, что ставка в будущей «ипре» столь высока, что нет таких средств, какие не были бы употреблены во имя этой цели. Рано или поздно начнутся споры и о том, кто будет преемником Владимира Путина. И можно не сомневаться: средства, которые будут применены во имя получения «наследства», окажутся ничуть не лучше.

Не допустить применения этих средств можно, только убрав цель.

Выборы «по понятиям»?

Эхо двух выборных скандалов — в Нижнем Новгороде и в Красноярском крае — оказалось неожиданно громким. И не потому, что решалось, кто будет править в одном из крупнейших российских городов и в регионе, который, как известно, «равняется четырем Франциям».

Ни разу за последние годы гражданам столь доходчиво не объясняли: результат выборов от них практически не зависит и может не иметь с их действительным ниче́го общего.

Победить — на действительно серьезных выборах — может себя бороться, не «договорившись», обречен. Либо его снимет с выборов независимый суд, либо его объявит побежденным независимый избирком, либо в дело вмешается независимый ЦИК...

«Проигрывает не тот, кто играет честно, отказываясь от приращения «административного ресурса», а тот, у кого этого «ресурса» оказывается меньше», — констатирует в «Новой газете» Борис Кагарлицкий.

«Нужен честный человек? Да. Может ли честный выпитрать? Нет. Всем ясно, что происходит на выборы, а захват должностей», — утверждает в «МК» Александр Минкин.

Действительно, случившееся и в Нижнем Новгороде, и в Красноярке трудно назвать выборами.

Нижгородский эпизод

На выборах мэра Нижнего поздно вечером, перед первым туром голосования, городской суд снял с регистрации фаворита — предпринимателя Андрея Климентьева. Формальной причиной было то, что граждане в один день, и чуть ли не становясь в очередь, внесли деньги в избирательный фонд кандидата: это сочли нарушением принципа добровольности пожертвований. Под таким предлогом с выборов в России не снимали еще никого. И мало кто в Нижнем (да и за его пределами) сомневается, что позиция нижегородского суда тесно связана с позицией приволжского полпре-

«Санкт-Петербургские ведомости», 19 октября 2002 года.

да Сергея Кириенко, окружение которого ясно давало понять, что победы Климентьева не допустит ни в коем случае.

Победить, по мнению федеральных чиновников, должен был депутат Госдумы Вадим Булавинов, и нижегородцам полударно объясняли, что «Федеральная власть свой выбор сделала». Чтобы все было ясно даже самым непонятливым — интелеры жалобника, потребовавшего снятия Климентьева, в суде оставалась дама, одновременно являвшаяся... представителем Булавинова в городской избирательной комиссии.

Стоит еще напомнить, что четыре года назад Климентьева, в 80-е годы сидевшего за тиражирование кассет с эротическими фильмами, уже избирали мэром Нижнего — ровно на три дня. После чего итоги выборов были стремительно отменены, а «трехдневный» мэр сел за решетку. Кстати, тогда суд еще подкупом избирателей тот факт, что кандидат в случае избрания обещал установить доплаты к пенсиям. Если бы такой же логике придерживались прочие жрецы Фемиды — не пришлось бы отменить итоги большей части выборов, проходивших в стране за последние годы?

Что касается нынешних выборов, то в первом туре против всех проголосовало 30,4% избирателей, а за действующего мэра города Юрия Лебедева и Валдима Булавинова соответственно 31,4% и 30,9%. Но число действительных бюллетеней оказалось значительно большим, чем обычно бывает на таких выборах, — что давало наблюдателям повод говорить о фальсификации. Ведь для превращения бюллетеня «против всех» в действительный надо всего лишь поставить на нем «лишнюю» пометку. А в ручном подсчете и независимой экспертизе «недействительных» бюллетеней Климентьеву было отказано: у нас, мол, не Америка, где судьба Джорджа Буша и Альберта Гора решалась именно таким путем.

Ну а во втором туре победителем стал Булавинов, опередивший, впрочем, Лебедева лишь на 0,5% голосов. Как и следовало ожидать, федеральный «административный ресурс» оказался сильнее городского. Заметим: опросы граждан, сделанные на выходе с избирательных участков, показывали, что, как и в первом туре, побеждает кандидат «Против всех» — но данные избиркома вновь отвели ему лишь третье место.

Удивляться этому не стоит: признание выборов недействительными никак не входило в планы Сергея Кириенко, причастность которого к «недоупущению к власти кандидата с криминальным прошлым» (то есть, Климентьева) совершенно не скрывалась. Напротив, об этом говорили, как о большой победе приволжского наместника. Интересно было бы спросить у нижегородцев, какое «прошлое» они считают более «криминальным»: распространение фильмов с «Клубничкой» или всероссийский дафолт 1998 года, второе снизивший уровень жизни подавляющего большинства граждан?

Четвертый — лишний?

Борьба за власть в Красноярском крае была специфической. Из четырех главных кандидатов трое представляли местное население: губернатор Таймыра и бывший глава «Норильского никеля» Александр Хлопонин, спикер Законодательного Собрания края Александр Усс и мэр Красноярска Петр Пимашков. «Четвертым лишним» в этой битве «административных ресурсов» был Сергей Глазев из думской фракции КПРФ. Который, не имея ни денег, ни власти, вел кампанию честно — да, собственно, ничего другого ему не оставалось. И... совсем немного не «доплатил» до второго места в первом туре выборов, чуть не сгубив карты «никелевой» группировке Владимира Потанина и «админивной» группировке Олега Дерипаски, стоявшими соответственно за Хлопонина и Уссом.

После второго тура, где Хлопонин получил на 6% больше и уже готовился вступить в должность губернатора, началась известная фантасмагория. Дважды красноярский избирком отменял результаты выборов — и дважды его решение отменялось судом и Центризбиркомом. При этом нельзя не отметить любопытного обстоятельства: решение краевого избиркома сразу же подверглось решительному и единодушному осуждению: начиная с представителей думских фракций и заканчивая председателем ЦИК Александром Вешняковым и премьер-министром Михаилом Касьяновым. При этом никто из них не мог внятно объяснить — что же, собственно, непропорционально в решении избиркома? Что очень непонятного известное: «Я Пастернака не читал, но гневно осуждаю»...

Между тем, судя по сообщениям СМИ, нарушений в кампании Хлопонина было достаточно.

Так, «Норильский никель» устроил для первокурсников поездку на теплоходе и выдавал им тетрадки «Хлопоша — хороший», перед вторым туром выборов в крае распространяли фальшивые листовки: «Глазев — за Хлопонина», апитаторов Хлопонина обвиняли в передаче денег избирателям... Любого из этих нарушений, согласно закону, было бы достаточно для того, чтобы всераве рассматривать вопрос об отмене результатов выборов. И уж во всяком случае, они выглядят куда более существенными, чем те, что послужили в Нижнем поводом для снятия Андрея Климентьева.

Ну а если перемножить объем «казаных» статей про Хлопонина, опубликованных за последние недели в федеральных СМИ, на стоимость рекламы в них же — итог «зашкалит» за любые разрешенные пределы избирательного фонда кандидатов в губернаторы края. При том, что подавляющее большинство этих публикаций, вопреки закону, не имело ни малейших признаков предвыборной рекламы и оплаты из соответствующего фонда.

Варианта здесь два: или перед нами бескорыстная любовь к кандидату, внезапно охватившая целый ряд популярных газет, или — оплата из рук в руки. Что вероятнее, уважаемый читатель?

В общем, будь красноярские выборы честными, нынешний губернатор края не то что не вышел бы во второй тур — он бы и до первого тура не дошел, поскольку был бы снят с регистрации. Как, впрочем, и Александр Усс, который, судя по имеющейся информации, использовал свой «административный ресурс» на всю катушку. И красноярский мэр Пимашков вел кампанию в том же стиле. А Сергею Глазьеву оставалось только констатировать, что «три краевых начальника делали все, что хотели», а у него набирком чуть ли не с лупой искал несуществующие нарушения. При том, что «бревня в глазу» — то бишь, использование «ресурса» начальной «тройкой» — избирком в упор не видел вплоть до окончания выборов, когда вдруг решил соблюдать закон...

Логично объяснить происшедшее может лишь одна гипотеза: так же, как и в Нижнем Новгороде, столкнулись два «ресурса». И победу одержал тот, за кем стоял «ресурс» более высокого уровня. Силы, на которые опирается в Москве Владимир Путин, оказались более влиятельными, чем силы, на которые опирается там же Олег Дерипаска. Аналитики уже ехидно говорят: финансовые возможности Дерипаски оказались недостаточными, чтобы организовать «нужное» решение краевого избиркома, но недостаточными, чтобы организовать «нужное» решение ЦИК...

«Отключение» от власти

Обратил ли внимание читатель на то, что в последнее время, анализируя те или иные региональные выборы, политологи уже не обсуждают, программа кого из кандидатов в губернаторы лучше, каков их жизненный и профессиональный опыт и каковы их человеческие качества? Они обсуждают совсем другое: кто за кем из кандидатов стоит, кто, с кем и о чем «договорился» и победой какой из властных или олигархических группировок следует считать победу того или иного кандидата...

В итоге мы видим то, что видим: притворные выборы. Выборы не по закону, а «по понятиям». Выборы, где от нас с вами практически ничего не зависит, а зависит исключительно от «договоренностей». Выборы, где, в лучшем случае, можно сменить кандидата от региональной элиты на кандидата от элиты федеральной. Но и только.

«А как же органы, обязанные следить за законностью выборов и наказывать за нарушения?» — спросит читатель. — И куда смотрит ЦИК?» Но указанные органы, как показывает практика, давно уже превратились из «арбитров» выборного процесса в

активных «игроков». И вмешиваются не тогда, когда нарушается закон, а тогда, когда нарушаются «договоренности».

Так, ни разу (!) за последние годы ЦИК не вмешался в ситуацию, которые действительно были крайне сомнительными. Начиная с президентских выборов 1996 года, просколдивших в условиях тотального нарушения избирательных законов в пользу действующего президента, и заканчивая губернаторскими выборами в Твери, Пензе, Ростове или Приморье, президентскими выборами в Ингушетии и многими другими. Сколь вопиющими не были бы нарушения — сразу после выборов неизменно следовало заявление ЦИК о том, что все было законно. А все жалобы объявлялись попытками проигравших кандидатов объяснить свое поражение нарушениями со стороны победителя. Зато на события в Красноярске «министерство по выборам» реагировало ментально...

Независимость власти от граждан, являющаяся следствием (а возможно и целью) наблюдаемого нами процесса, неизбежно ведет к ожидаемым последствиям.

Главнейшее из них — то, что власть принимает решения, исходя из интересов, которые могут не иметь с интересами граждан ничего общего.

Налдо ли объяснять, каков был, например, результат опроса общественного мнения относительно введения НДС для лекарств, вызвавшего всплеск цен? Или — относительно лоббируемой правительством современной оплаты телефонных разговоров? Или — относительно увеличения таможенных пошлин на подержанные «иномарки»? Между тем во всех этих (и во многих других) случаях нам открыто и цинично дают понять, что на наше мнение можно наплевать, ибо оно ни на что не повлияет...

«Отключение» граждан от власти рождает и другие, не менее ожидаемые следствия.

Это — коррупция, вызванная «приватизацией власти», когда гражданин не может решить нужный ему вопрос иначе, как дав взятку. Это — беззаконие, когда крайне трудно получить пожеланные по закону бесплатные лекарства, льготы или пособия, не платя незаконные поборы и не подвергаясь незаконным «проверкам» со стороны вымогающих «органы». Это — произвол, когда можно направить «налево» деньги налогоплательщиков или перераспределить ответственность в пользу «своего человека». И при этом ни за что не отвечать.

Наконец, последнее следствие — нарастающее нежелание граждан участвовать в этом «избирательном процессе», нежелание быть декоративей, на фоне которой разыгрывается политический спектакль, игра с зараннее известным результатом. Как будто смотреть лишь по телевизору в записи уже сыгранный футбольный матч и

знаешь: как бы отчаянно ни сражались игроки, счет от этого не изменится...

Может быть, на это все и рассчитано: чем больше НАС махнет рукой на выборы — тем легче ИМ «договориться» и обеспечить для себя нужный результат?

Недавно, в связи с очередным обсуждением проблемы Калининграда и интеграции России в ЕС, прозвучало предложение «подделиться» с Европой нашими разработками и опытом проведения выборов. Нетрудно представить, что начнется в Европе, если она переймет российский опыт...

Пока что, впрочем, в Европе заняты другим: Европейский Суд в Страсбурге намерен рассмотреть жалобу Андрея Клименьева на незаконные действия российских властей во время выборов.

Это первый — но, скорее всего, не последний случай.

Так пойдет — результаты наших выборов будут окончательно определяться не в Москве, а в Страсбурге...

Сон разума

В выборы депутатов пинтерского Законодательного Собрания были не просто выборами городской законодательной власти. Все понимали, что они имеют двойную цену — от их результата зависел исход предстоящих в 2004 году выборов губернатора. Причина проста: для того чтобы нынешний губернатор Владимир Яковлев смог баллотироваться на этот пост еще раз, необходимо изменение городского устава. Иначе говоря — две трети депутатских голосов.

В прошлом составе городского парламента сторонники губернатора имели чуть меньше половины мест. И потому аналитики уверенно предсказывали: ради того чтобы изменить «расклад», не будут жалеть ни сил, ни средств. Действительно, не жалели ни того, ни другого.

Между жиклиторой и собесом

Избирательная кампания оказалась беспрецедентной не только потому, что в ней в невиданных ранее масштабах применялись всевозможные «технологии» (как все-таки велик могучий русский язык, и много в нем синонимов, позволяющих отказать от употребления таких слов как «подлость» или «провокация»). Не только потому, что был, что называется, по полной программе задействован «административный ресурс» — в интересах кандидатов, поддерживаемых губернатором, и против тех кандидатов, которые были ему неугодны. Но и потому, что совершенно нивидн, чем раньше, оказались критерии выбора.

Те, кто пришли на выборы, большей частью голосовали не за тех, кто мог и уметь писать законы, имел принципы и предлагал программы, представлял более или менее известные политические партии. Они голосовали за тех, кто, как сформулировали социологи, «мог удовлетворять их первоочередные потребности». И выбирали себе не законодателя, а начальника жиклиторы или заведующего собесом.

«Вот в соседнем округе — хорошо работающий депутат, — уверяла предвыборная газета, найденная в моем подвезде. — Там и

детские площадки, и железные двери, и благоустроенные дворы. Не то, что у нас...»

«Наш депутат никуда не годится! — раздраженно заявила моя знакомая, живущая в новостройках на краю города. — Присылают то открытки к празднику, то письма с просьбой избрать его еще раз. Лучше бы на эти деньги по пакету гречки раздал, как в соседнем округе. А он на халыву переизбираться хочет!»

Разговоры о том, что «с паршивой овцы хоть шерсти клок» и что такой-то депутат хороший, поскольку «дает», а такой-то «плохой», поскольку «не дает», в Петербурге приходится слышать все чаще и чаще. И все чаще и чаще депутаты воспринимаются не как люди, которым нужно принять необходимые для граждан законы (которые, по массовому убеждению, никак не влияют на их жизнь), а как раздатчики благ в одном отделе взятом округе. Исходя из этого их и оценивают те, кто в основном и ходит на выборы — пожилые и малообеспеченные граждане.

Понимая это, те, кто добился успеха на питерских выборах, в большинстве своем не тратили время и силы на разработку законов и программ. Они предпочитали тратить их на покупку нужного числа голосов. Кто мог — делал это на бюджетные деньги, кто не мог — делал на свои.

«Резервные фонды» питерских депутатов давно известны далеко за пределами «северной столицы». Возможность каждого из депутатов гарантированно включить в городской бюджет свои предложения по расходованию денег на определенную сумму (порядка миллиона долларов) — не только питерское «ноу-хау», но и мощнейший предвыборный «ресурс».

К чему корпеть над законами, поправками и запросами, если можно «выделить деньги» (причем, не свои, а налогоплательщиков) на то, что конвертируется в голоса избирателей с куда большим КПД? Например, на железные двери в подъездах, на каздуо из которых прикрепляется табличка с фамилией депутата, «при поддержке» которого она установлена. Или — на детские площадки и скмейки (с такой же табличкой). Или — на асфальтирование дворов или замену ветхих «стояков» в домах...

Впрочем, наиболее проста и наиболее эффективная «технология» подобного рода — включение в бюджет средств на социальную помощь малообеспеченным.

Подкупай и властвуй

«День пожилого человека» 1 октября сотни жителей Московского района Санкт-Петербурга, как в старые времена, провели в многочасовой очереди. В кинотеатре «Зенит» для них была организована раздача продуктовых наборов стоимостью в 155 рублей. На это «мероприятие», которое началось в четыре часа дня,

старикки занимали очередь с утра, а пропуском в кинотеатр служили талоны, где на самом видном месте значилась фамилия депутата Законодательного Собрания Валдима Войтановского: на средства его «резервного фонда» были приобретены продуктовые наборы...

Выдача талонов началась не в октябре — она происходила на протяжении целого года. При этом было сделано все, чтобы гражданам твердо знали: они получают помощь не из бюджета, а от конкретного депутата. Весь округ был увешан объявлениями о том, что в рамках программы «адресной помощи» от имени Войтановского выдаются бесплатные продуктовые наборы. На объявлении красовался портрет депутата и указывался адрес, где его помощники принимали заявления от граждан на оказание помощи (они же обязывали граждан, приглашая получить «помощь»). В общей сложности гражданам раздали около 10 тысяч наборов — и в итоге депутат был переизбран, получив (что нельзя не отметить) практически столько же голосов, сколько было роздано продуктовых наборов.

Заметим: закон рассматривает такую «помощь» как подкуп избирателей, за который снимают с выборов. Но не тут-то было: поскольку указанный депутат входил в «список губернатора» и пользовался открытой поддержкой питерской администрации — ему все шло и шло с рук. Милиция отказывалась замечать нарушения, прокуратура их «не усматривала», а городская избирательная комиссия, находящаяся, как и прочие властные структуры, «под контролем губернатора», решая вопрос о регистрации г-на Войтановского, демонстративно отказалась рассматривать многочисленные доказательства проведенной им «раздачи»...

Все это стало предметом обсуждения в Центризбиркоме — где автору статьи, подававшему соответствующую жалобу, довелось выступать и убеждать членов ЦИК в том, что ситуация выходит далеко за пределы отдельно взятого избирательного округа.

Дилемма проста: если кандидат, от имени которого раздается материальная помощь, оплаченная за счет бюджетных средств, будет снят с выборов — значит, в стране действительного начальства борьба с «прязвыми технологиями». Если же он как ни в чем не бывало сможет участвовать в выборах — надо надолго, если не навсегда, проснуться с демократией. Просто потому, что невозможно вести честную конкурентную борьбу с кандидатом, который раздал в округе, где живет 75 тысяч избирателей, 10 тысяч продуктовых наборов, приобретенных за счет городского бюджета, по талонам со своей фамилией. Ведь при средней явке в 25–30% именно получатели наборов гарантированно решают исход выборов. И тогда — не будем удивляться, если в Петербурге или в каком-либо другом регионе «бюджетникам» будут выдавать зар-

плату или социальные пособия по именным талонам с фамилией губернатора или мэра. А другие кандидаты, не имеющие такой возможности, пусть попробуют с ним конкурировать, предлагая какие-то предвыборные программы...

К сожалению, ЦИК не решился взять на себя ответственность и снять кандидата «подкупателя». Чем, на взгляд автора, дал четкий сигнал: подкупать избирателей можно, и это будет (естественно, в случае административного «прикрытия» — оппозиции такое бы с рук не сошло) ненаказуемо.

Кстати, уже перед самыми выборами делегация ЦИК посетила Петербург и смогла лично убедиться в том, как происходит раздача продуктовых наборов. В магазине, где еще за два дня до голосования продолжали «отоваривать» талоны «от Войтановского», члену ЦИК Елене Дубровиной охотно рассказали, сколько наборов было выдано вчера, а сколько — сегодня. Больше того, ей были готовы дать набор — в обмен на соответствующий талончик. Попрашенная Дубровина заявила журналистам, что ничего подобного ни в одном регионе ей видеть еще не приходилось...

На детей — наплевать?

«Да плевать мне на детей!» — заявила пожилая женщина, когда на встрече с избирателями ей пытались рассказать, что депутат Войтановский, «облаготельствующавший» ее мешком с продуктами, толсовал против закона, позволяющего улучшить школьное питание школьников. И это, может быть, — один из самых грустных симптомов питерских выборов.

С одной стороны, трудно найти добрые слова для тех, кто охотно обменивает свой голос на мешок с продуктами. И не только в описанном округе, но и во многих других: массовые «раздачи» происходили, наверное, в доброй половине округов. Разве что не в столь открытой и пиничной форме. Примерно в десяти округах именно они и решили исход выборов в пользу тех, кто не стеснялся в средствах, «прикармливая» избирателей, как при рыбной ловле.

Подкуп продолжался даже в день выборов. В одном из округов, где на мандат наплевались местные «авторитеты», против которого возбуждено уголовное дело, до обеда за голос избирателя давали, как утверждают, тысячу рублей, после обеда ставки возросли вдвое. Результат оказался налицо: кандидат прошел, обыврав действующего депутата, который четыре года «пахал» в округе, но денег электорату не раздавал. В другом округе пожилые избиратели приходили на участки уже с купорой соответствующего достоинства в паспорте. В третьем округе вблизи избирательных участков избирателей пойли водкой и платили деньги за «нужное» голосование. Поскольку речь во всех случаях шла о

кандидатах, поддерживаемых городской администрацией, мипция и избирательные комиссии делали вид, что все это их не касается...

Но с другой стороны, осуждать тех, кто «купил» — значит, наглядно демонстрировать известный принцип «сыйлй голодного не разумеет». Конечно, в Петербурге немало людей, для которых полтораста рублей — стоимость продуктового набора — что называется, не деньги. Но куда больше тех, кто живет на грани (или за гранью) нищеты. Наученные горьким опытом, они предпочитают синицу в руках журавлю в небе и бываюг искренне благодарны кандидату-благотелелю даже за незначительную помощь. И протесты против подбных «благотелений», как показываюг многочисленные встречи с гражданами, воспринимаются ими вовсе не как стремление провалить выборы честно, а как покушение на те крохи, которые им перепаг. Потому что больше они от власти не получают ничего.

Игра на понижение

Если бы на выборы пришли те, чей голос заранее бы куплен — никакая раздача продуктовых наборов не помогла бы их организовать. Но главной «грозной технологией», примененной питерской администрацией, поддержавшей большинство «подкупантов», стала игра на понижение» явки избирателей. И эта «технология», без сомнения, будет подхвачена на следующих выборах — как на региональных, так и на федеральных.

Ключевым методом снижения явки (уменьшавшим число тех, кто делал выбор, исходя из личностей, принципов и программ, а не из числа розданных вчера или обещанных завтра мешков с продуктами) стал массовый выпуск фальшивых листовок. Даже по оценкам горизбиркома, четверть листовок, выпущенных за время кампании, оказалась фальшивыми. По оценкам самих кандидатов, этот процент куда выше. Во всяком случае, в ряде округов число фальшивок явно превышало число настоящих листовок. При этом, по «странной» случайности, основная масса фальшивок оказалась выпущена для «опускания» кандидатов, оппозиционных питерской администрации.

Так, в округе, где баллотировался (но был, тем не менее, переизбран) лидер питерских «яблочников» Михаил Амосов, из фальшивок, выпущенных якобы от его имени, можно было узнать, что «ЯБЛОКО» выступает за срочное строительство домов для переселенцев из Чечни за счет городского бюджета. Или — о том, что депутат не должен заниматься проблемами округа. Или — о том, что он, Амосов, жить не может без депутатства, и ежели не переизберут — неминуемо покончит с собой. В ряде округов от имени действующих «опозиционных» депутатов выпускались листов-

ки, где они уверяли, что снимают свои кандидатуры. Наконец, от имени «неугодных» кандидатов массово распространялись фальшивые листовки столь хамского по отношению к соперникам содержания, что у нормального человека возникло желание не голосовать за этого кандидата ни в коем случае. Не пугались и выдуском анонимок: так, против одного из оппозиционных кандидатов разбросали листовку, призывающую «не пропустить демократическо-либеральную сволочь» и не допустить, чтобы городом управляли «жиды, студенты, учителя и научные работники»...

Цель указанной «технологии» была проста: создать у граждан представление о кампаниях, как о чрезвычайной «праздничной». Чтобы, по словам знаменитого питерского фантаста Бориса Стругацкого, «вызвать у нормальных, интеллигентных, образованных людей отвращение к выборам вообще. Чтобы любой приличный человек сказал себе: да идите вы все подальше, не желаю я участвовать в этих грязных делах! И в день выборов остался дома. Брезгливо отошел в сторону, не желая пачкать руки об избирательный бюллетень. Как в старые советские времена: нег мне никак-то легла до вас и ваших властных игр, делайте что хотите, и оставьте меня в покое...».

Ситуация усугублялась тем, что городская администрация усами своих высокопоставленных чиновников публично заявляла, что низкая явка — это же «признак стабильности», а отыскать на улице плакаты, сообщающие гражданам о предстоящих выборах, можно было только при очень большой удаче. И вообще, по словам председателя ЦИК Александра Венякина, находившегося в Петербурге в день выборов, только с расстояния в один метр можно было понять, что где-то расположен избирательный участок...

В рамках одной статьи невозможно описать все особенности питерских выборов. Так, безусловно, отдельного описания заслуживает поведение органов, обязанных обеспечивать законность выборов и пресекать нарушения — избирательных комиссий, милиции и прокуратуры. Все эти органы, в лучшем случае, мужественно уклонялись от выполнения своих обязанностей. А в худшем случае — вели себя как подразделение единственного избирательного штаба Смоленского, выполняющего задачу по избранию «нужных» кандидатов и неизбранно «ненужных». Одни в упор не видели нарушений со стороны кандидатов от «партии власти», но разгоняли пикеты оппозиционного блока «СПС+ЯБЛОКО» и задерживали пикетчиков, имевших на руках все нужные разрешения. Другие легко ретигрировали «административных» кандидатов, занимающихся подкупом или исполняющих служебное положение, но с лупой в руках искали несуществующие нарушения у оппозиции. Третьи нежелыми маршировали направленные им жалобы, после чего «отфутболкивали» их...

Отдельной оценки заслуживает и поведение губернатора Владимира Яковлева, который не только поддерживал «своих» кандидатов (что ему запрещено законом), но и не стеснялся ретугировать на выступать по питерскому телевидению, чтобы лично «мочить» оппозицию. Обращения в горизбирком и в прокуратуру, естественно, успеха не имели.

Впрочем, трудно было ждать от лояльного председателя горизбиркома Александра Гарусова санкций в отношении губернатора. Ровно с таким же успехом можно было в свое время ждать от второго секретаря Октябрьского РК КПСС тов. А.Б. Гарусова санкции в отношении первого секретаря обкома партии тов. Б.В. Пидасова...

Питерский выбор, давший городу законодателей, чья репутация порой открыто криминальна (один только незабываемый Юрий Шуртов, обвиняемый в организации заказных убийств, чего стоит), — торек и страшен. Но это выбор, который заслужен. Как теми, кто пришел на выборы, так и теми, кто не пришел.

**Сон разума неизбежно рождает чудовищ.
Единственный способ избежать этого — проснуться.**

Праздник особого режима

Перекрыты ключевые магистрали, набережные и мосты. Закрыт аэропорт. Установлен «спецрежим» на ряде станций метрополитена. Ограничено движение наземного транспорта. Введена пропускная система для жителей центральных и других важных районов. На всех въездах в город поставлены контрольно-пропускные пункты и усиленные милицейские патрули. Введено видеонаблюдение в поездах и на станциях метро. **ФСБ** проверяет благонадежность тех, кто живет вдоль главных магистралей. Бомжки и нелегально проживающие гражданае других стран выселены или депортированы. У граждан изъямаются личное оружие. Больницы переведены на усиленный режим работы...

Нет-нет, это — не то, что вы подумали. Это — не военное и не чрезвычайное положение. И не зона стихийного бедствия. Это — праздник. Так Петербург отмечает свой 300-летний юбилей.

Несколько лет назад, когда разговоры о градущем юбилее только начинались, петербуржцам обещали зрелище, которое удастся застать не каждому поколению и о котором можно будет рассказывать внукам. Конечно, предполагали и подарки — реставрация исторического центра, ремонт дорог, восстановление «разорванной» в 1995 году линии метрополитена, строительство окружной дороги — но это, в общем, было не главным. Город жил надеждой на самый большой в своей «советской» и «постсоветской» истории праздник.

Теперь выясняется, что праздник будет — но не для петербуржцев, а для высокопоставленных гостей, удобствам которых полностью подчинена его организация. В юбилейные дни с 23 по 31 мая в Петербурге ждут лидеров 45 стран мира, в том числе Джорджа Буша, Тони Блара, Жака Ширака, Герхарда Шредера. И не только их: за каждым из руководителей тянется шлейф многочисленной свиты (только из США придет более 700 человек). Планируется провести саммит «ЕС — Россия», саммит глав государств СНГ и целую серию двусторонних встреч и переговоров.

«Новая газета», 15 мая 2003 года.

По сути, юбилей «северной столицы», хозяином на котором обьявил себя Владимир Путин, автоматически превращается во всемирный фуршет от имени российского президента, а праздничные мероприятия — в культурную программу для гостей Владимира Владимировича. Сколько будет стоить обслуживание заезжих VIPов — неизвестно: в ответ на этот вопрос, полпред президента Валентина Матвиенко, улыбувшись, заявила, что не будет разглашать эти сведения — «чтобы другие субъекты не завидовали».

Завидовать, впрочем, абсолютно нечему — петербуржцев ждет, что называется, похмелье в чужом пиру. Каждый день они узнают все новые и новые подробности неприятностей, которые их ждут в «юбилейные» дни.

Так, карта планируемых к перекрытию улиц, которую обнародовали городские СМИ, четко дает автомобилистам понять, что от поездов по городу лучше отказаться вовсе. Тем более, что уже обещано ненадолго «эвакуировать» частные машины, дабы они не мешали проезду гостей. Проблемы тех, кто должен в это время ездить на работу, на дачу, или по каким-то неотложным делам, сотрудников президентской службы охраны (функции «не пущать» взяла на себя именно она) не волнуют.

Точно так же их не волнуют проблемы тех, кто живет в центре города и не будет иметь возможности ни погулять с детьми в привычных местах, ни пройтись самим — не рискуя натолкнуться на окрик «Не велено!». Не говоря уже обо всех остальных, кто хотел бы полюбоваться на «уличную» часть праздничных мероприятий — например, на морской праздник на Неве, парад мотоциклистов или фейерверк. Дело охранников — обеспечить безопасность высоких гостей так, как они ее понимают. А меры для этого им будут позволены любые: связываться с президентской охраной не рискнут даже городские чиновники, а уж рядовые граждане — и подавно не станут «качать права».

Заметим: большая часть заезжих лидеров будет жить на Неве — на специально оборудованных судах. Что автоматически означает запрет для горожан посещать любимые ими набережные. И не только набережные: руководители США, Китая и Индии пожелали жить в обычных гостиницах, а все три городских отеля подходящего класса находятся или на Невском проспекте, или около него. С понятными последствиями с точки зрения посещения гражданами главной питерской улицы и ее окрестностей...

В описанной ситуации те из горожан, кто могут, собираются уехать. Тем паче, что организаторы юбилея обещают сделать юбилейные дни выходными и выражают надежду, что многие петербуржцы проведут их на дачах, а не станут помехой под ногами у высокопоставленных гостей. Сотрудники туристичес-

ких фирм потирают руки от удовольствия: число желающих приобрести путевку в Турцию или Египет на конец мая уже сейчас превышает предложение.

Ну а те, кто не могут — готовятся к худшему. Их «предвыборное» настроение хорошо иллюстрирует опрос, проведенный в Интернете: 70% отвечает, что «набирается мужества в связи с предстоящим кошмаром». И мечтают скорее пережить «юбилейные» дни и вздохнуть свободно, когда гости, которых они, большей частью, не звали, разведутся по домам, и город будет снова принадлежать его жителям...

И наконец, о «подарках».

Петербуржцы все время слышат, что Центр выделил какие-то немалыми огромные деньги на то, чтобы привести город в порядок перед юбилеем. Называется даже сумма в 40 миллиардов рублей, должна всялить зависть в сердца жителей «неюбилейных» регионов, не имеющих к тому же чести быть малой родиной российского президента. Но никто не знает, на что, собственно, эти деньги тратятся и какая часть их уйдет на городские нужды, а какая — на «накладные расходы».

Между тем известно, что разрыв линии метро уже обещают ликвидировать только в 2004 году (к тому же, большую часть средств на это выделил вовсе не федеральный, а городской бюджет). Сроки ввода окружной дороги перенесены. Часть зданий в историческом центре города не успевают отреставрировать к юбилею, несмотря на президентские поручения. Дороги — те, по которым не будут ездить высокие гости, — большей частью, наоборот, погоняны для испытания тяжелых танков...

В общем, утешать петербуржцев может лишь тот факт, что пиетерские власти поставлены немалым в лучшем положении, чем рядовые граждане. По сути, их главная задача — накрыть столы для высоких гостей и на пышнках улаживаться, как и полагается обслуживающему персоналу. После чего ждать, когда им прикажут подать новую порцию или отпраздновать на конюшне два порки за огрехи в обслуживании...

«Любой город мира драглся бы за возможность принять у себя столько высокопоставленных гостей», — упрекнула несозательных петербуржцев г-жа Матвиенко, призвав журналистов, бюллицев треволу в связи с «юбилейными» неудобствами, «не занимаясь садомазохизмом».

Но дело вовсе не в «садомазохизме», а в серьезной подмене понятий. Еще недавно на 300-летию города петербуржцам обещали максимум удовольствий. Теперь лучшее, что им обещают — так это минимум неудобств. Да и ради чего эти неудобства следует терпеть? Ради того, чтобы Буш спросил у Путина, выходя из Эрмитажа: «Владимир, я и не знал, что у тебя такое шикарное ранчо?»

3 Демократия без президента

Заявление Владимира Путина о том, что после выборов Госдумы возможно формирование правительства парламентского большинства, стало единственной неожиданностью президентского послания.

Аналитики отреагировали на президентскую «посылку» по-разному.

Оптимисты заявили, что президент дает сигнал наиболее умной и «продвинутой» части избирателей: хотите иметь «своих» в правительстве — идите на выборы, а не сидите дома, как обычно. И что все партии должны отнестись к этому очень серьезно и формировать свои списки так, чтобы оттуда можно было сразу брать готовых министров вместе с премьером.

Пессимисты заявили, что президент обещал всего лишь «участь» результатов выборов при формировании кабинета — то есть, не обещал никакого «правительства парламентского большинства». И что в лучшем случае (если результаты выборов его устроят) он посоветуется на эту тему с депутатами, не будучи обязательным этими советами руководствоваться.

Реалисты заявили, что теперь-то уж точно «Единой России» к декабрю надлежит (или насчитают) нужный предвыборный рейтинг. И в дополнение к безальтернативному президенту мы получим еще и безальтернативный парламент. После чего задачу возврата к славному прошлому эпохи 6-й статьи Конституции можно будет считать решенной...

Наименее вероятным из высказанных предположений видится первое — меньше всего Кремлю нужно, чтобы на выборы пришел избиратель, обладающий способностью к самостоятельному и критическому мышлению. Избиратель, мозг которого не поддается промывке телеканалами с «государственной позицией», и брезгливо переключаются программ при виде Михаила Леонтьева или Максима Соколова. Избиратель, понимающий разницу между словом и делом Путина, но не понимающий разницы между «Единой Россией» и КПСС. Избиратель, для которого, в отличие от президента, интересы личности куда важнее государственных интересов. И так далее.

Второе предположение видится куда более обоснованным.

Напомним, что дословно президент сказал, что считает возможным «с учетом итогов предстоящих выборов в Государственную Думу сформировать профессиональное эффективное правительство, опирающееся на парламентское большинство». Надо ли доказывать, что правительство, сформированное парламентским большинством, и правительство, опирающееся на парламентское большинство, — две большие разницы? Собственно, правительство и сегодня опирается на парламентское большинство — дружный «квартет» так называемых «центристов» поддерживает все, что вносит Кремль или Белый дом, не читая.

Заметим: само по себе формирование правительства парламентским большинством — вполне здравая идея, но она означает решительный отказ от «самодержавного» вектора последнего десятилетия: непрерывного усиления президентской власти, концентрации полномочий в Центре и снижения значимости публичной политики. Между тем усилить влияние парламента на правительство можно лишь одним путем — ограничив президентскую власть. Что, в свою очередь, означает серьезнейшее изменение ВСЕЙ политической системы в стране. Ведь подобное изменение неизбежно было бы воспроизведено на региональном уровне. А это, в свою очередь, ограничило бы власть нынешних «хозяев» регионов — президентов и губернаторов, привыкших править, не считаясь ни с какими представительными органами, и назначать чиновников исключительно своей волей по принципу личной преданности, а вовсе не по принципу профессионализма или политической поддержки...

Предположить, что Владимир Путин, будучи в здравом уме и ясной памяти, вдруг решил «самоограничиться», крайне трудно. Во всяком случае, до него подобным политическим мазохизмом ни один из наших (и не только наших) президентов не страдал, всякий раз рассуждая о том, что для великих дел у него, напротив, категорически недостаточно полномочий. А любые попытки ограничить себя в кадровых назначениях рассматривал как покушение на свое священное и неприкосновенное право.

Еще более трудно предположить, что предложение об изменении «багажа властей» поддержат губернаторы, в лучшем случае понимающие разделение властей как расположение законодательных собраний в отделеном от администрации здании. А в худшем — рассматривающие региональные «парламенты» примерно так же, как раньше обкомы партии рассматривали советы депутатов трудящихся. И, надо сказать, что у подавляющего большинства губернаторов для такого отношения есть все основания...

Единственная типотеза, которая может выглядеть уместной, — «бапширская»: там, как известно, правящий почти полтора де-

сятилетия Муртаза Рахимов инициировал изменения к республиканской Конституции, вводящие почти «парламентский» режим. С прозрачной целью: баглотироваться в президентты еще раз нельзя, но никто не запрещает возглавить будущие парламентское большинство и остаться у власти, переименовав должность.

Может быть, и Владимир Путин таким образом готовит почву «под себя», заранее думая о том, что после 2008 года надо как-то остаться у власти? Что же, теоретически это возможно, но уж больно дальний беретется прицел. Не в привычках российской власти заглядывать на столь большое расстояние...

Что касается третьего предположения, то и в нем есть большая доля истины.

Когда «Единая Россия» некоторое время назад вдруг затоварила о том, что, начиная министров, президент должен delegать это по представлению победителей будущих думских выборов, это смотрелось неудачной шуткой.

Неужели, думалось, в «ЕР» сообрались люди невиданной храбрости, не боящиеся покуситься на конституционные полномочия того самого президента, которому неизменно кланутся в верности и который является их главным и единственным избирателем? И вообще, такие предложения выглядят анекдотическими, когда исходят от партии, являющейся «тенью» правительства, полностью зависящей от его расположения. Точно так же выглядело бы тридцать лет назад предложение о назначении секретарей ЦК КПСС по рекомендации Верховного Совета, назначенного волей указанного ЦК...

Теперь, после президентского «сигнала», скорее всего, и бюрократия, и зависящие от власти СМИ, и обкомы правильно поймут поставленную задачу. И совершенно добровольно начнут работать на нерушимый блок «Единой России» и беспартийных. А сама «ЕР» начнет перед выборами храбро кричать о правительстве, выдвигая «антибюрократические» лозунги и протестуя против того, за что сама же голосует (собственно, она и сейчас этим занимается, пользуясь тем, что гражданам плохо известны полные списки парламентских голосований). После чего можно будет сказать, что президент, как и обещал, сформировал правительство по предложению парламентского большинства — скромно умоляя, что указанное большинство было предвзято сформировано по предложению президента.

Конечно, это не будет означать, что парламент будет совсем уж однопартийным, как 20–30 лет назад. Кого-то, помимо «партии власти», туда придется допустить — механизмы «административного ресурса» еще не позволяют обеспечить такое же единодушное голосование, как в приснопамятные времена. Да это, вообще говоря, и не нужно — как потом демонстрировать Запад у нап-

чие многопартийности и демократии? Пусть лучше будет опознана в качестве «цветка в пеллине»: представляемая в парламенте, но ничем не решающая. Но чем это принципиально отличается от ситуации, которая есть сейчас?

Так что, скорее всего, никаких реальных изменений политической системы в ближайшее время не предвидится. А жаль — и не потому, что так уж хочется, чтобы у депутатов власти было побольше, а у президента с правительством — поменьше. Суть дела в том, что нынешняя система, порой до боли напоминающая прежнее, принципиально не способна обеспечить принятие решений в интересах граждан. И не потому, что в Белом доме сидят плохие люди, а потому, что они никак не зависят от этих самых граждан. Зато они зависят от президента, который их сегодня назначил, а завтра может снять, никому не объясняя причин ни того, ни другого. Угадайте с трех раз, в чьих интересах они будут действовать?

Между тем если бы правительство действительно формировалось парламентским большинством (да еще избранным на действительно свободных выборах) — оно вело бы себя совершенно иначе. Так, как оно ведет себя в Германии или Швеции, Великобритании или Италии, Канаде или Японии, и так далее — примеры можно множить.

«Но разве можно предложить безответственному парламенту право формировать исполнительную власть?» — скажут скептики. Но парламент становится безответственным лишь тогда, когда не имеет власти. Ибо власть без ответственности — возможна, а ответственность без власти — никогда. И это очень хорошо понимают граждане, выбирающие депутатов — они-то не забываются насчет реальных полномочий своих избранных и понимают, что настоящая власть — это президент или губернатор. А депутаты — это так, для выпуска пара. И соответственно делают свой выбор. Но если бы граждане твердо знали, что выбирают власть, что избранные ими депутаты действительно будут утверждать состав правительства (а еще лучше — если партии, идущие на выборы, заранее бы сообщили, кого именно они будут в это правительство предлагать) — они совершенно иначе относились бы к своему выбору. Пока этого не будет — граждане так и будут выбирать ходатая по своим житейским делам, а не законодателя, способного эффективно работать в парламенте...

Вообще говоря, еще более эффективный вариант изменения политической системы — радикальный: перейти от «президентско-губернаторской» к парламентской демократии, отказавшись и от президентского поста, и от института избираемых населением губернаторов. Это во всяком случае раз и навсегда сняло бы и проблему бесконтрольного правительства, и проблему «войны вла-

стей», и проблеме кулуарного принятия важнейших решений, и многие другие.

Впрочем, о переходе к парламентской демократии пока не решается всерьез говорить ни одна политическая сила. Одни при этом опасаются «левого реванша» и «красного правительства», другие считают, что Россия так устроена, что народу нужна палка, третьи понимают, что назначить в правительство их еще могут, а с поддержкой граждан на выборах есть проблемы...

Скоро ли наши политики поймут, что без президентов демократии бываюот, а без парламентов — нет?

Осечка «Авроры»

Ни абсолютная монополия в информационном пространстве, ни включенный на полную мощность «административный ресурс», ни прямая поддержка Владимира Путина не помогли Валентине Матвиенко победить уже в первом туре губернаторских выборов в Петербурге.

48,6% голосов избирателей, отданных за Матвиенко, конечно делают ее фаворитом второго тура выборов. Вице-губернатор Анна Маркова, также вышедшая в «финал», набрала 15,8%, бывший глава Госкомимущества Сергей Беляев — 8,1%, лидер фракции «ЯБЛОКО» в петерском Законодательном Собрании Михаил Амосов — 7,1%.

И все же, кремлевский сценарий безальтернативных выборов губернатора «малой родины» российского президента не сработал. Выяснилось, что податль Петербургу из Москвы команду «Голос!» можно. Но отнюдь не все готовы ее послушно выполнять...

Равнее всех других

«Считаете ли вы, что выборы губернатора проходят честно?» — спросили у зрителей одной из предвыборных петерских телепередач. Ответ оказался оглушительным: только двое из трехсот пяти горожан, позвонивших в студию, сказали «да». Все остальные сочли выборы нечестными. И надо сказать, что у них были к тому все основания...

Закон о выборах, конечно же, в теории декларирует равенство кандидатов — и с точки зрения доступа к СМИ, и с точки зрения общения с избирателями. Но на практике всем хорошо известно, как некоторые кандидаты оказываются куда более равными, чем другие. В Петербурге это проявилось в полной мере, и все знали, кто этот кандидат.

Так, не проходило и дня, чтобы для Валентины Матвиенко не организовывались встречи, на которые строем приводили (или привозили) учителей, врачей, работников жилищхоза или профсоюзных активистов. При этом на входе дежурили представители соответствующих учреждений или предприятий, проверяя при-

«Новая газета», 25 сентября 2003 года.

ходящих по «разнарядкам», составленным в отделах кадров. Надо ли говорить, что никто из других кандидатов на эти мероприятия не допускался? Когда Михаил Амосов пробыл на одну из таких встреч, вопрос о том, дать ли ему слово, был поставлен на голосование (!). И только десять человек из переполненного зала осмелились поднять руки. Заметил: закон требует, чтобы на соответствующую встречу в обязательном порядке приглашали всех кандидатов и всем давали возможность выступить.

Этим, впрочем, штаб Матвиенко не ограничивался. В начале сентября в переполненном Ледовом дворце проходил концерт в честь закрытия Всероссийского фестиваля национальной культуры. При этом со сцены, где выступали прославленные музыкальные коллективы, одна за другой несли заправщицы в адрес единственного кандидата, присутствовавшего в зале. Надо ли говорить, о каком кандидате шла речь? Этому же кандидату — единственному из всех — было дано слово на «дне первокурсника» в Санкт-Петербургском государственном педагогическом совете, где были собраны представители большинства школ города, на собраниях профсоюзного актива (при этом председатель федерации профсоюзов Гарри Лыток лично встал дружно на пути пытавшегося зайти в зал Михаила Амосова)...

Столь же явное неравенство имело место и на улице: агитаторы «неправильных» кандидатов постоянно испытывали проблемы с милицией. То милиционерам не нравилось отсутствие какой-нибудь печати на разрешении на пикет, где раздавали листовки, то пикетчиков просто задерживали без всяких оснований — при том, что конституционная норма вообще не требовала никаких разрешений чиновников на раздачу предвыборных материалов. Но никто и ни разу не слышал, чтобы милиция придиралась к пикетам «основного кандидата» или задерживала его агитаторов. Зато она благополучно бездействовала, когда у нее на глазах избивали агитаторов одного из соперников Матвиенко.

Наконец, в подавляющем большинстве СМИ, особенно электронных, весь политический спектр был успешно сжат до узкой линии — на всех экранах присутствовало только одно лицо. Да, кандидаты имели возможность получения бесплатного эфирного времени на ТВ и радио, где все были в равных условиях. Но наиболее эффективный, как показывает практика, способ воздействия на граждан — появление кандидата в программах новостей — был отдан на откуп Матвиенко. Указанные программы в последние дни перед выборами стали напоминать известное «Все о ней и немного о погоде»: выпуски новостей давали по 4–5 сюжетов, посвященных Валентине Ивановне, полностью игнорируя конкурентов. Никакие жалобы на нарушение принципа равенства кандидатов, естественно, успеха не имели. Суд — как город-

ской, так и Верховный — не нашел ничего предосудительного ни в поддержке Матвиенко со стороны президента, ни в такой же поддержке со стороны Владимира Яковлева, Бориса Грызлова, Евгения Примакова и прочих государственных деятелей, комментация в СМИ по закону строго запрещена...

В условиях, когда для граждан стало очевидно, что закон для «основного кандидата» не писан, и ему можно все то, что категорически нельзя другим, — надо ли удивляться, что интерес к выборам оказался достаточно мал? Только 28,9% избирателей пришли на участки — в то время как на губернаторских выборах в 1996 году их было 60%, а в 2000 году — 47%. Впрочем, это входило в планы матвиенковской штаба — все опросы показывали, что шансы Валентины Ивановны победить в первом туре тем больше, чем меньше будет явка избирателей. И, скорее всего, именно для этого в городе создавалась обстановка «предрешенности»...

Все «схвачено»?

Задолго до голосования горожан начали убеждать в том, что результаты выборов уже известны.

Чиновники, включая и о. губернатора Александра Беглова, врушали, что надо не выпендриваться, дружно проголосовать и обойтись без лишних затрат на второй тур.

Социологи, работавшие по заказам штаба «основного кандидата», демонстрировали его фантастические рейтинги.

Десятки заказных статей объясняли, насколько велики заслуги этого кандидата и насколько единодушна его поддержка ректорами вузов, директорами предприятий, деятелями культуры, науки и искусства и прочими представителями элиты, привычно служащими любовью власти.

Сами эти представители дружно подписывали верноподданнические письма, из которых выяснялось, что именно в советских и партийных органах, откуда «родом» Матвиенко, в свое время работали самые приличные люди...

Смысл этой пропаганды был прост: те, кто мог бы поддержать альтернативных кандидатов, должны были понять, что все уже решено, а их голос ни на что не повлияет. Что если президент сказал, кого он хочет видеть губернатором, — то против дома нет приема. Что ОНИ уже обо всем договорились, и у НИХ «все схвачено». Что не мытьем, так катаньем «основного кандидата» проташат в губернаторы. Снимут конкурентов, «вбросят» бюллетени, подсчитают голоса «как надо» и так далее. А раз так — зачем тратить время на поход на избирательный участок?

Для полноты картины в многочисленных статьях, размещенных в городских газетах, утверждалось, что выдвижение альтернативных кандидатов есть не что иное, как «антипрезидентский

заговор», а «против всех» и вовсе голосуют только психопатические личности. Автор одной из таких статей заявлял, что «поджечь почтовый ящик, разбить витрину и проголосовать «против всех» — это поступки одного ряда». Другой пошел еще дальше, ставя железяющих голосовать против всех в один ряд с террористами, которые «берут в заложники мозаиклы вместе со зрителями» и «взрывают дома со спящими жителями». В общем, «сегодня носит «Адидас» — а завтра Родину продаст»...

Парадально с этой «большой работой» во всю мощь был включен «административный ресурс» — чтобы привести на выборы электорат Матвиенко. В отделе народного образования и здравоохранения проводили «накачку» учителей и врачей, убеждая их голосовать «правильно». По тревоге были подняты общества блоггеров и вегетаров — их руководители, привыкшие дружить с властью в обмен на скромные материальные блага, убеждали стариков, что именно Валентине Ивановне они обязаны повышением пенсий. Курсанты военных училищ и академий строем приходили на избирательные участки, где под бдительным оком сопровождающего офицера демонстрировали правильную политическую позицию...

Наконец, СМИ, лояльные Матвиенко, отчаянно пытались изобразить ее жертвой «прямых технологий», ежедневно расказывая об арестованных тиражах фальшивых газет и листовок, направленных против нее (по словам полпреда, эти аттики якобы «вывозили из города грузовиками»). Но тот факт, что милиция подозрительно быстро обнаруживала типографии, где якобы печатались эти материалы, не мог не наводить на размышления. «Луче всего найти то, что сами прятали», — усмехались конкуренты. Действительно, на осенних выборах депутатов Законодательного Собрания в городе огромными тиражами распространялись фальшивки, направленные против оппозиционных кандидатов — но милиция почему-то так ничего ни разу и не нашла.

Притворные выборы

Реакция питерской элиты на результаты выборов оказалась предсказуемой. Те, кто вечером съездили в штаб Матвиенко или пришли в прямой эфир питерского телевидения в полной уверенности, что выборы закончатся уже в первом туре, и надо поправлять победителя, по мере получения данных с избирательных участков постепенно впадали в ступор, понимая, что второй тур неизбежен. Теперь они сокрушатся, что якобы «не все сторонники Матвиенко из-за хорошей погоды смогли прийти на выборы», и уверяют, что «воля большинства очевидна».

Что же, воля большинства действительно очевидна — но она вовсе не такова, как это видится сторонникам «основного кандидата».

дата». Большинство — 71% питерских избирателей — не захотели принимать участие в спектакле, быть зрителями на истре с заранее известным результатом. Показательно, что опросы показывали: число граждан, уверенных в том, что именно Матвиенко будет губернатором, в два раза превосходило число тех, кто заявил о намерении за нее голосовать. Это означало, что большая часть избирателей считала выборы притворными, не имеющими никакого отношения к реальности...

Является ли результат выборов «политическим поражением президента», как уже заявил ряд комментаторов, а также ряд зарубежных СМИ? И да, и нет.

С одной стороны, кандидат, на поддержку которого Владимир Путин бросил весь свой авторитет, не смог получить необходимого большинства в первом же туре. Если президенту обещали, что одно только его слово уже обеспечивает сокрушительную победу протежируемому кандидату — ему придется серьезно разочароваться в «управляемости» жителей родного города.

Но, с другой стороны, результат второго тура скорее всего окажется для Матвиенко благоприятным. Ее соперник — Анна Маркова — настолько прочно ассоциируется с командой Владимира Яковлева, что ни при каких обстоятельствах не может рассчитывать на поддержку «ЯБЛОКА», четыре года находившегося в оппозиции к бывшему губернатору. «Единая Россия» и СПС давно и безоговорочно поддержали Матвиенко, коммунисты заняли нейтральную позицию, но понятно, что поспред с ее комсомольско-партийным прошлым для них куда ближе, чем вице-губернатор.

В этих условиях рассчитывать на консолидацию «антиматвиенковских» голосов Марковой не приходится. Но пенять за это ей можно лишь на себя. Если бы питерская администрация на протяжении нескольких лет не боролась с оппозицией, применяя против нее «административный ресурс» по полной программе, и если бы городское телевидение годами не использовалось как отдел агитации и пропаганды Смольного для «мочения» политических противников Яковлева — сегодня имидж защитницы демократии, может быть, и подошел бы Марковой. Но прошлогло, как известно, не изменишь...

Но суть дела не в том, кто будет питерским губернатором. В конце концов, имея максимальную известность, поддержку Путина и почти неограниченное финансирование (легальные расходы избирательного фонда Матвиенко превзошли расходы Марковой в семь раз, расходы Амосова — в тридцать раз), поспред объективно была фаворитом кампании и могла победить, не применяя «административного ресурса» в столь пиничной форме. И не вызывая раздражения у горожан своим назойливым ведением кампании.

Да, это в любом случае свелось бы к двухтуровому голосованию — но избиратель при этом мог бы сделать осознанный выбор. Однако группа поддержки «основного кандидата» решила действовать наверняка, и, что называется, «напугать» город и горожан...

Между тем в ситуации, когда большинство граждан не верит, что выборы будут честными, они точно так же не будут верить и той власти, которая в результате этих выборов будет править городом.

На несчастных выборах нельзя избрать честную власть.

И это — самое серьезное следствие происшедшего в Петербурге.

По следам Луи Бонапартга

Близится десятилетняя годовщина «черного октября» — печальной осени 1993 года, когда российский президент Борис Ельцин разогнал, а затем и расстрелял российский парламент. Впрочем, это далеко не первый в истории случай силового изгнания главы государства от законодательной, служащих препятствием на пути самодержавия.

История не знала президента, которому бы нравился его парламент. Даже в тех случаях, когда большинство в парламенте составляли его сторонники, «первое лицо» государства рано или поздно начинало думать, что без законодательной власти оно решало бы все вопросы куда успешнее.

В подавляющем большинстве случаев, впрочем, это недоброжелство ни во что не выливалось: даже очень не любя парламент, президенты, как правило, были вынуждены вести с ним «мирное сосуществование». Но были и исключения...

Парламентаризма больше нет?

«Парламентаризма больше нет — нет больше оллота граждан, свободы дискуссии, свободы печати, личной свободы, контроля над налогами, ясности в государственных доходах, надежного замка на казенном сундуке, права знать, на что идут ваши деньги, отражения от произвола, защиты против конфискации и взяточничества, безопасности каждого из граждан, общественной инициативы — ничего этого больше нет. Покончено со всяким шумом, криком, разговорами, прениями, парламентом и парламентаризмом. Это преступление соединяет в себе все преступления сразу: предательство — в замысле, нарушение присяги — в исполнении, злодеяние — в ходе борьбы, хищение, мошенничество и грабеж — после победы».

Это не цитата из выступления кого-либо из мятежных депутатов Верховного Совета России осенью 1993 года. И не фрагмент статьи в какой-нибудь оппозиционной газете тех же времен. Это — Виктор Гюто. Одно из самых знаменитых его произведений — «Наполеон Малый»...

«Санкт-Петербургские ведомости», 27 сентября — 4 октября 2003 года.

В ночь с 1 на 2 декабря 1851 года президент Франции Луи-Наполеон Бонапарт совершил государственный переворот. Законодательное собрание было распущено, большинство его депутатов — арестовано. При этом в президентской прокламации, распространенной в Париже, говорилось:

«Существующее положение не может больше продолжаться. Национальное собрание, вместо того чтобы создавать законы на благо всем, посягает на власть, дарованную мне самим народом, оно разжигает паубные страсти, оно ставит под угрозу спокойствие Франции; я распустил его и призываю весь народ быть сулей между мною и Собранием».

Конституция была создана с целью заранее ослабить власть, которую вы хотели доверить мне.

Я невозмутимо сносил провокации, клевету, оскорбления.

Если вы еще любяете мне, дайте мне возможность выполнить великую миссию, вами на меня возложенную.

Я предлагало вам основные начала Конституции: ответственный глава государства, избираемый на десять лет; министры, зависящие только от исполнительной власти...»

Не правда ли, это что-то очень напоминает? Как будто бы ельцинские прокламации 1992–1993 годов держали перед собой прокламацию Луи Бонапартга...

Сопровождение перевороту, организованное в Париже республиканцами, было жестоко подавлено — сотни людей были убиты военными, чувствовавшими себя в полной безнаказанности. А еще через год Луи-Наполеон объявил себя императором под именем Наполеона III.

В 1851 году Виктор Гюто был одним из мятежных депутатов Национального собрания и одним из шести членов республиканского «Комитета сопротивления». Чудом избежав ареста и расстрела, 11 декабря он отправился в добровольное изгнание и возвратился во Францию лишь осенью 1870 года, когда после военного поражения от Германии под Седаном режим «новых бонапаристов» пал и в стране вновь утвердился республика...

Заметим: 20 декабря 1848 года Луи-Наполеон, вступая в президентскую должность, принес перед парламентом присягу, поклявшись «укрепить демократические учреждения» и неукоснительно соблюдать ту самую Конституцию, которую тремя годами позднее распотгал. И в которой имелась положеия, актуальность которых и по сей день удивительно высока:

«Всякое мероприятие, посредством которого президент республики распускает Национальное собрание, отлучаает его заседания или препятствует осуществлению его полномочий, является тягчайшим государственным преступлением. Совершив такого рода действия, президент тем самым оказывается отрешен-

ным от своей должности, гражданам вменяется в обязанность отказывать ему в повиновении, исполнительная власть по праву переходит к Национальному собранию. Члены Верховного суда немедленно собираются в полном составе, всякий угловившийся считается преступником: они созывают в назначенное ими место присяжных, чтобы судить президента и его сообщников...»

Увы, эта, столь блистательно звучащая статья французской Конституции, столкнувшись с военной силой, оказалась столь же «мертвой», как и похожая статья российской Конституции через полтора века. В ответ на храбрые заявления депутатов «не имея возможности ответить незаконно силой, мы отвечаем ему законом» завычали не слова, а ружейные залпы и пушечные выстрелы. Оставшись на свободе депутаты-республиканцы собрались в квартире одного из них, где Гюго заявил: «Не знаю, победим ли мы, но мы должны протестовать. Прежде всего, протестовать в парламенте: если парламент закрыт, протестовать на улицах; если оцепят улицу, протестовать в изгнании; если мы умрем в изгнании, протестовать в могиле».

После чего была принята декларация, объявлявшая Луи Бонапарту отрешенным от должности президента и требовавшая от всех «граждан и лиц, занимающих общественные должности, отказать ему в повиновении под страхом быть признанным его сообщником». Но она осталась на бумаге точно так же, как аналогичные решения российского парламента осенью 1993 года.

И последняя пиката из «Наполеона Малого». «Если считать, что ночь — это день, что справедливость — это химера, что те, кто нарушили Конституцию — спасители, а те, кто защищал ее — разбойники, что, короче говоря, человеческая честность больше не существует, тогда и я готов восхитаться этим правительством...»

Южноамериканский вариант

Недавно правительству Перу потребовало от Японии выдать им проживающего там экс-президента южноамериканской республики Альберто Фухимори, правившего страной с 1990 по 2000 год. В вину ему вменяются приказы об убийствах своих противников и коррупция — в свете чего Интерпол объявил экс-президента особо опасным преступником. Скорее всего, Фухимори, являющегося этническим японцем и имеющим гражданство страны Восходящего солнца, не выдают — и если он остаток дней проведет в Японии, ему ничего не угрожает. Заметим, однако, что речь идет о человеке, действия которого десять лет назад служили российским радикалам еда ли не любимейшим образцом для подражания...

52-летний специалист по сельскому хозяйству и ведущий популярного телевизионного шоу «Соберемся вместе» Альберто

Фухимори появился на перуанской политической сцене в 1989 году, когда основал политическую партию «Камбио 90» («Перемены в 1990»). Партия избрала своим лозунгом триаду «Честность, техника, труд», и неожиданно для всех 10 июня 1990 года Фухимори был избран президентом.

В этот момент экономическое положение в стране было катастрофическим. Колоссальный внешний долг привел к тому, что Перу была «отлучена» от кредитов Всемирного банка и МВФ, гиперинфляция достигла семи с половиной тысяч процентов в год, а вдобавок ко всему, на трети территории страны господствовала террористическая группировка «Сенцера Луминосо», получавшая миллиардные доходы от продажи наркотиков. Главный соперник — писатель Марио Варгас Льюса — выступал на выборах с либеральной программой, которая, по мнению избирателей, могла привести к сокращению занятости и росту бедности. В свою очередь, Фухимори предлагал сохранить активную роль государства в экономике, осуществлять постепенную экономическую и финансовую стабилизацию, но не ценой дальнейшего падения производства и роста безработицы, отказать от массовой приватизации и провести государственное стимулирование мелких предприятий.

Придя к власти, новый президент (как это часто бывает) резко изменил направление. Вплоть до того, что начал реализовывать программу Варгаса Льюсы. Правительство Фухимори «отпустило» цены на основные продукты питания и горючее, ввел свободный обменный курс и ликвидировало ограничения на рынке капиталов. Затем были приватизированы многие государственные учреждения и предприятия и отменены гарантии занятости и индексации заработной платы. Наконец, Фухимори приватизировал систему социального обеспечения. Все это делалось под тем предлогом, что только после избрания президент понял, насколько высоки неуправляемость экономики и коррупционность государственного аппарата.

Подобные «гайдаровские» меры немедленно принесли вполне предсказуемый результат. С одной стороны, инфляцией — путем жесточайшей экономии государственных расходов — удалось снизить до 140% в год, с другой стороны, процент падения уровня жизни ускорился. К началу 1992 года 70% населения Перу проживало за чертой бедности, из них 30% — в условиях крайней нищеты. При этом, как отмечали специалисты, «модель структурного урегулирования, осуществлявшаяся в Перу, с самого начала исключала какое-либо обсуждение экономической политики в предствительных институтах: поиск согласований и компромиссов».

Иначе говоря, парламент был полностью исключен из процесса обсуждения (не говоря уже о принятии) важнейших решений.

Чем, естественно, оказался крайне недоволен. Однако в ответ на критику «радикальных реформ», все чаще звучащую из стен парламента (где «президентская партия» не имела большинства), Фухимори организовал кампанию тотальной критики парламента, который-де неэффективен, коррумпирован и блокирует инициативы президента, стремящегося стабилизировать экономику и поделить территорию. Более того, исполнительная власть (и зависящие от нее средства массовой информации) активно внушала перуанцам мысль о том, что парламент — это институт, ненужный в принципе, поскольку он только мешает эффективной работе правительства...

Несмотря на это, парламентское сопротивление продолжалось — и тогда Фухимори пошел на крайние меры. Весной 1992 года он спровоцировал парламентский кризис: за одну неделю президент внес на утверждение в парламент 150 законодательных актов. В ответ на недовольство депутатов Фухимори обвинил парламент в «недееспособности» и 5 апреля 1992 года было объявлено о роспуске парламента, прекращении полномочий судов, приостановке действия ряда статей перуанской конституции и создании «чрезвычайного правительства национальной реконструкции».

Лидеры оппозиции были посажены под домашний арест, а затем были проведены новые парламентские выборы (которые бойкотировали практически все партии). На референдуме осенью 1993 года большинством в 53% голосов пришедших избирателей была принята новая конституция, которая серьезнейшим образом меняла «баланс властей».

Отныне президент мог избираться не на один, как раньше, а на два срока подряд, он получал право распускать конгресс в случае вынесения им вотума недоверия двум составам правительства, органы власти в департаментах и муниципалитетах переходили почти в полное подчинение центральному правительству, отменялись гарантии социальных прав, содержавшиеся в предыдущей конституции. Тут же в соответствии с новой конституцией были проведены парламентские выборы, на которых сторонники Фухимори получили большинство, и, по сути, в стране был установлен режим личной власти, работающий в «демократической оболочке».

Постепенно в Перу не осталось ни независимого суда, ни независимых политических партий и СМИ: повсеместными стали нарушения прав человека и свободы прессы. При этом главной политической силой в стране стала Служба безопасности, которую возглавлял главный помощник Фухимори Влاديمиро Монтегинос. Само собой, в апреле 1995 года Фухимори триумфально выиграл следующие президентские выборы, получив 65% голосов. А затем в 1999 году он провел через послужный парламент

поправку к конституции, разрешающую ему баллотироваться и в третий раз — мол, следующий срок будет лишь вторым, а не третьим после принятия новой конституции. Конституционный суд отказался утвердить поправку — и тогда Фухимори разогнал суд...

Как мы видим, параллели происходящего в Перу и в России настолько глубоки, что перуанский президент просто не мог не стать в 1992—1993 годах кумиром отечественных сторонников «сильной исполнительной власти». И те же, кто с пеной у рта поддерживал действия Ельцина по «подавлению коммуно-фашистского мятежа» (как в соответствующих кругах было принято именовать разгон российского парламента), как правило, превозносили «решительного» и «всенародно избранного» Фухимори.

Впрочем, конец весельного диктатора оказался значительно оглиняющим для российского варианта. На выборах в 2000 году Фухимори сумел победить лишь ценой массовых фальсификаций: в первом туре выборов они были столь очевидны, что соперник президента Александро Толедо просто отказался участвовать во втором туре. А в конце 2000 года, когда массовое возмущение его политикой достигло критического предела, Фухимори обещал провести весной 2001 года досрочные выборы, а затем бежал в Японию. Где пребывает и по сей день...

На «ближних подступах»

Взаимоотношения между президентами и парламентами в «постсоветском» пространстве были сложными не только в России. Примеры общеизвестны, но о них стоит напомнить.

Так, в ноябре 1996 года был фактически «закрыт» Верховный Совет Белоруссии. Президент Александр Лукашенко в нарушение республиканской конституции и вопреки решению конституционного суда инициирует проведение референдума по проекту новой конституции. В ответ парламент начнет процедуру импичмента президенту, которая имела тогда все шансы на успех.

После вмешательства в процесс в качестве «партантов» представителей России — в том числе премьер-министра Виктора Черномырдина и спикера Совета Федерации Егора Строева — парламент согласится не настаивать на импичменте при условии, что решения референдума будут иметь лишь рекомендательное значение. Но как только референдум (проведенный в условиях беспрецедентного пропагандистского «нажима» исполнительной власти) дал желательный для президента результат, Лукашенко объявил о роспуске парламента и формировании нового. Попытки оппозиции опротестовать это решение успеха не имели. Ну а по новой конституции полномочия Лукашенко, получившего почти неограниченную власть, автоматически продолжались еще на пять лет. При этом в новый состав парламента должны были

войти лишь те депутаты «старого» Верховного Совета, которых для этой цели лично отобрал президент...

По иной схеме — но с тем же результатом — развивались события в Казахстане. Президент Нурсултан Назарбаев и так-то обладал почти абсолютной властью и не очень тревожился наличием парламента. И тем не менее в марте 1995 года, через год работы очередного состава Верховного Совета Казахстана, конституционный суд республики удовлетворил иск одного из кандидатов в депутаты и решил, что нарезка избирательных округов была проведена как-то не так. После чего президент, ссылаясь на это решение, распустил парламент и назначил новые выборы. Одновременно с этим парламент был сделан из двухпалатного — однопалатным и резко сокращен по численному составу. А еще через месяц прошел референдум о продлении президентских полномочий еще на пять лет...

Наконец, стоит отметить и события в Крыму, имевшие место в 1994 году. В начале года президентом автономии — под лозунгами максимального сближения с Россией — был избран лидер Республиканского движения Крыма (РДК) Юрий Мешков. Затем весной состоялись выборы Верховного Совета Крыма, и на них кандидаты от РДК получили подавляющее большинство мест в парламенте. Кажется бы, сложилась уникальная ситуация: президент и парламент — не просто единомышленники, но даже и члены одной партии. Но... уже к концу лета Мешков разругался с бывшими друзьями, которых он начал считать помехой для принятия своих замечательных решений. В конце августа 1994 года Мешков решил пойти по «российскому» пути и объявил о приостановке деятельности ВС, якобы «блокирующего» работу президента. Но российский сенарий не удался: депутаты отказались «приостанавливаться», а воинских частей для подавления оппонентов у Мешкова не оказалось. Пришлось идти на попятный — а на следующий год в новой конституции республики (принятой по согласованию с Киевом) должность президента оказалась вообще упразднена...

Во имя Великого Передела

«Никакой либерализации экономики в стране не было: под видом реформ собственности просто передавалась в руки близких к президенту группировок и кланов». Это написано в одной из крупнейших американских газет, но не о России, а о Перу — уже после того, как Альберто Фухимори бежал из страны. Тогда-то на Западе быстро прозрели и поняли, что экс-президент оказывается был не реформатором и либералом, которому за это можно было простить любые злодеяния, а диктатором, покровителем коррупционеров и заказчиком убийств политических про-

тивников. Интересно, когда на том же Западе «прозреют» относительно действий Бориса Ельцина?

О том, что предшествовало «черному октябрю», написано многократно, в том числе и автором этой статьи.

Напомним, что к концу лета 1993 года в общественное сознание успешно внедряется нехитрый тезис: реакционный и консервативный парламент стал тормозом на пути проводимых президентом и правительством необходимых стране радикальных экономических реформ. Хотим, чтобы эти реформы проводились, чтобы Россия не вернулась к очередям, дефициту и пустым полкам? Значит, говорят и пишут Гайдар и Чернышенко, Шахрай и Бурбулис, Шумейко и Филатов, только устранение парламента с реформаторской дороги и принятие новой конституции, развязывающей руки президенту и правительству, обеспечит победное шествие экономических реформ, эффективное построение светлого капиталистического будущего с рыночной экономикой, свободной конкуренцией, широким слоем собственников и, естественно, высоким благосостоянием граждан...

Не в реформах было дело, уважаемый читатель. Ведь всего через пять лет после разгона парламента — в августе 1998 года — мы увидели те самые очереди, дефицит и пустые полки, которыми нас пугали в случае «возвращения к власти реакционеров». При этом у власти все эти годы неизменно находились люди, которых принято было называть реформаторами...

Но в чем же было дело?

Дело было в эпохе Великого Передела Собственности.

Не все помнят, что первоначально — в 1991 году — планировалось не выдать всем гражданам России безличные ваучеры, а открыть для них именные приватизационные счета. Но тогдашний глава Госкомимущества Анатолий Чубайс быстро сообразил, что эта система имела серьезные недостатки. Она не позволяла решить ключевую, с точки зрения «реформаторов», задачу: создать будущую опору для авторитарного политического режима. Однако на пути этой стройной схемы стоял российский закон об именных приватизационных счетах. Его надо было обойти — и Чубайс его обошел.

Придуманная им схема была проста. В 1992 году, если кто помнит, российский президент имел «особые полномочия»: мог издавать указы, противоречащие российским законам. Проекты «незаконных» указов направлялись в Верховный Совет, и если парламент в течение недели не отклонял проект, президент мог подписать указ, и он вступал в силу. Так вот, проект указа о замене именных приватизационных счетов приватизационными чеками (ваучерами их назвали уже потом) был составлен во время парламентских каникул — 2 августа 1992 года. 6 августа про-

ект привезли в Белый дом и вручили первому зампреду Верховного Совета Сергею Филатову, который передал его верному стороннику президента — председателю комитета ВС по экономической реформе Сергею Красавченко. В сейфе комитета проект указа, о котором почти никто не знал, пролежал до 14 августа. В итоге неделя истекла, и Ельцин указ подписал. Ну а затем Красавченко стал первым заместителем главы президентской администрации...

В октябре 1992 года правительство выдало гражданам приватизационные чеки номиналом в 10 тысяч рублей и предложило им обменять эти чеки на акции приватизируемых предприятий. Или своих — на относительно льготных условиях, или чужих — на общих основаниях. При этом, поскольку ваучер был обезличен, его можно было свободно продать или купить — чем немедленно и воспользовались те, кто следил себе состояние либо при помощи недавнего партийно-хозяйственного должностного положения, либо при помощи друзей из гайдаровского правительства, щедро выданного им дешевые кредиты, таможенные льготы и лицензии на экспорт нефти, газа, леса и прочих национальных богатств.

В результате проведенной замены именных чеков на ваучеры, бо́льшая их часть оказалась в руках указанных выше лиц, которые успешно завладели большей частью бывшей общенародной собственности. Большинство же граждан при этом лишь присутствовало — как по причине полного непонимания происходящего, так и по причине невозможности сконструировать со своими тремя-четырьмя ваучерами с обладателями сотен и тысяч чеков. К тому же, лишь часть акций продавалась за ваучеры — остальные можно было приобрести за «живые деньги», которые имелись в нужном количестве только у перечисленных категорий граждан.

У разбитого корыта

Когда пройдет немного времени, российское население спохватится — поняв, что у него над ухом позвенеги созданной их Руками государственной собственностью и аккурратно уложили ее в карман к новым хозяевам. Но будет поздно — «прихватизаторы» заявят, что ваучерная приватизация является политикой акции, доложной сосредоточить собственность в руках владельцев крупных состояний. А те, кто этих состояний не имел или не накопил, сами виноваты, что остались у разбитого корыта. Мол, рынок, эпоха первоначального накопления, выживает сильнейший, попибает слабейший. Все было просчитано точно: обеспечив разладу собственности владельцам крупных капиталов, правительство обеспечит себе будущую поддержку в лице этих владельцев, которые станут защищать эту собственность и это пра-

вительство до последнего. Что они не раз и демонстрировали — начиная с «черного октября» и заканчивая президентскими выборами 1996-го.

К началу 1993 года российский парламент осознал, что у него на глазах реализуется самая крупная афера двадцатого столетия: собственность огромной страны жутельчески «перераспределяется» в карманы немногих граждан. Депутаты попытались остановить «прихватизацию» — раз за разом отменяя президентские указы, касавшиеся этой сферы. Но тщетно: отмененные указы тут же выпускались вновь под новыми номерами.

Поняв, что такая тактика не дает результата, парламент начал замысливать более радикальные меры. Заговорили о законе, радикально сокращающем полномочия президента и правительства в «приватизационной» области, а заодно — о столь же радикальном пересмотре программ приватизации. Этого окружение Ельцина стерпеть уже не могло: вперед была запланирована приватизация крупнейших предприятий и крупнейших месторождений нефти и газа, что сулило баснословные прибыли приватизаторам. И очень симптоматично, что сразу после разгона российского парламента Егор Гайдар облегченно вздохнет: теперь-то ничто не помешает победному ходу приватизации!

Дальнейшему ходу действительно ничего не помешало. Программа приватизации была утверждена президентским указом (а на будущий год, когда ее откажется утвердить Госдума, операцио повторили). «Семафор» на пути «аферы века» был открыт!

Сказанное, впрочем, относилось не только к приватизации. После принятия новой Конституции «особые полномочия» президента обрели еще более циничную форму. Президентские указы стали «высочайшими декретами», обязательными для применения во всей стране и могущими противоречить любым законам (для чего была выдумана замечательная формулировка о «заполнении президентом правовых пробелов в законодательстве»). В результате указы в массовом порядке подменяли собой законы, регулируя такие вопросы, как правила приватизации, налоговые льготы, таможенные квоты и пошлины, и нанося стране тем самым гигантский экономический ущерб. Благодаря этому «механизму реформ» мы получили и загаповые аукционы, и «пирамиду ГКО», и правительственную лихорадку, и скандал с Национальным фондом спорта, и сосредоточение доходов от добычи нефти и газа в руках узкой группы лиц...

Да, все, что описано здесь — включая события осени 1993 года — уже отошло в историю и представляется десятилетиями минувших дней.

Но тот, кто не помнит прошлого, гарантированно обречен на его повторение.

Империализм как высшая стадия либерализма

Анатоль Чубайс против
Иосифа Бродского

«Н а всю обозримую историческую перспективу политической России должна стать политика либерального империализма», — провозгласил Анатолий Чубайс с трибуны питерского Инженерно-экономического университета.

Что же, эволюция взглядов отечественных либералов весьма показательна.

Сперва они стали государственниками и патриотами.

Потом они выяснили, что в Чечне возрождается российская армия, а всякий, кто с этим не согласен — предатель.

Теперь они мечтают о «либеральной империи».

Империй в мире было великое множество. Вот только либеральных империй никогда не было.

И не могло быть.

«Imperium» — по латыни «власть».

«Libertas» — по латыни «свобода».

В империи не бывает граждан. Есть только подданные императора.

В империи у людей не бывает прав, присутствующих им от рождения. Есть только те права, что даровал император, и которые он же может и отнять.

В империи не бывает законов, перед которыми все равны. Есть только воля императора, возведенная в закон.

«Если выпало в империи родиться — лучше жить в глухой провинции у моря», — написал много лет назад Иосиф Бродский. И все, кто читал эти стихи, понимали, что не к римскому другу обращается поэт, и речь идет вовсе не о Римской империи...

Пока Рим был республикой — в нем жили граждане Рима.

Когда Рим стал империей — в нем остались только подданные римского императора.

В советской империи тоже не было и не могло быть граждан. Никто из нас не влиял на власть — в лучшем случае, он мог спрятаться от нее в глухой провинции у моря.

Либеральное государство — это государство, которое служит обществу.

Империя — это государство, которое служит императору.

В либеральном государстве все решает гражданин.

В империи все решает император.

В основе либерального государства — свобода.

В основе империи — страх.

Свобода, дающая людям иммунитет к страху, империи категорически противопоказана.

Собственно говоря, попытка построить либеральную империю у нас уже была. Она называлась перестройкой. И как только в советскую империю проникла свобода — империя немедленно начала рушиться...

Впрочем, то, что либералы вдруг заговорили об империи, не удивляет.

«Сильный ход президента». «Гениальный поступок президента». «Мы примем любое решение президента» — давно привычные слова в устах российских либералов, давно ведущих себя с президентом, как крепостные с барином. Барин строг, но справа велика: сперва прикажет выпороть на конюшне — но затем простит и подарит рубль...

Сегодняшние разговоры о «либеральной империи» вполне логичны для тех, кто в свое время, зная, «как надо», восхищался опытом генерала Пиночета и требовал «сильной власти», проводящей необходимые реформы вопреки мнению «неразумного большинства».

Действительно, для этих целей империя — почти идеальная политическая конструкция.

В империи не надо убеждать оппонентов в своей правоте — вполне достаточно убедить в этом императора.

В империи не надо добиваться доверия людей — вполне достаточно, чтобы тебе доверял император.

В империи не надо иметь принципов и убеждений — вполне достаточно быть преданным императору.

Конечно, жизнь верноподданного имеет свои мелкие неудобства. Когда император желает запить кровью матежскую провинцию — ему надо ружокоплекать и одобрять.

Когда император желает конфисковать имущество у твоих знакомых, впадших в немилость — надо срочно найти у них много жество недостатков.

Когда император желает заткнуть рты, говорящие ему неприятные вещи — надо вовремя отвернуться и ничего не замечать.

И в качестве компенсации некоторого напряжения совести у тебя будет все: должность, деньги, имущество...

Да, продвижения России по имперскому пути трудно не заметить.

И по растущему числу политиков с «государственными» и «державными» взглядами, жадно толпой стоящих у трона.

И по сокращающемуся, как шагренавая кожа, пространству свободы и разномыслия.

И по усиливающейся самоцензуре в СМИ, многие из которых подвергают сомнению позицию президента не чаще, чем когда-то газета «Правда» — позицию генерального секретаря ЦК КПСС.

И по все большей и большей популярности тайной полиции.

И по готовности граждан выбрать губернатором любого, на кого указали «сверху».

И по их массовому неверию в то, что от них в стране хоть что-то зависит.

И по многим другим признакам, некоторые из которых еще Ленин сто лет назад сформулировал. Помните — пять признаков империализма: свободная конкуренция сменяется господством монополий, усиливается вывоз капитала, финансовый капитал начинает доминировать над промышленным... Ничего не напоминает — из сегодняшнего дня?

Имперский путь, вымощенный страхом, — это дорога в никуда.

«Существуют идеи, которые опасны сами по себе, идеи, про-буждающие в добром гражданине зверя, круто замешанные на ненависти, чреватые кровью и смертью.

Такова идея РЕВАНШИЗМА.

Такова идея НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕВОСХОДСТВА.

Такова идея ИМПЕРИИ».

Это говорил мне летом 1992 года Борис Стругацкий.

Десять лет спустя его слова не стали менее актуальны.

ТРУДНО БЫТЬ БОГОМ?

Полицейское государство — это не то государство, где полицию можно увидеть на каждом углу.

Полицейское государство — это государство, где никакой власти, кроме полицейской, нет и не может быть.

Государство, где полиция стоит над законом.

Государство, где полиция решает, где гражданину позволено жить, работать, и каким имуществом владеть.

Государство, где суды принимают решения, основываясь исключительно на мнении полиции.

Государство, где пресса и телевидение сообщают только точку зрения полиции.

Государство, где полиция не защищает граждан, а является для них главным источником опасности.

Государство, где искать защиты от полиции бесполезно.

Такое государство у нас уже было.

Теперь оно вернулось.

Сомневаться, что за всем, что случилось с Михаилом Ходорковским, стоит Владимир Путин, невозможно.

И не только потому, что почерк происшедшего хорошо знаком российским диссидентам, знающим наизусть все признаки типичной «гэбэшной» операции — с обязательной ложью, провокациями и лицемерием.

Но и потому, что сегодня в стране ничего существенного без ведома президента действительно не происходит.

Случившееся — не исключение, а правило.

И совершенно неважно, проводилась ли спецоперация «25 октября» по прямому указанию президента или по его тонкому намеку.

В конце концов, письменных указаний уничтожить НТВ или арестовать Лусинского он тоже не давал.

Президент, воспитанный в тайной полиции, мог построить только полицейское государство.

Ничему другому его просто не учили: вместо кроватки обязан был подучиться пулемет.

Один из традиционно заискивающих перед властью комментаторов как-то договорился до сравнения Путина с донцом Руматой из повести «Трудно быть богом» братьев Стругацких.

Мог, президент, как земной разведчик на далекой планете, героически воплотить свою миссию «посланца будущего» в космической системе российской власти, отчаянно пытаясь перестроить ее на современный лад.

Думается, Владимир Владимирович куда ближе к другому герою Стругацких из той же книги — к министру охраны короны и будущему диктатору дону Рабе.

И еще ближе — к другому персонажу, правда, уже не литераторному.

«Я увидел реформатора великой страны — худощавого, небольшого роста, энергичного, с огромной работоспособностью, откровенного, скромного, с большим чувством юмора, простого в общении, очень быстро уславливающего связь, интимность между собой и слушателями, апеллирующего к здравому смыслу людей, принимающего к сердцу судьбу каждого человека, делющего все, чтобы экономика и благосостояние людей неуклонно возрастали, бескомпромиссного борца с мажоритарным терроризмом и даже отрицательно относящегося к созданию собственного культа личности...»

Это написано не сейчас.

Это написано давно.

Это — Лион Фейхтвангер об Иосифе Сталине. «Москва. 1937»...

Кстати, этот персонаж тоже никогда не сомневался в правоте решений об очередном аресте. Слова, правда, были чуть другие: «у нас зря не сажают», «органы не ошибаются»...

На это сходство стоит обратить внимание и тем, кто сейчас бурно радуется происходящему, и тем, кто считает, что их это не касается.

Ведь в свое время те, кто радовались первой волне арестов, вскоре попали под вторую.

А те, кто считал, что их это не касается, вскоре убедились в обратном...

В упомянутой повести «Трудно быть богом» есть знаменательный диалог дона Руматы и кузнеца:

— Я так полагаю, что приспособимся. Я полагаю, главное — никого не трогать, и тебя не тронут, а?

Румата покачал головой.

— Ну нет, — сказал он. — Кто не трогает, тем больше всего и режут.

И не надо думать, что братья Стругацкие писали это про вымышленную страну Арканар.

Зря, что ли, в свое время в программе «Куклы» прозвучала блистательная реплика: «у нас тут все бандлиты, но которые в форме — те называются правоохранительными органами?»

В нормальном обществе происходящее сейчас было бы воспринято гражданами как сигнал крайней опасности.

Ведь если защитить себя от полиции не может один из самых влиятельных людей в стране — значит, безопасность остальных и вовсе ничем не гарантирована.

Но в путинской России подавляющее большинство людей и так знает, что ничем не защищено от произвола власти.

Хотят ли они жить так и дальше?

Что же, на этот вопрос они скоро должны будут ответить.

14 марта 2004 года — на выборах президента.

Опыт подсказал?

Владимир Путин издал указ «О совете при Президенте Российской Федерации по борьбе с коррупцией». Состав совета впечатляет: премьер-министр, председатель Конституционного, Верховного и Высшего арбитражного судов и председатель Совета Федерации и Государственной Думы. Иначе говоря — все перечисленные в Конституции «первые лица» российской власти, за исключением разве что Генерального прокурора и председателя Счетной палаты. Но им и так положено по должности бороться с коррупцией. К тому же, Генпрокурор ежегодно будет оглаиваться перед советом...

Трудно сказать, насколько искренни намерения президента бороться с коррупцией.

С одной стороны, «вертикаль», которая его усилилими все больше и больше насаждается в стране, решение ключевых вопросов в аппаратном режиме с участием уякого крута лиц и сведение к минимуму возможности граждан повлиять на власть плодит коррупцию столь же неизбежно, как на вспаханном поле вырастает трава.

А с другой стороны, президент, судя по его собственным заявлениям, понимает под коррупцией не совсем то, что под ней понимают во всем мире. Как еще расценивать его недавнее заявление представителям ЕС — мол, события вокруг «ЮКОСа» представляют собой не что иное, как борьбу с коррупцией?

«Коррупция в органах власти и управления ущемляет конституционные права и интересы граждан, подрывает демократические устои и правопорядок, дискредитирует деятельность государственных аппаратов, извращает принципы законности, препятствует проведению экономических реформ».

Это — из президентского указа о борьбе с коррупцией. Но не того указа, который сейчас подписан. И не этот президент его подписал. Это — указ Бориса Ельцина 12-летней давности «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы». Интересно, знает ли Владимир Путин с решениями предшественника?

Коррупция — это использование государственной должности в своих (или в чужих) корыстных интересах. Злоупотребление



своим публичным статусом. Приватизация власти и ее конверсия в деньги, имущество, доступ к СМИ, привилегии на выборах...

Между тем люди, для преследования которых в последние месяцы слушена с пети едва ли не вся государственная машина, не занимают никаких государственных должностей. Злоупотребить тем, чего не имеешь, нельзя — и, соответственно, нельзя назвать «борьбой с коррупцией» ни арест Михаила Ходорковского, ни арест акций «ЮКОСа», ни услужливое заявление министра природных ресурсов о возможном лишении компании имеющихся у нее лицензий, ни стремительное признание незаконным избрания Василия Шахновского членом Совета Федерации, ни все прочие устрашаительные меры. Включая скандальное выступление заместителя Генпрокурора г-на Колесникова, публично сожалевшего о слишком малом сроке, на который можно посадить мятежного олигарха...

Что же, если начать всерьез говорить о приватизации эпохи 90-х годов — то назвать ее расследование «борьбой с коррупцией» можно было бы только в том случае, если в «Магросской тишине» сидело бы все Госкомимущество «ельцинского» периода. Те, кто утверждал программы приватизации, оценивал крупнейшие предприятия не дорожке двухдневного выступления продюсера, готовил «приватизационные» указы президента, принимал решения о проведении залоговых аукционов и об отборе их участников, а потом получал баснословные гонорары за книги о «распродаже советской империи».

Имена этих людей широко известны. Почти все они и сейчас занимают достаточно видное положение. Но к ним у правоохранительных органов нет (и за редкими исключениями) никогда не было никаких претензий. Выходит, все было законно? Но так, чтобы государственную собственность продавали законно, а покупали незаконно, не бывает...

Если же говорить о более близких по времени примерах, то и за ними далеко ходить не надо. Вполне достаточно прочесть подшивки российских газет, чтобы узнать, как крупные чиновники при полном равнодушии прокуроров оказывают «содействие» коммерческим структурам, возглавляемым их родственниками. Как правоохранительные органы занимают «крышеванием», захватом или переделом собственности. Как отставные члены правительства становятся обладателями крупнейших состояний. Как за несколько дней исчезают миллиардные западные кредиты. Как процветают или заделшево продают российские долги. И так далее.

Однако в подавляющем большинстве этих случаев на запросы и жалобы ответственные правоохранительные и правоприменительные органы неизменно отвечают, что никаких нарушений и оснований для принятия мер «не усматривается». Зато «по вызо-

ву», получив соответствующее указание, они работают безотказно. Точно так же, как они работали в недавнем прошлом — когда закон был надежно заменен целесообразностью, задачей правоохранительных органов была защита государства от обшества, а юристов (в том числе, нынешнего президента) учили такой химере, как «социалистическая законность»...

Между прочим, как следует расценивать использование указанных президентом возможностей и преимуществ своей должности для борьбы с теми, кого он лично не любит, и наоборот? Начиная с преследований Владимира Гусинского и Бориса Березовского и заканчивая протекцией Валентине Матвиенко и «Единой России»? Если это не коррупция — может быть, кто-то найдет другое слово?

И еще о коррупции.

А также — о двойных стандартах.

Шесть лет назад бывший мэр одного из российских городов (за год до того проигравший выборы) стал одним из фигурантов уголовного дела, возбужденного Генпрокуратурой, и связанного с передачей его распоряжением коммерческой структуре здания в центре города и последующим получением там квартиры (бесплатно или по символическим ценам) его родственниками и подчиненными.

До суда, однако, дело не дошло: мэр лет в больницу, а через некоторое время — при помощи своего бывшего заместителя, занимавшего к тому времени высокий пост в президентской администрации, — уехал за границу. И вернулся лишь тогда, когда получил — опять же, усилиями того же бывшего заместителя — гарантии безопасности и прекращения уголовного дела.

Стоит отметить, что этот заместитель ни тогда, ни потом не говорил ни слова о том, что не сомневается в объективности и беспристрастности правоохранительных органов. Не говорил о равенстве всех перед законом независимо от занимаемой должности. Не говорил об отсутствии политической подоплеку в «квартирном» деле. Не говорил о справедливости возможного суда, где все выяснится. Не говорил, что многочисленные статьи в записку экс-мэра щедро оплачены. Не говорил, что законы надо выполнять всегда, а не тогда, когда «схватили за одно место»...

Говорил и писал он совсем другое.

Что «под предлогом борьбы с коррупцией Генпрокуратура использует свою работу в политических целях».

Что «следственная группа дает интервью и в нарушение всех процессуальных норм публикует бездоказательные материалы в прессе».

Что он требует «принятия решительных мер для прекращения использования правоохранительных органов в политических це-

лях» (все цитаты — из официального обращения к президенту Борису Ельцину. — **Б.В.**)

А впоследствии в своей книге с гордостью признавал, что использовал свои возможности для того, чтобы помочь бывшему шефу покинуть страну, где ему угрожала опасность, поскольку власть хотела свести с ним счеты, выполняя политический заказ. И в этой ситуации было бы смешно расчитывать на справедливость правосудия...

Дело происходило в Петербурге, мэром которого был Анатолий Собчак.

Надо ли напоминать, как звали его заместителя?

И не стоит ли ему сегодня, говоря о «борьбе с коррупцией», начать с себя?

Всем вернуться. Куда?

Тем, кому осенью 1993-го не нравился российский парламент, было бы полезно взглянуть в будущее на десять лет вперед. Скорее всего они бы решили, что видят кошмарный сон. Десять лет назад бюрократы, коммунисты, чекисты, фашисты и националисты составляли в парламенте чуть более половины. Сегодня тех, кто не входит в это число, можно пересчитать по пальцам.

В Госдуме нет ни одного (!) из демократов, бывших в начале 90-х годов народными депутатами Союза или России.

Зато есть Макашов, Алкснис, Бабурин, Варенников, Горчева, Кондратенко...

А подавляющее большинство остальных мало от них отличается по «государственничским» и имперским взглядам.

При этом парламент является собой отлегло президентской канцелярии, должный штамповать ее предложения точно так же, как двадцать лет назад в Верховном Совете СССР штамповались предложения Политбюро ЦК КПСС...

Между тем многие из тех, кто ужасается такому положению вещей, причастны к нему самым непосредственным образом!

Не они ли десять лет назад твердили, что переход от тоталитаризма к демократии возможен только через авторитарную стадию?

Не они ли объясняли, что большинство общества не хочет понимать горькие истины и терпеть боль неудачных реформ ради грядущего неизбежного процветания, а значит — надо делать ставку на прогрессивное меньшинство?

Не они ли радовались разному «плохому» парламенту и требовали «развязать руки» президенту и правительству, чтобы они могли без помех проводить реформы?

Доразвязывались.

Теперь связать их обратно — как затнать джинна обратно в бутылку.

Когда Георгий Сатаров упрекает Ирину Хакамаду за то, что в 2000 году она соглашалась «прижать» демократию ради либе-



рализма в экономике, хочется напомнить что ее «прижали» куда раньше (в том числе, при активном участии Георгия Александровича).

А именно — в декабре 1993 года, когда сконструировали нынешнюю систему российской власти как суперпрезидентскую республику.

Ключевых идей тогда было две.

Первая: реформаторы должны иметь возможность принимать необходимые решения без помех.

Вторая: реформаторы не должны опасаться, что на выборах будут отстранены от власти путем голосования «неразумного большинства».

Отсюда — два тезиса.

Во-первых, нужен слабый парламент, не влияющий на правительство, не говоря уже о президенте.

А во-вторых, нужен механизм, не пропускающий к власти оппозицию.

Которая, как тогда казалось реформаторам, может быть только коммунистической.

Оба этих тезиса, не имеющих никакого отношения к демократии, были успешно реализованы.

Парламент с тех пор так и остался слабым: ситуации, когда ему удавалось заставить правительство действовать в желаемом им направлении, с ходу и не припомнить.

Что касается оппозиции, то ее путь к власти был надежно заблокирован сочетанием «административного ресурса»: ручных избирательных комиссий, правоохранительных органов, работающих по вызову, и государственного или полугосударственного телевидения, выполняющего работу коллективного агитатора, горлана и главаря.

Печально, но факт: такая система долгие годы приветствовала бы не малой частью демократической общественности, которая была готова закрыть глаза на любые нарушения на любых выборах, если они позволяли «не допустить победы коммунистов».

А демократические партии — за редчайшими исключениями — старались не возмущаться, когда нарушались права их коммунистических оппонентов.

Между прочим, сегодня коммунисты защищают демократов, утверждая, что с «Яблока» и СПС попросту «списаны» голоса, необходимые для прохождения в парламент...

За минувшее 10-летие на президентских выборах власти не угрожало ничто.

Если же говорить о парламентских выборах, то лишь одна Госдума была оппозиционной: избранная в 1995 году.

И то лишь потому, что перед президентскими выборами 1996

года Ельцину жизненно был необходим парламент, дающий возможность вести кампанию под лозунгом «не допустим коммунистического рванша».

Возможно, реформаторы свято верили, что всегда будут в правительстве.

Возможно, они свято верили, что в стране всегда будет президент, проводящий либеральные реформы.

Возможно, они свято верили, что эта система умеет бороться только с коммунистической оппозицией, а против них она не срабатывает.

Сработала, и еще как!

Оружие, вышедшее из повиновения своим хозяевам — классический случай, многократно описанный в литературе.

Читайте, например, «Страж-птицу» Роберта Шекли.

Не на кого сегодня пенять — только на себя.

И те, кто в 1993-м приветствовал «авторитарный проект», и те, кто в 1996-м одобрял любые средства, обеспечивающие переизбрание Ельцина, и те, кто в 1999-м шел на выборы с лозунгом «Путина — в президенты, Кириенко — в Думу», хотели как лучше — для себя.

Могло ли выйти иначе, чем как всегда?

«Все шире распространяется пагузное заблуждение: для того, чтобы чего-то добиться, надо развязать руки исполнительной власти, устранив бремя демократической процедуры».

Это — не пятага из выстугления кого-либо из оппозиционных Ельцину политиков 10-летней давности.

Это — «гуру» наших либералов, доктор Фридрих Хайек. Он-то понимал, что к чему. В отличие от тех, кто вешал тогда, что недолга «авторитарная стадия» поможет поднять экономику, а потом можно и к демократии вернуться.

Возможно, если бы они могли предвидеть будущее, прошлое оказалось бы иным.

Пока же мы вернулись. Но вовсе не к демократии.

Долой самодержавие!

Н

а ближайшие годы у российских демократов может быть только один, хорошо знакомый по учебникам истории, лозунг: «Долой самодержавие!».

Словари определяют самодержавие как «неограниченное бесконтрольное правление одного лица». Именно такой политический режим установлен в сегодняшней России, где власть президента не ограничена ничем и ничем не контролируется. Естественным и неизбежным следствием этого является отсутствие или декоративность важнейших политических институтов.

В самодержавном государстве не может быть разделения властей, независимого парламента, федерализма, местного самоуправления — источником власти является не народ, а самодержец. В самодержавном государстве не может быть сменяемости власти по воле народа — может быть только ее расширенное воспроизводство либо сменяемость по воле самодержца.

В самодержавном государстве не может быть независимого правосудия и законности — ничто не должно ограничивать произвол самодержца.

В самодержавном государстве не может быть независимых СМИ — ничто не должно давать подданным оснований сомневаться в правоте самодержца.

В самодержавном государстве не может быть публичной политики — приказы самодержца должны исполняться, а не обсуждаться.

В самодержавном государстве не может быть политических партий, представляющих интересы граждан, — могут быть только придворные партии, представляющие интересы самодержца и его приближенных.

В самодержавном государстве не может быть общественного контроля за спецслужбами, армией и другими «силовыми» структурами — контролировать их может только самодержец.

В самодержавном государстве не может быть оппозиции — или ты одобряешь и поддерживаешь самодержца и его политику, или являешься врагом со всеми вытекающими последствиями...

Да, многие не видят в этом ничего страшного и готовы обменять свободу и демократию на порядок и безопасность. Но ни-когда еще отказ от первого не обеспечивал второе. Напротив, после этого не только право собственности, но даже и право на жизнь не было гарантировано ничем, а говорить о правах человека можно было лишь в насмешку. Примеров несть числа: начиная от большевистской России и нацистской Германии и заканчивая Северной Кореей, Кубой, Ираком и среднеазиатскими ханствами, когда-то бывшими республиками Союза.

Тех, кто думает, что их хата с краю и происходящее их не касается, ждет горькое разочарование.

Возможно, кто-то полагает, что колокол басманного правосудия звонит только по «заказанным» Кремлем олигархам. Что же, прозрение наступит, когда его собственный бизнес станет объектом такого же заказа, а суд будет скорым и неправым. При этом, в отличие от уничтожения «ЮКОСа», где требовалась команда президента, достаточно будет команды местного чиновника.

Возможно, кто-то полагает, что парламент должен быть безраздельно предан президенту. Что же, прозрение наступит, когда парламент по команде из Кремля примет законы, снижающие пенсии (такие проекты уже обсуждаются в ведомстве г-на Попова). Или — когда в соответствии с законами, принятыми парламентом, на месте заповедников появятся особняки чиновников и генералов. Или — когда парламент отменит отсрочки от призыва в армию.

Возможно, кто-то полагает, что без независимых СМИ можно прекрасно обойтись. Что же, прозрение наступит, когда станет очевидным разительный контраст между реальностью и ее телевизионным отражением, из которого окончательно исчезнут война в Чечне, коррупция высших чиновников, забастовки учителей, замерзающие города и горящие школы.

Возможно, кто-то полагает, что самодержавие ограничится только высшим уровнем власти, а «внизу» будут разрешены демократия, свобода и честные выборы. Что же, прозрение наступит, когда выяснится, что самодержавный режим копирует себя на всех «этажах», а все «ветви власти» есть не более чем ретрансляторы команды. И когда выяснится, что на власть ни в чем нельзя полагаться и ничего от нее потребовать — можно только просить.

Возможно, кто-то полагает, что могущественные «сильные структуры» — надежная гарантия безопасности и защиты от врагов. Что же, прозрение наступит, когда окончательно выяснится, что эти структуры, как и 20-30 лет назад, защищают исключительно государство от граждан, а не наоборот. А в качестве вра-

гов, как и тогда, рассматривают всех, кто не желает ходить в ногу и ведет разговорчики в строю...

Как вести себя в этих условиях тем, кто считает себя демократом и хочет заниматься в России политикой, но категорически не хочет присеивать самодержавию? Тем, кто не хочет мириться с государственной ложью, коррупцией, национализмом, ксенофобией, шпиноманией, всевластием спецслужб и преследованием инакомыслящих? Тем, кто пятнадцать лет назад боролся за то, чтобы нынешние правители страны никогда больше на пушечный выстрел не подошли к власти? Тем, для кого категорически неприемлема убогая политическая философия путинизма — философия Большого Страха перед Большим Братом?

Во-первых — перестать верить в политические сказки о просвещенной монархии. О «либеральном потенциале» президента и его «твердой политической воле», которая почему-то должна быть направлена на проведение необходимых обществу реформ. Единственное, в чем президент способен проявлять эту «волю» — так это в укреплении своей личной власти и уничтожении всего, что осмеливается быть независимым от его «вертикали».

А во-вторых — понять, что демократическая партия в нынешней России может быть только оппозиционной партией гражданско-сопротивления самодержавию.

Для этого она должна вести себя как оппозиция, а не как «опозиция Ес Величества».

Она должна выступать за ликвидацию самодержавия как политического института.

Она должна выступать за безусловный приоритет прав граждан над интересами государства.

Она должна раз и навсегда прекратить разговоры о «диалоге» и «конструктивном сотрудничестве» с «либералами из правительства».

Она должна понять, что самодержавная власть с чекистским лицом под «диалогом» понимает допрос, а под «конструктивным сотрудничеством» — активную операцию.

Она должна понять, что никаких либералов в правительстве самодержавного государства быть не может, поскольку самодержавие несомненно со свободой.

Она должна отбросить привычку снабжать власть идеями, отказываясь от авторских прав по принципу «сочтемся славою, ведь мы свои же люди».

Она должна перестать искать положительные моменты в политике президента, оправдывая этим свою политическую умеренность и аккуратность.

Она не должна принимать назначения на приятно звучащие должности и не должна гештить себя надеждами на возможность «влиять на президента».

Она должна не предлагать президенту свои «экспертные» и «консультационные» услуги — а бороться с политическим режимом, который он строит и строит. Или кто-то хоть раз видел картину «Святой Георгий, сокрушающий змею»?

Корооче говоря, оппозиция должна руководствоваться старым принципом советских диссидентов.

«Не верь, не бойся, не проси»...

Пособники террористов

ИЗВЕСТНЫ

«Сделал тот, кому это выгодно», — учили древние римляне, рассуждая о причинах тех или иных событий.

Выгоден ли взрыв в московском метро Аслану Масхадову, которого лично Владимир Путин уже объявил виновным?

Только что группа депутатов Европарламента предложила план урегулирования ситуации в Чечне. Переговоры с Масхадовым, использование миротворческих сил ООН, демилитаризация территории, разоружение боевиков, вывод российских войск...

Трудно сказать, насколько этот план спасителен для Чечни. Но в преддверии возможного осуждения этого плана даже самые подозрения в причастности к организации террористических актов смертельны для репутации Масхадова. С другой стороны, обсуждение (не говоря о принятии) этого плана смертельно для политической репутации российского президента. Ведь это означает признание его неспособности решить чеченскую проблему.

Так кому выгоден — а кому невыгоден московский взрыв? Если, обвинив в нем Масхадова, можно, во-первых, заранее заблокировать попытки его привлечения к чеченскому урегулированию, а во-вторых, и дальше твердить о том, что в Чечне мы имеем дело с «международным терроризмом» и что Россия, мол, уничтожает террористов, а не ведет с ними переговоры?

Ну во-первых, террористы пока что уничтожают себя только сами — вместе с десятками невинных жертв. А отечественные спецслужбы, за редкими исключениями, могут только постфактум заявлять о наличии «чеченского следа» и показывать по телевизору фотографии «лиц кавказской национальности».

А во-вторых, непонятно, почему Россия призывает тех, кто имеет дело с кудла более массовым терроризмом, вести с террористами переговоры.

Непонятно, почему, когда речь идет о Ближнем Востоке, из уст российских политиков и дипломатов звучат призывы к «политическому решению» и «поискам компромиссов». Непонятно,

почему «акции возмездия» израильской армии в отношении палестинских террористических группировок расцениваются как «неадекватное применение силы», а многократно уличенный в организации и финансировании терактов Ясир Арафат рассматривается как достойный партнер по переговорам. В то же время Масхадов, неизменно отрицающий свою причастность к терактам, априори считается террористом, с которым не о чем говорить, кроме безоговорочной капитуляции...

Заметим: каждый раз, когда гремит взрыв в Иерусалиме или в Хайфе, кто-то немедленно берет на себя ответственность за случившееся, угрожает новыми терактами и выдвигает те или иные требования. Когда же гремит взрыв в Москве или Владикавказе, никто не берет на себя ответственность и ничего не требует. Ни вывода войск из Чечни, ни освобождения заключенных террористов, ни начала переговоров.

Можно, конечно, предполагать, что чеченские боевики и их лидеры — особенные люди, и их террористическая деятельность подчиняется особенным законам. Можно предположить, что они, совершая террористические акты, по своей скромности, не признаются в причастности к ним. Можно предположить, что они, по своему бескорыстию, ничего не требуют от российских властей в качестве условия прекращения терактов и не угрожают проведением новых.

А если предположить другое — что истинными организаторами злодеяний, которые время от времени потрясают Россию, начиная с осени 1999 года, являются вовсе не те, кого ими принято считать? И предьявить их обществу не могут именно по этой причине?

Да, заведомо исключать, что Масхадов причастен к тем или иным террористическим актам (в том числе, и ко взрыву в московском метро) нельзя. Но для этого либо сам Масхадов должен это признать, либо нужны доказательства.

Соответствующих признаний со стороны чеченского лидера, как известно, не существует. А чего стоят доказательства, которые способна собирать российская Фемида, нетрудно судить по попыткам экстрадиции Ахмеда Закаева — когда в суде, которому нельзя дать указания из Кремля, эти доказательства рассыпаются как карточный домик. Более того, против Масхадова российские правоохранительные органы не возбуждали уголовных дел — что, впрочем, не мешает российскому президенту заранее называть его преступником.

Но если ФСБ настолько хорошо информирована, что сразу после теракта может уверенно назвать заказчиков — непонятно, что мешало предотвратить московский взрыв (как и многие другие). А если налицо голословные обвинения, то их не вправе

позволять себе ни одно должностное лицо, сколь высокое положение бы оно не занимало...

Что касается самого плана по «международному» урегулированию ситуации в Чечне, то он вполне реален. Во всяком случае «голубые каски» не станут грабить, насиловать, мародерствовать и убивать. И есть шанс на то, что Чечня перестанет быть зоной глобальной политической катастрофы, где говорить о соблюдении каких-либо прав человека (включая право на жизнь) просто не приходится. Если такой шанс есть — преступно от него отказываться, какими бы политическими соображениями это не диктовалось.

Да, если этот план будет реализован, это означает скоропоспешную политическую кончину Ахмада КадYROва и сильнейший удар по репутации Владимира Путина.

Впрочем, репутация российского президента — еще не репутация России.

От надежды – к равнодушию

В четвертый раз за последние тринадцать лет Россия выбирает президента. Но если ключевым для первых выборов было слово «надежда», то ключевым для четвертых выборов стало слово «равнодушие».

Выборы 1991-го действительно были выборами надежды. Надежды на то, что «демократическая весна» 1990-го, логическим продолжением которой казались президентские выборы, раз и навсегда растопила ледяные заторы, отделившие Россию от нормального мира. Надежды на то, что враг повержен, победа — окончательна, а перемены — необратимы...

Бориса Ельцина избрали президентом потому, что с ним во многом связывались эти надежды. Но еще и потому, что лидеры «Демократической России», имевшие тогда колоссальный авторитет, объявили Бориса Николаевича демократом — это, по их мнению, облегло его избрание.

Заметим: сами они не питали иллюзий и рассматривали будущего президента как компромиссную фигуру, под прикрытием которой в течение «переходного периода» должны были вырасти и набраться опыта демократические кадры. Но дело было сделано: подмена понятий произошла, и она очень дорого обошлась...

Многие граждане в последующие годы искренне считали, что именно Ельцин и есть настоящий демократ. С одной стороны, это серьезно дискредитировало демократию — поскольку к ее «достоинствам» автоматически относились гиперинфляция, уничтожение бережений, девальвации, дефолты и война в Чечне. А с другой стороны, это не позволяло реально оппонировать Ельцину с «демократического поля», и единственной альтернативой президенту становились коммунисты.

Что же, через пять лет именно это и загнало страну в ловушку «меньшего из двух зол». А ключевым для выборов-96 стало слово «страх». Недаром эти выборы были метко названы «победой страха над совестью».

Искусно наметаемый страх перед «реваншем», возвращением дефицита, очередей и пустых полок, дополнительный масприван-

ной пропагандистской кампанией «каждый голос, опятный у Ельцина, уходит к Зюганову», следил, казалось бы, невозможное: увеличил рейтинг действующего президента почти в тридцать раз. Выборы же, в отличие от выборов 1991 года, можно было назвать честными и равными только вasmешку. Команда Ельцина тогда мобилизовала себе на помощь гигантский административный ресурс, федеральные телеканалы были, по сути, превращены в органы избирательного штаба президента, конкуренты были загнаны за непроходимое кольцо информационной блокады и демонстративно разогнаны гражданами исключительно в невыгодном свете...

При всем при этом, однако, безоголосовали не только ЦИК и прокуратура, но и демократическая общественность. Очень многие ее видные представители считали тогда, что цель оправдывает средства и ради поражения коммунистов можно, слегка поморщившись, закрыть глаза на беззаконие. А кое-кто открыто заявлял, что «во имя демократии» надо не признавать результаты выборов, если их выпраст Зюганов.

Надо ли удивляться, что избиратели, глядя на это, уверились, что сменить власть в стране им не позволят? И что альтернатива у них проста: Ельцин, оставшийся у власти — или Ельцин, отказавшийся отлагать власть. Что червяк повторением октября 1993-го...

Последствия случившегося, между тем, были куда более серьезными, чем сохранение Ельцина у власти. Кремль уединился, что, во-первых, важнейшим из предвыборных искусств является телевидение, и с голубого экрана «пили खाвет все», а во-вторых — что система, сонетающая в себе исполнительную «вертикаль», послужилные избиркомы и правоохранительные органы, способна творить электродальные чудеса.

Все это в полной мере проявилось, когда через четыре года реализовывалась операция «Наследник».

То, что было впервые опробовано в 1996-м, стало нормой в 2000-м. Губернаторы открыто заявляли, что обеспечат нужный процент голосования за Владимира Путина на контролируемых территориях, чиновники всех уровней записывались в доверенные лица Владимира Владимировича, а его избирательный штаб жаловался, что не может «освоить» все добровольно предлагаемые средства. Телепрограммы и газеты напояиннали кроссворд с одним словом по горизонталу и вертикали, придворные мастера культуры и деятели науки соревновались в преданности Путину, а придворные телеведущие храбро заявляли о своей глубокой симпатии к подполковнику госбезопасности, чье имя за полгода до того было известно лишь немногим...

Понятно, что говорить о честной игре и равенстве кандидатов не приходилось: конкуренты, как и в 1996-м, были надежно «задвинуты», а для гарантии — вымазаны грязью (так, в отношении

Григория Явлинского контролируемые Кремлем ОРГ и РТР не гнушались даже и прямыми фальсификациями). В итоге выборы стали формальностью: вместо смены власти получила передача ее по наследству.

Ну а выборы 2004 уже трудно назвать выборами. И недаром российский избиратель встречает их с полнейшим равнодушием — с таким же, с каким советский избиратель встречал все выборы, где убедительную победу одерживал нерушимый блок коммунистов и беспартийных. Ибо он прекрасно понимал, что от его выбора не зависит ровным счетом ничего.

Неужели путь от надежды до равнодушия оказался пройденным всего за тринадцать лет?

Божья роса

Аккурат ко Дню Победы нас «порадовали» двумя при-
мерами национального позора.

Сперва российская сборная по хоккею заняла такое место на чемпионате мира, которое еще десять лет назад могло притениться только в кошмарном сне.

А затем произошло то, что могло раньше встретиться только в другом кошмарном сне: прямо на праздничной трибуне в Грозном взорвали главу Чечни Ахмада КадYROва.

В первом случае совершенно не важно, по каким причинам сборная России проиграла все, что можно.

Имеет значение лишь тот факт, что после этого провала никто из руководителей отечественного хоккея и не подумал подать в отставку. Ни главный тренер Виктор Тихонов, ни председатель хоккейной федерации страны Александр Стеблин, ни кто-либо иной. Во втором случае совершенно не важно, какими методами был избран и какими методами правил в Чечне покойный КадYROв.

Имеет значение лишь тот факт, что после того, как жертвой теракта стал глава одной из российских служб, никто из руководителей отечественных «силовиков» и не подумал подать в отставку. Ни директор ФСБ Николай Патрушев, ни министр МВД Рашид Нургалиев, ни кто-либо иной.

И даже родной сын покойного, руководивший в Чечне не чем иным, как службой безопасности, не то что не пустил себе пулю в лоб, поскольку не уберег и не предотвратил, а, напротив, бросился в Москву и тут же пошел на повышение...

Конечно, у нас — другие традиции.
В известном стиле «не дожидетесь».

За редчайшими исключениями с правительственных постов — только вперед политическими ногами. А, как правило, провалив все, что можно — на другую высокую должность.

Да и с постов тренеров сборной страны по разным видам спорта — примерно так же.

Кто из «силовиков» подавал в отставку после очередного публичного показа их профессиональной непригодности?

Кажется, единственный за последние годы случай был в 1995 году после трагедии в Буенновске: прошения об отставке подали министр обороны Павел Грачев, министр МВД Виктор Ерин,

директор ФСК Сергей Степашин и министр по делам национальностей Николай Егоров. И то — лишь после того, как этого от них потребовал Госдума.

Ельцин, заметил, большинство отставок не принял. Ну а затем были Вологодник и Москва, Каспийск и Владикавказ, «Норд-Ост» и Грозный — и во всех случаях «слововые» министры мужественно удерживались от прошения об отставках.

Но что еще должно случиться в стране, чтобы Герой России товарищ Парушев Н.П. попросил освободить его от непосильной должности?

Кто из спортивных начальников страны подавал в отставку после очередного публичного показа их профессиональной непригодности?

Кажется, единственный за последние годы случай был в 2003 году, когда после поражения в товарищеском футбольном матче от Израэля подал в отставку главный тренер сборной Валерий Газзаев.

Но кому еще должна проиграть сборная России по футболу, чтобы ушел Вячеслав Колосков?

Какое место должна занять на следующем чемпионате мира по хоккею сборная России, чтобы ушли Среблин и Тихонов?

Понятно, что «слововики» и «спортсмены» — не исключение, а правило.

Примеров — не счесть.

Гибнет «Курск» — адмиралы, которые бессовестно вראли нам в глаза, благополучно пребывают при своих многозвездных погонах, в крайнем случае — становятся сенаторами или заместителями президентских наместников.

Рушится пенсионная реформа — председатель Пенсионного Фонда становится «социальным» министром.

Разваливается жилкомхоз — «профильный» вице-премьер перебирается в кресло президентского полпреда.

Замерзает Приморье — губернатор становится министром рыболовства...

«Я вами руководил, я и отвечу за все» — эта фраза, как и раньше, получается только по частям.

Во всей постсоветской (да и советской, впрочем, тоже) истории, чем больше государственной муж бьет себя кулаком в грудь и твердит об «ответственности», которую он якобы несет — тем меньше он стремится ее нести на самом деле.

Где они сейчас, наши «камикадзе» ельцинской эпохи? Хотя один из них заправил свой политический самолет горючим в один конеп и теперь просит милостыню на пантели?

«Стыл не дым, глаза не вылет» — любимая поговорка российских чиновников.

Или еще циничнее: птень в глаза — все Божья роса...

У нас еще не было либеральных реформ

В развернувшейся на страницах «Новой газеты» дискуссии о кризисе российского либерализма четко обозначились несколько точек зрения.

Тон задавал Михаил Ходорковский, заявив, что опечетвенные либералы — СПС и «ЯБЛОКО» — потерпели поражение, потому что все минувшие годы проводили реформы, сдвиг ставку на 10% населения и игнорируя интересы остальных 90%, забыли про социальную политику, презирали социальную справедливость и действовали по принципу «цель оправдывает средства».

Экономический советник президента Андрей Илларионов заявил, что никакого кризиса нет, потому что нет либерализма. Боле того, в стране, по его словам, нет ни одной партии, которая бы отстаивала либеральную идеологию.

Вышедший лидер СПС Борис Немцов назвал Илларионова радикалом, доводящим либеральные идеи до абсурда. По его мнению, главной проблемой России является не экономический либерализм, а политический, потому что без политических свобод «приличной экономики не бывает».

Наконец, политолог Андрей Пионтковский заметил, что именно те, кто у нас считается либералами — Кудрин, Греф и Чубайс (случай единоышленники Немцова) всегда мечтали о «российском Пиночете». И сегодня они вполне удовлетворены авторитарным характером нашей власти...

Что же, диатноз, который Михаил Ходорковский поставил российскому либерализму, досточно точен. Но во-первых, этот диатноз далеко не нов — о чем ниже. А во-вторых, все, что он критикует, не имеет никакого отношения к современному либерализму.

Либерализма в России последних лет действительно не было. Но вовсе не по тем причинам, о которых говорит Андрей Илла-

рионов, в свое время считавший «недостаточно жесткой» политику Егора Гайдара, полагавший, что в России не было никакой «шоковой терапии», постоянно требовавший снижения любых государственных расходов и неизменно объявлявший «социализмом» попытки заставить государство выполнять свои конституционные социальные обязательства.

На протяжении многих лет в России за «либерализм» выдавался его устаревшая версия, в рамках которой было модно говорить, что рынок сам все расставит по местам, государство играет лишь роль «ночного сторожа» и ничего никому не должно, чем его меньше в экономике — тем лучше, выживает сильнейший, а слабеющий, если не выжил, сам виноват — не смог приспособиться...

От этого вульгарного либерализма в Европе давно отказались: еще в апреле 1947 года в Оксфорде был принят «Либеральный манифест», где о социальных проблемах говорилось ничуть не меньше, чем о свободе. А осенью 1997 года была принята «Либеральная программа на XXI век», где было сказано: «Свобода, ответственность, терпимость, социальная справедливость и равенство возможностей — вот главные ценности либерализма». Сегодня либералы отнюдь не игнорируют социальные проблемы, напротив — они уверены, что не может быть свободы в обществе, не стремящемся к справедливости.

Назвать «либеральной» ту политику, которая в течение последнего десятилетия проводилась в России, можно разве что в насмешку. И прав Григорий Явлинский, когда он говорит: ни пиперинфляция 1992 года в 2600%, ни борьба с инфляцией путем невыплаты зарплат, ни фактическое уничтожение системы социальных гарантий, ни залоговые аукционы, ни строительство финансовых пирамид ГКО, ни дефолт и девальвация 1998 года, ни накопление гигантского внешнего долга, ни криминальная приватизация не имеют никакого отношения к либерализму. Также, как не имеют к нему отношения расстрел парламента, коррупция, уничтожение независимых СМИ и война в Чечне...

Однако было бы категорически неверным возлагать коллективную ответственность за это на «либералов вообще» — не деля различия между теми, кто эту политику последовательно проводил, и теми, кто ее многие годы последовательно критиковал.

Раскол некогда единых участников демократического движения на «ЯБЛОКО» и «Демократический выбор России» (а затем — СПС), случившийся в 1993 году, как раз и был связан с принципиально разным отношением к методам проведения экономических реформ.

Одни еще десять лет назад заявили, что реформы надо проводить в интересах большинства — другие уверяли, что надо делать ставку на активное меньшинство.

Одни полагали, что реформы, приводящие к непрерывному ухудшению жизни людей, недопустимы — другие считали, что социальная «цена» реформ не имеет значения, и объявляли «люмпенами» и «наглыми нищими» тех, кто требовал повышения зарплат и пенсий.

Одни, считая свободу безусловной ценностью, неизменно заявляли, что несправедливо устроенное общество не может быть ни свободным, ни стабильным — в лексиконе других понятие «справедливость» отсутствовало по определению, и главной опасностью для «молодого российского капитализма» объявлялось «социальное иждивенчество»...

Принципам современного — социального — либерализма полностью соответствовала именно первая из этих точек зрения. Но в России произошла чудовищная подмена понятий: либералами стали считать тех, кто исповедовал второе. И это отожествление либерализма с экономической политикой Анатолия Чубайса и его единомышленников точно так же дискредитировало слово «либерализм», как отожествление демократии с Борисом Ельциным и его окружением дискредитировало слово «демократия». Да, трудно не согласиться с Борисом Немцовым, который видит главную угрозу для сегодняшней России в стремительном сужении пространства политических свобод. Но приходится напомнить, что все это началось отнюдь не при Путине.

Еще десять лет назад российская власть, понимая, что в условиях демократии невозможно проводить реформы вопреки воле большинства, поставила перед собой задачу — сделать себя неслышимой и максимальной независимой от общества. Именно тогда началась монополизация информационного пространства, подавление оппозиции, использование «административного ресурса» на выборах и так далее. И все это происходило при полном одобрении Немцова и его единомышленников, занимавших высокие государственные посты и полагавших, что «знают, как надо». Что же, теперь они пожинают плоды посеянного...

Политолог Борис Кагарлицкий замечает: следствием десятилетия демократических реформ почему-то стало построение авторитарного режима. Что же, это означает лишь одно: реформы не были демократическими.

Эти реформы еще можно провести. Но для этого надо, чтобы демократы сделали борьбу с самодержавием своей главной задачей. И заодно поняли, что либерал, работающий советником у Путина, подобен вегетарианцу, работающему советником у люда...

Невидимые миру строки

О 400-страничном «антисоциальном» (как его уже успели окрестить) правительственном «пакете» законов, принятом 2 июля в Госдуме в первом чтении, знают многие. Но многие прочли его до конца.

А те, кто этот «пакет» писал, вовсе не стремятся рассказать гражданам, что его подавляющая часть — вовсе не о замене льгот компенсациями или об отмене Единой тарифной сетки, а совсем о другом.

Что же обещают нам эти «невидимые миру строки»?
А вот что.

Сперва — два слова о льготах. Не о тех, которые правительство собирается заменить денежными выплатами, а о тех, которые оно торжественно обещает сохранить: льготы для ветеранов и инвалидов по оплате жилищно-коммунальных услуг. Дело в том, что с 1 января 2005 года финансировать эти льготы будут регионы. В десятке «богатых» регионах «льготники» еще смогут на что-то рассчитывать, в остальных — сами понимаете.

А для окончательного «улучшения» жизни стариков отменяется индексация федерального перечня гарантированных государством социальных услуг для граждан пожилого возраста и инвалидов и норма, запрещающая сокращение объема этих услуг.

Следующие после стариков, кто станет жертвой «пакета» — дети. Отменяются нормы, устанавливающие размер ежемесячных пособий на детей: выплачивать их будут в зависимости от возможностей регионов, бюджеты которых и так ежегодно «резаются» в пользу Федерального Центра.

Также на региональные бюджеты «сбрасываются» и все тарангити прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Если учесть, что новый Жилищный кодекс лишает детей-сирот нынешнего права на внеочередное предоставление жилья при выкупе из детских домов — нетрудно догадаться, что в большинстве регионов сироты обречены на участь «бомжей».

На регионы будет переложена и ответственность за обеспечение детским питанием. При этом отменяется норма «Основ зако-

нотательства об охране здоровья», говорящая о том, что «государство гарантирует беременным женщинам, кормящим матерям, а также детям в возрасте до трех лет полноценное питание, в том числе в случае необходимости обеспечение их продуктами через специальные пункты питания и магазины».

Впечатляющие перемены ждут и российское образование и науку.

Девиз этих перемен сорок лет назад был сформулирован в повести «Трудно быть богом» братьев Стругацких: «Умные нам не надобны. Надобны верные». И реализовывать его будут начиная с малых лет: отменяются все обязанности государства обеспечивать доступность образования для детей дошкольного возраста. Также не будут больше выделяться дополнительные средства для обучения детей-инвалидов и особо одаренных детей.

Если говорить о школах, то предлагается отменить минимальные федеральные нормативы финансирования обучения и федеральные гарантии по оплате труда и социальной поддержке работников образования. Простейшее следствие этого — «разрыв» в качестве образования в «богатых» и «бедных» регионах, что, вообще говоря, антиконституционно.

Далее, образовательные учреждения планируется лишить налоговых льгот и права самостоятельно распоряжаться заработанными деньгами. Надо ли сомневаться, что это приведет к росту поборов с родителей и прочим «теневым» методам финансирования образования?

Теперь — о высшей школе. Для начала, предлагается лишить граждан права на бесплатное высшее образование в региональных и муниципальных вузах. Как там с конституционными тарангитими прав на образование? Ну а студенты и аспиранты лишаются компенсационных выплат на питание и права на льготный проезд на транспорте. Последствия — особенно в больших городах с их немалыми расстояниями — легко представить.

Наконец, отменяются положения об установлении минимальной доли расходов бюджета, направляемых на нужды образования, и поощения, устанавливающие оплату труда в образовании в зависимости от зарплат в промышленности. После этого говорить о том, что образование в России является приоритетной сферой, можно будет только в насмешку...

Пересчитывать все новации, заложенные в «пакете», можно долго — каждая из них может служить темой отдельной публикации.

Например, отмена закона «Об основах федеральной жилищной политики», защищающего права граждан в жилищно-коммунальной сфере. Достаточно сказать, что отменяется положение о том, что тарифы на жилищно-коммунальные услуги можно менять только раз в год и только после проведения независимой

экспертизы. Теперь их можно будет увеличивать хоть каждый месяц. Или — отмена закона о поддержке малого предпринимательства. Или — отмена закона о товариществах собственников жилья...

Там, где власть зависит от общества, стоило бы правительству только заявить о намерениях подобного рода (не говоря уже о том, чтобы проводить их в жизнь) — и граждане отпраздновали бы на политическую свалку и это правительство, и партию, поддержавшие его намерения.

Но наше правительство мнением граждан принципиально не интересуется, поскольку от них ни в чем не зависит.

Что касается парламента, то у «Единой России» есть только один избиратель, чье мнение их волнует.

И вы его знаете.

ПЛЕВОК НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЮ

За все последнее десятилетие намерения российской власти ни разу не вызвали такого общественного недовольства, как в случае с печально известным «взрывпакетом законов».

Острога дискуссии беспрецедентна — и, хотя на федеральных телеканалах не желают сил для заверений граждан в том, что оснований для беспокойства нет (для чего даже придуман специальный термин-обманка «закон о льготных выплатах»), большинство СМИ в последний месяц обсуждает «пакет» почти непрерывно.

Главной темой для дискуссий являются те или иные социальные последствия принятия «пакета» — связанные с отменой льгот и перекладыванием «вниз» большинства обязанностей Центра.

При этом единым строем против «пакета», ущемляющего права слава ли не всех категорий населения (кажется, единственное исключение — чиновники), выступают и оппозиционные партии, и традиционно лояльные властям ректора вузов, и ветеранские организации, и профсоюзы, и правозащитники...

Зададим, однако, простой (но, практически не обсуждаемый) вопрос: почему Кремль с маниакальным упорством «продвигает» столь непопулярные предложения? И почему все это делается в «пожарном» порядке, так, как будто власть смертельно боится опоздать — при том, что в Госдуме «партия власти» имеет конституционное большинство?

Официальная гипотеза происходитшего такова. Год назад, под разговоры о том, что «государство будет брать на себя только те обязательства перед гражданами, которые особенно реально выполнить», были приняты «законы Козака» — о принципах разграничения полномочий властей разных уровней.

Теперь, перед внесением проекта федерального бюджета на 2005 год, надо сделать второй шаг — установить, как, собственно, эти полномочия будут разграничиваться, иначе говоря — кто и за что будет отвечать. Вот, мол, правительство и внесло «пакет», где все это расписано...

Однако «процедурная» гипотеза не выглядит убедительной.

Во-первых, «разграничение» в подавляющем большинстве ситуаций сводится к тому, что Центр перекачивает на регионы и муниципалитеты доли лишь полномочия — не давая им при этом денег. Изменении Налогового и Бюджетного кодексов, которые бы гарантировали «низам» неотчуждаемую финансовую базу, в Госдуме так и не дождалась. Между тем «законы Козака» принесли лишь под клятвенными обещания Дмитрия Николаевича, что все это будет правительством внесено.

Во-вторых, некая часть «пакета» не имеет никакого отношения к разграничению полномочий. Начиная с отмены обязанности государства поддерживать стариков, беременных женщин и грудных детей, разрешением приватизировать образовательные учреждения и отменой гарантий бесплатного оказания гражданам скорой медицинской помощи, лечения от туберкулеза и СПИДа, прекращением выдачи сельским учителям и библиотечарам единовременного пособия на «хозяйственное обзаведение» и отказом от предоставления жилья (или выдачи субсидий на эти цели) военным, уволенным в запас...

И, в-третьих эта гипотеза не объясняет главного.

Разграничивать полномочия можно по-разному — так почему же выбран столь «праконовский» вариант?

Почему предлагается массовый отказ от социальных обязательств государства, местный развее что при сильнейшем экономическом кризисе, которого явно не наблюдается?

Что заставляет правительство осуществлять, как выразился депутат Госдумы Михаил Задорнов, «открытое насилие над обществом»?

Гипотеза первая, простейшая: «Не наворовались».

Цель масштабного сокращения бюджетных расходов — желание ключевых фигур в Кремле и в Белом доме направить «сэкономленное» или его часть на личные нужды, дабы не только «бороться с олигархами», но и самим ими стать.

Конечно, не хотелось бы так плохо думать о руководстве собственной страны, но полностью исключать эту гипотезу — в соответствии с «Фритвой Оккама» — тоже не стоит...

Гипотеза вторая: «В предувствени бедня».

Правительство располагает совершенно точными данными о том, что в ближайшее время возможна масштабная экономическая катастрофа, связанная с обвальным падением цен на нефть. Тогда для спасения рейтинга президента понадобятся очень большие деньги, которые сейчас надо отложить на возможный «черный день». Ведь если рейтинг президента неотвратимо упадет, то возможна смена власти — и смена правящей элиты. И как бы элите нынешней не отправиться после этого не в отставку, а в тюрьму...

Гипотеза третья: «Либерализм в особо крупных размерах».

В экономическом блоке правительства и президентской администрации тон задают, как известно, люди с ультралиберальными (точнее, крайне правыми) взглядами — Алексей Кудрин, Герман Греф, Виктор Христенко, Андрей Илгаронов и другие. Все они искренне считают, что чем меньше у государства обязанностей перед гражданами — тем лучше.

Идеальный вариант — чтобы все граждане обеспечивали свои потребности на свободном рынке, где, как известно, выживает сильнейший, а слабейший, если что, сам виноват, что не смог приспособиться. Единственное, чего не хватало для реализации политики «либерализма в особо крупных размерах» — это сильной власти, которая может действовать, не оглядываясь на общество. Теперь эта власть есть, и может себе позволить все.

Гипотеза четвертая: «Плюс люмпенизация всей страны».

Главное следствие принятия «пакета» — снижение уровня жизни и уровня образованности большинства граждан. «Средний класс» в большинстве своем превратится в людей, живущих на грани нищеты, а малообеспеченные окажутся на грани (или за гранью) физического выживания.

Но именно это и нужно правительству! Чем больше в стране необразованных и бедных — тем легче манипулировать гражданами, обеспечивая нужные результаты на выборах и сохранение действующей власти. Нищему и неученому подкинули подачки с барского плеча — он и протологовал «как надо». А с образованными и обеспеченными, а значит — свободными людьми, состоявшими социальную базу политической оппозиции, это не по-лучится...

Гипотеза пятая: «А пошли бы вы все...»

Российская власть традиционно воспринимает граждан как «обузу», о которой она, скрепя сердце, вынуждена заботиться. Сегодня, когда государство имеет достаточно большие (хотя и не всегда реализуемые) обязанности перед гражданами — они, по крайней мере, теоретически, могут требовать их выполнения. К тому же, апрельское решение Конституционного Суда фактически запретило государству в одностороннем порядке отказываться от своих обязательств (чем оно занималось и занимается постоянно). После чего появилась возможность предъявления исков к государству с требованием выплачивать пособия и пенсии, обеспечивать установленные законом права и льготы и так далее.

Как быть? Конечно, иски вряд ли станут массовыми, но лучше подстраховаться, чтобы граждане не докучали. Просейший выход из положения — отменить большинство обязательств государства. На нет, как известно, и суда нет. С глаз долой — из бюджета вон. К тому же, правительство искренне презирает граж-

дан и искренне считает, что с ними можно себе позволить любые эксперименты. Что называется, «а дулом не пробовали?»

И еще: чем меньше ответственность правительства и президента — тем легче удерживать их рейтинг. Граждане должны верить: в отсутствие зарплат, лекарств, жилья, тепла и порядка на улицах виноваты исключительно местные власти, а «центр» у нас белый и пушистый...

Между тем при этом «секвестровании» государственных обязательств могут наступить катастрофические последствия. И связаны они не только с отменой льгот.

Так, запланированный отказ от бесплатного лечения туберкулеза и СПИДа и «сбрасывание» на регионы обязанностей по обеспечению жильем больных туберкулезом может вызвать эпидемии этих заболеваний.

Отказ от большинства социальных гарантий военнослужащим и увольняемым в запас (в том числе, от льгот для семей погибших военнослужащих) гарантированно ставит крест на любых разговорах о профессиональной армии. Еще можно будет заставить «оттрубить» год-два по призыву, но как заставить остаться в такой армии или служить офицером?

Отмена тарифных соглашений по лекарственным средствам снижает многие жизненно важные лекарства недоступными для больных — среди которых множество малобесценных....

В общем, государство с нарастающей силой демонстрирует неготовь к гражданам — и при этом все чаще и громче твердит о патриотизме. Но о каком патриотизме можно говорить в этой ситуации? Как можно ожидать от граждан, чтобы они любил страну, которая их не любит? Или в Кремле считают, что население России состоит из мазохистов?

Возвращаясь к возможным гипотезам правительственного поведения, заметим, что, конечно, могут быть и другие, нежели высказаны автором.

Исключается только одна гипотеза: правительство затеяло все это ради того, чтобы жизнь в стране стала лучше.

Такого за нашим правительством никогда не водилось. Возможно, оно и не против нас — оно просто за себя...

В кровавом зеркале

У терроризма нет оправданий, но у него есть причины.

Одна из них — подлость: те, кто взрывает самолеты и берет детей в заложники, не достойны ни прощения, ни сочувствия.

Но эта причина — не единственная.

«В Чечне мы имеем дело с международным терроризмом», — неизменно заявляет президент.

Полночь. Владимир Владимирович. Мы имеем дело не с мифическим «международным терроризмом», а с вполне реальным — отечественным.

И не «ослабить Россию» он стремится, как Вы заверяете, а отомстить. За бомбежки и «зачистки», за пытки и похищения людей, за насилие и мародерство. Иначе говоря — за то, что делается в Чечне в рамках проводимой Вами политики.

Но Вы и Ваши соратники недосягаемы для террористов, поэтому они мстят нам.

Ужаснувшись России череда терактов — отраженная в кровавом зеркале линия российского руководства в Чечне.

Это не оправдывает террор. Это позволяет понять его причины. Категорическое нежелание президента Путина признавать эти причины очевидно. Как и его категорическое нежелание что-либо менять в проводимой политике. Даже тогда, когда ее провал очевиден.

«Террористы, захватившие школу в Беслане, не выдвигали никаких требований» — три дня подряд уверяли центральные российские телеканалы и многие газеты.

Дождь. Требования были — но было слезано все, чтобы о них не узнали ни в Беслане, ни в Москве. Ведь, в противном случае, пришлось бы ответить на вопрос — почему не вели переговоры о выполнении этих требований во имя спасения заложников? Вместо этого нам дали о «пустых видеокассетах» и о том, что «никто в мире не разговаривает с террористами».

Ну а когда заместитель Генпрокурора Фридинский уже после кровавой развязки заявил, что «ни в этот, ни в другой раз такие требования властью, конечно, воспринять не будут», и все будет

сделано для того, чтобы бандитские вылазки были подавлены», — стало ясно: власть врёт, даже не заботясь о правдоподобии. После этого невозможно верить в искренность государственных мужей, выражавших обеспокоенность судьбой детей.

Бандит, говоривший одной из заложниц, что «Путину на вас наплевать» (в оригинале — грубее), по сути, оказался прав: власть убедительно показала, что никакие человеческие жертвы не заставят ее изменить проводимую политику. Но беда в том, что бандитам тоже наплевать на человеческие жизни. И надежд на то, что они откажутся от тактики террора — уже как способа мести, или средства запугивания и дестабилизации — ни у кого нет.

Как избежать этого? Силовые методы решения «чеченской проблемы» применяются уже десятый год. Их цена — десятки тысяч погибших, сотни тысяч сломанных судеб на той и другой стороне. И взаимная ненависть, нарастающая и в России, и в Чечне — с каждой новой «защиткой», с каждым новым терактом. Или всплеск национализма в России и безнаказанность фашистов, избивающих «инородцев» — не прямое следствие «кавказской войны»?

Налицо — замкнутый круг: «жесткий курс» в Чечне неизбежно ведет к терроризму, а терроризм неизбежно ведет к ужесточению курса.

Разорвать этот круг можно только одним путем: признать, что у чеченской проблемы нет «силового» решения. И начать обсуждать два «табуированных» до сих пор вопроса.

Первый из них — международное присутствие в Чечне, которая должна быть на период погашения «активной фазы конфликта» превращена в демилитаризованную зону, находящуюся под протекторатом ООН.

Да, это выглядит как вмешательство в наши внутренние дела. Но в соответствии с решениями ООН нарушения прав человека не являются внутренним делом государства. Осмелятся ли кто-нибудь утверждать, что хоть одно из фундаментальных прав человека, начиная с права на жизнь, сегодня гарантировано в Чечне?

Если российская власть не способна обеспечить соблюдение этих прав — значит, пусть эти функции возьмет на себя международное сообщество. Не хотите приглашать миротворцев из Западной Европы — обратитесь к Восточной или к соседям по СНГ. В этом случае появится шанс — как на установление мира в Чечне, так и на прекращение террористической атаки на Россию.

Шанс, которого нет и не будет при продолжении «жесткой линии» российского руководства: десять минувших лет показали это со всей очевидностью. Иначе одним будет «гарантировано» только право быть расстрелянными теми, кого затем оправдает суд присяжных, как «выполнявших приказ», другим — только право стать

жертвами террористов, чей радиус действия определяется лишь топкойной их кошелька и жадностью миллионеров...

И второй вопрос — возможный политический «развод» России и Чечни.

Если в Чечне будет мир — но только при этом условии, — надо честно и открыто спросить друг у друга: после всего, что произошло в последние годы и особенно в последние недели, — хотим ли мы жить вместе?

Ответ на этот вопрос может дать только референдум, который, конечно, стоит дорого — но куда меньше, чем проваливается в «черную дыру» в Чечне. И если (что вполне возможно) ответ на вопрос о совместном проживании будет отрицательным — надо начинать цивилизованный процесс расхождения в разные стороны. Примеры в истории имеются. В том числе, и в отечественной, начиная с «развода» с Финляндией и заканчивая «разводом» с Прибалтикой.

«А как же священный принцип территориальной целостности?» — возмутятся многие. Но если на то будет воля граждан, проживающих в России и в Чечне, — значит, так тому и быть.

К тому же, кроме всех обычно кричат о невозможности поступиться этим принципом те, чья личная безопасность наиболее надежно обеспечена. Кто передвигается в бронированных машинах под государственной охраной, летает спецсамолетами и отпугивает своих детей в частные школы за границу.

Наконец, именно этим принципом уже поступались в декабре 1991 года, когда прекратил свое существование Советский Союз. Но никто не пытался восстановить его «железом и кровью», ведь для выкаса на Украину или начал бомбить Казахстан. Хотя ущерб для «территориальной целостности» был куда больше с учетом потерьной территории...

Да, обсуждение (и тем более, реализация) этих предложений политически убойственны для Владимира Путина.

Но надо выбирать: на одной чаше весов — рейтинг президента России, на другой — безопасность ее граждан.

Путин должен уйти

Часть вторая

В

озможно, после трагедии в Беслане лишится своих постов кто-то из руководителей силовых ведомств.

Но этого — недостаточно.

Владимир Путин сосредоточил в своих руках всю власть в стране.

У нас нет независимого парламента, независимого суда, и почти не осталось независимых СМИ. У нас есть только президент и его желания, возведенные в закон.

Значит, он несет и всю ответственность за все, что происходит. В том числе — за то, что произошло в Беслане.

Только президент мог разрешить вести переговоры с террористами, чтобы спасти детей.

Он их запретил.

Только президент мог изменить российскую политику в Чечне.

Он заявил, что не намерен ее менять.

Конституция объявляет президента «гарантом прав и свобод человека и гражданина».

Президент не сумел гарантировать гражданам своей страны важнейшее из этих прав — право на жизнь.

Он сумел гарантировать им только право на страх.

Стало очевидно: в критическую минуту президент не сделает ничего, чтобы защитить граждан.

«Что случилось с подводной лодкой? — Она утонула».

«Что случилось со зрителями «Норд-Оста»? — Они отравились».

«Что случилось с детьми в Беслане? — Они погибли».

В случае своего избрания президентом, он обещал порядок и безопасность.

Он нарушил обещание.

Он должен уйти.

Если он не уйдет сам — мы должны заставить его это сделать.

Люди

Анатолий Собчак: триумф и трагедия

Сторонники называли его символом демократии, образцом интеллигентности, искренне считали его великим юристом и спасителем города от путчистов в августе 1991-го, внимали каждому его слову и клеймили тех, кто хоть в чем-то осмеливался перечить их кумиру. Противники, напротив, считали, что авторитарные замашки и открытое презрение к представителю власти не дают ему никакого права называться демократом, нетерпимость к чужкому мнению не имеет ничего общего с интеллигентностью, хронические нарушения закона плохо совместимы с образом крупного юриста, а город от путчистов спасали совсем другие люди. Равнодушных почти не оставалось — все опросы общественного мнения неизменно показывали, что его либо искренне обожали, либо столь же искренне ненавидели.

К сожалению для него, первых с годами становилось все меньше, а вторых — все больше, причем их число успешно умножалоь им самим. В конце концов, он потерял свой высокий пост, уступив бывшему заместителю даже в жанре теледебатов, где считал себя вне конкуренции. А затем оказался в центре скандала, в результате которого на полтора года отправился в вынужденную эмиграцию.

И все же его звезда светила долго — целых семь лет, с весны 1989-го до лета 1996-го он был среди тех, кто принимал важнейшие для страны решения. Что же, он может гордиться — немногим удалось продержаться на политическом Олимпе столь долго. Он был народным депутатом СССР — и одним из тех, кто призывал не голосовать за сохранение Союза и приветствовал освобождение республик. Он был избранным на волне энтузиазма председателем первого демократического Ленсовета — и стал в конце концов его мотыльщиком. Он был первым маром Санкт-Петербурга — но так и не сумел стать первым губернатором «северной столицы».

«Независимая газета», 10 февраля 2000 года (под названием «Петля Собчака» в соавторстве с Викторией Работновой).

То, что он стал одним из символов перестроечных лет, потрясших мир и кардинально изменивших нашу жизнь — бесспорно.

Но столь же бесспорно и то, что время таких политиков, как Анатолий Собчак, безвозвратно ушло.

В начале было слово

Шла перестройка, страна училась говорить, номера журналов «Огонек» зачитывали до дыр, в Москве люди приехали на Пушкинскую, чтобы просмотреть и обсудить свежее «Московские новости», а в Ленинграде самодетельные рок-музыканты выкрикивали песню-заклятие: «Гореть вам в огне из больших резолюций, начальники города трех революций».

Заклятие сбылось в 1989-м, когда все партийные руководители, выдвинутые в городе на Неве кандидатами в депутаты СССР, с треском провалялись, и единственного из членов бюро обкома КПСС, избранного депутатом — директора научного института Бориса Гидасюва, — пришлось в срочном порядке назначать первым секретарем обкома вместо оконфузившегося Юрия Соловьева. После этого ленинградцы приникли к экранам телевизоров и стали смотреть трансляции съездов, переживая за своих избранников — и гордятся ими. Все понимали, что межрегиональная депутатская группа, объединившая демократов, сплишком мала, чтобы влиять на принимаемые решения, а тем паче кардинально изменить ситуацию. Но этого никто и не ждал — в ту пору между словом и делом еще ставили знак равенства, и для того, чтобы оправдать связанные с тобой надежды, довольно было правильно выступить.

Анатолий Собчак полностью удовлетворял этому условию.

Его политический дебют состоялся 24 февраля 1989 года — когда в легендарном ныне клубе «Перестройка», откуда вышли почти все будущие политические лидеры города, на встрече с кандидатами в народные депутаты СССР он пропознес хрестоматийное «Хочу доказать, что скромный, никем не поддерживаемый профессор университета может на равных конкурировать со слесарем-судоборщиком». Выборы он выиграл достаточно легко — конкурент во втором туре, начальник участка с судостроительного завода мало что мог противопоставить ему во время теледебатов. Ну а с первых же дней первого съезда профессор из Ленинграда в знаменитом клетчатом пиджаке, умевший, в отличие от косноязычных партийных бонз и набранных в депутаты по обкомовской разнарядке посланцев рабочего класса и колхозного крестьянства, четко и грамотно формулировать свою мысль, облекая ее в безупречную юридическую форму, дать мгновенный и язвительный отпор оппоненту, стал одним из тех, кто благодаря телевидению в одночасье превратился в народного героя. Что же,

история повторяется: помнится, в 1789 году во Франции, Национальное Собрание тоже стало одновременно и школой политической борьбы, и всенародной сменой. В одночасье — после одной-двух удачных речей, которые перепечатывают все газеты, — ранее никому не знакомые провинциальные адвокаты, ремесленники и мелкие дворяне, псыники и изгой общества становились знаменитыми на всю страну политическими лидерами, к которым прислушиваются и которым верят. Через два века точно то же самое произойдет с первым союзным съездом...

Очарование Собчаком продлится долго. Его отказ (вместе с другим ленинградским профессором Анатолием Денисовым) от места в Верховном Совете в пользу делегатов от Карабаха будут вспоминать снова и снова, его фразы («якут товарищ Вясов и адыгеец товарищ Воронников») станут крылатыми, его голос телезрители и радиослушатели будут огничать от других с первых же слов. Именно Собчак заставит оконфузиться ряд кандидатов в союзные министры, именно он одним из первых поставит вопрос об отмене 6-й статьи Конституции, именно он возглавит комиссию съезда по расследованию событий в Тбилиси в апреле 1989 года. Наряду с Юрием Афанасьевым и Тельманом Гляном, Гаррилом Поповым и Галиной Старовойтовой, Сергеем Станковичем и Николаем Травкиным он станет одним из самых известных политиков страны — выше встанут лишь такие фигуры, как Андрей Сахаров, Михаил Горбачев и Борис Ельцин. Бориса Николаевича, впрочем, Анатолий Александрович тогда не очень то жаловал, хотя и был вместе с ним, Сахаровым, Поповым и Виктором Пальцом из Эстонии сопредседателем легендарной МДП — межрегиональной депутатской группы, первой официальной парламентской оппозиции в стране. Уж больно значительная разница была между профессором-интеллигентулом из Ленинграда и недавним первым секретарем Московского ЦК КПСС.

И все же со временем звезда Анатолия Собчака стала светить в заде союзного съезда не так ярко. За его эффектным словом, как начало выясняется, редко таилось какое-нибудь дело, а менторский тон и привычка высмеивать, не падаю самолюбия собеседника не только врагов, но и соратников, постепенно начали отталкивать от него коллег по МДП. А затем случилась история, которая выставила Анатолия Собчака совсем уж в невыгодном свете.

Весной 1990 года в окружении Михаила Горбачева возникла идея введения в Союзе президентского поста. 3-й Съезд народных депутатов СССР с ней достаточно легко согласился, но возникла бурная дискуссия по двум ключевым вопросам. Первый: как избирать президента — всенародно или для начала все-таки на съезде? И второй: можно ли быть одновременно президентом СССР и генеральным секретарем ЦК КПСС? Большинство чле-

нов МДП считало, что президента надо избирать всенародным голосованием, а совмещать две высшие в стране должности нельзя. Однако они натолкнулись на сильнейшую оппозицию не только в лице секретарей обкомов и горкомов, но и в лице собственного секретаря. Именно Анатолий Собчак оказался едва ли не главным защитником идеи выбора президента СССР прямо на съезде — пусть в ход все свои способности, он убедил зал в юридической безупречности весьма сомнительной операции по немедленному избранию президента. Аргументы же его (которые Собчак описал в своей книге «Хождение во власть») были, мягко говоря, странны — дескать, прямые выборы приведут чуть ли не к гражданской войне... И тот же Собчак яростно отстаивал и сохранение за Горбачевым поста генерального секретаря — хотя год спустя признал, что «тенсек победил президента».

После того как Горбачев стал президентом, освободился пост председателя Верховного Совета СССР. Собчак попытался участвовать в выборах и потерпел унижительное поражение. Видно, тогда ему стало ясно, что карьеры в союзных структурах уже не светят. И тут удивительно вовремя подвернулась подходящая возможность у себя дома.

Весной 1990 года прошли первые демократические выборы представительных органов, следующих за союзным уровнем — от районного и городского до республиканского. В Москве и Ленинграде большинство в городских Советах получили представители демократов, но если в Моссовете лидеры были известны заранее — Гавриил Попов и Сергей Станкевич, то в Ленсовете за пост его председателя развернулась борьба между двумя популярными политиками Мариной Салье и Петром Филипповым, ни один из которых, однако, не имел на своей стороне решающего большинства. В конце концов решили прибегнуть к испытанному российскому способу. Дело было за малым — найти «варята средних лет».

Человек со стороны

В Ленсовете, как уже сказано, демократы были в большинстве, и избиратели ждали, что они возьмут в свои руки всю власть и всю ответственность за происходящее в городе, причем незамедлительно. При этом никто не задумывался о том, что подавляющая часть депутатов имела нулевой управленческий опыт и весьма смутное представление о городском хозяйстве — им еще предстояло выяснить, над чем же они взяли власть. А еще надо было решить «простенькую» задачу, связанную с организацией собственной работы, и создать полноценный исполнительный орган, которого ни в Ленинграде, ни в России никогда не существовало.

В общем, «незамедлительно» не получалось — к слову сказать, представительная власть в принципе не может работать в режиме пожарной команды — избиратели, чьи ожидания не оправдывались, начинали проявлять недовольство, и Ленсовет, несумевший быстро выбрать себе председателя, обратился за помощью к «старшим товарищам». Председателем исполкома стал народный депутат СССР Александр Шелеганов. А Анатолий Собчак согласился баллотироваться по одному из свободных округов, чтобы получить мандат депутата Ленсовета и возглавить его работу. 13 мая 1990 года Собчак был избран городским депутатом, а уже через десять дней подавляющим большинством голосов был избран председателем Ленсовета.

Первое замечание за нарушение регламента Анатолию Александровичу было сделано через пять минут после его избрания. А ближе к осени депутаты, пригласившие его в Ленсовет, уже называли это своей крупнейшей «кадровой ошибкой». Впрочем, исправлять ее они уже не могли: авторитет Собчака в городе был непревзойден, и новый председатель использовать его огонь не для того, чтобы убедить ленинградцев в значимости Совета. Депутаты очень быстро стали «врагами», ставшими палки в колеса и мешающими принимать жизненно важные решения. Апофеозом протестов стала между горсоветом и его руководителем стал сюжет в чрезвычайной популярной программе Александра Незорова «600 секунд» — вокруг интеллигентно-трусского, уставшего Собчака, рассуждалось о проблемах «северной столицы», мечутся крысы... Но в чем была причина развернувшегося противостояния?

Еще в самом начале политической карьеры Анатолия Собчака мне приходилось писать о нем: обладать всеми талантами сразу не дано никому. Можно быть блестящим оратором, глубоким аналитиком, знатоком законов — и при этом никудышним руководителем. Талант руководителя специфичен и в первую очередь он предполагает умение работать в коллективе. Умение же это, в свою очередь, предполагает априорное уважение к чуждому мнению, даже и не совпадающему с собственным. И, естественно — уважение к носителям этого мнения. К великому сожалению, таланта работать с людьми бог Анатолию Собчаку не дано.

Едва ли не главная черта его характера — и это многократно подтверждалось на практике — стремление иметь вокруг себя не СОРАТНИКОВ, а ПОДЛАННЫХ. Все вокруг короля должны сиять только отраженным светом, ибо существует лишь два мнения: его мнение и неправильное. Более того, каждая попытка несогласия с его позицией воспринималась Собчаком чуть ли не как заговор или личное оскорбление. Причина любой неудачи — козни противников, все оппоненты — либо завистники, либо тайные или явные враги. Ничего, что точку зрения оппонентов не

удается опровергнуть в открытой дискуссии по существу — зато можно высмеять их в прессе или по телевидению, обсуждая открытые причины, по которым они эту точку зрения имеют. Между прочим, типично ленинская манера ведения споров с противниками — вместо аргументов опровержить, унизить и полить грязью тех, кто позволяет себе «свое суждение иметь».

Аналогия между Собчаком и основателем КПСС достаточно наглядна. То же презрение к моральным нормам, когда они ставятся помехой на пути к цели, то же умение с бесподобной легкостью отставивать сегодня прямо противоположное вчерашнему (но выгодное из тактических соображений), то же неуверенное стремление к власти. Вот только Владимира Ильича окружала команда единомышленников (пусть и трыбущихся между собой), а Анатолий Александрович по натуре своей — волк-одиночка. Окружающим его и расположенным ниже по иерархической лестнице он непрерывно демонстрировал, что он, конечно, глубоко их презирает как низших существ, но в силу различных причин вынужден иметь с ними дело.

Ну а пренебрежение законодательством для достижения же-данных целей — типичная черта советского «юридического» образования, которое всегда направлялось на служение не закону, а партии и правительству. В этом отношении Собчак — действительно образец советского юриста, для которого целесообразность (как он ее понимает) неизмеримо выше законности. Подумавшись, какой-то, с его точки зрения, дурацкий закон мешающий поступить «как надо!». Значит, надо обойти закон! Что Анатолий Собчак и делал неоднократно — особенно после того, как из главы председателя вительной власти стал главой власти исполнительной. В один день с Борисом Ельциным, избранным российским президентом, и Гавриилом Поповым, избранным мэром Москвы, Собчак 12 июня 1991 года был избран мэром Ленинграда, которому еще три месяца оставалось сохранять прежнее имя (уже 7 сентября город стал Санкт-Петербургом)...

После того как Анатолий Александрович был избран мэром, противостояние с депутатами превратилось в «войну властей», точку в которой поставил подписанный в декабре 1993-го указ Ельцина № 2252 о роспуске петербургского городского Совета. Собчак одержал победу — впрочем, до поражения оставалось два с половиной года.

Противостояние

Тот факт, что противоборство Анатолия Собчака и «советских» депутатов не может быть сведено к перетягиванию полномочий между ветвями власти, поскольку началось оно до того, как власти были разделены, часто ускользает от внимания политоло-

гов. Между тем он имеет первостепенное значение и заставляет искать другие объяснения тому конфликту, который не один год держал в напряжении весь город. Можно, конечно, предположить, что в 1990 году избиратели «северной столицы» стораща выбрали четырехэтажного идиота, оказавшихся способными лишь на один умный поступок — избрание хорошего председателя. Но эта версия вряд ли выдерживает критику. Конечно, в Ленсовет были избраны самые разные люди, в том числе и откровенные бездельники, конечно, там хватало ненужных амбиций и неоправданных страстей, однако, значительная часть депутатов сумела в кратчайшие сроки разобраться в сложнейших вопросах, связанных с разарботкой городского бюджета, распоряжением собственности, жилищной политикой и многим другим. Столь же несостоятельна версия о «консерватизме» и «прокоммунистической напавленности» Совета — не случайно ее не респались использовать даже самые яростные его оппоненты. Значит, остается лишь одно объяснение, самое простое и самое неприятное для Анатолия Александровича: депутаты видели его не только на телеэкране и знали значительно лучше, нежели рядовые избиратели...

Избиратели не сомневались в демократизме Собчака — те, кто часто бывал в Маринском дворце, хорошо знали о его неперимости к чуждому мнению. Избиратели верили, что он юрист высочайшей квалификации, свято чтящий закон, — для тех, кто читал подписанные им документы, это было, мягко скажем, неочевидно. Как можно расценить, например, такую историю? В один прекрасный день руководитель государственной инспекции по охране памятников узнает, что... уже неделю как уволен. Распоряжение подписано председателем Ленсовета Анатолием Собчаком, однако, стоящая на нем дата неопровержимо свидетельствует, что к этому моменту Анатолий Александрович уже был избран мэром и председателюские полномочия с себя сложил. Скандаль тогда удалось замять — впрочем, даже если бы дело дошло до суда, ничего бы не изменилось, просто в длинной цепочке изданных Собчаком распоряжений, которые суд признавал незаконными, добившись бы еще одно звено. Подобные «несущественности» не могли сокрушить красивую легенду о Собчаке, а после августа 1991-го он и вовсе стал героем, заслонившим город от пугливых. О том, как оно было на самом деле, знали немногие. Террористы засняли Собчака, прехвавшего из Москвы на чрезвычайное заседание Совета, Собчака, дающего пресс-конференцию, Собчака, выступающего на митинге, но они не видели, как в ту сумасшедшую ночь, когда к зданию Верховного Совета России двинулись танки, он заперся в своем кабинете, отказавшись обсуждать дальнейшие действия, а затем легко дал себя убедить в том, что его долг — позаботиться о собственной безопасности.

Вооруженные оמוновцы вывели его через запасной ход к машине и увезли в бункер Кировского завода...

Сегодня можно по-разному оценивать августовский путч. Но тогда и депутаты, сутками не выходявшие из Марининского, и Ленинградцы, собравшиеся на площади перед дворцом, были убеждены, что демократия прозяг опасность, и были готовы встать на ее защиту. Двамя месяцами позже Анатолий Собчак «отблагодарит» их по всей форме, заявив на пресс-конференции, что город на самом деле спасали чиновники, а народные избранники трусливо прятались по углам. Вероятно, других, более спокойных «углов» они не нашли...

Впрочем, послеавгустовское обострение отношений между маром и депутатами связано вовсе не с дележкой победы, а с отношением к КПСС. Легендарный антикоммунизм Анатолия Собчака на поверку тоже оказывается... достаточно легендарным. В 1990-м он был избран делегатом XXVIII съезда КПСС. После того как демократическая платформа потерпела на этом съезде поражение, Собчак подал заявление о выходе из КПСС. Однако никакая конфронтационности этот шаг не нес: свое решение Анатолий Александрович мотивировал тем, что, став председателем коллегияльного органа (речь идет о Ленсовете), он хочет избежать обвинений в предвзятости и поэтому не может оставаться членом какой-либо политической партии.

Сразу после поражения ГКЧП президиум Ленсовета поставил вопрос об опечатывании Смольного, где находилась обком партии. Собчак решение президиума выполюнить отказался — «взятие» Смольного, которое все-таки состоялось, было вполне стихийным. После этого «колыбель революции» взяли еще раз — на сей раз мэрия. Вместе с «колыбелью» взяли и большую часть сотрудников обкома, разумеется, не в плен, а на работу. Депутаты попытались возражать — тогда и появилась версия об их трусости. А два года спустя бывший заместитель управляющего делами обкома КПСС, у которого в августе 1991-го изымали документы, поучил возможность скитаться с Советом — в 1993-м он, уже в ранге заместителя управляющего делами мэрии, опечатывал Марининский дворец...

Отметим, что подавляющее большинство тех, кто когда-то поддерживал Анатолия Александровича, сегодня настроено по отношению к нему весьма критически. Бывший председатель Ленторисполкома Александр Щелканов (вошедший в историю как первый и последний обладатель этой должности, ездивший на общественном транспорте) весьма язвительно: «Анализ заявок Анатолия Александровича и последующего состояния дел подтверждают его неспособность превращения заявлений через действия в результаты. Это — Художник, непрерывно работающий

над собственным портретом и постоянно выдвигий его в бесценной раме, которой является Петербург». Вячеслав Щербakov, в 1991-м избранный вице-маром в «паре» с Собчаком, впоследствии им же и отстраненный от должности, вытравивший суд, но так и не вернувшийся при Собчаке в мэрию, более ладивен: «Самой своей большой ошибкой считаю то, что поверил этому человеку и его громким правительным словам». Наконец, его преемник на посту председателя городского Совета Александр Беляев иронически замечал: «Анатолий Александрович так мало занимался Ленсоветом, что те дела, которые я принял, в очень малой степени зависели от его деятельности. Могу только сказать, что Ленсовет активно не любил своего прежнего председателя...»

Вверх по лестнице, ведущей вниз

На первый взгляд, история взаимоотношений Анатолия Собчака с торолжкими депутатами не имеет ни малейшего касательства к его поражению на губернаторских выборах. Ленсовет действительно не оправдал — и не мог оправдать — связанных с ним надежд. С одной стороны, депутаты нередко тянули с решением важнейших вопросов и тратили время на бесплодные дискуссии, с другой стороны, их полномочия были не так уж и велики. Ну а избиратели, видящие, что их жизнь лучше не становится, вовсе не собирались выкидать в организационные трудности и разбираться, какая власть за что отвечает. Ленсовет был ближе и следовать из него крайнего оказалось достаточно просто. Но в любом случае и затянувшаяся противоборство, и победа мэра не могли не оказать влияния на последующие события. Газеты, которым в ту пору еще верили, освещали это противоборство достаточно подробно, приче далеко не всегда симпатии журналистов были на стороне Собчака — у части читателей неизбежно появились сомнения в его непогрешимости. Это, во-первых. Во-вторых, роспуск Ленсовета не поставил точку в карьере всех оппонентов Анатолия Александровича. Став лидерами политических партий, депутатами Государственной Думы или петербургского Законодательного Собрания, предпринимателями, журналистами, имиджмейкерами, они достаточно активно участвовали в предвыборной кампании 1996 года, как можно догадывались, не на стороне Собчака. Наконец, в-третьих, добившись упразднения Совета, мэр потерял последнего врага, на которого можно перекладывать ответственность за неудачи.

А жизнь шла вперед, развивались оборонные предприятия, где Анатолию Собчаку рукополекали в 1990-м, вузы жили на голодном пайке, активно поддерживавшая перестройку научно-техническая интеллигенция чувствовала себя обманутой. Тех, чьи доходы не дотягивали до среднего уровня, начинали пугать заяв-

Ления мара о том, что Петербург должен стать городом богатых. Из уст в уста пересказывали советы, которые якобы давал просителем Собчак: не можете справиться с трудностями, продавайте свои квартиры и уезжайте в городе попроще. При этом уважаемый советчик как-то забывал и о риске, связанном с продажей жилья, и о том, что для пенсионеров вынужденный переезд означает обрыв всех связей и одинокое умирание, а тем, кто помоложе, придется забыть и о своей специальности, и об образовании детей. Одни отказывались верить в то, что демократ Собчак может давать такие советы, другие начинали думать, что слухи о его демократизме сильно преувеличены.

Раздражение многих вызывали и бесчисленные зарубежные поездки мэра. Говорят, когда он пожелал встретиться с представителями одной из политических партий и его советники пояснили, что мол, завтра Собчак будет в городе, их переспросили: «Будет проездом куда?» Даже анекдот появился: «По общему яму информационных агентств, вчера наш город с кратковременным рабочим визитом посетил мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак». Сам Анатолий Александрович отстаивал свое право на зарубежные поездки весьма ревностно, но искоренить обывательское представление о том, что глава исполнительной власти должен больше времени проводить в родном городе и более активно заниматься его проблемами, не сумел.

Стремление жены Собчака, Людмилы Нарусовой, стать самостоятельной политической фигурой также не добавило популярности мэру. Не способствовали ее росту и постоянная забота данной супружеской чете об улучшении своих жилищных условий. Как известно, став председателем Ленсовета, Собчак переехал из «стального» района в престижный дом на Мойке — Горжигломену его переезд стоил двух комнат из резервного фонда. Позднее более 100 квадратных метров на чердаке этого дома были отданы Людмиле Нарусовой под творческую мастерскую (!), затем начала расселяться соседняя квартира. Появилась информация о том, что старшая дочь мэра устроилась уборщицей в фирму «Ренессанс» и что в качестве платы за работу ей обещано элитное жилье, а также о дачах Собчака в курортном поселке Репино. Вместе с тем все это не мешало ему оставаться главным претендентом на пост губернатора Санкт-Петербурга. В его победе на выборах мало кто сомневался.

На пути к поражению

Выборная кампания началась для Анатолия Собчака крайне неудачно: человек, который намеревался возглавить его штаб — профессор университета, признанный специалист в области политической психологии и выборовных технологий — стал жертвой

дерзкого нападения, исполнителей и заказчиков которого найти не удалось. В результате выборной кампании мэр занял лишь лидирующие... Впрочем, какой-то особый профессионализм здесь и не требовался. По данным социологов, около трети петербургских избирателей намеревались проголосовать за Собчака, и еще треть готова была это сделать при определенных условиях.

Наиболее известным соперником Анатолия Александровича стал его бывший коллега по Съезду народных депутатов СССР Юрий Болдырев, чья некомпетентность в вопросах управления городским хозяйством была очевидна подавляющей части избирателей. В случае выхода Болдырева во второй тур (а это предсказывалось наиболее вероятным) не составляло бы труда объяснить петербуржцам, к каким последствиям может привести избрание честного, порядочного, но абсолютно не знакомого городских реалий кандидата.

Шансы других соперников казались призрачными. За бывшего мэра Вячеслава Щербакова демократический электорат голосовать бы не стал, бывшего председателя городского Совета Александра Беляева изрядно подлизывали, лидер местного «ЯВ-ДОКА» Игорь Артемьев был еще мало известен в городе, да и средств на ведение кампании у него явно не хватало. Има первого заместителя мэра Владимира Яковлева также ничего не говорило большинству петербуржцев. С другой стороны, есть основания полагать, что именно к его выдвижению Собчак отнесся более чем серьезно. На протяжении всей кампании питерские газеты, поучившиеся от мэрии солидные кредиты, и телевидение активно работали против Яковлева. Кроме того, Анатолий Собчак добился от Законодательного Собрания переноса даты выборов — первый тур состоялся не 16 июня, а 19 мая. Это решение очевидно ущемляло интересы тех кандидатов, которым требовалось время на «раскрутку». Однако принятые меры не дали желаемого результата. Накануне первого тура Артемьев и Щербаков сняли свои кандидатуры в пользу Яковлева (после второго тура о его поддержке заявили также Беляев и губернатор Ленинградской области Александр Беляков), что позволило Владимиру Анатольевичу выйти во второй тур — а затем победить. Очевидно, что Яковлеву «помогло» бездействие Юрия Болдырева, не сумевшего грамотно организовать свою кампанию. Но не менее очевидно, что основной вклад в его победу внес... Анатолий Собчак.

Казалось, что члены его штаба вполне уверились в неминуемой победе своего шефа и вместо того чтобы работать, демонстративно будущему губернатору собственную преданность. Когда газеты публиковали по пять-шесть заметок о Собчаке в каждом номере, даже у самых тупоголовых читателей возникали сомнения в их объективности. Когда пассажиры переполненных

автобусов на каждом фонарном столбе видели огромный портрет Анатолия Собчака с надписью: «Мэра в губернаторы!», это не вызвало ничего, кроме раздражения (Впоследствии — через три года — Собчак заявит, что идея с этими портретами была провокацией его соперников, но подписывал-то плакаты в печать он сам...) Когда начали появляться бесчисленные статьи и телеожеты, авторы которых доказывали, что Яковлев нечист на руку, что он развалил городское хозяйство и что его победа предвещает угрозу для демократии, даже самые неискушенные в политике люди начинали подозревать, что авторы выполнят вполне конкретный заказ. Кроме того, обвинения неминуемо рикошетили в того же Собчака: если все, о чем пишут, правда, то почему хороший мэр так долго терпел такого плохого заместителя?

В общем, вся агитация была расчитана не на колеблещихся, а на сторонников Анатолия Александровича, которых следовало не апитировать, а убедить прийти на выборы. В полной мере воплотить эту задачу штаб мэра также не смог. Во-первых, многие сочли, что четыре голосования (два тура губернаторских выборов и два президентских) за два месяца, да еще в то время, когда на даче дел невпроворот, это уже слишком. Во-вторых, результаты социологических опросов, регулярно публиковавшиеся в питерской прессе, свидетельствовали о том, что Анатолий Собчак побеждает с большим перевесом — прочитав об этом, часть тех, кто собирався за него голосовать, могла с легким сердцем отправиться за город, считая, что обойдется и без них. Напомню, что разрыв между Яковлевым и Собчаком составил лишь два процента.

Но, так или иначе — власть сменилась Анатолий Собчак окзался в оппозиции.

От оппозиции до эмиграции

Логично было бы предположить, что Собчак станет лидером новой коалиции — антияковлевской, однако этого не произошло — то ли сил для создания подобной коалиции на тот момент не было, то ли они предпочли объединяться где-то в другом месте. Разумеется, Собчак не упускал возможности покрывать новое правительство города, но делал это весьма неуклюже. Он твердил о якобы «дилетантах», правивших после него городом и «нанесших ему огромный ущерб», о «беспомощности» новой администрации и ее «непрофессионализме» и радовал сограждан заявлениями типа «самой актуальной задачей является поставитя городскую администрацию под жесткий контроль Законодательного Собрания, особенно в области распоряжения имуществом». Последнее вызвало у журналистов и политиков гомерический хохот: еще живы были те, кто помнит, как Анатолий Собчак, будучи мэром, с упорством раннего христианина проповиался лю-

бым попыткам предельно высокой власти хоть как-то контролировать непрерывную задачу «по своим» городской собственности, издав при этом около 200 распоряжений, отменных городовом как незаконные. Все-таки глубоко прав был Карл Маркс, говоря, что бытие определяет сознание.

Что же касается «профессионализма» команды экс-мэра, то, конечно, в администрации Собчака были набраны специалисты высочайшего класса. Так, аппаратом мэрии руководил бывший первый секретарь Смольнинского райкома КПСС, в свое время, будучи главой районной администрации, выдвинувший супруге мэра уволенные выше квадратные метры под «творческую мастерскую», комитетом по внешним связям и одним из районов города руководили неважные кадры КГБ, еще одним районом (правда, недогто) — бывший бармен. Наконец, упомянутым по правам человека был назначен человек, уволенный с должности именно за грубые нарушения прав граждан...

Шли месяцы — горожане постепенно теряли интерес к бывшему мэру. вспомнить и заговорить о нем вновь заставили события, весьма далекие от большой политики.

3 октября 1997-го следователю Генеральной прокуратуры предпринял попытку допросить Анатолия Собчака, проходящего свидетелем по делу о коррупции в органах власти Санкт-Петербурга. Как известно, Генеральная прокуратура проверяла законность получения квартир некоторыми высокопоставленными руководителями города и их близкими. Среди этих «некоторых» был и сам Собчак. Допрос, однако, не состоялся — бывший мэр был госпитализирован...

По утверждению следователей, экс-мэру было направлено более десятка повесток с предложением явиться на допрос — конечно это подтвердила и Людмила Нарусова, заявившая, что ни за одну из них они не расписывались, но давать показания он явно не хотел. Третьего октября его все-таки доставили в прокуратуру, но одновременно с Собчаком туда приехали и Нарусова. По ее словам, Анатолий Александрович еще с утра жаловался на боли в сердце и нуждался в экстренной медицинской помощи. Нарусова настаивала на вызове «скорой», которая по просьбе супругов отвезла Собчака в 122-ю медсанчасть, — уместно напомнить, что в бытность Анатолия Собчака мэром эта медсанчасть получила под поручительство города многомиллионный кредит, возвращать который, похоже, и не собиралась. Именно здесь знаменитому пациенту был поставлен диагноз «неустойчивая стенокардия» — примерно неделю спустя главный кардиохирург Петербурга, начальник Военно-медицинской Академии Юрий Шевченко (впоследствии министр здравоохранения России) заявил, что это вовсе не стенокардия, а инфаркт, но при этом назначен-

ное лечение признал совершенно правильным. Тяжелое состояние экс-мера, естественно, не позволяло ему беседовать со следователями, но не препятствовало ни встречам с журналистами, ни работе над статьями для различных российских газет.

Третьего ноября гостюжа Нарусова породавала слушательней радиостанции «Эхо Москвы» сообщением о том, что состояние Анатолия Собчака стабилизировалось, и он благополучно перенес переезд в клинику сердечно-сосудистой хирургии Военно-медицинской академии. А уже 7 ноября экс-мар доказал, что способен «благополучно перенести» куда более дальние путешествия... По словам Шевченко, 6-го вечером Собчак уведомил его, что намерен покинуть клинику и продолжить лечение в американском госпитале в Париже. Пациент был выписан под расписку жены. Утром 7-го Нарусова и Собчак вместе приехали аэропорт «Пулково-2» на арендованной санитарной машине. Анатолий Александрович таможенно не проходил — «скорая» выехала прямо на взлетную полосу, где уже ждал прибывший спецрейсом из Хельсинки частный санитарный самолет. Перелет в Париж обошелся в 30 тысяч долларов.

Журналисты кинулись в американский госпиталь, но там заявили, что Анатолий Собчак к ним не обращался. Позднее это подтвердила и Нарусова, но сказать, где же все-таки лежат ее мужа, категорически отказалась. Уже 10 ноября она сообщила, что Собчаку сделана операция, «в которой он нуждался», что он почувствовал себя значительно лучше и даже стал задумываться о возвращении в большую политику.

К сожалению, Нарусовой никто не объяснил, что коронография, которую вроде бы сделала экс-мэру, — это не лечебная, а диагностическая операция, поэтому «значительно лучше» от нее стать не может. А в одной из газет промелькнуло сообщение о том, что пограничники в Пулково, ожидаяшие, что из «скорой» Собчака вынесут на носилках, были приятно удивлены его бодрой походкой... Все это заставляет усомниться в правильности диагноза, поставленного специалистами ВМА, тем более, что Юрий Шевченко — не только главный кардиохирург, но и большой друг семьи экс-мера. В 1995-м, во время выборов депутатов Госдумы, он снял свою кандидатуру из списка «Нашего дома», успевше мандат Людмиле Нарусовой. Кроме того, по мнению следователей, Шевченко сам замешан в «большом квартирном скандале»...

О том, что французские врачи подтвердили поставленный в Питере диагноз, известно только со слов Людмилы Борисовны, а дополнительная экспертиза состояния здоровья Собчака, назначения которой добивался экс-министр внутренних дел Анатолий Куликов, не состоялась в связи со спешным отъездом больного за пределы России...

Я, конечно, вернусь?

Следующие полгода года Собчак провел в Париже — читал лекции о России французским студентам, писал мемуары и иногда пересылал в редакции питерских газет свои заметки. Периодически возникали очередные семестр, то он вот-вот вернется — то ли как руководитель Генпрокуратуры и расформируют следственную группу по его делу... В конце концов этим слухам практически перестали верить, но многие полагали, что ближе к осени 1999 года (то бишь, к выборам в Думу) Собчак действительно может вернуться. Это ощущение укрепилось, когда бывший подчиненный Собчака Владимир Путин в июле 1998 года стал директором ФСБ, а затем и секретарем Совета безопасности, и перешел почти в уверенность, когда хорошо знакомый с Собчаком и занимавший в его бытность маром пост начальника питерской госбезопасности Сергей Степашин стал премьер-министром.

И Собчак действительно вернулся — 12 июля 1999 года состоялось его эффектное «второе пришествие» на берега Невы (первое случилось в 1955 году, когда родившийся в далекой Читинской области Собчак поступил на юридический факультет Ленинградского университета). Поскольку возвращение Анатолия Александровича пришлось на время полного политического затупия, данное событие заняло первые полосы не только городских, но и некоторых российских газет.

Вышедший мар был осыпан цветами и улыбочками, ослеплен вспышками фотокамер и окружен толпой заботливых поклонников, после чего процитировал Мандельштама, заявив, что «вернулся в свой город, знакомый до слез», а затем добавил: «Я приехал навесел-дот!». Далее последовала череда пресс-конференций и политических заявлений. Начиная с утверждения о фальсификации губернаторских выборов-96 и удивления тем, что после 17 августа 1998 года не были арестованы те, кто виновен в дефолте, и заканчивая намерением баллотироваться в Думу от «Правого дела» и сравнением самого себя с академиком Сахаровым, который тоже был гоним властями за свои убеждения.

Видимо, жалась бывшего мэра, питерские и московские журналисты постарались уберечь его от неприятных вопросов, на которые Собчаку было бы ответить чрезвычайно трудно. Можно было бы спросить, помнит ли Анатолий Александрович, как для обеспечения его победы в городской прессе и на телевидении была установлена жесточайшая политическая цензура. Вряд ли Собчаку удалось бы ответить на вопрос о том, почему он, гневаясь на организаторов дефолта 17 августа, собирался баллотироваться в депутаты именно от того блока (высследствия названного СПС), который они возглавляли. Что же касается сравнения с академи-

ком Сахаровым, которого, в отличие от профессора Собчака, действительно преследовали за его политические убеждения, бывшему мэр у вполне могли бы напомнить, что, узнав об окончании горьковской ссылки, Андрей Дмитриевич начал с просьбы к Михаилу Горбачеву об освобождении правозащитника Анатолия Марченко, а Анатолий Александрович, вернувшись на родную землю, начал с назойливой саморекламы...

Сегодня, впрочем, очевидно, что возвращение Собчака в большую политику не состоится уже никогда. Даже если бы он победил на декабрьских выборах в Государственную Думу. Дважды в одну и ту же реку войти нельзя — у нынешних парламентариев нет многомиллионной аудитории, и от них ждут не ярких выступлений, а вполне конкретных законов. В Думе Собчаку была бы уготована роль «заднекамеенника», которому лишь изредка (и то при большом везении) удается попасть в объективы телекамер... впрочем, ему не дали сыграть и ее. Выборы по одному-двум округу Анатолий Александрович проиграл — кстати, также, как и его коллеги по МП Юрий Болдырев, Аркадий Мурашев, Геннадий Бурбулис и Тельман Гдлян. Пришли иные времена, и эти времена требуют новых героев...

Говорят, история не знает сослагательного наклонения — бесслесноно рассуждать о том, что бы случилось, если бы в 1991-м мэром Ленинграда стал другой человек, потому что тот другой, которого мы могли бы тогда избрать, был бы очень похож на Анатолия Собчака. Политика была вновь, и мы сотворили себе кумиров, ожидая, что они научат нас жить.

Что же, мы получили то, что хотели. В конце концов, демократия — это выбор не лучших, а себе подобных.

Последовие автора — январь 2002 года

Эта статья была опубликована в «НП» за десять дней до вназашней кончины первого и последнег петербургского мэра, случившейся 20 февраля 2000 года.

И чем дальше отодвигается в прошлое жизнь и судьба Анатолия Собчака — тем чаще звучат касающиеся его утверждения, не имеющие ничего общего с реальностью, но подаваемые в качестве неопровержимых истин.

Говорят, что Собчак вернул Ленинграду его историческое имя Санкт-Петербург.

Говорят, что Собчак сыграл решающую роль в сопротивлении путчу в августе 1991 года и не допустил в Петербурге осенью 1993 года повторения трагических московских событий.

Говорят, что Собчак всегда заботился о ветеранах и блокадниках и ввел в городе бесслатный проезд для пенсионеров на общественном транспорте.

Говорят, что Собчак был последовательным антикоммунистом и выступал за запрет для бывшей номенклатуры КПСС занимать ответственные должности в органах власти.

Говорят, наконец (эта версия после кончины Анатолия Александровича повторяется его сторонниками с навязчивым упорством), что его смерть стала результатом травмы, которой он подвергся в последние годы.

Все это, однако, плохо согласуется с фактами.

Если говорить о переименовании Ленинграда в Петербург, то осенью 1990 года и весной 1991 года Анатолий Собчак неоднократно заявлял, что это — оскорбление памяти блокадников, и потому недопустимо. К тому же, говорил Собчак, это требует огромных расходов на изготовление новых вывесок, штампов, печатей, официальных бланков, справочников и т.д., и т.п.

Решение о проведении в Ленинграде 12 июня 1991 года опроса горожан — о возвращении городу его исторического имени — принимала в апреле 1991 года сессия Ленсовета. Проект решения внес вовсе не Собчак, а депутат Виталий Скойбеда (а еще раньше обсудить вопрос о переименовании требовала большая группа депутатов — Юрий Глазов, Виктор Смирнов, Алексей Ковалев, Сергей Егоров, Павел Цыпленков, Александр Шишлов, Михаил Амосов, Владимир Жаров и Михаил Бетак и многие другие). Анатолий Александрович в обсуждении практически никакого участия не принимал.

После того как во время опроса большинство его участников высказались «за» переименование, в сентябре 1991 года группа депутатов во главе с председателем Ленсовета Александром Беляевым отправилась в Москву на заседание Президиума Верховного Совета России, чтобы настаивать на принятии решения о переименовании Ленинграда в Петербург. 6 сентября это решение было принято. Анатолий Собчак в этом никакого участия не принимал.

Если говорить о событиях августа 1991 года, то здесь все куда сложнее. Сотни тысяч людей видели на телеэкране, как Анатолий Собчак выступает по городскому телевидению с призывами к борьбе с ГКЧП, и видели (не только на телеэкране, но и воочию), как Собчак произносит пламенную речь на митинге 20 августа на Дворцовой площади. И искренне верили, что именно мэр спас город от путчистов.

Между тем 19 августа Собчак прилетел в город уже после начала чрезвычайной сессии Ленсовета. Еще утром собрался президентом Ленсовета, который постановил не признавать ГКЧП, созвать днем 19-го чрезвычайную сессию Ленсовета и создать штаб обороны, куда вошли Александр Шелканов, Александр Беляев, Александр Трубин, Марина Салье и другие депутаты, а также вице-мэр Вячеслав Щербаков.

Именно они, а также Сергей Егоров, Юрий Нестеров, Игорь Аргельев и другие, впоследствии оппозиционные к Собчаку политики, удержали генералов от ввода войск в город, организовав митинг на Дворцовой, пробились в телеэфир и призвали горожан на защиту Марининского двора, где находился Ленсовет.

Что касается Собчака, то в решающую ночь с 20 на 21 августа, когда все ждали штурма Марининского двора, вооруженные ОМОНовцы вывели его через задний ход и спешно вывезли в бункер Кировского завода. Вернулся мар только утром, когда стало ясно, что путь провалялся.

Если говорить о событиях осени 1993 года, то вплоть до «Черных дней» 3–4 октября Собчак, как известно, выжидал, чем закончится противостояние в Москве, и вел себя крайне осторожно. Тем временем именно депутаты Ленсовета не дали спровоцировать себя на силовые столкновения и не допустили в Петербурге повторения трагических московских событий. А ключевую роль в этом сыграли Вячеслав Щербakov и начальник ГУВД генерал Аркадий Крамарев. Впоследствии оба они будут Собчаком уволены...

Если говорить о бесplatном проезде для пенсионеров на городском транспорте и заботе о ветеранах и блокадниках — замечу, что бесplatный проезд вводился решением сессии Ленсовета, а не распоряжением мэра. Что же касается заботы о ветеранах — как расценивать заявления Анатолия Собчака о том, что Петербург должен быть городом для богатых? Как быть с его призывами к сокращению перечня горожан, имеющих право на «льготные» лекарства и жалобами на то, что ветераны-де по бесplatным рецептам требуют в аптеках презервативы? Как быть с тем, что Собчак ретивуарно накладывал вето на законы, увеличивающие расходы на социальные программы и закупки лекарств?

Если говорить об «антикоммунизме» Собчака, то как быть с тем фактом, что в августе 1991 года Собчак выступил категорически против решения президиума горсовета об опечатывании Смольного и заявил, что выполнять его все равно не будет? Как быть с тем фактом, что на ключевых должностях в мэрии работали недавние функционеры КПСС и сотрудники КГБ, а идею запрета на профессии для бывшей партноменклатуры Собчак объявлял «охо-той на ветру»? Как быть с тем фактом, что, когда летом 1990 года на сессию Ленсовета принесли нынешний российский флаг, Анатолий Александрович потребовал «убрать с балкона эту тряпку»?

И наконец, о «правде». Да, Анатолия Собчака многие (в том числе и автор статьи) жестко критиковали в прессе. Но это — удел любого политика, живущего, как говорят, «в стеклянном доме». И нельзя называть иначе, как лицемерием, разговоры о «правде» Собчака, звучащие из уст таких политиков, как Анатолий Чубайс, которые почему-то не возмущаются куда более жест-

кой и куда менее аргументированной критикой, постоянно звучащей в адрес, скажем, Григория Явлинского или Геннадия Зюганова. К тому же, если проанализировать публикации, посвященные Собчаку даже после его отставки, — среди них куда больше благожелательных, чем критических. А пока Анатолий Александрович был мэром, осуждение его деятельности в городских СМИ было весьма комментарным. К тому же не секрет, что сам Собчак, мягко говоря, не отличался терпимостью и великодушеством, и никогда никого из оппонентов не щадил и не жалел для них острого (а порой — и оскорбительного) слова. Так надо ли удивляться, что, когда представлялась возможность, оппоненты от-вечали Собчаку тем же?

Сегодня часто говорят, что все обвинения в адрес Собчака (которые его преследовали) были надуманы и вообще являются следствием некоего «заказа». Но как быть с многочисленными и подтвержденными документами примерами того, что действия Собчака привели к значительным потерям для городского бюджета? Как быть с многочисленными фактами раздачи квартир «своим людям», выделения им бюджетных средств и недвижимостипи города? Как быть с тем фактом, что состояние городских финансов в конце правления Собчака специалистами квалифицируют не иначе, как предбанкротное, поскольку город был на грани банкротства?

Сегодня сторонники Собчака говорят, что серьезность сердечного заблуждения Анатолия Александровича времен осени 1997 года трагически подтвердилась вопреки сомнениям скептиков, заявивших тогда, что причины срочной эвакуации в Париж бывшего петербургского мэра носили не столько медицинский, сколько политический характер. Но все не так просто, как может показаться.

Да, возможно, состояние Собчака в октябре 1997 года было настолько серьезно, что (как заявил врач Н. Семиполовский, лечавший его тогда) какая-либо политическая деятельность Анатолию Александровичу была в дальнейшем категорически противопоказана, поскольку любое потребление могло стать фатальным. Возможно, многие политики и журналисты (в том числе и автор), скептически относившиеся тогда к истории с госпитализацией экс-мэра, должны принести извинения за свой скепсис. Но если это так — не может ли возникнуть естественный вопрос: как, зная об этом, Людмила Нарусова с ее заслуживающим уважения стремлением отградить мужа от любых неприятностей допустила, чтобы Собчак принял участие в выборах Думы осенью 1999 года? Могла ли она не понимать, что в адрес Собчака во время кампании будут раздаваться не только комплименты, но и весьма резкие выражения? Могло ли быть так, что от нее скрыли степень серьезности заблуждения? И как относиться к словам самого Ана-

топия Александровича: «Курс лечения завершен полностью. За последние месяцы забыл, что такое сердце. Нахожусь в хорошей форме» (*Итимерская газета «Смена», 13 июля 1999 года*)?

Известно, что Анатолий Собчака всегда представляли как последовательного демократа и неукоснительного блюстителя Закона. Но как быть с тем фактом, что Собчак всегда выступал за авторитарную власть и «развязывание рук» исполнительной власти, а целесообразность считал куда важнее законности? Как быть с тем, что Собчак поддерживал указ Ельцина о разгоне парламента? Как быть с тем, что Собчак стремился к установлению в городе системы своей единоличной и бесконтрольной власти? Как быть с тем, что Собчак называл депутатов «шушерой» и «вредителями»? Как быть с тем, что Собчак добился разгона городского Совета? Как быть с тем, что Собчак противостоял восстановлению местного самоуправления в Петербурге? Как быть с тем, что Собчак создал систему, при которой основные городские СМИ находились под жестким контролем со стороны мэрии, и обнародовать критические по отношению к мэру материалы было почти невозможно? Как быть с тем фактом, что Собчак, которого принято было считать крупнейшим юристом и знатоком права, раз за разом издавал распоряжения, впоследствии отменявшиеся как незаконные, и пропирал все (!) судебные процессы, в которых пытался оспорить отмену своих решений? В том числе — процесс о незаконном отстранении вице-мэра Вячеслава Щербакова, избранного с ним в «связке» летом 1991 года?

...**Каждый раз, когда из первого мэра Петербурга делают икону — выывая ли к его светлой памяти, объявляя ли себя его преданным учеником и последователем, прославляя ли всех, кто работают в его правительстве, клянясь ли в верности его делу, перечисляя ли его заслуги, открывая ли мемориальные доски — хочется спросить: вы преклоняетесь перед покойным Собчаком или перед живым Путиным?**

И все же — отдадим должное Анатолию Собчаку, выдающемуся политику и талантливому человеку. В оглгине от многих политиков, которые вскоре будут забыты, Собчак — останется. Но пусть он останется в нашей памяти таким, каким он был на самом деле — со всеми своими достоинствами и недостатками.

Анатолий Чубайс: Железный Дровосек, не полувивший сердца

Среди тех, кто был никем, но стал всем в ельцинскую эпоху, 43-летнему Анатолию Чубайсу, без сомнения, принадлежит одно из первых мест.

Менее чем за два года никому не известный (кроме узкого круга демократов первой волны) ленинградский экономист вырос от доцента заштатного института до первого заместителя председателя Ленгорисполкома, затем — министра, а затем — вице-преьера. И с тех пор неизменно остается «наверху», будучи при этом едва ли не самым популярным политиком в стране: мало кто «объединяет» в негативном отношении к себе столь разные «цветы» спектра. Чубайса категорически не приемлют и правые центристы из «ЯВЛОКА», и социал-демократы, и коммунисты, и «Державинки», и левые радикалы. Правда, есть и исключения: так, среди столичной интеллигенции Чубайсом, напротив, принято восхищаться и дружно вставать на его защиту от любых нападок.

«Он пройдет по колено в крови и его не стошнит» — было когда-то сказано о Чубайсе. Действительно, первому вице-премьеру не пришлось почувствие к возможным жертвам его экономических экспериментов. Но, похоже, роль заведомого «злогодея» российского политического театра Чубайса устраивает: можно хладнокровно делать то, что он считает нужным, не беспокоясь при этом о реакции общественного мнения. Хуже уже не будет: среди российских политиков очень мало тех, кто бы не мечтал развиться с Чубайсом во втором туре каких-нибудь значимых выборов.

За последние годы он добился того, чего хотел: он стремился к власти и получил ее. Сегодня он может распоряжаться судьба-

ми других людей, будучи совершенно независимым от них благодаря выстроенной при его активнейшем участии авторитарной государственной машине.

Чтобы понять его настоящее (которое, большей частью, широко освещалось), надо взглянуть в его прошлое, которое известно значительно меньше.

Доцент

Свое «происхождение» Анатолий Чубайс ведет из Ленинградского инженерно-экономического института, который он закончил в 1978-м. Институт был не слишком престижный: в те годы он, большей частью, служил прибежищем для мальчиков и девчонок, по разным причинам не заманувшихся на экономический факультет Университета. Те, кто учил Чубайса в институте, вспоминают об исполнительном и усидчивом студенте, однако, явно настроенном на карьеру — если не научную, то административную. Все складывалось более-менее гладко: после защиты диплома Чубайс остался на кафедре, работал сперва инженером, затем ассистентом, а после защиты диссертации об управлении НИОКР — доцентом (с 1982-го). Параллельно при его активном участии начал формироваться своего рода «кружок» экономистов.

В октябре 1979 года во время сельхозработ в совхозе «Бокситогорский» знакомятся три сверстника-экономиста: Анатолий Чубайс, Григорий Глазков и Юрий Ярмагаев. И начинают традиционные для интеллигентов той поры (особенно, собравшихся для физического труда) дискуссии о глобальных проблемах мироэкономики. Дальше процитируюм подлупцливый «дневник» Чубайса, относящийся к тем временам, и переданный Юрию Ярмагаеву в 1987 году «для написания истории первого движения рыночников в России».

Ноябрь 1979. первая дискуссия о НЭПе, Буххарине и «ситуации индустриализации».

Конец 1980. рождение идеи постоянно действующего семинара и воплощение ее в жизнь.

9 января 1981: первое заседание семинара.

Середина 1981 — конец 1982: расширение контактов (Одесса, Москва). Крупных научных результатов не видно.

Конец 1982: знакомство Анатолия Чубайса с Сергеем Васильевым.

Весна 1983: знакомство Анатолия Чубайса с Егором Гайдаром в Москве.

Ноябрь 1983: рождение идеи информационного семинара.

Осень 1984: отъезд Григория Глазкова в аспирантуру, подписание Михаилом Дмитриевым и Сергеем Игнатьевым.

Май 1985: предложение Чубайса в ОК КПСС по перестройке хозяйственного механизма.

Ноябрь 1985: первый приезд Гайдара в Ленинград, выступление на семинаре, знакомство со всем составом.

Май 1986: работа всей группы на ОК КПСС по предложением об экономической реформе.

Сентябрь 1986: ничем не оправданное затмение...

Большинство упоминаемых имен сегодня не нуждается в расшировке. Так, Сергей Васильев станет депутатом Ленсовета, затем — руководителем рабочего центра экономических реформ при Правительстве России, затем — заместителем министра экономики, затем — замом руководителя аппарата правительства. Сергей Игнатьев станет советником Гайдара в бытность его и.о. проректора России, а затем — первым заместителем министра труда и социальных отношений. Григорий Глазков постепенно отойдет от группы, сосредоточившись на работе за границей. Зато к работе группы подключится «ягора» волна», где встречаются не менее известные имена — москвичи Петр Авен и Александр Шохин, покойный Михаил Маневич (впоследствии — вице-губернатор Петербурга), Дмитрий Васильев (нынешний руководитель ФЦКБ), Андрей Игларонов, Альфред Кох... Все они регулярно общались, ездили друг к другу в гости, обменивались идеями — и вряд ли предполагали, что им дано их осуществить.

Вспоминает Анатолия Чубайса той поры, почти все сходясь в одном: было очевидно, что он — человек с колоссальными амбициями. Он никогда ни в чем не сомневался, он практически не прислушивался к чужому мнению, если оно отличалось от его собственного, он был «заряжен» на будущую карьеру и методично выступал ее слушателям. При этом многие его взгляды были, как вспоминает Юрий Ярмагаев, вполне «партийными»: еще в середине 80-х годов будущий строитель капитализма в России Чубайс (причем не на публике, а на кухне) уверял друзей, что у капитализма нет и не может быть будущего, что социализм — это крупнейшее достижение человечества и надо только очистить его от сталинских наслоений. И еще одно качество проявлялось сразу: открытое презрение к демократии, как к «буржуазному пережитку». Все, что нужно делать, должно быть сделано только силой и только «сверху».

«Перестройка»

Как только подул вольные ветры, Чубайс уловил их одним из первых и быстро стал одной из самых заметных фигур в клубе «Перестройка» — легендарной организации, из которой, как из гололевской «Шинели», вышло подавляющее большинство будущих питерских политиков: депутатов России и Ленсовета, мини-

стров и высших чиновников. Вместе с известным некогда (а сейчас позабытым) Петром Филипповым Чубайс читал в клубе лекции о рыночной экономике, об акционерных обществах, аренде, формах собственности — которым ждало внимания соображавшиеся в «Перестройке» технологи, никогда до этого не слышавшие большинство этих терминов.

Популярность Чубайса стала расти — и одно время, когда полагалось выбирать руководителей не только предприятий, но и научных институтов, его даже пробовали избрать директором Ленинградского ИСЭПа (Института социально-экономических проблем), но безуспешно.

Параллельно с изучением других теорий рыночной экономики доцент Чубайс пытался постигнуть ее на практике — участвуя в кооперативном движении. Но весьма своеобразно: так, сотрудники одного из предприятий питерской «оборонки» помнят, как «команда» Чубайса предложила провести исследование по повышению рентгенобельности предприятия, получила немалый аванс — а затем начала «тянуть вольную». После неоднократных напоминаний «исследователи» принесли явную халтуру, но руководство завода предпочло махнуть на это рукой и формально «заккрыть» работу, смирившись с пущенными на ветер деньгами.

Ни в первых (в 1989-м), ни во вторых (в 1990-м) выборах в Ленинграде Анатолий Чубайс не участвовал. Ему нужно было другое: поддержка будущих депутатов, чтобы с их помощью пробиться в административные структуры. Еще во времена небылой популярности лозунга «Вся власть — Советам!» и задолго до того, как депутаты «силовой исполнительной власти» станут мнотие демократы, Чубайс и его команда уверовали в «исполнительную вертикаль». Демократами все они не были, что называется, по определению, поскольку четко понимали (отдадим должное их прагматизму): желанные для них экономические реформы могут быть реализованы только авторитарными методами. И потому с самого начала они были нацелены на исполнительную власть и не скрывали этого.

«Следует жестким курсом...»

В шестом номере популярного в то время, а сейчас позабытого журнала «Век XX и мир» за 1990 год был опубликован чрезвычайно интересный документ. Тогда на него многие (в том числе и автор) не обратили внимания: мало ли что пишут?

Документ представлял собой фрагмент «аналитической записки по концепции перехода к рыночной экономике в СССР», подготовленной группой Чубайса в марте 1990-го и напечатанной под характерным названием «Жестким курсом...». Целью авторов было, как они заявили, исследование возможных последствий

ускоренного перехода СССР к рыночной экономике (концепция «большого скачка»).

Внимательное прочтение записки крайне занимательно. По сути, перед нами — один из первых «манифестов» радикал-реформаторов, доклавывающий: много из последовавшего затем (когда авторы записки получили возможность реализовать свои концепции на практике) было не случайной ошибкой, неизбежной при блужданиях в хаотических поисках верного пути, а сознательно задуманной линией.

Так, напрасно радикал-реформаторов потом обвинят в пребрежении социальными последствиями либеральных реформ: как выясняется, они все прекрасно себе представляли. Читаям в «записке»: «...к числу ближайших социальных последствий ускоренной рыночной реформы относятся общее снижение уровня жизни, рост дифференциации цен и доходов населения, возникновение массовой безработицы». В свою очередь, это повлечет сильнейшее социальное расслоение и возникновение «с высокой вероятностью экономических забастовок в базовых отраслях промышленности и политических забастовок в крупных городах».

Основными лозунгами этих забастовок, предупреждают авторы, будет недоумение роста цен, поддержание высокого уровня занятости, повышение зарплат в соответствии с ростом цен и недоумение высокой дифференциации доходов. Как же предлагается реагировать на такое социальное сопротивление планируемым мерам — корректировать курс в соответствии с желанием граждан? Как бы не так: по мнению авторов, в этих условиях правительству очень важно взять «правильный тон» по отношению к обществу: никаких извинений и колебаний!

Так, следует предусмотреть «ужесточение мер по отношению к тем силам, которые покушаются на основную костяк мероприятий реформы — например, роспуск официальных профсоюзов в случае их выступления против правительственных мер, а также создание параллельных профсоюзов».

Очень важно, утверждают Чубайс и его команда, «дифференцировать меры в отношении рабочего движения — закрывать, например, одну шахту из трех, сохраняя на остальных нормальные условия олдлата» (нусть прочтут эти слова кубасские шахтеры). Наконец, «совершенно необходимы меры прямого подавления по отношению к представителям партийно-хозяйственного актива». Впрочем, авторы готовы сохранить, как они выражаются, «политические отдушины — плюрализм и гласность во всем, что не касается экономической реформы» (*выделено мной*). — **Б.В.**) И еще один замечательный пассаж: «население должно четко усвоить, что правительство не гарантирует место работы и

уровень жизни, а гарантирует только саму жизнь». Здесь даже комментарии не требуются.

Переходя к конкретному сценарию реформы, Чубайс и его команда предвдвигат: реформа «рискует встретить недовольство и даже сопротивление большинства политических сил и социальных групп общества». Что же, придется временно отказать от «прежних «перестроечных» программ и обещаний», возможно — распустить только что избранные первые демократические Советы, поскольку даже Советы с преобладанием демократов «настроены поулыстски», и депутаты не готовы поддерживать жесткие и непопулярные мероприятия. И тем более — антидемократические меры, которые реформаторы считают необходимыми использовать.

«Фундаментальным противоречием» планируемой экономической реформы группа Чубайса (поражает четкость и цинизм формулировок — не забываете, что это март 1990-го, а не март, скажем, 1993-го) называет противоречие между целями реформы и средствами ее осуществления, среди которых «не позднее место займут меры антидемократического характера»: запрет на забастовки, контроль за информацией, ограничение полномочий или роспуск представительных органов. Для проведения реформы правительству будет нужна «свобода рук» — и реформаторы уверенно предлагают правительству беспощадно подавить любое возможное «идеологическое» сопротивление. Опасаясь, что будет организована разнообразная партийная печать, где правительственная политика будет «подвергаться беспощадной критике, подрывая легитимность реформы», они беспреступно отмечают: «не исключено, что придется задерживать принятие законов о печати и политических партиях». Кроме того, предлагает группа Чубайса, «в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства страны необходимо поставить под свой контроль все центральные средства массовой информации». Понимая, что «непосредственное цenzурирование публикаций и передач о реформе даст скорее отрицательный эффект», реформаторы указывают: «основным рычагом управления должна быть кадровая политика». Как в воду глядели...

Ленсовет

3 апреля 1990-го блок «Демократические выборы-90» победил на выборах Ленсовета, и вскоре Анатолий Чубайс появился в коридорах Марининского дворца. Довольно быстро он освоился и научился «нести» себя по заданию, ощущая собственную персону весьма значительной: именно его группе было поручено разработать «идею-фикс» ленинградских демократов — создание в городе свободной экономической зоны.

Организация экономического рая в отделе взятом городе (с освобождением от всех налогов, после чего предприниматели должны были повалить в зону табунами) некоторое время была очень популярна. При том, что вокруг уже были карточки и пустые полки. Но ожидание некоего чуда, которое решит все проблемы, было вообще крайне характерно для той эпохи, и Чубайс бодро взялся за его поиски. А вместе с ним — и упомянутые Сергей Васильев, Михаил Маневич, Сергей Игнатьев и другие.

Через полгода выяснилось, что работа идет неудовлетворительно — 6 октября 1990-го сессия Ленсовета это констатирует своим решением. И... через три дня, 9 октября Анатолий Чубайс утверждаетя той же сессией в должности первого заместителя председателя Ленгорисполкома Александра Шелканова и председателя Комитета по экономической реформе! Парадокс? Не совсем: как вспоминают депутаты Ленсовета, в кадровом плане у ленинградских демократов был практически полный вакуум! Стараая экономическая гвардия явно не копировалась — их всех было принято считать реакционерами и ретроградями, многие экономисты из «своих» уже получили депутатские мандаты — и практически, не было никого, кто мог быть рекомендован на этот пост. А Чубайс был несомненным лидером большой группы молодых экономистов и при этом обладал явными организаторскими способностями. Кого же еще было начинать? Кроме того, работу Чубайсу давали не конкретную (те решения надо было принимать каждый день, чтобы не остановилось городское хозяйство, транспорт, торговля), а скорее бумажную. Завалит — не страшно.

Чубайс «опробовал» ожидания: идея свободной экономической зоны полностью провалилась. Точнее, тихо сошла на нет. Одна из гипотез — к этой идее охладел Ельцин после избрания президентом (до того он ее поддерживал), другие — разработчики так и не смогли предложить ничего конкретного. И наконец, лучше всего степень полезности этого этапа работы Чубайса характеризует то, что за все время существования Ленсовета сессия только один раз приняла беспрецедентное решение: прекаратить финансирование одного из комитетов городской мэрии. Это был комитет по организации свободной экономической зоны...

Надо сказать, что отношение к Чубайсу-экономисту и его концепциям уже тогда среди специалистов было достаточно скептическим.

Вот что рассказывала мне в свое время депутат Госдумы из Петербурга, профессор и доктор экономических наук Оксана Дмитриева: «Радикал-реформаторы — Гайдар, Чубайс и другие — все время предлагают «волшебную палочку». Стоит ее найти — и все решается как бы само собой. Отпустим цены, выпустим и раздадим ваучеры, победим инфляцию — и ничего больше делать

не надо. Но так не бывает! Наши дороги с Чубайсом, Андреем Илларионовым, Дмитрием Васильевым и другими разошлись в 1990-м году, когда появилась великая идея господина Чубайса о свободной экономической зоне. Мне сразу стало ясно, что никакой концепции там нет, а многозначные красивые слова ведут совсем не в ту сторону. А потом расхождение проявилось в отношении к экономической реформе вообще — по моему мнению, эти вопросы нуждаются в очень тщательной профессиональной проработке. Но как тогда, так и сейчас от всей этой компании исходят в основном лозунги — а делать реформу на лозунгах нельзя, она требует конкретного расчета и анализа всех возможных последствий. А профессионализма у этой «команды реформаторов» просто нет, потому что профессионализм в первую очередь предполагает профессиональную работу...»

Помимо работы над «зоной» за время пребывания в интересной исполнительной власти Анатолий Чубайс с профессиональной точки зрения не запомнился почти ничем. С тем, от кого он зависел, он был скромен, вежлив, поначалу даже стеснялся пользоваться служебной машиной (его старенький «Запорожец» нередко стоял допоздна у Марининского двора, где тогда размещались и Ленсовет, и исполком), хотя быстро привык. Раскрывался Чубайс лишь в редкие моменты экономических дискуссий в узком кругу. Как вспоминала одна из социологов, работавших тогда в Ленсовете, и не раз обсуждавшая с ним конкретные экономические проблемы, идеи Чубайса были просты: «...как можно быстрее «выкинуть» как можно больше собственности на рынок, отдать ее кому угодно, лишь бы скорее, время все «устанет», рынок все «утрачет», главное — собрать деньги, отправить их в Москву и там сжечь, потому что денег слишком много. Что будет с людьми, какие социальные последствия могут наступить — все равно, кто выживет — тот выживет, наплевать на социальную сферу вообще, сейчас нельзя себе позволить отвлекаться на эти раздумья, надо подавать в себе жалость... Чубайс, — говорит мой собеседник, — был, по сути, примитивен — но создавалось такое впечатление, что он гордился этим примитивизмом и как-то «заводился», ошущая себя таким «железным Феликсом», хладнокровно экспериментирующим над ничтожными людскими».

Однако, одну задачу Чубайс все-таки решил. Именно работая в исполкоме, он создал свой имидж и собрал свою команду. По словам Юрия Ярмаганова, об имидже Чубайс заботился необычайно: блестящий актер, он всегда безупречно разыгрывал необходимую роль перед телекамерой или перед журналистским диктофоном. Несмотря на провал идеи свободной зоны, Чубайс с ее помощью «засветился» как мог: одно время ей была посвящена даже специальная радиопередача. Что касается команды — одно-

го за другим он «вытаскивал» на чиновничьи должности в своем комитете: аспирантов, младших научных сотрудников и старших инженеров, и эти люди были лично ему обязаны всем. Фактор личной преданности значил необычайно много, и Чубайс не жалел на свою команду времени, он приучал их к аппаратной работе, к бумажному круговороту, к проталкиванию нужных решений — и преуспел в этом. Впоследствии именно они станут его опорой, когда сам Чубайс получит реальную власть — и в горячих больших масштабах, чем в Питере.

В исполкоме Ленсовета Анатолий Чубайс проработал до лета 1991 года — пока Анатолий Собчак, с которым у него тогда были не слишком дружеские отношения, не стал мэром. В образованной вместо исполкома мэрии места для Чубайса уже не нашлось, и он получил почти декоративный пост главного экономического советника мэра, который занимал до ноября 1991 года. Иными словами, до назначения председателем Госкомимущества.

Приватизатор

Жаль, что в свое время иностранное слово «ваучер» так и не заменили на исконно русское слово «чубайсор». Потому что девять десятилетий россияне, вспоминая о Чубайсе, первым делом вспоминают именно ваучеризацию всей страны и две обещанные каждому «Волги».

Почему человек из Петербурга вообще, и в частности Чубайс, был избран тогда для роли главного приватизатора всей Руси? Ключевую роль, конечно, сыграло давнее знакомство с Егором Гайдаром, которому для проведения запланированной «обвалной» приватизации нужен был, во-первых, «свой», во-вторых — решительный, в-третьих — равнодушный к неминуемым социальным последствиям администратор. Чубайс удовлетворял всем этим требованиям. К тому же он имел административный опыт (все-таки он был в Петербурге на достаточно высоком посту). Вызванный на «презентацию» к Ельцину, он понравился президенту — и был назначен на пост председателя ГКИ, который тогда даже и не считался особо престижным. Тем более что на дворе были лучшие прилавки, а вперед — либерализация цен. Пройдет некоторое время, и все поймут, какое могущество на самом деле дает этот пост со скромным названием — но будет поздно: вплоть до нынешнего дня Чубайс только один раз на несколько месяцев (в краткую эпоху Владимира Полеванова) выпустит систему ГКИ из сферы своего влияния.

История российской приватизации описана многократно (правда, большинство ее летописцев трудно назвать незаинтересованными лицами), а о том, насколько эффективной оказалась приватизация «по Чубайсу» существуют диаметрально противополож-

ные мнения. Одни полагают, что приватизация — чуть ли не единственное доведенное до конца дело, начатое реформаторами, и именно профессионал Чубайс построил отлаженную машину, которая позволила в кратчайшие сроки создать в стране класс собственников. Другие иного мнения: так, Александр Солженицын заметил, что ни один гражданин России не получил по своему вучеру полагающейся ему доли государственного имущества. А по мнению уже упомянутой Оксаны Дмитриевой, «для распродажи большей части основных фондов России за пять миллиардов долларов (при том, что ее минимальная стоимость оценивалась в десятки раз выше) непонятно в какие руки не надо ни особобо профессионализма, ни отлаженной машины. Была обыкновенная свалка, распродажа под шумок: продажа, например, Братского алюминиевого завода по цене двухсуточного выкупа продукции — это что, «высокий профессионализм»? Профессионализм был нужен для того, чтобы продать дорого или обеспечить потом приток инвестиций. Но приватизаторы ставили перед собой не экономические, а чисто политические, как они потом признавались, цели — например, показать Занду, как у нас решительно проводятся реформы...».

Но вернемся к Чубайсу: его главной чертой на посту «министра приватизации» (а затем — главной чертой Чубайса-политика вообще) стал правовой нигилизм. Логика его была по-своему безупречна: если желаемой цели мешает какой-то закон (плохой уже потому, что он ей мешает) — закон надо игнорировать. Или обойти, или нарушить. Пока нужно, но незаконное решение оправдывают — работа будет идти. Даже если отменяют — примем такое же решение под другим названием... По сути, вся российская приватизация была проведена в рамках именно этой идеологии. И началась она с фактической отмены закона об именных приватизационных счетах.

Сегодня уже мало кто помнит, что первоначально планировалось не выдать всем гражданам России безличные вучеры, а открыть для них именные приватизационные счета. Чубайс мгновенно понял, что эта система не просто достаточно сложно реализуема с технической стороны (открытия 150 миллионов банковских счетов), но она не позволит решить ключевую, с точки зрения либеральных реформаторов, задачу: создать будущую опору для авторитарного политического режима, при котором только и возможно проводить либеральные реформы. Власть должна была помочь стать крупными собственниками тем, кто впоследствии при помощи этого богатства не допустит бы смены власти.

Способом решения этой задачи стали вучеры — которые и придумал Чубайс, «пробив» в феврале 1992 года соответствующее постановление правительства. Главное достоинство вучеров

в том, что их можно было купить по дешевке, и они быстро сконцентрировались в руках обладателей крупных состояний. Само собой, большинство будущих собственников были бы для реформаторов, что называется, не чужие — их заране «вскормили» в крестинском доступе к дешевому сырью и дешевым государственным кредитам, на «банковском бумаге... Однако на пути всей этой стройной схемы стоял закон об именных приватизационных счетах. Его надо было обойти — и Чубайс его обошел.

Придуманная им схема была гениально проста и опиралась на так называемые «особые полномочия» Бориса Ельцина эпохи 1992 года: президент имел право издавать указы, формально противоречащие законам, и если Верховный Совет в течение недели не отменял указ — он сохранял силу. Так вот, сперва Чубайс подписал у президента указ о введении вучеров, а затем, по свидетельству бывшего председателя Совета Республики ВС России Владимира Исакова, присланный в Верховный Совет указ страным образом «затерялся» в Комитете ВС по экономической реформе, пока недельный срок не истек. То, что председатель этого Комитета и верный сторонник Ельцина Сергей Краصاتченко впоследствии стал первым заместителем главы президентской администрации, трудно назвать случайным совпадением.

Однако главным достижением Чубайса станут не столько вучеры, сколько строительство «империи Госкомимущества».

В свое время, летом 1991 года, приняв первый российский закон о приватизации, депутаты Верховного Совета, по сути, вырыли себе могилу. Ведь именно этим законом было установлено, что к органам с неприрывными и казавшимся скромным названием «комитеты имущества» отходило монопольное право распоряжения гигантской государственной собственностью. Чем они — большей частью усилениями Чубайса — и воспользовались. И не успели оглянуться народные избранники, как у них под носом возникла мощнейшая вертикальная структура, исключительно в коридорах которой респалось — кто и почему станет владельцем того или иного куска общего добра, кто получит в аренду здание, помещение или земельный участок, по каким правилам будет приватизироваться предприятие, кому при этом достанется сколько акций и так далее.

Теоретически система распоряжения государственной собственностью должна была работать по закону и под контролем представительной власти. На практике же, как известно, все вышло несколько иначе — и не случайно. С самого начала Чубайсом был сформулирован ключевой принцип: максимальное отстранение представительной власти от влияния на процессы приватизации. Схема приватизации должна была работать быстро, без обсужде-

ний и дискуссий, и с беспрекословным выполнением приказов «сверху» — поэтому упор должен был делаться на президентские указы, правительственные постановления и распоряжения и инструкции ГКИ, выпуск которых не требовал много времени и парламентских дискуссий.

Принцип этого, блестяще реализованный впоследствии, был предложен Чубайсу его западными консультантами (которые, как известно, Всемирный Банк еще в 1992 году выделил 90 миллионов долларов на «организационную поддержку российской приватизации», немалая часть этой суммы пошла и на оплату российских экспертов). И надо сказать, ученики из ГКИ оказались весьма способными: с осени 1992 года вся российская приватизация осуществлялась не по законам, а по заменявшим или отменявшим их указам и другим нормативным документам исполнительной власти. До осени 1993-го для этого сохранялись хотя бы формальные препятствия, после и они исчезли: правом в России стала воля ее президента, возведенная в закон.

Обеспечив себе желаемый режим, созданная Чубайсом Приватизационная Система заработала, как часы: она сама для себя устанавливала правила (по мере необходимости осваивая некоторые из них президентской подписью), и сама же себя потом хвалила за безукоризненное их выполнение. Правила же писались так, чтобы обеспечить нужный результат (скажем, победу на конкурсе заранее определенному участнику) или чтобы их легко можно было обойти. Так, не является секретом, что около приватизационных органов много лет кормятся коммерческие структуры, учрежденные, как говорят, при непосредственном участии сотрудников этих органов или их друзей, и за неимением платы «готовят документы на приватизацию», составляя голые планы, заявки на инвестиционные конкурсы и тому подобное.

Были ли возможны другие методы и другая система приватизации? Более открытая, более честная, более зависящая от мнения общества, менее подверженная коррупции? Этот вопрос до сих пор не имеет четкого ответа, но очевидно другое: Чубайс никогда не стремился создать такую систему. Он целенаправленно создавал именно ту систему, которая действует сегодня. Потому что именно она обеспечивала ему и его соратникам власть, могущество, влияние, да и (чего скрывать) — богатство. Даже если опустить «коррупционные» моменты (а число преступлений в области приватизации поражает воображение), приватизационные ведомства и их чиновники всегда имели колоссальные доходы, ведь в их каску закононо поступал определенный процент от всех приватизационных сделок. Недаром зарплата в комитетах и фондах имущества — чуть ли не коммерческая тайна.

И в завершение краткой истории приватизации по Чубайсу

вернемся к ее законности. Представляется достаточно обоснованным вывод о том, что шаткая правовая база российской приватизации (всего два закона, из которых один нарушен полностью, а второй — частично, зато указов, постановлений, распоряжений и инструкций — тысячи) создавала намеренно. Простой пример: формально вся российская приватизация после 31 июля 1994 года (окончание чековой приватизации) незаконна, поскольку парламент так и не утвердил предложенную ГКИ программу приватизации. Но замысел Чубайса, возможно, в этом и заключался: незаконная приватизация приковала тех, кто в ее рамках получил ответственность, к действующей власти, сильнее чем любые дружеские отношения. Стоит духнуть режиму — и можно будет совершенно закононо, не вызывая протеста у Запада, все отобрать назад...

«Министр-администратор»

Чисто «приватизационный» период работы Чубайса завершился в конце 1994 года — когда он был назначен первым вице-премьером. С той поры «министр-администратор» (меткое определение из прекрасной сказки Евгения Шварца, буквально «прилипшее» к Чубайсу из-за поразительного сходства манер с протопитом) становится настолько часто упоминаемой фигурой в российских СМИ, что, казалось бы, трудно рассказать о нем что-либо относительно новое. Тем не менее, на ряд штрихов следовало бы обратить внимание — тем паче, что традиционные летописцы Чубайса (журналисты, давно уже следавшие своей профессией восхваление Анатолия Борисовича и хорошо известные коллегам по перу) стараются не акцентировать на этом внимание.

Известно, что Чубайс — фактический лидер «Демократического выбора России» и на нем фактически держится эта партия — именно «империя ГКИ» и связанные с ней структуры в свое время использовались для создания партии, а затем — для ее поддержки. Несколько менее известно, что в начале 1995 года, когда выборы (отдадим им должное) активно протестовали против войны в Чечне, член политсовета ДВР Анатолий Чубайс ни разу не высказался против войны и не вышел в знак протеста из состава правительства. Он поступил с точностью до наоборот: приостановил свое членство в ДВР, четко продемонстрировав свою полную лояльность Ельцину.

Известно, что Чубайс, одно время имевший прохладные отношения с Анатолием Собчаком, активно поддерживал его во время выборов губернатора летом 1996 года. Несколько менее известно, что после поражения Собчака Чубайс, назначенный главой президентской администрации, постарался не допустить немедленного раследования финансовых злоупотреблений бывшего мэра Петербурга — тем паче, что могли возникнуть неприятные

вопросы к тем сотрудникам администрации Собчака, которые после его проигрыша оказались на работе в Москве (достаточно назвать бывшего первого заместителя Собчака Владимира Шулпина, возглавляющего ныне Главное контрольное управление президента). И результаты работы комиссии по приёме-передаче дел тихо спустились на тормозах. Но благосклонность Анатолия Чубайса к Анатолию Собчаку этим не ограничилась: 31 октября 1996 года Чубайс официально обратился к своему другу, тогдашнему председателю ПКИ Альфреду Коху с просьбой простить 3-миллиардный долг по арендной плате Санкт-Петербургскому центру ЮНЕСКО, президентом которого является Собчак. «Найти возможность положительного решения вопроса», — просил Чубайс, — «учитывая государственные интересы России как члена ЮНЕСКО». Между тем указанный центр никакого отношения к ЮНЕСКО (что Чубайс обязан был знать) не имеет и является чисто общественной организацией, созданной группой частных лиц с целью «поддержки ЮНЕСКО». С таким же успехом можно организовать «центр поддержки Ватикана», а затем начать продавать индустриенци со скидкой... И только решительное противнодействие такой «доброты» Анатолия Борисовича в отношении Анатолия Александровича со стороны петербургских властей помогло предотвратить «прощание» долга.

Известно, что Чубайс, мягко говоря, не любит лидера «ЯБ-ДОКА» Григория Явлинского, и это чувство вполне взаимно. Вель именно Чубайс во время президентской кампании запустил (а контролируемыми президентской командой СМИ распространяли) утверждение о том, что каждый голос, поданный за Явлинского, якобы «работает на Зюганова». Несколькими неделями ранее Чубайс встретился с Явлинским в «ЭПИцентре». Тогда Чубайс открытым текстом предложил Явлинскому пойти путем Александра Лебеда и занять пост первого вице-преьера в обмен на поддержку Ельцина. И даже показал подписанный указ о назначении. Однако Явлинский отказался, заявив: «До выборов никаких назначений не приму». «А после выборов никто уже ничего и не предложит», — ответил Чубайс. На том они и разошлись. Правда, в апреле 1997-го, в день 45-летия Явлинского, самое комплиментарное поздравление он получил почему-то именно от Чубайса...

Известно, какая замечательная история произошла в июне 1996 года со знаменитой коробкой из-под ксерокса, вынесенной из Белого дома. Впоследствии в «МК» напечатался расшифровка разговора якобы Чубайса, Виктора Илюшина и некоего Сергея, где история с коробкой комментировалась столь недвусмысленно, что в случае подлинности записи следовало бы, как минимум, возбудить дело против участников дискуссии. Чубайс, естествен-

но, объявит все это «вражьем» (традиционная реакция первого вице-преьера на обвинения), и все на том кончится. Несколько менее известно, что через несколько месяцев подлинность лентки (по крайней мере, запись на ней голосов Чубайса и Илюшина) подтвердит экспертиза Генеральной прокуратуры, о чем Юрий Скуратов и сообщил депутатам. Но воз останется на том же месте...

Шесть мифов о Чубайсе

Без сомнения, Чубайс — одна из самых мифологизированных фигур российской политики. Впрочем, большинство мифов о нем целенаправленно создано им самим и все чаще ставится под сомнение.

Принято считать, что Чубайс — талантливый экономист, убежденный демократ и последовательный либерал. Однако Чубайс никогда не выделялся как экономист и никогда не был демократом, всегда исповедуя авторитарные идеи и придерживаясь принципа «цель оправдывает средства». Мне не раз приходилось писать: ненависть к демократии и к представительным органам была у наших радикал-реформаторов «в крови». Они всегда четко понимали (отдадим должное их прагматизму): желанные для них экономические реформы, проводимые вопреки интересам большинства общества и ведущие к его обнищанию и социальной поляризации, могут быть реализованы только авторитарными методами. Остается — любовь к Пиночету и Франко, восхищение опытом Аргентины и Перу (спасибо, хоть гитлеровскую Германию в пример не приводят).

Что касается либерализма, то действия Чубайса разительно расходятся с его заявлениями. Выступая на словах за низкие налоги, низкие государственные расходы и честные правила игры на рынке, на деле Чубайс способствовал установлению высоких налогов, созданию гигантского государственного аппарата и перераспределению собственности путем нечестной конкуренции.

Принято считать, что Чубайс — специалист по решению самых трудных задач, и он последовательно доводил до конца все, за что брался. Однако Чубайс провалил немало дел, за которые брался — начиная от создания свободной экономической зоны в Ленинграде и заканчивая сбором налогов и исполнением бюджета в 1997-м (напомним, что секвестр так и не был утвержден). Возврат долгов бюджетникам в 1997-м (предмет особой гордости Чубайса) до сих пор ставится под сомнение, судя по информации из регионов — не говоря о том, что долги возникли в результате проводимой при участии Чубайса политики. Что же касается таких «доведенных до конца» дел, как приватизация большей части основных фондов России по бросовым ценам или финансовая стабилизация при помощи невыплаты зарплат и

перевода 3/4 экономики на бартерные рельсы — ползность их, мягко говоря, спорна.

Но, может быть, надо признать успешный создание фондово-го рынка? Да, Чубайс долгие годы выстраивал ответственную систему, которая позволила развить в стране указанный рынок, но его главным экономическим последствием оказалась сильнейшая «оттяжка» средств от реального сектора экономики. Если на рынке ГКО, которыми Чубайс гордился как одним из главных своих достижений, можно было без проблем получить 200% годовой прибыли, надо ли удивляться, что никто не хотел вкладывать средства в промышленность или сельское хозяйство? Ну а чем закончилось построение «пирамиды ГКО», мы хорошо знаем. Не знаем только, какие именно прибыли получили отечественные и иностранные друзья наших «реформаторов» на этом рынке, инymi словами — не знаем потери, понесенные государственной казной в результате уеблии Анатолия Борисовича...

Принято считать, что Чубайс — аффективный политический менеджер, обесечивший Ельцину победу на выборах 1996 года.

Однако не нужно быть гениальным менеджером, чтобы, имея в своем распоряжении государственный бюджет и все общенациональные телеканалы, добиться победы над соперниками, отрезанными и от денег, и от средств массовой информации. При этом в декабре 1995 года партия Чубайса не попала в парламент, получив даже меньше голосов, чем блок Ампилова, а осенью 1996 года руководима Чубайсом президентская администрация при колоссальном перевесе в ресурсах не смогла переиграть оппонентов во время «марафона» губернаторских выборов.

Принято считать, что Чубайс — главное связующее звено России с Западом, а его присутствие в правительстве — гарантия необходимой нам международной поддержки отечественных реформ и, следовательно, стабильности российской экономики. Однако по факту присутствие или отсутствие Чубайса в правительстве не оказывает практически никакого влияния ни на масштабы западной помощи, ни на финансовые показатели России. Достаточно вспомнить, что отставка Чубайса в начале 1996 года ни на йоту не сдвинула курс российских акций, а последний «обвал» на российский фондовый рынок и бегство инвесторов из страны происходили именно в тот момент, когда президент заявлял о намерении «не трогать» Чубайса до 2000 года. Что касается отношения к Чубайсу на Западе, то оно давно уже не столь безоблачно, как это изображается в лояльных к нему газетах и телеканалах. Особенно после «книжного скандала»: автор известной статьи в «Вашингтон Пост» Питер Редуэй отнюдь не одинок в своем скептицизме.

Наконец, принято считать, что Чубайс — поглощенное про-

клятие для коммунистов, которым именно он постоянно препятствовал путь к успеху. Однако ничто так не способствовало росту популярности коммунистов, как экономическая политика, которую проводил Чубайс — начиная с приватизации и заканчивая «борьбой с инфляцией» путем отказа государства от оплаты своих обязательств. В свою очередь, именно постоянные требования «головы Чубайса», исходящие от зюгановцев, жизненно необходимы Анатолию Борисовичу для сохранения места у трона.

И, пожалуй, единственный из мифов о Чубайсе, который не подвергается сомнению — миф о Чубайсе-администраторе. Здесь его способности бесспорны: как бюрократ Анатолий Борисович весьма эффективен. Однако это — эффективность машины, которая будет выполнять заложенную программу, пока не дойдет до ее логического конца. Или пока ее не выключат. «Железный Дровосек», который так и не получил даже трипинного сердца. Впрочем, получать его Чубайс, возможно и не хотел. Вель оно только мешало бы ему функционировать.

Последствие автора — январь 2002 года

Перепечатайте политической судьбы Анатолия Чубайса за четыре года, минувшие после выхода этой статьи, общеизвестны. Лишившись после отставки правительстве Черномырдина в марте 1998 года кресла первого вице-премьера, уже в апреле он был назначен председателем правления РАО «ЕЭС», а затем и спецпредставителем Ельцина по связям с МВФ, отвечающего за получение западных кредитов. Чем это закончилось — не нужно напоминать: полученный кредит в 5 миллиардов долларов таинственно исчез (скорее всего, достался блицком к правительству банка и позволил им спасти свои акции перед дефолтом), а затем грянуло 17 августа. Известно, что Чубайс был одним из тех, кто сперва уверял создателей, что получение субсидиационного кредита МВФ спасет рубль от деvaluации, а страну — от инфляции, а затем принял решение о деvaluации рубля и об объявлении дефолта. После чего заявил в интервью «Коммерсанту», что «вместе обязана врать»...

Дальнейшее известно — участие в создании СПС, объявление «предателями» всех, несогласных с второй чеченской войной, заявления о том, что «в Чечне воюет рождается российская армия», славолюбивия в адрес Путина и непрерывные призывы к росту тарифов на электроэнергию — с той же настойчивостью, с какой Катон Старший призывал к разрушению Карфагена. При этом

российское правительство эти требования, как правило, охотно удовлетворяет!

Заметим: в «советские» времена стать хотя бы начальником участка Минэнерго (не говоря о должности заместителя министра) мог только человек, прошедший все «ступени» — от сменного инженера на электростанции до руководителя региональной энергосистемы. Тогда да хорошо понимали, что доверять энергетическую сферу можно только профессионалам. Теперь же, после того как РАО «ЕЭС» и большинство его региональных управлений возглавили люди, до того занимавшиеся либо приватизацией, либо финансовыми манипуляциями, трудно судить о том, что они и «управляют» энергетикой страны так, чтобы расходы в ней были государственным, а доходы — частным, поспуляющими в нужной карман.

Стоит напомнить и о том, что еще в 1998 году председателем правления по сути государственной компании РАО «ЕЭС» получил ежемесячный оклад в 22 тысячи долларов США. При этом у РАО «ЕЭС» которое вечно жалуется на финансовые трудности, есть деньги не только на фантастические зарплаты для своего руководства, но и на покупку телекомпании (пример — REN TV) и на непрерывный «шар» в средствах массовой информации. По количеству оллчевенных статей в СМИ, расхваливающих мудрое руководство РАО «ЕЭС», с Чубайсом можно поспорить разве что железнодорожный министр Николай Аксеновко и кемеровский губернатор Аман Тулеев...

И еще: по словам бывшего соратника Чубайса, а ныне — советника президента по экономике Андрея Илларионова, Анатолий Борисович превращает РАО «ЕЭС» в «инструмент дискриминации конкурентов», при этом менеджмент РАО, нанятый для управления чужой собственностью, считает ее своей (заявляя, например, что «не будет дарить акционерам нашу собственность»). Более того, полагает Илларионов, вся программа реформирования электроэнергетики, разработанная в РАО «ЕЭС», есть не что иное, как конфискация частной собственности, а истинной целью действий Чубайса является контроль за регионами страны — путем введения электросетями... По словам Илларионова, «есть ялмос в том, что появилась столько проллчевенных статей и педердач в поддержку плана Чубайса — прояснилась цена вопроса. Речь идет о деньгах — очень больших деньгах и о власти — очень большой власти...».

Естественно, самого Чубайса Андрей Илларионов ли-

бералом не считает. «Чубайс никак не связан с либеральной экономикой, — говорит он, — что бы сам он ни утверждал по этому поводу. Ничего из того, что Чубайс делал или говорил, не может быть интерпретировано в терминах либерализма. Он не является ни либералом, ни правым политиком. Чубайс сегодня — это оллдар. Он им стремился стать последние минимум три года. Он им стал...»

Но в чем причина такой политической устойчивости? На этот вопрос сторонники и противники Чубайса отвечают по-разному.

По мнению сторонников Борисовича, все дело в его личных качествах. Так, Борис Немцов как-то назвал Чубайса «уникальным по работоспособности и организаторскому таланту человеком, с которым считаться даже те, кто его ненавидят». Кроме этого, сторонники Чубайса всегда говорили о нем как о высокоморальном человеке: да, он часто принимал непопулярные решения, но никогда никакой личной корысти для себя не извлекал. И в его личной честности никто не смеет сомневаться. К тому же, Чубайс наделен высоким качеством, как чувство локтя. Известно: все, кто когда-либо попидал в его команду и не изменял ей, могли твердо рассчитывать, что в сложной ситуации шеф их не «сдаст», сделает все, чтобы выручить из любых неприятностей, а при смене занимаемой должности постарается или «переманить» их за собой, или обеспечить достойным местом работы.

Но есть и другая точка зрения на деятельность нынешнего главного энергетика страны. Согласно этой точке зрения главная причина «непопулярности» Чубайса в том, что он является собой один из наиболее ярких примеров политиков, готовых вести себя с президентом (что с Ельциным, что с Путиным), как крепостные с баринем. «Сильный ход, Борис Николаевич». «Теневые решения президента». «Огромный либеральный потенциал президента». «Мы придем любое решение президентом... Барин суков, но отходящее — велик выноромт на конюшне, но потом подарит рубль. В общем, «чем им сильнее наказанье, тем им милей гостода»...

Альфред Кох: Человек с портретом Пиночета

Эта статья, написанная еще в прошлом году, долго ждала своего часа: редакция «Новой газеты» не стремилась лишь один раз уделить внимание столь специфическому персонажу, как Альфред Кох, честность которого сравнима лишь с бедностью Бориса Березовского и порядочностью Михаила Леонтьева. Но теперь Кох, после пятилетнего перерыва, вновь обрел статус государственного деятеля: Законодательное Собрание Ленинградской области назначило его членом Совета Федерации. При этом депутат Владимир Леонов — что любопытно, радикальной коммунист, но поддерживавший Альфреда Рейнгольдовича, — мотивировал свою позицию так: «Лучше известный негодяй, чем неизвестный».

Сразу же разразился скандал — один из депутатов подал жалобу в суд, считая избрание Коха незаконным из-за ряда существенных нарушений, допущенных при этом. И едва начался судебный процесс, как Альфред Рейнгольдович внезапно сам отказался от сенаторского кресла. По его собственному заявлению — из-за «нездоровой обстановки» вокруг своего имени, и из-за того, что «Делается попытка представить его в общественном мнении нечестным человеком». Мол, он, Кох, не хочет, чтобы «вокруг его имени и чистоты помыслов Законодательного Собрания поднялась негативная волна»...

И все же, сенатором едва не стал человек, дававший интервью о беспристрастности «обанкротившейся» России — которую ждет развал, которую ничего не спасет и которую ему ничуть не жаль. Человек, чье уголовное дело было прекращено по амнистии. Человек, чье избрание питерские политики и журналисты расценили то ли как кремлевскую плату за разгром НТВ,

то ли как бартер с Чубайсом — с целью погашения долгов Ленобласти за электроэнергию, то ли как массовое помешательство депутатов...

Как-то сразу вспоминается известное:

**Король лажая своего назначил генералом,
Но он не может никого назначить честным матрем...**

Десять лет назад молодой питерский чиновник забыл портфель в помещении комиссии городского Совета по экономической реформе. Через полчаса он прибежал за ним, задыхаясь, и ушатав добродушную реллику депутата Сергея Рябова — мол, зря переживаешь, нигкуда бы твой портфель не делся — вскричал: «Но этот портфель подарил мне Пиночет!» А на замечание, что гордиться тут особо нечем (тогда еще генерала у нас считали не героем борьбы с коммунизмом и не «крестьянм оптом» чилийских реформаторов, а палачом и убийцей, что куда больше соответствует действительности), — приказал к себе порфель и заявил: «Ты ничего не понимаешь! САМ ПИНОЧЕТ! ПОДАРИЛ! МНЕ!»

Звали чиновника Альфредом Кохом, и он недавно вернулся из Чили, куда ездила группа близкая к Анатолию Чубайсу питерских экономистов для изучения опыта работы «чикалских мальчиков». Впоследствии часть «путешественников» займет различные высокие посты (если не изменят память — в той группе, помимо Коха, были Андрей Илгариев, Михаил Маневич, Дмитрий Васильев, Михаил Дмитриев и другие), часть — отойдет от политики, но все они станут спростыми поклонниками «чилииского опыта». Ибо идея проведения экономических реформ под прикрытием военной диктатуры окажется весьма созвучной их собственным мыслям. Ведь именно эти «питерские мальчики» еще в марте 1990 года, расуждая в журнале «Век XX и мир» о будущей реформе и понимая, как она будет встречена в обществе, отмечали необходимость «мер антидемократического характера» и «беспощадного подавления идеологического сопротивления». Для чего предлагалось «в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства страны поставить под свой контроль все центральные СМИ». При этом, чтобы не путать людей пелзурой, говорилось, что «основным рычагом управления должна быть кадровая политика». Как будто написано не в марте 1990-го, а в марте 2001-го...

Впрочем, любовь к демократии у Коха проявлялась рано. Как пишет он сам, мол, приходили к ним в 1987—1988 годах в клуб «Перестройка» (хоть убей — не помню в этом клубе, членом которого я был, никакого Коха. — **Б.В.**) какие-то «демократы в драных джинсах и закатывали со сцены дикие истерики». А по-

том, когда «в году 90-м наши питерские Новодворские разошлись по демокрам и демроссиям», их «команда мыслящей интеллигенции» решила «реализовать себя в реальном деле». И большей частью двинула по «исполнительной линии»...

Что правда, то правда — двинула. Ибо, в отличие от нас, «разошедшихся по демроссиям», быстро сооразила, что «реальное дело» — не в представительной, а в исполнительной власти. И вот летом 1990 года скромный ассистент кафедры экономики и управления радиоэлектронным производством Ленинградского политехнического института Альфред Кох оказался (был избран депутатами по конкурсу — умен, говорятив, молод, чего же еще?) председателем Сестроречского горисполкома. Один из наиболее привлекательных городов-спутников Петербурга: Финский залив, близость к городу, красивейшая местность, баснословно престижные участки под застройку. Хлебное место, одним словом.

Правда, время для руководства Коху досталось не хлебное: 1990—1991 годы — карточки, очереди, дефицит. С грустью описывает Альфред Рейнгольдович, как на протяжении года занялся «городской рутинной — подготовкой к зиме, закладкой овец, графиком поставок рабочих рук на овощебазы...». Но прошло полгода года — и все разительно переменялось. Осенью 1991 года в Петербурге был организован Комитет по управлению городским имуществом (КУГИ), председателем которого Чубайс (ставший тогда председателем Госкомимущества) назначил Сергея Безяева (впоследствии — председателя ГКИ, а затем лидера фракции НДР в Думе). Заместителями Безяева стали Маневич и Кох. Вот тут-то и началось «реальное дело».

Осенью 1996 года в «МН» писали про Коха, только что назначенного председателем ГКИ: «В Петербурге его похвоят юншей с плохим характером, который боролся за идеи приватизации со всем пылом и безоглядностью молодости, не сомневаясь ни минуты в верности курса «по Чубайсу».

Что до верности чубайсовскому курсу — все точно: пожадуй, лишь покойный вице-губернатор Петербурга Михаил Маневич мог соперничать с Кохом в преданности идеям ГРУ (мистическое совпадение: Маневич будет убит 18 августа 1997 года — через пять дней после того, как с постов вице-преьера и председателя ГКИ бюджет уволен Кох). О плохом характере 32-летнего «юноши» (именно в этом возрасте Кох занимался питерской приватизацией) — чуть ниже: хорошо знавшие Альфреда Рейнгольдовича по работе люди употребляют куда более резкие выражения. Что же касается безоглядной борьбы за приватизационные идеи — придется напомнить, за какие именно идеи боролся в Петербурге Кох.

Если пролистать подшивки газет, выходявших в конце 1991 года — в них наверняка обнаружится проект первой программы

российской приватизации, впоследствии утвержденной президентским указом. Но — с одним «мелким» огличением: первоначально указанные цели приватизации были из программы исключены. Что же это была за крамола? Оказывается, приватизаторы проговорились и случайно написали то, о чем думали. Что главная цель приватизации — вовсе не наделение российских граждан положенной каждому долей общественного богатства и не создание широкого класса собственников. Главными целями приватизации объявлялись максимально быстрое избавление государства от принадлежавшей ему собственности и поиск «аффективного собственника» для продаваемого имущества. Все это идеально гармонировало с тем, что еще в 1990 году в разговорах «среди своих» формулировал Чубайс: что будет с людьми, какие социальные последствия могут наступить — не имеет значения, на социальную сферу нам наплевать, кто выживет — тот выживет, нельзя себе позволить отвлекаться на раздумья, надо поддать себе жалость, экспериментирова над ничтожными людьмишками, которые не более, чем навоз истории...

Как вспоминает Сергей Егоров (известный питерский юрист, профессор и доктор права, в 1990—1993 годах — председатель комитета по вопросам собственности Петербургского горсовета), указанное отношение к людям, как к «навозу», было для Коха и его друзей-приватизаторов весьма характерным. И пошло оно, по мнению Егорова, именно с чилийского путешествия. Узнав, в каких условиях работали «чикагские мальчишки» — за спиной Пиночет со своими штюкками, делай что хочешь, не думая о социальных последствиях, любое недовольство будет жестоко подавлено полицейским режимом, нет нужды убеждать общество в том, что именно твои методы дадут хороший результат, — «питерские мальчишки» прониклись завистью и возжелали того же у себя дома.

Вот откуда «родом» все традиционные черты российских радикал-реформаторов: презрение к «черни», не понимающей, что экономические эксперименты производятся над ней ради ее же «светлого будущего», высокомерие и занаяйство, неуважение к чуждому мнению, уверенность в безусловной верности проводимой политики, наконец — полнейшая убежденность в том, что нет таких средств, которые бы не оправдывали цель. Если враг не сдастся — его уничтожат, кто не с нами — тот против нас, не знаем, что — но доведем до конца... И самое главное: никто не должен мешать нам, умным и знающим «как надо», реализовывать наши идеи. В особенности — разного рода депутаты, которые не должны путаться под ногами и контролировать, как мы распорядимся собственностью...

Будучи одним из первых учеников в чубайсовской школе, Кох, естественно, старался применять полученные знания на практи-

ке. И, по мнению Сергея Егорова, изо всех сил боролся за то, чтобы не допустить никакого контроля за проводимой приватизацией. По своей должности Кох отвечал за разработку городской программы приватизации и вынужден был отчитываться перед советом — но делал это так ловко, что депутатам так и не удалось узнать, что же все-таки уже приватизировано, а что — нет.

Любопытно, что будущая идея залогового аукционов (главнейшая гордость Коха, судя по упомянутой книге) родилась, по сути, в Петербурге. Как говорит Егоров, размышляя о том, что делать, в частности, с массой «недостроен» (формально не разрешенного в те годы к приватизации), в его комитете придумали создать залоговый фонд города. В этот фонд, по решению торговца, можно было передавать объекты «незаввершенки», а затем под этот залог мэрии (на условиях, утвержденных депутатами) разрешалось брать кредиты. Конечно, подразумевалось, что кредиты эти не вернут, и получалась скрытая форма продажи. Так вот, Кох отчаянно боролся за то, чтобы в этом процессе торговцев вообще не участвовал! КУТИ сам хотел решать, какие объекты передать в залог, и у кого и на каких условиях взять кредиты. Когда же усилиями Егорова попытка не удалась, Кох не продал по залоговой схеме ни одного (!) объекта. Почему? «Все очень просто, — считает Сергей Егоров. — Как только эти ребята понимали, что ничего укрестить не удастся — тут же теряли интерес...» Зато в 1995 году Кох развернулся во всю мощь — тогда-то ему уже никто не мешал проводить залоговые аукционы так, как он хотел...

Ну а если говорить об упомянутом «плохом характере» Коха — он воистину был в городе притчей во языцех. Имея возможность не раз лично наблюдать выступления Коха с трибуны городского и его диалоги с депутатами в кулуарах — могу засвидетельствовать: иначе, как хамской, его манеру общения назвать было трудно. Собеседнику непрерывно давалось понять, что его глубоко презирают, как низшее существо, и лишь по суровой необходимости приходится иметь с ним дело. А когда хам умел, хитер и логичен, вести с ним адекватную беседу очень тяжело. Интеллигентные люди просто терлись, не зная, как себя вести (журналисты НТВ год назад попали в похожую ситуацию — и оказались к ней не готовы: нет чтобы заранее посоветоваться со знающими Коха людьми).

Поскольку именно в такой манере Кох «решал» все вопросы — вопрос об его отстранении от должности встал ребром. Первыми забунтовались несколько председателей райсоветов, во главе с председателем Московского райсовета и моим старым товарищем Виктором Новоселовым (злойейки убитым в октябре 1999 года), уставшие от изысканных манер Коха. Включивших, в том числе, привычку бросать телефонную трубку, а то и вовсе не отвечать на звонки, держать не уступающих ему по статусу людей часами

в своей приемной, и всячески показывать им, кто в доме хозяин... В результате вопрос о недоверии Коху весной 1993 года был внесен депутатом городского и председателем Колпинского райсовета Андреем Ошурковым в повестку дня сессии городского — и имел все шансы набрать большинство голосов. Для Коха, что называлось, «запахло жареным».

Стремясь спасти своего заместителя от позорной отставки, Сергей Беляев пошел на беспрецедентные шаги. На еженедельном совещании председателей райсоветов у первого зампреда городского Бориса Моисеева Беляев заявил, что Коху объявлен выговор, что Кох депримирован, что Кох исправится и больше так не будет — только снимите вопрос с повестки дня. Как выяснилось, ему позвонил Чубайс. И заявил: «Если Кох твоим депутатом так не нравится — я заберу его к себе, заместителем председателя ПКИ». Но дал понять: ежели Коху перед этим выразят недоверие, чем посадят яркое пятно на его репутацию — это будет расценено как плевок в чистую чубайсовскую душу. Ибо Кох — это поговорное знание, которое нельзя отдавать врагу, это сивый пинтерский приватизационный, это флагман, это маяк... в общем, если Беляев допустит такой позор — пусть пеняет на себя... В итоге вопрос был снят — Беляеву, скрепя сердце, пошли навстречу.

В августе 1993 года Альфред Кох был назначен зампредом ПКИ, и проработал в этой должности более трех лет.

«Разработал программу чековой приватизации. Поддержал и осуществил идею залоговых аукционов» — сообщается о его главных заслугах в книге «Приватизация по-российски», коллективном труде неизвестного «союза писателей», за который в 1997 году Чубайсу, Коху, Максиму Бойко, Аркадию Евстафьеву, Петру Мосговому, Дмитрию Васильеву был предананачен фантастический гонорар в 450 тысяч долларов. Скромных размеров книга вышла лишь в 1999 году и время от времени встречается в московских магазинах. При тираже в 15 тысяч экземпляров и продажной цене около 50 рублей, непрудно подсчитать, какого тоннара на самом деле заслуживают авторы, и погому предположения о том, что все это очень похоже на замаскированную «благодарность» олигархов за оказанные приватизаторами услуги, отнюдь не беспочвенны.

Что же, о чековой (вахчерной) приватизации и о залоговых аукционах в российской (и не только российской) прессе написано столько, что нет нужды повторяться. Заметим лишь, что сам Кох в указанной книге, естественно, уверяет, что залоговые аукционы, — скажем, по «Норильскому никелю», — проводились ну прямо-таки кристально честно и «прозрачно». О том, сколько недополучил государственный бюджет в результате этих «честных» аукционов, он, естественно, умалчивает. Как и о том, что

подлинной целью «залоговых комбинаций» было наделение будущими олигархов собственностью, после чего они должны были помочь Борису Ельцину сохранить власть, финансируя его избирательную кампанию 1996 года...

После того как выборы '96 завершились успешно для Кремля, свои «наград» получили многие. В том числе и Кох, назначенный в сентябре 1996 года председателем ГКИ. А еще через полгода, в марте 1997-го «великий комбинатор» был еще раз повышен в чине, став не только председателем ГКИ, но и вице-премьером, ответственным за «политику собственности и реформу собственности».

В этом качестве он провел скандальный аукцион по продаже акций «Связьинвеста». Как известно, победитель — консорциум, собранный «ОНЭКСИМбанком» Владимира Потанина, получил 25% акций телефонного монополиста за 1,88 миллиарда долларов. Его конкурент — консорциум, где участвовали испанская фирма «Телефоника», а также Владимир Гусинский, Борис Березовский и Михаил Фридман, — проиграл, предложив за акции 1,71 миллиарда долларов. Впоследствии Гусинский и Березовский заявили, что имел место стовор Потанина с руководством Госкомимущества — Альфредом Кохом и Максимом Бойко. А когда выяснилось, что именно структура, связанная с банком Потанина, финансировала выплату упомянутого выше генерала за книгу о приватизации, возникло «дело писателей». И Коху пришлось оставить государственную службу...

Самой собой, Альфред Рейнгольдович не пропал — стал председателем совета директоров компании «Монтес аури» (в переводе на русский — «Золотые горы»), которая проявила себя необычайно удачливым игроком на российском фондовом рынке. И, в частности, выплывшей, как писал Александр Минкин, сотни тысяч долларов Чубайсу и его соратникам в качестве доходов от биржевых операций с принадлежащими им ценными бумагами. Возможно, конечно, что все дело в талантах Коха. А возможно — и в том, что сохраненные связи с правительством позволяли его компании всегда иметь нужную финансовую и иную информацию, которой не обладали менее удачливые конкуренты...

Осенью 1998 Альфред Кох дал русской радиостанции WMNB в США скандально известное интервью, фрагменты которого нельзя не процитировать.

«Экономическое будущее России — сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать. Далее — развал, превращение в десяток маленьких государств».

«Многосрадачный народ (Россия. — Б.В.) страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покарал, их никто не заточил в тюрьмы. Они сами на себя стучали,

сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил».

«Русские ничего заработать не могут, потому они и купить не могут».

«Для того чтобы отобрать у нас атомное оружие, достаточно парашютно-десантной дивизии. Однажды высадить и забрать все эти ракеты к чертовой матери. Наша армия не в состоянии оказать никакого сопротивления. Чеченская война это показала блестящим образом»...

«Как ни вери, все равно это — обанкротившаяся страна».

— Вы полагаете, что никакие методы хозяйствования России не спасут?

— Я думаю, что бесполезно.

— Вы не видите никаких перспектив?

— Я — нет (смеется).

«Не нужна Россия никому (смеется), как вы не поймете!»

Комментарии, думаю, излишни.

Затем, вплоть до весны 2001 года о Кохе мало что было слышно — пока он не «выльзл» в качестве руководителя компании «Газпром-медиа», сыграв ключевую роль в борьбе Кремля с телекомпанией НТВ и выполнив всю «грязную работу». Через полгода, впрочем, Коха тихо убрали из НТВ и «Газпрома» — мавр слезал свое дело, и более оказался не нужен. Но затем Альфред Рейнгольдович вновь почувствовал вкус к публичной деятельности — и устремился в сенаторы...

...В конце 1996 года в Петербурге торжественно отметили пятилетие КУТИ. Естественно, был и председатель ГКИ Альфред Кох — сидел на почетном месте, и, радостно смеясь, товариш: «Могли ли мы десять лет назад, собираясь на кухню, мечтать, что мы достигнем такой власти и все будет по-нашему?» «Грязная репутация имеет свои преимущества — ее невозможно запачкать».

Это — Виктор Шендерович. Октябрь 2001 года. Открытое письмо к Альфреду Коху.

Еще в прошлом веке после такого стрелялись.

Но за Альфреда Рейнгольдовича можно быть абсолютно спокойным.

Сергей Степашин: Искусство бегать на длинную дистанцию

Политиков «первой волны», ставших известными в эпоху первых союзных и российских съездов и сумевших продержаться до нынешних дней на значимых ролях в «коридорах власти» или в общественном мнении, сегодня можно перечислять по пальцам. Владимир Лукин, Михаил Прусак, Григорий Явлинский, Аман Тулеев, Борис Немцов, Александр Починок, Кирсан Илюмжинов... И, конечно, — Сергей Степашин, нынешний председатель Счетной палаты.

Его карьера развивалась по спирали — за периодами взлетов следовали срывы, но затем их сменяли новые взлеты...

Предельно «закрытый», крайне осторожный и расчетливый, Степашин нечасто дает интервью и неохотно рассказывает о себе. Он никогда не оказывался в центре громких скандалов — коллег-пионеры коопромата не могут при упоминании имени Степашина похваляться практически ничем «жареным». Он никогда (за единственным исключением осени 1999 года, о чем ниже) не отождествлял себя с какой-либо партией или движением — о его политических взглядах можно только догадываться. Он никогда не шел против начальства и не критиковал его — какой бы сложной ни была ситуация, Степашин всегда оставался предельно лояльным. За ним не числятся ни больших профессиональных достижений, ни (за редкими исключениями) больших профессиональных провалов — эдакий «Могучалин от политики», умеренный и аккуратный, твердо знающий свое место, но упорно стремящийся сменить его на более высокое. Типичный политик-стайер, расчитывающий силы так, чтобы хватить на длинную дистанцию, не делающий резких рынков, но и не «спекающийся» задолго до финиша (характерная деталь биографии: Степашин — кандидат в мастера спорта по бегу).

«Политический журнал», 23 августа 2004 года.

Трудно не заметить, что именно этот набор качеств (бывший в свое время обязательным для любого, кто хотел сделать карьеру в рядах КПСС) сейчас становится все более традиционным для вышедших чиновников. Прямо как у братьев Стругацких в «Трудно быть богом», где основные кадровые принципы при дворе аркадарского короля были: «Умные нам не надобны. Надобны верные».

Весьма характерно, что и при назначении Владимира Путинна директором ФСБ и секретарем Совета безопасности, а затем премьером, как и при назначении Степашина первым вице-премьером, а затем премьером в комментариях подчеркивались не профессиональные качества, не компетентность, не удачно выполненная работа на прежних должностях.

В первую очередь отмечалось одно: безусловная личная преданность назначенных президенту. Впрочем, лояльность, как показывает наша и не только наша история, — далеко не главное качество. Достаточно вспомнить, какими лично преданными (как ему казалось) людьми окружал себя Михаил Горбачев, несломненно забывший старый принцип: опираться можно только на то, что оказывает сопротивление...

ПОЖКОВНИК

Сергей Степашин родился 2 марта 1952 года в Порт-Артуре, где служил его отец — морской офицер. В 1969 году поступил в Высшее политическое училище МВД СССР и в 1973 году его закончили, получив специальность «офицер-политработник». После чего служил во внутренних войсках МВД, получил направление в Военно-политическую академию им. Ленина и в 1981 году закончил ее по специальности «педагогика». Следующие девять лет Степашин преподавал в Ленинградском высшем политическом училище МВД имени 50-летия ВЛКСМ, на кафедре истории КПСС. Именно с этим периодом его жизни связана та подробность, которую очень любят упоминать знающие биографы Степашина аналитики: в 1986 году подполковник Степашин защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Партийное руководство противопожарными формированиями». Сам Сергей Владимович обычно объясняет столь специфическое название тем, что диссертация была посвящена противопожарной обороне Ленинграда, но ехидное слово «пожарник» сопровождает его с той поры почти неотвязно...

С 1987 года Степашин — уже заместитель начальника кафедры истории КПСС. В этом качестве ему приходится побывать в «горячих точках». В 1988—1990 годах следует несколько дальних поездок: Баку, Фергана, Сумгаит, Нагорный Карабах, Сухуми — трудно не заметить при этом, что география командировок Степашина совпадает с наиболее «черными» страницами деятельнос-

ти российских внутренних войск. Никаких подробностей этих командировок мы не знаем, но к 1990 году Степашин уже полковник, хотя до генеральских погон ему еще служить и служить — путь к первой беспроблемной звезде долгот и извилист. И если нет большого блатата — можно рассчитать только на то, что споконное течение жизни внезапно сменится бурным потоком.

К счастью для Сергея Степашина, именно так и развернулись события, всего за восемь лет добавившие к его полковничьему званию приставку «генерал» и превратившие его три «средние» звезды на погонах в большие.

Депутат

Третьего апреля 1990 года жизнь полковника Степашина меняется, как выясняется потом, радикально — жители 112-го Краевского территориального округа Ленинграда избирают его народным депутатом РСФСР. Во втором туре выборов Степашин уверенно перепрыгивает своего конкурента из «партии победителей» — блатока «Демократические выборы-90», поскольку на теледебатах выглядит образованным и спокойным, солидным центристом, призывает к согласию и гражданскому миру. Следует отметить, что работники МВД тогда среди депутатов всех уровней оказались непропорционально много (в частности, среди 30 ленинградских народных депутатов РСФСР работников МВД было пятеро), и это легко объяснить. Всеобщее желание «тронких» вознаграждений некогда неприкосновенных персон, народная любовь к Гельману Гляну и Николаю Иванову и прочие эффекты привели к тому, что любой милиционер казался избирателям чуть ли не комиссаром Каттани. И с точки зрения «избираемости» в 1990 году лучше милиционера была только одна профессия — оператор газовой котельной...

Так или иначе, вполне «правовверный» коммунист Степашин внезапно оказывается не только в самой гуще молодой российской политики, но и членом самой, наверное, радикально-демократической делегации на российском съезде — ленинградской. Среди его коллег — Михаил Молоствов и Галина Старовойтова, Юрий Нестеров и Петр Филиппов, Марина Салье и Бэлла Куркова, Илья Константинов и Геннадий Богомолов, Олег Василашвили и Игорь Кучеренко, Виктор Ютин и Владимир Варов, отец и сын Никита и Михаил Толстые... Казалось бы, «замполит» Степашин должен быть для них классово чуждым — полпреботник, да еще преподаватель истории ненавистной КПСС. На практике, однако, все оказывается совершенно иным: Степашин достаточно быстро находит с радикальными демократами общий язык.

Как вспоминают его коллеги по депутатству, Степашин не был особенно замечен в первые дни работы российского съезда, и лишь

впоследствии стало ясно — почему: Степашин уже тогда обнаружил талант аппаратного, а не публичного (как подававшее большинство питерских и не только питерских демократов) политика. Он сразу завязал необходимые знакомства, пользуясь старыми связями, налажив контакты с влиятельными людьми — и вовсе не случайно, что ему удалось стать не только депутатом, но и членом Верховного Совета. История была такова: на протяжении месяца в июне 1990 года Съезд упорно (трижды подряд) «валил» Михаила Толстого и Виктора Дмитриева, отказываясь избирать их на два оставшихся и забронированных для Ленинграда места в Верховном Совете. Ленинградцы пытались настоять на своем, но после третьего раза сдались, и стали искать компромиссные кандидатуры. И нашли — Степашина и еще одного представителя МВД, полковника Василия Травникова.

В Верховном Совете Степашин, естественно, оказывается в комитете по обороне и безопасности. Сперва — на посту одного из заместителей, а затем, в феврале 1991 года — на посту председателя комитета и члена Президиума ВС РСФСР. Полковник Степашин входит в высший номенклатурный круг российского руководства (напомним, тогда Ельцин был еще Председателем ВС РСФСР). Именно в этом качестве Степашин встречает августовский путч, который становится началом его неуклонного политического подъема.

В августе 1991 года безопибочная интуиция Степашина сразу помогает ему определить верную линию поведения и безоговорочно поддерживать защитников Белого дома и лично Ельцина. Непосредственно во время путча Степашин ничем особым не отличился, зато после путча оказался на переднем крае общественного внимания — на посту председателя Государственной комиссии для расследования деятельности органов государственной безопасности. О результатах работы комиссии до сих пор так ничего и не известно, но ее председатель пошел в гору: в ноябре 1991 года генерал-майор Степашин был назначен заместителем министра государственности. Впрочем, путающее российских демократов название было уже изменено (в первый, но не в последний раз) — на Агентство федеральной безопасности. Степашина назначают заместителем генерального директора АФБ и одновременно — начальником управления АФБ по Петербургу и Ленинградской области. Сергей Валдимович становится главным чекистом Петербурга.

Чекист

За год, проведенный Сергеем Степашинным на посту начальника питерской государственности, его деятельно мало чем запомнилась горожанам. Особой «чистки» безызвестного Боль-

шого дома на Литейном проспекте, 4, где традиционно размещались «органы», Степашин не проводил, в городские дела почти не вмешиваясь, да и время было специфическое.

Напомним: первый год после путча, начало гайдаровских экономических реформ, ценовой шок, инфляция — все внимание граждан было приковано исключительно к экономике. При этом, на волне послевостовского повального антикоммунизма некогда прозвая «Чека» старалась особо «не высовываться» и жила в страхе перед очередным реформированием, наиболее квалифицированные кадры понемногу расходились по коммерческим структурам, оппозиция Ельцину существовала лишь в парламенте, коммунисты еле-еле приходили в себя после недавнего роспуска и ждали решения Конституционного Суда по делу о запрете своей партии... в общем, должность главного чекиста города была даже и не слишком престижной. Никаких «громких» дел в течение этого года питерская ЧК не веда, и посему пребывание Степашина на данной руководящей должности запомнилось лишь двумя заслуживающими внимания моментами.

Во-первых, как и многие другие высшие чиновники, Сергей Владимович улучшил свои жилищные условия. Тогдашний мэр Анатолий Собчак своим распоряжением 1147-р от 16 декабря 1992 года «в целях приближения к месту работы» предоставил Степашину вместо небольшой квартиры на окраине жилищлощадь в самом центре — в скандально известном доме на Невском проспекте, 96. В этом доме после капитального ремонта были оборудованы элитные квартиры с улучшенной планировкой, и мэр, не дожидаясь, принимаясь заселять в него «нужных людей», объяснял, что все они являются стойкими приверженцами демократии и реформ, а потому более других нуждаются в улучшении жилищных условий. В число таких граждан маром был зачислен и Степашин. Но если для иных «новоселов» элитного дома — таких, как коллега Степашина по Съезду народных депутатов России Бэлла Куркова, полученное жилье на Невском проспекте стало поводом для длительного скандала и многих язвительных публичкаций в городской прессе, самого Степашина скандал обошел стороной.

Зато поводом для скандала стало назначение преемника Степашина. В конце 1992 года Степашин был назначен «обычным» заместителем министра безопасности России, а городское управление МБР по указу Ельцина возглавил полковник Виктор Черкесов (нынешний генерал-полковник и полпред президента на Северо-Западе). Назначение Черкесова вызвало бурю возмущения в городском парламенте — тогда еще называвшемся Санкт-Петербургским городским Советом, поскольку бравый полковник был широко известен в узких кругах как активный боец с диссидентскими советской поры. Поскольку в то время российские

и в том числе питерские демократы еще испытывали некоторые иллюзии, они шумно возмущались и даже потребовали от Ельцина отменить указ о назначении г-на Черкесова. Демонстративное молчание президента (Ельцин не удостоил депутатов городского Совета даже ответом) стало одной из первых ласточек, показывающих, что времена меняются. Сам Черкесов своего прощлого ничуть не стыдился и объяснял всем интересующимся, что преследовал диссидентов потому, что таковы были законы и именно таким образом он защищал интересы государства. И вообще его так учили. Задавать г-ну Черкесову известный вопрос из скаски Евгения Шварца «Всех учили, но почему ты оказался первым учеником?» журналисты не решались.

Впрочем, как минимум в одной ситуации этого периода Степашин проявил редкую прозорливость. Как вспоминает Юрий Нестеров — нынешний депутат Государственной Думы, а тогда — коллега Степашина по российскому парламенту и член президентского Совета Санкт-Петербургского городского совета, в 1992 году в городе произошел, по тогдашним меркам, из ряда вон выходящий (по нынешним — уже вряд ли) случай. Студент получил на экзамене не удовлетворяющую его оценку и на глазах у других студентов ударил ножом преподавателя. Найти его по горячим следам не удалось, и стало известно, что он скрывается в Чечне. Через некоторое время Нестеров и Степашин случайно встретились в московском поезде и стали обсуждать этот эпизод. Естественный, казалось бы, вариант — послать группу профессионалов, которые привезут его в Петербург, Степашин, грустно покачав головой, его отверг. Сообщил, что в Чечне действует своя система безопасности, имеющая, видимо, связи с российскими «органдами», по этому скрытно никакую группу послать не удастся — чеченцы ее встретят прямо в аэропорту. А затем добавил, что с мягкой рукой республикой еще придется «напалакаться» — связанные с ней проблемы нарастают как снежный ком, не находя решения...

Перейдя на работу в Москву, Степашин в течение длительного времени был малозаметен. Присматриваясь к окружающим, заводил новые связи, и практически не оказываясь на виду. При этом он оставался народным депутатом России, председателем парламентского комитета по обороне и безопасности и членом Верховного Совета, где принадлежал к числу «твердых ельцинцев», всегда встававших на сторону президента. Тем не менее, Ельцин его особо не выделял — пока не наступили критические дни осени 1993 года.

Вечером 21 сентября 1993 года Ельцин подписал неизбежный указ 1400», а на следующий день в Кремле уже появились «перевоспитанные» из Белого дома, раньше других понявшие, куда дует ветер и на чьей стороне сила, а посему — без колебаний

отрекился от своих осужденных товарищей и от своих депутатских мандатов. Первым из них стал председатель парламентской комиссии по бюджету Александр Починюк, тут же назначенный заместителем министра финансов. Ну а вторым — председателем комитета по обороне и безопасности Сергей Степашин. Преданность, проявленная в нужный момент, была тут же вознаграждена — Степашин становится первым заместителем министра безопасности. До декабря 1993-го он занимает этот пост, а затем очередным указом Ельцина МБР переименовывают — отныне «Клубинское» ведомство именуется Федеральной службой контрразведки. Степашин становится первым заместителем директора ФСК, а еще через три месяца следует новый взлет: в марте 1994-го, после напущенней истории с думской амнистией, Сергей Владимович садится в кресло директора ФСК. Генерал-лейтенант Степашин занимает одно из ключевых мест в системе российской власти, «наследуя» таким персонам, как Феликс Дзержинский и Лаврентий Берия, Николай Ежов и Генрих Ягода, Владимир Семичастный и Анатолий Шелепин, Юрий Андропов и Владимир Крутойков.

На посту директора ФСК Степашин проведет достаточно долго — пятнадцать месяцев. И вот тут-то ему придется наконец выйти из тени и оказаться в фокусе общественного внимания. Причем, к несчастью для Степашина, именно эти пятнадцать месяцев окажутся для страны вообще и для ФСК в частности критическими. Впереди — война в Чечне, которая сильно «подпортит» и репутацию, и карьере Степашина.

Министр

Заявив главное кресло на Лубянке, Степашин, казалось бы, оказывается на вершине своих устремлений. Его преданность президенту никак не ставится под сомнение, его положение устойчиво, видимых вратов у него нет — чего, казалось бы, еще желать? Ельцин делает его членом «нового Политбюро» — Совета безопасности и всячески выражает новому министру государственности свою поддержку. Тем не менее, этот этап карьеры Сергея Степашина трудно назвать удачным.

Первую «кляксу» на репутации Степашина ставит в июне 1994 года печально известный президентский указ № 1226 о борьбе с организованной преступностью. Ельцин идет на прямое нарушение Конституции — позволяет задерживать подозреваемых на срок до 30 суток без решения суда (конституционный срок — 48 часов). Трудно сказать, какое отношение к подготовке этого указа имел Степашин, но когда в печати разгорается дискуссия вокруг этого указа, директор ФСК решительно становится на сторону своего начальника. И публично заявляет: «Либо права преступников — либо права властей. Я не против нарушения прав

человека, если этот человек — преступник». Впрочем, начальнику тайной полиции страны это еще простительно. Куда хуже, что точно такое же снисходительное отношение к указу № 1226, фактически оправдывая его, тогда же проявили некоторые известные адвокаты и правозащитники (!)...

Второй «кляксой» становится неудавшийся штурм Розного 26 ноября 1994 года, когда завербованные офицерами ФСК (об этом заявят плененные чеченцами военнослужащие, а контрразведка, по сути, признает этот факт) российские танкисты под видом «антигудаевской оппозиции» пытаются взять чеченскую столицу. Операция с треском проваливается, но никакой ответственности Степашин так и не понесет. Возможно, потому, что на самом высоком уровне уже было принято принципиальное решение о наведении в Чечне «конституционного порядка»: до подписания «чеченских» указов Ельцина оставалось всего четыре дня.

Самая чеченская война поначалу никак не отражается на карьере Степашина — основную роль в ней играют не чекисты, а армия и внутренняя войска МВД. В итоге на начальном этапе войны Сергей Владимович успевает даже... защитить докторскую диссертацию по юриспруденции — о развитии российской демократии, и сообщить прессе, что готовил ее на протяжении пяти лет (надо понимать, со времен Съезда народных депутатов России). Вопросы ехидных журналистов о том, что не слишком ли сильные изменения претерпела концепция работы за годы, в течение которых у высшей российской власти лозунг «Вся власть — Советам!» главным образом лозунгом «Советы и демократия несовместимы», остается без ответа... И тем не менее, война все же «настигает» Степашина — третьей и заключительной «кляксой» на его репутации становится катастрофа в Буденновске в июне 1995 года.

Подробности захвата заложников и провального штурма буденновской больницы «профессионалами» из спецназа хорошо известны и не нуждаются в пересказе. Сразу после трагедии Дума в ультимативной форме потребовала от Ельцина отправить в отставку министров, ответственных за происшедшее — министра обороны Грачева, министра МВД Ерина, директора ФСК Степашина и министра по делам национальностей Егорова. Степашин оказывается единственным, требование об отставке которого не набирает необходимого большинства в 226 думских голосов, но все же главный чекист страны вместе с другими подает президенту прошение об отставке, и 30 июня 1995 года Ельцин подписывает соответствующий указ. Никакого нового назначения Степашин не получает, и многие полагают, что карьера Сергея Владимовича закончена. Время, однако, показывает, что генерал-лейтенант Степашин отправлен не в запас, а лишь в резерв главного командования.

Возвращение

10 ноября 1995 года Сергей Степашин возвращается «в строй» — распоряжением премьер-министра Виктора Черномырдина его назначают начальником административного департамента Аппарата Правительства РФ, курирующего деятельность силовых структур. Должность, конечно, рангом ниже, чем была, но все же — достаточно важная с аппаратной точки зрения, позволяющая быть в курсе событий, общаться со многими влиятельными людьми, а главное — быть на виду у премьер-министра и президента. С Черномырдиным у Степашина давно сложились хорошие отношения, и премьер при первой же возможности постарается найти опальному генералу подходящее место. И Степашин начинает медленное, но неуклонное восхождение вверх: в 1996 году он одновременно становится членом Совета обороны, а затем — ответственным секретарем Государственной комиссии РФ по урегулированию кризиса в Чеченской Республике. В этом качестве он благополучно встречает конец войны, а еще через некоторое время премьеру подворачивается подходящий случай для повышения Степашина. В известное «Банное дело» попадает министр юстиции Валентин Ковалев, и вскоре теряет свой пост. И... на освободившееся место Ельцин назначает Степашина — 2 июля 1997 года издается соответствующий указ.

Дальнейшие этапы политической судьбы Степашина достаточно подробно освещались прессой. Став министром юстиции, Степашин быстро «реанимирует» эту, казалось бы, второстепенную правительственную должность. Его усилиями Минюст постепенно выдвигается на видное место, более того — становится чуть ли не «силовым» министерством. В частности, именно Степашин «пробивает» идею о передаче в ведение Минюста от МВД системы исправительно-трудовых учреждений, вместе с «охранной армией» — многочисленными конвойными войсками МВД. Тот же эту передачу, Степашин не подозревает, что именно ему предстоит организовать процесс с другой стороны: весной 1998 года Ельцин неожиданно отпавляет в отставку правительство Черномырдина. И в числе прочих «безработным» оказывается министр внутренних дел Анатолий Куликов, занимавший этот пост почти три года. Аналитики среди претендентов на вакантную должность одной из первых называют кандидатуру Степашина — и не ошибаются: в апреле 1998 года именно он становится главой МВД. Виток спиралы пройден: Степашин занимает никак не менее высокое место в системе государственной власти, чем пост директора ФСБ, который он покинул в июне 1995-го.

Почти год, проведенный Степашиным на новом месте, по обыкновению, мало чем запомнился публике, но, без сомнения, министр внутренних дел за это время сумел существенно укрепить

свои аппаратные позиции. Впрочем, как и другие «силовики» — почувствовав, что наступает нелегкое время, Ельцин, как и в 1993 году, сделал ставку именно на «силовое» окружение.

Что касается конкретных действий министра Степашина — таковых следует отметить три. Во-первых, он начал, наконец, хоть какое-то реформирование системы ГАИ (перейменовав ее в труднопроизносимое ГИБДД, немного уменьшив традиционный провозд, на протяжении десятков лет творимый представителями этой системы на дорогах. Во-вторых, в самой системе МВД началась серьезная кадровая «чистка» — в течение второй половины 1998 года сменилась почти треть начальников региональных управлений МВД. И в третьих, Степашин занял (особенно, после похищения его представителя в Чечне генерала Шипигуна) предельно жесткую позицию относительно взаимоотношений с Чечней и выступил с рядом публичных заявлений на эту тему. Он обещал перекрыть границы с мятежной республикой, подверг достаточно резкой критике Хасавюртовские соглашения, заявив, что с «отложившимся статусом» Чечни российское руководство зашло в тупик и проблему надо политически решать как можно быстрее, и, наконец, по сути, объявил Аслана Масхадова если не марionеточной, то весьма слабой фигурой, не способной реально влиять на происходящее в Чечне.

Словесная жесткость министра была встречена многими благодарительно — но стоит отметить, что дальше деклараций дело так и не пошло.

За год, проведенный Степашиным на новом месте, он без каких-либо потерь пережил августовский правительственный кризис, спокойно перейдя из кабинета Кириенко в кабинет Примакова, и все больше и больше входил в фавор к президенту. Конец апреля 1999 года принес ему выдвоек к посту министра внутренних дел еще и пост первого вице-преьера. Обласканный президентом Сергей Валдимович стал, по сути, третьим человеком в государстве. А в мае, после неожиданной отставки Примакова, Степашин занимает высший после президента пост в стране — премьер-министра. Дума утверждает его с первой попытки, и многие полагают, что именно Степашин станет наследником престола — его рейтинг стабильно высок, и ему уверенно предрекают победу президентские курсы на выборах-2000...

Того, как стремительно оборвется очередной ведущий виток спиралы Степашина», не может предположить никто.

Без каких-либо видимых причин в августе 1999 года Ельцин объявляет об отставке премьера и называет своим преемником Владимира Путина. Впоследствии в своей книге «Президентский марафон» Борис Николаевич так описывает этот эпизод:

«5 августа. Я вызвал в кабинет Степашина и Володина. Сте-

пашин сразу разволновался, покраснел. «Сергей Владимович, сегодня я принял решение отправить вас в отставку... Степашин начал говорить, лейтмотивом было одно: «Я всегда был с вами и никогда вас не предавал». Вспомнил события 91-го и 93-го годов, обещал исправить все свои ошибки... Понимая всю бессмысленность этого разговора, я никак не мог прервать Степашина...»

Так ли это было — неизвестно. Но известна публичная реакция Степашина: вместо того, чтобы возмутиться самодурством президента, он лишь выдал из себя известные слова о том, что Ельцин ввел его, «мальчишку», в большую политику — что провозгласило гнетущее впечатление и дало основания говорить, что на этот раз Степашину уже не «подняться». Но «спираль» и на сей раз не подвохит: впереди — думские выборы, и на Сергея Владимовича начинается настоящая охота: ведь обиженных у нас, как известно, любят.

От «ЯБЛОКА» — к ПУТИНУ

Для начала Степашина пытаются привлечь в ряды НДР — но политическое соседство с Черномырдинным его не устраивает, да и шансы НДР всеми расцениваются как невысокие. Следующее предложение поступает от СПС — но компания Кириленко и Немцова тоже не кажется Степашину подходящей. И экс-премьер делает сенсационный ход: вступает в альянс с Григорием Явлинским и занимает второе место в партийном списке «ЯБЛОКА». На «яблочном» съезде он уверенно заявляет, что пришел всерьез и надолго, и намерен привести за собой и свой электорат — «людей чести и дела», добавив их к интеллигентному электорату «яблочников».

На выборах по одномандатному округу в Петербурге он триумфально побеждает, получив около 50% голосов, но затем выясняется, что «яблочная» фракция в Думе невелика, и значимого поста в парламенте Степашину не получить. В итоге Сергею Владимовичу достается лишь малосущественный пост председателя комиссии по борьбе с коррупцией.

И Степашин делает новую ставку — на Владимира Путина, которого начинает активно хвалить и поддерживать. Ставка оказывается верной — о Степашине начинают говорить как о кандидате на разные должности в федеральных структурах. И он действительно получает соответствующую должность — но лишь после того, как сыграл не лучшую роль на выборах губернатора Санкт-Петербурга.

Пожалуй, на этих выборах он был единственным, кто имел реальные шансы победить Владимира Яковлева. И как известно, еще в сентябре 1999 года он обещал своим тогдашним союзникам по «ЯБЛОКУ», а заодно и тогдашнему премьеру Владимиру

Путину, что примет участие в кампании. Но потом раздумал. На протяжении января и половины февраля 2000 года Сергей Владимович мучительно колебался между решительным «да» и окончательным «нет», потом, на похоронах Анатолия Собчака, казалось бы, решил вступить в борьбу — и тут же отказался от нее в пользу Валентины Матвиенко.

Не требовал доказательств тот факт, что отказ Степашина был связан с желанием (точнее, нежеланием) Путина. С чем оно могло быть связано?

Во-первых, возможно, что Путин усмотрел в Степашине потенциального конкурента на выборах 2004-го года и решил заранее «подстричь газон».

Во-вторых, Степашину могла поменать его политическая принадлежность: именно «яблочники», бросив свой потенциал на чашу выборных весов, оставили Путина без работы летом 1996 года. Конечно, впоследствии все сложилось для Владимира Владимовича крайне удачно, но могли быть и иные варианты. Да и Григорий Явлинский на выборах президента был куда более крупным критиком Путина, чем Эгопанов...

В-третьих, Сергей Владимович продемонстрировал столь явно нерешительность и отступиться воли к победе, что Кремль просто не рискнул с ним связываться. Степашин так долго тянул с решением, что даже самые стойкие его союзники засомневались: а нужен ли Петербургу губернатор, которого приходится тянуть сюда на аркане? Понятно, что в этой ситуации даже «петербургские москвичи» — Чубайс, Кудрин, Козак, Греф — которые требовали от Степашина согласия баллотироваться, могли оказывать от этого намерения.

В итоге Степашин ясно дал понять: при несанкционированном выдвижении он не получит доступа на федеральные телеканалы (а на питерское ТВ его не пустит Смольный), поэтому набирать рейтинг он просто не сможет. Зная степашинские привычки военного человека, Путин мог предположить: вязываться в бой с малыми шансами и к тому же вступать в прямой конфликт с и.о. Верховного главнокомандующего генерал-полковник не станет. К тому же ему, как представляется, уже тогда предложили «отступного»: пост председателя Счетной палаты, который он вскорее и занял, будучи утвержденным в Думе подавляющим большинством голосов.

За четыре года в кресле главного контролера Степашин провоздиг одну и ту же линию. Сперва — громкие заявления и обвинения, затем — тихое «спускание на тормозах» и переход к новым громким заявлениям. Как, например, это было с проверкой РАО «ЕЭС», когда заявление Степашина о наличии серьезных нарушений было быстро дезавуировано. Или — с громко анонсиро-

важной проверкой итогов приватизации за десять лет. Вроде бы, СП пришла к выводу, что «приватизация российской экономики не соответствовала закону ни в одном из проверенных аудиторами случаев» — однозначно доклад так и не обнародован, и что там написано — неизвестно.

Ну а самый известный «наезд» со стороны Степашина, без сомнения, связан с Романом Абрамовичем, чья покупка «Челси» спрашно не понравилась председателю СП. Но опять же, после ряда промких заявлений (в том числе, о том, что Чукотский автономный округ является банкротом), последовал тихий «откат». Выяснилось, что инкриминируемые нарушения спорны — в частности, «нецелевым использованием средств» было объявлено финансирование строительства дорог, школ и больниц. А долги, в которых СП обвиняла администрацию округа, большей частью унаследованы от прежней власти...

Не удалась и попытка Степашина сделать Счетную палату органом «президентского контроля». Госдума подержала поправки к закону, предлагавшие наделить исключительно президента правом представлять обеим палатам парламента кандидатов на должность председателя Счетной палаты и его заместителя — но их отклонил Совет Федерации, посчитавший, что участие главы государства в процедуре назначения руководителей Счетной палаты противоречит самой сути этого органа.

Что дальше?

Говоря о Сергее Степашине, те, кто его знают, обычно отмечают, что никаких политических взглядов у него, по всей видимости, нет и никогда не было. Да это и вредно для профессионального аппарата, которым Степашин уже давно является. При этом Степашин — опять же по отзывам знающих его людей — обладает рядом нехарактерных для аппарата черт, выходящих отчасти от очень многих политиков «первой волны». Он вполне приятен в общении, не высокомерен, не заносчив, умеет быть типичным «своим парнем» — открытым, легко идущим на контакт, не чванливый. При встрече узнает старых знакомых — в отличие от многих, вознесшихся высоко и «в упор не видящих» тех, с кем когда-то начинал. В частности, питерские депутаты, в свое время съездившие с ним в Анатольем Чубайсом в кигубе «Перестройка», отмечали, что впоследствии с ним можно было столкнуться в лифте, но он даже бровью бы не пошевелил...

Насколько этот портрет соответствует действительности — сказать трудно, ведь у Степашина есть и другая история — обработка к началству: президенту, премьеру и прочим, кому надо поправиться и с кем надо поработаться. При этом Степашин обладает неплохими волевыми качествами — тихо делает свой выбор,

а затем последовательно и настойчиво его реализует. Для профессионального политика это качество — насущная необходимость.

Как и многие другие, Степашин принадлежит к пороге «птенцов ельцинского гнезда», каждый из которых был никем, но стал всем в эпоху «царя Бориса». Подвальному большинству его коллег, прочем, так и не удалось надолго задержаться «наверху», пройдя около ельцинского трона, что называется, «толпой угрюмой и скоро позабытой» Сергеем Степашину, однако, — удалось. Почему?

Каждый политик, как известно, представляет собой некий социальный (им самим, или СМИ) образ, который, прочем, может иметь мало общего с реальностью. Так вот, говоря о Степашине, в рамках этого образа в первую очередь вспоминают его упорядоченную выше преданность. Преданность не реформам, не демократии — лично президенту (сперва Борису Ельцину, затем Владимиру Путину). Именно эта черта Степашина-политика стала тем «эскалатором», который неуклонно поднимает его к вершинам российской власти. А если и случаются перебои — то крайне недолго...

Сегодням, прочем, нет никаких признаков того, что с главными контролерам могут произойти какие-то неприятности.

До апреля 2006 года, когда истекает срок его полномочий, он пробудет на своем посту, а потом, скорее всего, ему найдут достойное место. Видеть до премьерского — почему бы и нет? В конце концов, это будет не первое возвращение Сергея Степашина...

Валентина Матвиенко: Товарищ губернатор

В отличие от большинства нынешних высших российских чиновников губернатор Петербурга Валентина Матвиенко сделала успешную административную карьеру еще в советские времена. Тридцать лет назад — в 1974 году в Ленинграде она заняла должность секретаря Петроградского райкома комсомола и с тех пор ни на день не покидала «коридоров власти». В постсоветской России это один из немногих примеров успешной адаптации старой номенклатуры к новым условиям...

«Комсомольская богиня»

В Ленинграде середины 80-х годов карьера Матвиенко считалась образцом «скоростного» продвижения по служебной лестнице. Закончив в 1972 году заочный Химико-фармацевтический институт, родившаяся в далекой Шенгетовке и лишь в 1966 году приехавшая в Ленинград Валя Тютинна (фамилию Матвиенко она получила от мужа) в лучшем случае могла рассчитывать на удачное замужество, а в худшем — на скучную работу по не слишком престижной специальности. Но все сложилось иначе: активная и привлекательная Матвиенко (внешние данные играли не последнюю роль в ее карьере: кое-кто считает, что и вовсе — первую) уже через два года становится секретарем райкома комсомола, а затем — и первым секретарем.

В 1977 году комсомольская карьера Валентины Ивановны, которую заметил сам Григорий Романов и начал «тянуть» вверх, успешно продолжилась: ее назначили секретарем обкома ВЛКСМ. В последующие семь лет она достигла «потолка» — став первым секретарем обкома. Дальше, по неписаным номенклатурным правилам, полагалось идти на партийно-хозяйственную работу — «загзагами» переходя из партийных органов в исполкомы и обкомы, постоянно повышаясь в звании. Что и случилось: в 1984 году Матвиенко становится первым секретарем Краснодарского райкома КПСС, где проводит два года.

«Политический журнал», 1 марта 2004 года.

Нельзя сказать, что отзывы о ее работе были непохвалимы. Район был сложным, в нем шло массовое жилищное строительство, «груз» проблем был нелегким — но она справлялась неплохо. В результате, когда через два года понадобился заместитель председателя Ленгорисполкома по вопросам культуры и образования, выбор пал на Матвиенку. И все последние «советские» годы (1986—1989 гг.) она провела на этом посту.

Великий перелом

1989 год стал для подавляющего большинства ленинградских высших номенклатурщиков годом крушения их карьеры. Несмотря на искусственно организованные и практически безальтернативные выборы, только один из семи членов бюро обкома КПСС — Борис Гудасов — смог победить на выборах народных депутатов СССР. Прогрессивные выборы и председатель Ленгорисполкома Владимир Ходырев — непосредственный начальник Матвиенко. Но для нее самой этот «год великого перелома», напротив, стал началом нового служебного витка. Народным депутатом она стала, не рискуя — по спискам Комитета советских женщин, а затем получила пост председателя комитета по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства.

Малозаметная в парламенте, Валентина Ивановна за «депутатские» годы удачно сменила направление деятельности — закончила Дипломатическую академию и осенью 1991 года получила назначение послом на Мальту. После чего последующие семь лет провела вдали от Родины, благополучно пережив за границей эпоху реформ, кризисов и дефолтов...

Когда в августе 1998 года Сергей Кириенко потерял премьерское кресло, на его место после известных драматических событий (с двукратными попытками назначить премьером Виктора Черномырдина) пришел начальник Матвиенко по МИДУ Евгений Примаков. Он, впрочем, и раньше был у нее начальником — когда был председателем Совета Союза ВС СССР. В результате одним из первых кадровых решений Примакова стало назначение Матвиенко вице-премьером, курирующим социальную сферу.

Тогда, в сентябре 1998 года, эта должность считалась завидно непопулярной — в условиях перманентного кризиса и задержек зарплат и пенсий никто из «социальных» вице-премьеров не снижал себе зарплат. Многие полагали, что и Матвиенко поступит та же участь — но обстоятельство вновь благоприятствовало ее карьере. Экономика начала постепенно приходить в себя, экспортные доходы пересчитывали в рубли по четверто более высокому курсу — и правительство получило возможность гасить долги перед социальной сферой.

В результате Матвиенко стала появляться на телеэкране не в качестве чиновника, грустно рассказывающего (в стиле Олега Сысуева), как все плохо, а в качестве вице-преьера, несущего хорошие новости. Примакова на посту премьера сменил Степашин, Степашина — Путин, Путина — Касьянов, а положение Матвиенко неизменно оставалось прочным...

Первый блин

Первая попытка участия Матвиенко в выборах губернатора Петербурга оказалась неудачной. Весной 2000 года ее фамилия возникла неожиданно — планировалось, что кандидатом, баллотирующимся против Владимира Яковлева при поддержке Москвы, станет не она, а Сергей Степашин. Но Степашин, подчиняясь воле Владимира Путина, уступил место даме...

В первое время после того, как Матвиенко официально объявила о своем участии в выборах, положение Яковлева казалось далеко не лучшим. Поведение самой Матвиенко служило тому доказательством. Во всяком случае, на пресс-конференциях она требовала от журналистов не писать о ее победе на выборах в социальном наклонении, потому что она на 100% уверена в том, что станет губернатором. Она заявляла об абсолютной поддержке со стороны Путина и его окружения и говорила о значительных ресурсах, которые будут предоставляться в ее распоряжение.

Все это было расценено как проявление твердой решимости и воли, причем не столько самой Валентины Ивановны, сколько Владимира Владимировича. Настораживало, правда, то, что сам Путин открыто о поддержке Матвиенко так ни разу и не заявил. Но как же иначе можно было расценивать то, что предвыборный визит Матвиенко в Петербург организовывал губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков — он, надо полагать, делал это не по собственной инициативе. Как можно было расценить то, что «Единство» сразу же заявило о поддержке Валентины Ивановны, а Чубайс выламывал руки «Союзу правых сил», třeba поскорее принять такое же решение? К тому же такие политики, как Юрий Дужков и Евгений Примаков, весьма высоко оценили шансы вице-преьера. В результате финансисты и имиджмейкеры, как бабочки на огонек, слетались к штабу Матвиенко, его руководитель Виталий Мутко уже примеривался к креслу первого вице-губернатора, а руководители «дружественных партий» делили места в будущем коалиционном правительстве...

Ну а затем случилось непредвиденное. Утром 3 апреля штаб Матвиенко торжественно объявил, что вечером подписи за ее выдвижение будут сланы в городскую избирательную комиссию, а 4 апреля выяснилось, что Матвиенко отказывается от участия в выборах. Официальной причиной отъезда Валентины Ивановны

стала просьба к ней со стороны Путина принять участие в формировании правительства. Впрочем, все понимали, что это — не более чем повод: подписывая заявление Матвиенко об отпуске, Владимир Владимирович прекрасно знал о том, что правительство надо будет формировать.

Причины поступка президента назывались разные. Говорили о том, что рейтинг Матвиенко не «поднять» выше уровня в 15–20%. О том, что немалая часть горожан не хочет видеть губернатором женщину. О том, что опыт управления городом, имеющийся у вице-преьера, относится к старым временам. И наконец, о том, что Валентина Ивановна так давно покинула берега Невы, что избиратели полагают ее стопроцентной москвичкой...

После того как этот «первый блин» вышел комом, многие полагали, что второму не будет, и Матвиенко уже не будет претендовать на губернаторство. Однако через три года попытка повторилась — и оказалась удачной.

Гамбит бубоновой дамы

Весной 2003 года стало окончательно ясно, что Владимир Яковлев не будет пытаться избираться в третий срок. Теоретически он мог бы получить такой шанс, если бы удалось соответствующим образом изменить петербургский Устав. Но на выборах депутатов Законодательного Собрания «северной столицы», проходивших в декабре 2002 года, сторонникам губернатора не удалось получить даже половинный мандат.

Стало ясно, что Яковлев, срок полномочий которого заканчивался в мае 2004 года, уходит. И, скорее всего, раньше этого срока. Поскольку считалось само собой разумеющимся, что Кремль постарается поставить на это место «своего человека», обсуждался лишь один вопрос: кто им будет? Назначение Валентины Матвиенко в марте 2003 года полпредом президента на Северо-Западе стало ответом на этот вопрос.

В последующие месяцы в Петербурге сложилась беспрецедентная ситуация фактического двоевластия.

Яковлев еще был губернатором — между тем Матвиенко уже вела себя не как сегоднешний полпред, а как завтрашний губернатор. Она совершала ритуальные поездки, инспектируя составные городского хозяйства и указывая на недостатки. Она вывела к себе вице-губернаторов и «песочила» их за улучшения в работе. Она требовала провести обследование телловых сетей и обещала восстановить льготы для доноров и так далее. При этом чиновники Смольного одновременно начали «наглаживать отпущения» — в приемной Матвиенко неоднократно было замечено все городское правительство...

Все описанное сопровождалось интенсивной пропагандистс-

кой кампании: не прошло и дня, чтобы СМИ не сообщили бы гражданам о заявлениях, сделанных Матвиенко на те или иные темы, о встречах, которые она провела, и о мероприятиях, которые она посетила. Граждане последовательно узнавали, что Валентина Ивановна объявила об окончании «эстапы дикой демократии», обсудила с «сигловиками» вопрос противостояния клубе «Зенит», призвала СМИ переключиться на создание, поощрала способствовать развитию науки, рассмотрела новые транспортные проекты, получила в подарок черный пояс по карате и даже обещала позабиться о хорошем погоде в «юбилейные» дни.

Логическим завершением этого этапа стала отставка Яковлева. 16 июня, вскоре после окончания «юбилейных» торжеств, Владимир Путин предложил губернатору пост вице-преьера по ЖКХ, а тот с благодарностью его принял. Досрочные выборы губернатора были назначены на 21 сентября.

Выборы без выбора

Вообще говоря, на выборах от горожан ждали вовсе не решения вопроса о том, кто более достоин править Петербургом, а лишь подтверждение полномочий уже известного победителя. К тому же изначально и выбор был до обидного мал: один за другим политики отказывались конкурировать с Матвиенко. Объявили о кандидатуре лидеры СПС — Андрей Лихачев и Ирина Хакамада: мол, все равно выпрастает тот, кто хочет Кремль. Отказались выдвигаться спикер Совета Федерации Сергей Миронов и депутат Госдумы Оксана Дмитриева, не высказали желания бороться коммунисты...

И все же, к удивлению Кремля, где полагали, что предвыборная площадка надежно «защитаена», на ней появились непредусмотренные кандидаты: лидер «яблочной» фракции в Законодательном Собрании Михаил Амосов, его коллеги по городскому парламенту Константин Сухенко и Алексей Тимофеев, вице-губернатор Анна Маркова, депутат Госдумы Петр Шеллиц, экс-министр Сергей Беляев и другие.

Для начала их пытались вообще не допустить к выборам. Городская избирательная комиссия отравила представляемые для регистрации кандидатов подписи на проверку в ГУВД, а оттуда прислали экспертные заключения, объявляющие значительную часть этих подписей недостоверными. Однако недостоверными оказались не подписи, а заключения «экспертов», которые были немедленно и убедительно опровергнуты. В результате практически все кандидаты были зарегистрированы, но последующая кампания была весьма специфической.

«Считаете ли вы, что выборы губернатора проходят честно?»

— спросили у зрителей одной из предвыборных телепередач. Ответ оказался оглушительным: только двое из трехсот пяти горожан, позвонивших в студию, сказали «да». Все остальные сочли выборы нечестными. И надо сказать, что у них были к тому все основания...

Так, не прошло и дня, чтобы для Валентины Матвиенко не организовывались встречи, на которые строем привозили учителя, врачей или работников жилищхоза. Надо ли говорить, что никто из других кандидатов туда не допускался? Когда Михаил Амосов пробился на одну из таких встреч, вопрос о том, дать ли ему слово, был поставлен на голосование (!). И только десять человек из переполненного зала осмелились поднять руки. Заметим: закон требует, чтобы на такую встречу в обязательном порядке приглашали всех кандидатов, и давали возможность выступить.

Дальше — больше. В переполненном Ледовом дворце проходил концерт в честь закрытия Всероссийского фестиваля национальной культуры. При этом со сцены, где выступали прославленные музыкальные коллективы, одна за другой неслись здравицы в адрес единственного кандидата, присутствовавшего в зале. Надо ли говорить, о каком кандидате шла речь? Этому же кандидату — единственному из всех — было дано слово на «дне первокурсника» в Санкт-Петербургском государственном, на городском педагогическом совете, где были собраны представители школ города, на собраниях профсоюзного актива...

Столь же явное неравенство имело место и на улице: агитаторы «неправильных» кандидатов постоянно испытывали проблемы с милицией. Но никто ни разу не слышал, чтобы милиция придиралась к пикетам «основного кандидата» или задерживала его агитаторов.

Наконец, в подавляющем большинстве СМИ политический спектр был успешно сжат до узкой линии — присутствовало только одно лицо. Выпуск новостей давали по 4–5 сюжетов, посвященных Матвиенко, полностью игнорируя конкурентов. Никакие жалобы на нарушение принципа равенства кандидатов, естественно, во внимание не принимались.

Ну а перед голосованием «административный ресурс» вклинился на всю мощь. Чиновники проводили «накачку» учителей и врачей, убеждая их голосовать «правильно». По тревоге были подняты общества блокальников и ветеранов — их руководители, привыкшие дружить с властью в обмен на материальные блага, убеждали стариков, что именно Валентине Ивановне они обязаны повышением пенсий. Курсынты военных училищ строем приходили на избирательные участки, где под бдительным оком провожающего офицера демонстрировали правильную политическую позицию...

Тем не менее, Матвиенко сумела победить лишь во втором туре выборов, переиграв в нем Анну Маркову. Сокрушительной победы — при сокрушительном информационном, административном и финансовом превосходстве — не получилось.

Кадры, решающие все

От смены питерской власти многие (не только сторонники Матвиенко, но и ее противники) ждали, во-первых, смены старой смолянинской «команды», которая себя давно дискредитировала, на новую, а во-вторых — смены политики, проводимой городскими властями.

Однако команда сменилась лишь частично — большинство «яковлевцев» или сохранили свои посты, или перешли на соседние. Что касается новых, «молодых и профессиональных» управленцев, как обещала Матвиенко во время избирательной кампании, то они оказались, во-первых, не очень молодыми (средний возраст «матвиенковского» правительства превышает 50 лет), а во-вторых, не очень профессиональными.

Так, «опытнейший профессионал» (по мнению Валентины Ивановны) Виктор Лобко, назначенный вице-губернатором по организационным вопросам — старый партийный кадр: в 70-е — 80-е годы он занимал должности первого секретаря Ленинградского обкома ВЛКСМ, секретаря обкома КПСС, второго секретаря ЦК компартии Узбекистана, зам. зав. отделом ЦК КПСС... Правда, раньше мы искренне считали, что это ювене не тот опыт, который может понадобиться дальше. Может быть, ошибочно считали?

Похожий опыт 80-х годов наличествует и у «жилщино-коммунального» вице-губернатора Олега Виролайнена. Второй, а затем первый секретарь Красногвардейского райкома КПСС (когда он был «вторым», «первым» была Матвиенко), зав. отделом торкома КПСС... Возможно, именно такие люди являются лучшими из профессионалов, которых надо призвать для решения городских проблем. Но тогда непонятно: чем нас не устраивал Владимир Ходырев и почему нам так не нравился обком КПСС?

Несколько другой — но тоже адекватный — опыт имеет вице-губернатор по правопорядку и законности Андрей Черненко. Академия общественных наук при ЦК КПСС, зам. редактора газеты «Правда», главный редактор газеты «Советская милиция», служба в органах безопасности...

Славное прошлое имеет вице-губернатор по образованию, культуре и СМИ Сергей Тарасов: пять лет работы в Октябрьском райкоме ВЛКСМ. Как, впрочем, и вице-губернатор по финансам и экономике Михаил Осеевский, вот только райком был Калининский. Осеевский, правда, занял свой пост потому, что работал в банкирском доме «Санкт-Петербург». То, что именно эта

структура теперь является особо приближенной к власти, ни для кого не секрет. Так, в правительство включен председатель комитета по экономической политике и промышленностям Владимир Бланк — еще один представитель «Санкт-Петербурга». Наконец, сын губернатора — Сергей Матвиенко занимает пост вице-президента этого банкирского дома. Жена (точнее, сын) Цезаря, конечно, выше подозрений, но может ли глиняне бизнеса и власти быть более тесным, чем внутри одной семьи?

Если же говорить о политике, которую проводит Матвиенко, то и здесь мы наблюдаем полную преемственность.

Еще до вслугления Матвиенко в должность был изменен Устав города — правительство Петербурга было, по сути, выведено из-под влияния Законодательного Собрания. Если раньше все его члены утверждались городским парламентом, то теперь право назначать половину городских «министров» было отдано на откуп губернатору.

Средительно был принят городской бюджет на 2004 год — при этом парламентарии, по требованию нового губернатора, с легкостью необыкновенной отменили свое же недавнее (и широко разрекламированное, как принятое при жесточайшем сопротивлении Яковлева) решение о доплатах до прожиточного минимума всем питерским пенсионерам. Подумать доплаты с 1 января будут лишь инвалиды первой группы и те, кому больше 75 лет.

Едва не стало законом и другое требование губернатора — дать ей право самой повышать плату за жилье и коммунальные услуги (сегодня она устанавливается городскими законами). Валентина Ивановна заявила, что оперативные вопросы надо решать быстро и ей «некогда ждать, пока примут закон». Непонятно, правда, почему вопрос об изменении квартиплаты, затрагивающий интересы миллионов граждан, стал считаться «оперативным»?

Наконец, так же, как в «эпоху Яковлева», неизменно натапливаются на губернаторское «не пущать!» законы, не позволяющие администрации «решать вопросы» так, как она считает нужными. Скажем, законы, гарантирующие учет мнения петербуржцев при новом строительстве, или законы, не позволяющие бесконтрольно застраивать «зеленые зоны».

Справедливости ради отметим, что в «строительной» сфере, где массовые протесты горожан вызывали так называемая «уплотнительная застройка» сложившихся жилых кварталов, Матвиенко пошла навстречу гражданам: объявлено о годичном моратории на «уплотнение». Также объявлено и о намерении предоставлять земельные участки под застройку только на торгах — для снижения коррупции. Но пока что таких примеров крайне мало. При этом новый губернатор не скрывает, что намерена решать подавляющее большинство вопросов административным путем и

не нуждается ни в законах, ни в тех, кто эти законы принимает. Недаром в ее предвыборной программе слово «закон» практически не встречается: говорились о том, что все будет решаться с помощью «губернаторских программ»...

Выйдя как-то раз к журналистам, Матвиенко заявила: «Пока что еще депутаты хотят держать руку на пульсе и что-то контролировать, но мы это поправим». Кстати, на заседаниях городского правительства депутаты уже не пускают за столы, предназначенные для чиновников, а рассаживают на стульях вдоль стен. Привыклята Валентина Ивановна, что депутаты — не более чем придиаток к исполкому, так что же ей, теперь привычки менять?

За что боролись?

В предновогодние дни Петербург занесло снегом — передвигаться по городу стало почти невозможнo. Общественный транспорт как будто исчез, а переполненные «маршрутки» безнадежно застревают в «пробках». При этом Валентина Ивановна с телеэкрана уверяла горожан, что закуплено множество снегоуборочных машин, и регулярно появлялась в кадре в белой норковой шубе и на высоких каблуках. Врезультате в очереди на остановках и в «маршрутках» начал все громче звучать рефрен «При Яковлеве было лучше». Наиболее «продавинутые» вспомнили предвыборную программу Матвиенко, где она обещала «вернуть общественный транспорт на улицы города», и упомянули нового губернатора не очень тихим и не очень добрым словом.

Надо сказать, что Валентина Ивановна много чего обещала. Навести порядок с лекарствами, дорожающими день ото дня, помочь пенсионерам и «бюджетникам», добиться выделения городу денег из федерального бюджета и так далее. На практике ничего этого нет и в помине. Зато регулярно возникают скандалы, связанные с намерениями Матвиенко передать тот или иной объект в федеральную собственность. Скажем, знаменитую «Свердловскую» больницу и санаторий «Белые ночи», где лежат питерских ветеранов, передает Управлению делами президента. Ну а о стрелении губернатора выселить Российский государственный исторический архив и поселить на его месте «федеральные структуры», писали все ведущие российские СМИ...

Что же, каждый народ достоин своего правительства, а каждый регион — своего губернатора. Жаль только, что результат полутора десятилетий «демократической эры», начавшейся с выборов 1989 года, в Петербурге можно определить как путь от Ходырцева к Матвиенко.

Хочется спросить у тех, кто тогда выходил на площадь: за что боролись? Или позавчерашняя номенклатура чем-то лучше вчерашней?

Алексей Кудрин: Всероссийский главбух

Говорят, когда президенту Владимиру Путину надо уточнить какую-нибудь бюджетную цифру, он звонит министру финансов Алексею Кудрину — в полной уверенности, что получит исчерпывающий ответ немедленно. И хотя время от времени появляются слухи о том, что те или иные просчеты могут стать источником неприятностей для Кудрина, его положение неизменно считается в российском правительстве едва ли не самым прочным. Впрочем, Кудрин и Путин знакомы почти полтора десятилетия, при этом почти три года они вместе работали в питерском правительстве, занимая должности первых заместителей мэра Анатолия Собчака. И за все эти годы Владимир Владимирович мог не раз убедиться в полезности Алексея Леонидовича...

Первые ступени

Оказавшись на государственной службе в 1990 году, Алексей Кудрин затем только поднимался по служебной лестнице. Конечно, были и более стремительные карьеры — путь от младшего научного сотрудника до вице-преьера ныне «герои смутного времени» проходили быстрее. И все же «торопившийся медленно» Кудрин за эти годы немало успел.

«Доперестроечная» биография Алексея Кудрина похожа на десятки других биографий российских «радикал-реформаторов». Отец Кудрина был военным, семье приходилось переезжать с места на место, и потому 12 октября 1960 года Алексей появился на свет в латвийском городе Дюбеле, школу заканчивал в Архангельске, в 1978 году поступил на экономический факультет ЛГУ и в 1983 году его окончил.

Специальность у него была самая что ни на есть дьявольная — политэкономия, и, не случись в конце 80-х внезапная демократия, читать бы профессору Кудрину до конца дней студентам лекции о преимушествах социалистической экономики перед за-

нивающей капиталистической. Но гранула перестройка — и в 1989 году, когда Кудрин мирно трудился в ИСЭП (Институт социально-экономических проблем), ему с группой коллег пришла в голову мысль об избрании нового директора института. Подобрать варианты тогда были в большой моде — партия решила поэкспериментировать с выборностью руководства.

Сперва Кудрин предложил стать директором ИСЭП Егору Гайдару — тот отказался. Потом — Александру Шохину. Результат был тот же. И тут на горизонте возник еще один человек из того же неформального «экономического кружка», что и Гайдар с Шохиним, — доцент заштатного Ленинградского инженерно-экономического института Анатолий Чубайс. Его и выставили на выборы директора — правда, неудачно. Сегодня, впрочем, можно об этом лишь пожалеть: глядишь, займись тогда Гайдар с Чубайсом реальным делом, а не кухонными дискуссиями и мечтами об устройстве российской экономики на чилийский лад, может, и обошли бы стороной Россию и «шоковая терапия», и ваучерная приватизация, и борьба с инфляцией путем невыплаты зарплат...

После этой истории Кудрин вошел в указанный выше «кружок» и с той поры, как считается, остается одним из самых близких к Чубайсу людей — как идеологически, так и по-человечески. Правда, в знаменитый ленинградский клуб «Перестройка», откуда потом, как из тоголевской «Шинели», вышло большинство лидеров питерского демократического движения, Кудрин не пошел. В результате этого в 1990 году, когда демократы получили в только что избранном Ленсовете большинство, Кудрина мало кто знал, и ни на какой серьезный пост претендовать он не мог. Серьезный пост, впрочем, получил Чубайс, став первым заместителем председателя Ленгорисполкома Александра Щеканова и одновременно — председателем комитета по экономической реформе Ленгорисполкома. Одним из своих заместителей Чубайс назначил Кудрина, поручив ему разработку концепции свободной экономической зоны.

Данная идея — с организацией экономического рая в отдаленно взятом городе путем освобождения от всех налогов, после чего предприниматели должны были повалить в зону табунами, — некоторое время была очень популярна. Особенно тогда, когда вокруг уже были карточки и пустые полки. Сама идея блистательно провалилась, тем не менее в сентябре 1991 года Кудрин стал заместителем председателя комитета по управлению свободной экономической зоной.

Весь комитет состоял из десятка человек, а делать комитету было решительно нечего (в силу отсутствия объекта управления). Понятно, что на такой должности Кудрин должен был откровенно

но скучать, и как только представился случай сменить работу, он им воспользовался. И занял пост зампреда другого комитета мэрии, куда более серьезного — комитета по экономическому развитию (КЭР). В этой должности Кудрин проработал почти год и сумел поправить Собчак. Когда мэр решил создать вместо прежнего Главного финансового управления отделимый финансовый комитет, в августе 1992 года он предложил депутатам Ленсовета для утверждения в должности его руководителя именно Кудрина.

Господин «Нет»

Главным финансовым Петербурга Кудрин проработал почти четыре года, при этом его полномочия даже возросли. После разгона горсовета в декабре 1993 года Анатолий Собчак, уже не стесненный контролем со стороны депутатов, провел масштабную реорганизацию городской власти. В частности, мэр ликвидировал КЭР, создав на базе его и финансового комитета комитет экономики и финансов. Председателем комитета и одновременно первым заместителем мэра стал Кудрин. И на ближайшие два года превратился во второго по значимости человека в системе городской власти. Вель от «министра финансов» городского правительства зависело очень и очень много, если не все. Деньги были нужны всем, и все пути-дорожки вели в кабинет Кудрина.

Занимая должность господина «Нет», что вообще свойственно для руководителей финансовых органов, Кудрин вел перманентное сражение с еще одним первым заместителем мэра — Владимиром Яковлевым, который отвечал за городское хозяйство. В каждой битве за городской бюджет Яковлев стремился увеличить ассигнования в «своей» сфере, а Кудрин — этого ему не позволять. Яковлев начал искать поддержку у соседней «ветви власти» и нашел ее в бюджетно-финансовом комитете питерского Законодательного Собрания и в комиссии ЗС по городскому хозяйству. Так случилось, что оба эти органа возглавлял один и тот же человек — лидер петербургского «ЯБЛОКА» Игорь Артемьев (ныне — глава Федеральной антимонопольной службы). Если бы Собчак мог предположить, что этому союзу хозяйственников и политиков суздено похорошить его надежды на второй срок правления, он, наверно, выдвинул бы на городское хозяйство любые деньги...

Впрочем, проводить жесткую финансовую политику Кудрину удавалось далеко не всегда. Городской бюджет был хронически дефицитным и «непрозрачным», и мэрия сопротивлялась любым попыткам депутатов добиться подробной расшифровки городских расходов, не позволяющей исполнительной власти тратить деньги так, как она считает нужным. Все это плохо укладывалось в рамки либеральной идеологии, которую исповедовал Кудрин, однако он почти не отстаивал свои позиции. Порой он вы-

гупал явно в «нелиберальном» стиле: скажем, был категорически против включения в бюджет конкретной расшифровки перечня объектов капитальных вложений, противился децентрализации финансовой сферы города и созданию районных органов местного самоуправления. Почему?

Ответ на этот вопрос может быть дан двоякий. Говорят, что Кудрин всегда крайне раздраженно относился к попыткам ограничить «свободу рук» мэрии в распоряжении финансами. А с другой стороны, Собчак всегда требовал от городского «министра финансов» выполнять приказы, а не обсуждать их. Кудрин выполнял — и не раз попадал в неприятное положение.

Люди успешивости

Так, достаточно широкою огласку получила история, случившаяся летом 1994 года, — по требованию Собчака Алексеей Кудрин «перебросил» несколько десятков миллионов рублей, предназначенных на строительство и реконструкцию метрополитена, на затеянные маром Игры доброй воли. Думские депутаты от Петербурга это раскопали и весной 1995 года устроили громкий скандал, но все сошло мэрши с рук. Вспомнили об этом, когда в ноябре 1995 года случилась авария на Кировском-Выборгской линии метро (окончание ремонта планируется лишь на конец мая 2004 года) и огромный район оказался почти отрезан от центра города.

Другой пример — осенью 1995 года под гарантии городского бюджета был взят у ОНЭКСИМбанка кредит в 15 млрд руб. для медико-санитарной части № 122. Заместители мэра «проработали» вопрос по прямому указанию Собчака, между тем кредит так и не был возвращен, а город в итоге понес значительный материальный ущерб и был вынужден в счет кредита и штрафов на 49 лет отдать банку в аренду половину Дома политехсовещания у Смольного.

Впрочем, истории подобного рода были редки, и по большей части финансовые решения Кудрина были достаточно грамотными и профессиональными. Время от времени начинали ходить слухи: вот-вот Ельцин и Чубайс заберут его от Собчака в Москву на какую-нибудь высокую должность. Однажды вопрос уже считался решенным — Кудрин вот-вот должен был получить поручение заместителя министра финансов, но поменял упомянутый скандал с финансированием Игр доброй воли. И все же Кудрин ушел, но лишь после того как Собчак проиграл губернаторские выборы 1996 года.

С предвыборной кампанией Собчака связана одна из самых трудных страниц карьеры Кудрина. Горячее желание мэра остаться на второй срок понять было непросто, и перед выборами

делалось все, чтобы создать обстановку временного социально-экономического зыб в отдележно взятом городе. Откуда брали деньги? Естественно, в долг — на рынке городских облигаций под сумасшедшие проценты (до 200% годовых) и на суперкороткие сроки — около трех месяцев. Казалось бы, занимая деньги «на стороне» под такие проценты, мэрия должна была беречь столб дорогого доставшиеся средства как зеницу ока. Но не тут-то было: беспроцентные судья, дотации, займы и поручительства города по чужим кредитам сыпались как из рога изобилия.

Не видеть всего этого Кудрин не мог. Но и помешать тоже не мог. Мог, наверное, хлопнуть дверью, видя, как рушится финансовая система города (через два с половиной года Артемьев, сменивший его на посту главного финансиста Петербурга, так и поступил, когда губернатор Яковлев пойдет по «пути Собчака»), но не решился, если даже и хотел. А может быть, рассчитывал, что Собчак сумеет остаться маром и потом ситуацию как-то уладится «разрулить».

Собчак остаться не сумел — и Кудрин, хорошо понимая «правила игры», не сомневался в дальнейшей. Было понятно, что люди, которые определяли курс администрации Собчака, будут быстро отправлены в отставку. А Кудрин при этом еще и знал об особой «любови» к нему нового губернатора. И как и некоторые другие члены «собчачковского» правительства — Владимир Путин, Дмитрий Козак, Виталий Мутко, — написал заявление об отставке. Козака уговорил остаться Владимир Яковлев, а Путина (вопреки распространенному мифу) и Кудрина не уговаривал никто. Путин ушел на должность заместителя управляющего президентом, Кудрин же — на должность начальника Главного контрольного управления (ГКУ) и заместителя руководителя администрации президента. Стоит напомнить, кто был тогда руководителем президентской администрации: Анатолий Чубайс...

Путешествие из Петербурга в Москву

Заняв пост начальника ГКУ, Кудрин начал часто появляться на телеэкране. Прежде ГКУ было незаметной структурой — с приходом Кудрина была проведена серия показательных мероприятий в регионах (в частности, в Приморье) и обещаны наказания для нарушителей. Скорее всего, Чубайс, привычно усиливавший статус структуры, которой руководил, стремился сделать из ГКУ «путяго» для непослушных губернаторов. Однако активность ГКУ сошла на нет, как только Ельцин начал готовиться к операции на сердце. Впрочем, весной 1997-го выздоровевший президент решил реорганизовать правительство, и в нем появились «молодые реформаторы» — первые вице-премьеры Чубайс и Немцов. Поскольку Чубайс по совместительству занял еще и пост министра

финансов, Кудрин последовал за ним. И был назначен де-юре первым заместителем министра, а де-факто — стал министром.

Многие полагали тогда, что оформление в должность первого лица — дело решенное, и через какое-то время Анатолий Борисович, оставшись только первым вице-премьером, освободит для Кудрина министерское кресло. Однако осенью 1997 года гранулы известный скандал с «делом писателей», после которого Чубайс потерял пост министра финансов, а Кудрин остался первым замом без надежды на скорое повышение. После этого пошли слухи, что его вот-вот выживут и с этого поста, но резких движений так и не последовало. Более того, даже после отставки Черномырдина и ухода Чубайса из правительства в марте 1998 года Кириенко оставил Кудрина на прежней должности. Дальше был дефолт, к которому Кудрин прямого отношения не имел, поэтому и в правительстве Примакова ему удалось сохранить свой пост. Но было видно, что Евгений Максимович готовится присутствию людей с либеральными взглядами, и в январе 1999 года Кудрин ушел сам — и вновь к Чубайсу, став его заместителем в правлении РАО «ЕЭС». Интересно, что место Кудрина в Минфине предлагали Артемьеву, но тот отказался.

Впрочем, в РАО «ЕЭС» Алексей Леонидович задержался не очень долго — Владимир Путин, став в августе 1999 года премьером, возвратил его на прежнюю должность первого заместителя министра. Ну а после того как министр финансов Михаил Касьянов стал первым вице-премьером и первым кандидатом на пост премьера при Путине-президенте, о Кудрине вновь заговорили как о будущем министре.

После президентских выборов 2000 года прогнозы относительно Кудрина оправдались — он не просто получил пост министра финансов, но и стал вице-премьером, фактически повторив карьерный вариант Анатолия Чубайса образца 1997 г. Более того: Кудрин де-факто занял пост первого вице-преьера, если принять во внимание объем полномочий, который был ему передан.

Высшее счетоводство

Четыре года, проведенные Алексеем Кудриным на посту «российского глабуха», удачно совпали с крайне благоприятной экономической ситуацией за счет нефтяных сверхдоходов. И потому ярко выраженный консерватор Кудрин мог позволить себе быть впопне либеральным: в частности, предлагать и поддерживать снижение различных налогов. При его активном участии были приняты и «пробиты» решения о введении «плюской» шкалы подоходного налога и снижения налога на прибыль, об отмене налога с продаж. История с последним из упомянутых налогов достаточно показательна: летом 2003 года, когда бо́льшая группа

депутатов Госдумы требовала сохранить этот налог, Кудрин заявил, что готов выслушать всех, но менять позицию не будет. А в конце года призвал крупные торговые сети снизить цены в связи с предстоящей отменой НДС.

Цены, правда, мало кто снизил, но на репутацию вице-преьера это не повлияло. Надо отметить, что Кудрин традиционно (начиная с Петербурга) имел хорошую «прессу» — большинство упоминаний о нем были впопне благожелательны...

Если говорить о бюджетной политике, то в бытность Кудрина министром финансов, ответственным за составление главного финансового документа страны, бюджет стал проходить через Госдуму практически без проблем. С одной стороны, это заслуга Кудрина, который не жалел времени для общения с разными фракциями, с другой — и парламент в эти годы все меньше и меньше был готов спорить с правительством.

При всем этом Кудрин продолжал оставаться господином «Нет», сопротивляясь большинству попыток увеличить те или иные бюджетные траты. И даже возглавил правительственную комиссию по оптимизации бюджетных расходов, которая, впрочем, так ничего толком и не оптимизировала. Хотя отдельные громкие заявления, исходящие от Кудрина по этой части, вызвали весьма громкую реакцию: например, как-то он заявил о намерении резко сократить число бюджетников, после чего дезавуировать это заявление пришлось чуть ли не президенту. Но никаких неприятностей для него не последовало. По крайней мере, заметных.

Среди других его деяний, имевших впопне положительный резонанс, стоит отметить историю с переводом счетов таможен в федеральное казначейство, что лишило коммерческие банки возможности «прокрутки» миллиардов долларов.

Впрочем, на счету Алексея Леонидовича за эти годы были не только достижения. Критиковать его было за что — просто мало кто этим занимался. Так, именно Кудрин, став министром финансов, стал одним из главных идеологов «перекачки» налоговых доходов из регионов в центр. И сегодня соотношение доходов центра и регионов составляет в процентах примерно 70:30.

Обосновывая изъятие доходов региональных бюджетов, Кудрин обычно говорил, что в разных регионах собираются разные доходы, неравенство которых (в расчете на душу населения) слишком велико, и в итоге одни живут неоправданно хорошо, а другие — неоправданно плохо. О том, что деньги, отнятые у «сильных» регионов, пойдут на помощь «слабым». О том, что такая концепция налоговой реформы, которая неизбежно должна затривать чьи-то интересы, и так далее.

Между тем все эти аргументы лукавы. Доходы регионов действительно неравны. Но политика центра предрасполагает не

столько выравнивание доходов, сколько сокращение доходной базы всех регионов в свою пользу. А «помощь слабым» оборачивается фактически необходимостью дотационных регионов выпрашивать положенные трансферты в приемной министра финансов.

«Либеральным автором авторитарных реформ» назвал Алексей Кудрина один из питерских журналистов, все последние годы неизменно воспевавший «чубайсовскую команду реформаторов». Мол, Кудрин предпочел авторитарный вариант реформирования страны варианту демократическому, поскольку за последние годы полностью адаптировался к кремлевским правилам игры. А его позиция в отношении дела Ходорковского, где Кудрин решительно поддерживал точку зрения Кремля, хотя и не принесла ему тактических дивидендов, но, скорее всего, расширила его возможности на посту министра финансов.

Что же, в ближайшее время Кудрину предстоит непростые задачи. Во-первых, проводить бюджетную реформу (здесь Кудрин заявляет, что все бюджетные ведомства, организации и учреждения будут получать деньги только под реализацию конкретных функций), во-вторых, как-то решать возникшую сейчас проблему нехватки средств на пенсионные цели. Последняя задача видится крайне легкой: после того как Кудрин активно подержал снижение единого социального налога, тут же выяснилось, что это ведет к сильнейшему дефициту бюджета Пенсионного фонда. Откуда министр финансов возьмет деньги — загадка. Наконец, именно на него сейчас будет возложена ответственность за очередные шаги налоговой реформы, связанные с предстоящим увеличением налогов на сырьевой сектор, ростом акцизов и налогов на недвижимость...

Сумеет ли в этих условиях Алексей Кудрин остаться вне критики — очень большой вопрос.

Дмитрий Козак: Юрист для обычных поручений

Дмитрий Козак — одна из наиболее любопытных фигур в российской власти последних лет.

Высококлассный юрист, он ни разу не возвысил свой голос, когда закон открыто использовался как «дубина» для расправы с неугодными.

Вот уже четыре года ему прочат самые высокие посты, но он неизменно получает менее значительные, хотя и влиятельные должности.

Его внешняя открытость обманчива: подробности его частной жизни практически никому не известны.

С его именем не связан ни один скандал, на него никто не пытался обнародовать какой-либо «компромат», его никогда не обвиняли ни в каких злоупотреблениях.

Его карьера — это карьера профессионала, который может служить любой власти, грамотно обосновывая ее желания.

Возможно, именно потому его так ценит Владимир Путин — недаром сейчас говорят, что Козак поставлен в качестве преемника денеского «смотрящего» за правительством...

В Питере его сравнивали с Чеширским Котом: казалась, улыбка Дмитрия Козака оставалась висеть в воздухе даже после того, как ее хозяин уже пощипался и убежал. Сравнение было тем более точным, что искренняя открытая улыбка Дмитрия Николаевича вовсе не означала, что ее хозяин столь же открыт...

«Родился 7 ноября 1958 года в Кировоградской области Украинины. В 1985 году окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «правоведение». Работал в прокуратуре Ленинграда, Ассоциации морских портов. С 1990 года работал в юридическом управлении Ленин-

«Московские новости», 30 апреля 2004 года (в соавторстве с Викторией Работновой).

горисполкома... Женат, двое детей», — пишет о нем справочник «Кто есть кто в Санкт-Петербурге».

Депутаты первого демократического Ленсовета, избранные в 1990 году, застали его уже в Марининском дворце. Заместитель начальника юридического отдела (высшего действия — начальник юридического управления) курировал многие вопросы: без его визы ни одно решение представительного органа не могло выйти за стены Марининского дворца.

С Козаком спорил, Козака ругали, но его квалификацию никто никогда не ставил под сомнение. Депутаты, нуждающиеся в юридических консультациях, разумеется, обращались к нему за советом. То же очень быстро стали делать и работавшие в Марининском жюриалисты. В таких случаях говорят, что двери в его кабинет не закрывались, но в данном случае все было с точностью до наоборот: частенько двери эти были заперты даже тогда, когда Козак сидел на своем рабочем месте. Поставленные участвовали условный стук, непосвященным же могло показаться, что в управлении плетут интриги.

Однако в реальности все обстояло куда проще. Нагрузка на тор-советовских юристов возростала, и Козак освобождал себе время для того, что он считал более важным. Председатель Совета Александр Беляев пытался обязать главного юриста присутствовать на заседаниях, но дальше предложенной приковать его цепями к креслу делу не пошло: Козак предпочитал следить за работой Совета по телемонитору. Когда кто-то из депутатов предлагал заслушать мнение юридического управления, на лестнице слышался топот ног: «Управление» мялось в зал, на бегу формулируя свое мнение.

Подобные вольности, в принципе не допустимые в нынешних органах власти, в ту пору не вызывали раздражения. Ленсовет был удивительным органом — две трети депутатов пришли во власть из неформальных объединений и клубов, рожденных эпохой «демократической весны», — и потому никакой субординации в принципе не было. Журналисты, работавшие в Марининском дворце, и постоянно приходявшие туда активисты общественных объединений считали депутатов «своими» и были на «ты» с большинством из них. Точно так же «своими» стал и Козак. У него охотно брали интервью, тем более что он обладал редким даром ясно и просто развешивать самые сложные юридические вопросы.

После того как Ленсовет был в декабре 1993 года разогнан президентским указом, Козак был назначен начальником юридического управления еще не избранного Законодательного Собрания и стал ждать, когда в Марининском дворце появятся новые законодатели. Но Собрание смогло начать работу лишь в декабре 1994 года — между тем еще в сентябре Анатолий Собчак пригласил Козака стать председателем юридического комитета мэрии.

Козак согласился — и проработал «главным юристом» Смольного более четырех лет. Более всего ему пришлось заниматься «челночной дипломатией», играя роль посредника между мэрией и Законодательным Собранием. И надо сказать, роль удавалась: в одних случаях Дмитрию Николаевичу удавалось уговорить депутатов проголосовать за предложение мэра, а в других случаях, наоборот, убедить мэра согласиться с позицией депутатов. В итоге репутация Козака как безупречного и неантажированного профессионала еще больше укрепилась. Что сыграло свою роль летом 1996 года, когда Собчак проиграл губернаторские выборы Владимиру Яковлеву.

Перед этими выборами вся команда Собчака торжественно поклялась уйти в случае его проигрыша. На самом же деле после выборов в отставку подали только двое: Козак и заместитель мэра Виталий Мутко (нынешний сенатор от питерской администрации). Первые заместители мэра Владимир Путин и Алексей Кудрин и хотели бы остаться, но им немедленно указали на дверь, а все остальные члены питерского правительства, не считая на клятвы верности, предпочли перейти на службу к новому губернатору. Остался и Козак, но инициатива исходила не от него — Яковлев, не желавший терять такого профессионала, упросил его вновь занять прежнюю должность, а затем сделал вице-губернатором. После чего Козак продолжил свою «челночную дипломатию» между Марининским дворцом и Смольным.

В 1996–1998 годах в Законодательном Собрании Дмитрию Николаевичу приходилось отстаивать позиции Яковлева, а они далеко не всегда совпадали с его собственными. Все быстро научились распознавать, когда он высказывает свое мнение, а когда излагает то, что ему положено по должности. «Марининская» примета: чем шире и ослепительнее улыбка Козака, тем меньше он верит в то, что говорит...

К концу 1998 года отношения Яковлева и Козака испортились — по разным причинам. Губернатор был крайне недоволен принятием Уставом города — ему напечтывали, что Козак-де недостаточно активно препятствовал его принятию. Яростным оппонентом Яковлева был председатель Законодательного Собрания Юрий Кравцов — близкий друг Козака... В итоге, проекты распоряжений губернатора все чаще шли в обход юридического комитета, а те, кого Козак считал своими единомышленниками в городском правительстве, либо уже ушли, либо собирались это сделать. В конце концов, он решил уйти — отставка состоялась в декабре 1998-го.

К тому времени было уже ясно, что либералы теряют влияние. «Дмитрий Николаевич, а когда вы уйдете из администрации?» — с таким неординарным вопросом к Козаку обратились

один из журналистов. «Вы считаете, что пора? — ответил председатель юридического комитета, закуривая сигарету. — Хорошо, я подумаю». Думать ему, судя по всему, было уже не о чем: тем же вечером он написал заявление об уходе по собственному желанию. Если бы Козак был политиком, то за этим бы последовала серия громких пресс-конференций. Однако он повел себя не как политик, а как хороший юрист — разорвал контракт с клиентом, не пользуясь его советами, но сохранил в секрете всю доверенную ему информацию. И заявил всем знакомым, что наскелда «завязывает» с государственной службой. Безработица юристу такого уровня явно не грозила...

Сразу после отставки «московские петербуржцы» — Сергей Степашин, Владимир Путин, Анатолий Чубайс, Герман Греф и другие — пытались зазвать Козака на работу в Москву, но он неизменно отказывался. И все же «завязать» не удалось: в августе 1999 года Путин стал премьером и уговорил его перейти на работу в правительство.

Козак стал руководителем правительственного аппарата и одним из «архитекторов» кабинета — и когда Путин был избран президентом, считался претендентом на самые высокие посты, вплоть до вице-преьера или руководителя президентской администрации. Разговоры усилились, когда после избрания Путина именно Козаку было поручено комментировать процесс формирования правительства. А затем... затем случилась известная история с несостоявшимся назначением Козака Генеральным прокурором. В июне 2000 года из Кремля в Совет Федерации «просочилась» информация о том, что именно Дмитрий Козак вот-вот представит на этот пост президент — и комитет по конституционному законодательству СФ даже успел заранее одобрить это назначение. А на следующее утро в СФ действительно поступило представление — но не на Козака, а на Владимира Устинова. Ошеломленные «сенаторы» проголосовали «за» и лишь потом начали гадать — что случилось?

После несостоявшегося назначения выяснилось, что в правительстве место Козака уже занято — по неписаным правилам руководителя правительственного аппарата должен быть «человеком премьерера», а у Михаила Касьянова имелся свой кандидат на эту должность — Игорь Шувалов. Одно время ходили слухи, что Козаку прочат пост министра юстиции — но и этот пост получил не Козак, а Юрий Чайка. В конце концов, Дмитрий Николаевич стал заместителем Александра Волошина и три с половиной года играл роль кремлевского «юриста для особых поручений». Именно ему были поручены две ключевые реформы последних лет: судебная и административная.

Обе реформы, в которые Козак вложил немаловечно много

усилий, принято относить к его достижениям, но на самом деле их трудно признать удачными. Ведь, скажем, говорить сегодня о независимости отечественных судов можно только в насмешку. Да, прокуратуру формально лишили права на арест, следовые прерогативы суда. Но, когда суды «штампуют» прокурорские представления на арест, игнорируя аргументы защиты, что меняется для граждан? Другое дело, что не Козак в этом виноват...

Не лучше обстоят дела и с административной реформой, где на словах все замечательно: все «этажи» власти должны иметь четко закрепленные полномочия и все должны жить по средствам. Единственный недостаток этой стройной конструкции (правда, полностью ее опроверживающий) — отсутствие средств: вместо того чтобы иметь четко закрепленные доходы, регионы и муниципалитеты должны жить на «коротком поводке» и ждать дотаций и субвенций от «вышестоящих» органов власти. Изменить ситуацию могло бы изменение Бюджетного и Налогового кодексов — но этому категорически противился Минфин. Конечно, и здесь Козак хотел как лучше, но у него, видимо, не хватило влияния.

В ноябре 2003 года аппаратный вес Козака повысился — после ухода Волошина он стал первым заместителем руководителя президентской администрации. Как и раньше, ему прочили должность «первого лица», но она досталась Дмитрию Медведеву. Ну а затем Козак возглавил прецедентный штаб Путина. При том что Путину для переизбрания не нужно было никакого штаба, это выглядело очередным признаком грядущего повышения. Неизвестно при этом, насколько законными считал юрист Козак, например, телеобращения выслушивания президента перед доверенными лицами, а также его многократное информационное превосходство над конкурентами — точку зрения Дмитрия Николаевича на этот счет узнать не удалось...

После недавней смены правительства началась реформа кабинета — и в ней, как известно, Козак играет ключевую роль. Говорят, что ему предлагали пост премьерера, но он отказался, предпочтя заниматься конструированием новой структуры исполнительной власти. Инициатива оказалась наказуема — Козак вновь стал руководителем правительственного аппарата, и уже успел вступить в острый конфликт со своим недавним соратником Алексеем Кулиным и Германом Грефом — в частности, по поводу чистки заместителей министров и функций министерств. Однако именно точку зрения Козака поддержал президент, и тот факт, что в его полномочия теперь входит даже «обеспечение единства исполнительной власти в Российской Федерации» (1), доказывает, что его фактическая власть серьезно превышает положенную по должности.

Действительно, если раньше руководитель аппарата был лишь начальником канцелярии и отвечал за прохождение бумаг, то

теперь он отвечает за взаимодействия правительства с администрацией президента, с Генпрокуратурой, Конституционным, Верховным и Арбитражным судами. И он же готовит повестки дня заседаний правительства и контролирует, как исполняются президентские поручения. Недаром Козака называют «параллельным премьером»...

То, что кремлевские «коридоры власти» сильно влияют на людей, было замечено давно. Одно время казалось, что Дмитрий Козак будет исключен, и все же изменения наступили. Так, например, когда осенью 2002 года к нему обратились за помощью в борьбе против засилья «административного ресурса» во время выборов питерского Законодательного Собрания, главный юрист Кремля улыбулся своей знаменитой улыбкой и развел руками: а что я могу? Конечно, он лукавил — мого-то Козак очень много. Может быть, просто не хотел?

Владимир Яковлев: последний бросок на Юг

В ноябре 2004 года полпред президента в Южном федеральном округе, экс-вице-премьер и экс-губернатор Петербурга Владимир Яковлев отметит свое 60-летие. Но вряд ли, достигнув этого рубежа, он отправится на пенсию. Ведь до сих пор его «политическая устойчивость» неизменно оказывалась выше, чем предполагали скептики...

Инженер

Первые тридцать лет карьеры Владимира Яковлева были на удивление стандартными: с 1965 по 1995 год он методично поднимался по петербургским строительно-хозяйственным ступеням.

Мастер на стройке, главный инженер ремонтно-строительного управления, начальник производственного отдела управления капитального ремонта, управляющий ремонтно-строительным трестом. В отличие от многих, чья судьба складывалась аналогично, Яковлев ни дня не провел на основательно партийной работе, правда — в 1980—1982 годах был зампредом одного из районных исполкомов Ленинграда. С этим была связана, пожалуй, единственная его служебная неприятность: получил выговор «за личную нескромность» (купил автокашину вне очереди) и был отправлен обратно в жилищное хозяйство, где вновь преуспел: в 1987-м — заместитель начальника Жилищного управления Ленгосисполкома, затем — уже в демократические времена — главный инженер Городского управления жилищного хозяйства.

Попутно Яковлев учился: сначала (в 1974-м) закончил заочный институт, затем защитил диссертацию — стал кандидатом экономических наук. Впрочем, его научный гений не стоит переоценивать: ученая степень была лишь необходимым приложением к высокой должности. Впоследствии, став питерским губернатором, Владимир Анатольевич и вовсе займет должность профессора кафедры городского хозяйства в Политехническом институте...

«Политический журнал», 16 августа 2004 года (в соавторстве с Викторией Работновой под названием «Стойкий хозяйственник»).

В июне 1993-го последовал резкий скачок вверх, через несколько ступеней. После очередной перекройки структуры управления городом мэр Анатолий Собчак создает в администрации комитет по управлению городским хозяйством и назначает его председателем (в ранге заместителя, затем — первого заместителя мэра) Владимира Яковлева.

Став, по сути, главным инженером Петербурга и войдя по должности и по влиянию в первую пятерку городских политиков, Яковлев на протяжении двух с половиной последующих лет был «человеком тени». Он не баллотировался ни в какие выборные органы, не делал никаких политических заявлений, его редкие выступления в СМИ были посвящены исключительно профессиональным вопросам: содержание жилья, дороги, благоустройство, отопление, озеленение... Конечно, его прекрасно знали все управленцы и многие предприниматели, однако, рядовым избирателям его фамилия практически ничего не говорила. Нельзя сказать, чтобы в городе вообще не рассматривали Владимира Анатольевича как одного из возможных претендентов на губернаторский пост, но для подавляющего большинства петербуржцев решение Яковлева баллотироваться стало неожиданным.

Одни считают, что оно было подказано будущему губернатору «извне», причем чуть ли не в последний момент. Другие полагают, что к грядущему восхождению он начал готовиться заранее. Истина, скорее всего, где-то посередине. К концу 1995 года Владимир Яковлев не мог не начать задумываться о своем будущем. По утверждению Анатолия Собчака, он был недоуложен работой своего первого зама и твердо решил, что в новом составе правительства для него места не будет. Можно было попробовать «сменить столпу» и поискать работу в российских структурах исполнительной власти. Но Москва в те времена не представлялась устойчивым пристанищем — в конце 1995-го рейтинг Ельцина достиг устрашающе низкого уровня, и смена власти после президентских выборов представлялась весьма реальной. Третий вариант — бросить вызов действующему мэру — по всем внешним признакам представлялся самым рискованным. Но еще тогда говорили, что за неожиданным выдвижением Владимира Анатольевича стояли высокопоставленные москвичи, заинтересованные в свержении Собчака и гарантировавшие своему «протекже», что в случае поражения займутся его трудоустройством. Иначе — откуда у далекого от политики претендента появились не только значительные средства на кампанию, но и класные имиджмейкеры, организовавшие его «раскрутку»?

21 марта 1996 года Владимир Яковлев сделал первый предвыборный ход: обнародовал открытое письмо к Анатолию Собчаку, в котором обвинил своего шефа в нежелании заниматься хозяй-

ственными вопросами и той самой «черновой» работой, без которой невозможно нормальное развитие города.

Листовки остались главным «оружием» Яковлева на протяжении всей кампании, потому как выхода в городские газеты, а тем паче — на телевидение, он практически не имел. Зато выпускались они достаточно часто и гигантскими тиражами — таким образом, в кратчайшие сроки удалось сформировать образ «питецкого Лужкова», губернатора-практика, противостоящего «теоретнику Собчаку». Но главным фактором успеха Яковлева стало образование предвыборной коалиции с лидером питецкого «ЯБ-ЛОКА» Игорем Артемьевым и бывшим вице-мэром Вячеславом Щербаковым. Перед первым туром выборов Артемьев и Щербаков сняли свои кандидатуры в пользу Яковлева, который таким образом заручился и поддержкой «яблочного» электората, и поддержкой избирателей с левоцентристскими взглядами, симпатизировавшими Щербакову.

В итоге Яковлев сумел опередить в первом туре Юрия Бодырева, который до этого считался куда более вероятным претендентом на выход во второй тур. Набрал 21% голосов, он стал вторым ввел за Анатолием Собчаком, набравшим 28%. А перед вторым туром Яковлева поддержал экс-президент Ленобласти Александр Беляев и губернатор Ленинградской области Александр Беляков, за него же (исходя из неприязни к Собчаку) голосовали и сторонники коммунистов. В итоге Яковлев опередил Собчака на 20 тысяч голосов и стал губернатором.

Возможно, если бы предвыборный штаб Собчака, возглавляемый Владимиром Путиным, действовал более профессионально, он мог бы добиться победы. Но ошибок было допущено множество — кажется, команда мэра не сомневалась в его успехе и думала не о том, как лучше вести кампанию, а о том, как показать начальнику свою преданность...

Губернатор

Первая стихийная пресс-конференция Владимира Яковлева состоялась прямо в ночь выборов, возле огромных напольных часов. Это казалось символичным — в городе начинается отсчет нового времени. Однако, несмотря на то, что в администрации пришла часть новых людей (так, посты первых вице-губернаторов заняли Артемьев и Щербаков), примерно треть правительства эпохи Собчака сохранила свои посты при Яковлеве.

Заметим, что не более чем мифом является известное утверждение о том, что после выборов Яковлев просил Владимира Путина остаться работать в Смольном, а тот гордо отказался. На самом деле будущему президенту выставили за дверь немедленно — причем, в весьма оскорбительной форме. Так же поступили с

другим первым заместителем Собчака — Алексеем Кудриным. За что, впрочем, оба они должны быть Яковлеву благодарны: если бы не вынужденный переезд в Москву — быть может, их дальнейшая карьера была вовсе не такой успешной. Особенно, карьера Путина...

В первые два года правления Владимир Яковлев был вполне успешен. Благоприятная финансовая ситуация позволяла бесперебойно платить зарплату «бюджетникам» и даже увеличивать ее, иметь бездефицитный бюджет, уменьшить городской долг, оставшийся «в наследство» от Собчака, и получить высокий кредитный рейтинг на Западе. Впоследствии, в августе 1998 года это позволило городу с минимальными потерями пережить финансовый кризис (что, впрочем, было заслугой не столько губернатора, сколько Игоря Артемьева, отвечавшего за городские финансы).

Сложности начались в 1998 году, когда Яковлев рассорился с городским парламентом. Тогда питерские законодатели приняли Устав города, с точки зрения главы исполнительной власти, абсолютно неприемлемый. Разумеется, Устав (вопреки утверждениям сторонников Яковлева) не низводил губернатора до положения английской королевы, которая царствует, но не правит, но, конечно, большинству коллег губернатора по Совету Федерации такой документ мог привидеться разве что в дурном сне. После этого Яковлев решил, что новое Законодательное Собрание, которое предстояло избирать в декабре 1998 года, должно стать куда более «послушным». К этому времени у Яковлева испортились и отношения с главными союзниками из «ЯБ/ЮКА».

Почему? Разгадка достаточно проста. Человек, «подлизавший» своего начальника, не может с доверием относиться к собственным замкам. И с некоторых пор Яковлев начал с опаской относиться к Артемьеву, становившемуся все более заметной в городе фигурой. Независимость первого вице-губернатора, в ряде случаев позволявшего себе иметь отличную от официальной точку зрения, не могла не услаивать эти подозрения. Так, летом 1998 года Артемьев публично выступил против предоставления городского поручительства по кредиту в 200 миллионов долларов для РАО «Высококоростные магистральи», при том что Яковлев открыто поддерживал этот проект. Поручительство не было предоставлено, — что впоследствии, когда эта «стройка века» лопнула, спасло город от огромных финансовых потерь, — но отношения губернатора и его первого заместителя серьезно ухудшились.

Когда наступила избирательная кампания по выборам депутатов питерского парламента, Яковлев фактически занял «антияблочную» позицию. Он поддерживал так называемый «Петербургский список», где было немало людей с криминальной репутацией (достаточно упомянуть Юрия Шутова), и предоставил карт-бланш

в городских СМИ Юрию Болдыреву, который во время кампании занимался исключительно тем, что поносил «ЯБ/ЮКО». В итоге «яблочники» получили в Законодательном Собрании только восемь мест из 50, после чего приняли решение об уходе в оппозицию к губернатору и отозвали своих представителей (в том числе Артемьева) из администрации...

В 1999 году Владимир Яковлев решил, что пора становиться политиком федерального масштаба — и вместе с Минтимером Шаймиевым, Мургазой Рахимовым и другими губернаторами стал одним из учредителей движения «Вся Россия», создаваемого с очевидным прицелом на предстоящие думские выборы. Учредительный съезд «ВР», проходивший в мае 1999 года в Таврическом дворце «северной столицы», выглядел внушительно. Караваны автобусов, курсирующих между дворцом и гостиницей «Прибалтийская» в сопровождении машин с мигалками, перекрытые магистральи и чертыхающиеся водители, прямая трансляция съезда по радио, мобилизованная на развозку автобаза Смоленского, рекламные пилты на каждом перекрестке, льющиеся комментарии в газетах и телепередачах, нефтегазовые генералы, банкиры и прославившиеся все режимы подряд народные артисты в президентской одежде...

В общем, имели место все признаки создания очередной «партии начальства», нашедшей себе очередную крышу. А уж когда в августе «ВР» объединилась с лужковским «Отечеством» и был создан блок ОВР, лидерами которого стали Евгений Примаков, Лужков, Яковлев и Шаймиев — перспективы питерского губернатора стали выглядеть почти фантастическими.

Тогда почти всем казалось, что остановить триумфальное шествие ОВР не по силам никому. Примакову гарантирован президентский пост, а Яковлеву, возможно, — премьерский. Ну а чтобы подстраховаться от неожиданностей, Владимир Анатольевич решил, по примеру Юрия Лужкова, перенести губернаторские выборы в Петербурге на более ранний срок.

Битва Москвы за Петербург

По плану они должны были пройти в мае 2000 года, но Яковлев решил совместить их с выборами Госдумы в декабре 1999 года и воспользоваться популярностью блока ОВР для того, чтобы без проблем сохранить за собой губернаторское кресло. Федеральный закон позволял такое совмещение, решавшее сразу несколько насущных для Владимира Анатольевича задач. Во-первых, соперники не успевали «раскрутиться», к тому же большинство их было занято выборами в Госдуму и не могло вести войну на два фронта. А во-вторых, Яковлев, как один из лидеров ОВР, мог при «совмещении» рассчитывать на серьезную прибавку голосов.

Указанное совмещение с трудом «продавлили» — решение было принято в отсутствие кворума в Законодательном Собрании и при помощи поддельных электронных ключей для голосования. Городской суд, тем не менее, не нашел никаких нарушений, и кампания началась. В ней участвовали Владимир Яковлев, Игорь Артемьев, Юрий Болдырев, депутаты Законодательного Собрания Сергей Андреев и Константин Севенард и некоторые другие.

Впрочем, ни губернатор, ни его оппоненты не проявляли большой активности. Яковлев рассчитывал на свой высокий рейтинг (оставлявший около 45%), а его оппоненты надеялись не столько на победу на выборах, сколько на их отмену. Артемьев, правда, успел выгнать злую «антияковлевскую» листовку, часть тиража которой тут же арестовала милиция, но это оказалось позорной, единственно запомнившимся моментом осенней кампании. И все шло к тому, что губернатор без проблем будет переизбран на второй срок — но 11 декабря (за восемь дней до выборов) Верховный Суд отменил решение об их назначении. В отлупе от городского суда, он счел вполне достаточным тот факт, что якобы присутствовавший в момент принятия решения о переносе выборов в зале заседаний депутат Валерий Селиванов в это же время, согласно справке комедиагуры Госдумы, находился в Москве...

Решение Верховного Суда вызвало бурю возмущения в Смоленском. Губернатор по 5–6 раз в день заявлял, что решение суда — якобы грубое вмешательство Москвы в питерские дела, пренебрежение волей горожан, политический заказ определенных сил и так далее. Ну а 15 декабря на Дворцовой площади был организован многотысячный митинг протеста против решения суда — факт беспрецедентный в российской политической истории. На этот митинг участвовали (большей частью, работники бюджетных организаций и городских предприятий, а также пенсионеров) доставляли автобусами, которые любезно предоставляла администрация. Но в конце концов Яковлеву пришлось смириться с «нулевым вариантом», а затем, уже после Нового года, было принято решение о назначении выборов на 14 мая 2000 года.

Главной интригой весенней части кампании был вопрос об ее участниках. Поскольку никто из городских политиков не обладал популярностью, сравнимой с популярностью Яковлева, все надежды опозиции были связаны с Центром. Тем более, что в Центре уже надежно обосновался Владимир Путин, считавшийся недолюбожелателем губернатора — с той самой поры, как Яковлев выиграл выборы у Собчака. Но кого пригласит Москва для битвы за Петербург (то есть, для борьбы с Яковлевым) — оставалось неясным.

После того как похороны Анатолия Собчака 24 февраля 2000 года превратились в своеобразную «антияковлевскую» демонстрацию (при этом Яковлев в униженной форме даже не был

допущен к участию в траурной церемонии), а Сергей Степашин заявил, что «московским петербуржцам» пора возвращаться в свой родной город, чтобы отдать ему долг», казалось, что вопрос решен. По мнению аналитиков, Степашин имел большие шансы — бывший премьер и тогда еще депутат Госдумы от «ЯБЛОКА» мог консолидировать вокруг себя и демократический, и центристский электорат. Но, встретившись в начале марта с журналистками, Степашин произнес совсем не те слова, которые от него ждали: выяснилось, что в борьбе вступит не он, а вице-премьер Валентина Матвиенко. Однако и Матвиенко через месяц, едва начав кампанию, отказалась от борьбы. Скорее всего, Путин, видя, что рейтинг Валентины Ивановны никак не поднимается выше 15%, решил не рисковать из-за нее своей репутацией.

После этого кампания оказалась достаточно предсказуемой и достаточно скучной. Тем более, что Путин публично поддержал Яковлева. Ни Артемьев, ни Болдырев не могли составить реальной конкуренции губернатору, и максимум того, на что могли рассчитывать оппоненты — это добиться второго тура, а затем надеяться на консолидацию «антияковлевского» электората. Но и этого не получил Яковлев. Яковлев легко выиграл, получив 72,7% голосов, Артемьев был вторым с 14,7%, Болдырев — третьим с 3,7%. Четвертым стал коммерсант Артем Тарасов, получивший 3,6% голосов...

Второй срок Владимира Яковлева ознаменовался сильной потерей его политического «веса»: из лидера движения, претендовавшего на роль правящей партии, и одного из вершителей судеб страны он превратился в регионального руководителя — при этом, не самого заметного. И вынужденного при этом непременно князьясь в лояльности Владимиру Путину. Но такова оказалась участь и всех прочих губернаторов, переставших после соглашения на реформирование Совета Федерации быть политиками федерального уровня. Более же существенных неприятностей вплоть до лета 2003 года Яковлев не испытывал.

Да, в город в мае 2000 года был прислан полпред президента Виктор Черкесов, который, как казалось, должен был существенно испортить жизнь губернатору и «выгнать на свет» многочисленные злоупотребления Яковлева и его приближенных — но дальше возбуждения уголовных дел против нескольких вице-губернаторов дело не пошло. К тому же, два дела «лопнувши», а одно тянется до сих пор и, скорее всего, также не закончится ничем. Правда, Черкесов обеспечил создание в Петербурге «информационного пула» СМИ, где можно было критиковать городскую администрацию. Чем активно и пользовались оппоненты Смольного, особенно — на выборах Законодательного Собрания, проходивших в декабре 2002 года.

Все понимали, что они имеют двойную цену — от их результа-

та зависел исход предстоящих выборов губернатора. Ведь для того, чтобы Владимир Яковлев смог баллотироваться на этот пост в третий раз, необходимо было изменение городского Устава. Иначе говоря — две трети депутатских голосов. Аналитики уверенно предсказывали: ради того, чтобы изменить «расклад», не будут жалеть ни сил, ни средств. И действительно не жалели ни того, ни другого: «административный ресурс» был задействован в пользу «яковлевских» кандидатов, что называется, по полной программе. Тем не менее, это не помогло: сторонники губернатора оказались в Собрании в меньшинстве.

После этого вопрос встал уже не о том, удастся ли Яковлеву пойти на третий срок, а удастся ли ему досидеть до конца второй. Оппоненты губернатора успели даже провести в первом чтении закон, сокращающий срок его полномочий и предписывающий провести губернаторские выборы не в мае 2004 года, а в декабре 2003 года, одновременно с выборами Госдумы — но затем выяснилось, что у Москвы другие планы.

В марте 2003 года в Петербург «по второму кругу» была приглашена Валентина Матвиенко, которую формально назначили подпредом, но все понимали, что именно ее и прочтат на место Яковлева. Владимиру Анатольевичу дали в конце мая 2003 года провести торжества в честь 300-летия Петербурга, а в середине июня Владимир Путин сделал ему предложение, от которого было невозможно отказаться: стать вице-премьером по ЖКХ. Многие расценили случившееся как тонко просчитанную комбинацию со стороны президента — поставить старого недруга на заведомо «провальную» сферу, где именно Владимир Анатольевич будет теперь отвечать за замерзающие регионы, падающие дома и лопающиеся трубы. Но, скорее всего, речь шла о вполне положительном соглашении: Яковлев любезно уступал свое место Матвиенко, обещая, что никто из «его» людей не будет на выборах составлять ей конкуренцию, а Путин за это обещивал ему возможность уйти красиво и с повышением. Так или иначе, Яковлев вернулся к работе по своей основной специальности...

Завхоз всея Руси

На должности «завхоза всея Руси» Владимир Яковлев провел около девяти месяцев — вплоть до марта 2004 года, когда был отправлен на Юг. Ничем особенным за это время он не отличился. Разве что активно выступал за повышение жилищно-коммунальных тарифов. Вот некоторые наиболее выразительные цитаты:

«И гражданка, и предпринимателю надо понять одно — за все надо платить. Нам придется принимать непопулярные решения, связанные с ростом тарифов. Без этого ситуация с ЖКХ не выправится».

«Для меня главное, чтобы люди усвоили простую посылку: бесplatный сыр бывает только в мышеловке».

«Мне часто отвечают, что, мол, тарифы растут, а качество услуге ЖКХ не улучшается. Оно и не может улучшиться, потому что когда надо было, тарифы росли, они стояли на месте».

«Чтобы поддерживать такое развleтывающееся хозяйство, нужны большие деньги. И с каждым годом все больше».

Все это вполне объяснимо: Владимир Анатольевич всегда был защитником ведомственных интересов жилищхоза. И искренне полагал, что все белы — исключительно в том, что граждане мало платят за жилищно-коммунальные услуги.

Все семь лет своего правления в Петербурге он двигался исключительно по «фискальному направлению» жилищно-коммунальной реформы. Защищая интересы монополистов, он категорически противился принятию законов о контроле за тарифами монополистов и о регулярном аудите монополий. Он наложил veto на закон о заключении договоров между городом и монополистами, где было бы четко указано, какие услуги и на каких условиях должны оказываться. Он легко соглашался повышать тарифы и вводить новые платежи — например, плату за «санитарное содержание придомовых территорий», которые как не убирать до этого, так и не стали убирать после введения платы. Он лоббировал введение платежей за капитальный ремонт для жителей государственных домов, «забыв» о законодательной норме, разрешающей делать это только при условии перевода обслуживания жилого фонда на конкурентную основу. При нем растет жилищно-коммунальных тарифов в несколько раз обгонял инфляцию: так, за три года при инфляции в 60% квартплата выросла в четыре раза (в том числе горячая вода и отопление подорожали в шесть раз)...

Став вице-премьером, он продолжил движение в том же направлении, заявляя: надо больше платить жилищхозу — и все нарастает. И при этом не говоря ни слова о тех проблемах, которые на самом деле актуальны для ЖКХ. Ни о том, что надо вводить процедуру «прозрачного» назначения тарифов (в либеральной Америке, например, плата за электроэнергию назначается энергетической комиссией штата, принимающей решения публично и открыто и не подчиняющейся ни губернатору штата, ни федеральному правительству). Ни о том, что надо устанавливать счетчики воды и тепла и начислять плату за соответствующие услуги исключительно по их показаниям. Ни о том, что надо дать объединенным гражданам право выступать заказчиками жилищно-коммунальных услуг (с передачей им соответствующих денежных средств) и так далее.

Впрочем, долго на этом посту он не задержался. Реформа правительства, проведенная весной 2004 года, оставила в нем только одну вице-премьерскую должность, а Владимир Яковлев был отпращен, как казалось многим, в «почетную ссылку» — полпредом в Южных округах.

Свою деятельность он начал с того, что сформулировал две главные задачи для самого «горячего» из федеральных округов: наведение порядка на дорогах и повышение культурного уровня населения. Что вызвало, мягко говоря, сильное удивление. Затем, встречаясь с «силовиками», полпред заявил, что «поставил перед ними задачу борьбы с бандализмом, терроризмом и особо выделил необходимость положить конец позорным фактам похищения людей». Ничего не скажешь, глубоко, свежо и оригинально...

Понятно, что наиболее острые проблемы, связанные с Чечней. Здесь занимаясь на Юге Владимир Яковлев, связан с Чечней. Здесь позиция, занимаемая полпредом, вполне традиционна.

Говоря о прошлом, он считает, что в свое время «итогом успехов сенартистам стал позорный для России хасануртовский мир и что в 1994—1996 годах «дефицит политической воли у тогдашнего российского руководства, фактически подчинившегося давлению террористов и либерально-патристской истерии СМИ, не позволил армии одержать победу».

Что касается нынешней ситуации, Яковлев отвергает как «некорректные и провокационные» предложения поджючить к чеченскому урегулированию структуру международного сообщения, высоко оценивает роль покойного Ахмада КадYROва и жалуется на то, что федеральные телеканалы «практически не освещают темы восстановления Чечни». В общем, ничего удивительного. Куда удивительнее было бы, если бы Яковлев призывал к переговорам с Масхадовым или возмущался действиями «эскадронов смерти», возглавляемых КадYROвым-младшим...

В последнее время Владимир Яковлев вновь начал подвигаться информационным атакам — то в одной, то в другой газете появляются статьи, весьма критично оценивающие его деятельность на Юге, обвиняющие его в непонимании обстановки и предсказывающие ему скорую политическую пенсию.

Если говорить о дальнейшей судьбе Владимира Яковлева, то здесь, что называется, возможны варианты.

Может быть, президенту понадобится на кого списать очередные неудачи в «мирном процессе» на Кавказе — и тогда экс-губернатор является первым кандидатом на вылет.

Но возможно, президенту куда приятнее знать, что его старый враг полностью от него зависит. И в этом случае «бросок на Юг» Владимира Яковлева может оказаться не последним в его карьере...

Взгляд со стороны

■ (об авторе этой книги)

Борис Вишневский — талантливый литератор и журналист, отличающийся принципиальностью и непримиримостью, за что на моей памяти неоднократно страдал от начальства.

Он — один из наиболее активных борцов за демократию в городе на Неве и именно поэтому связал свою судьбу с партией «ЯБЛОКО». Помимо этого он прекрасный сразу же поставила его в ряд серьезных писателей и позволяет надеяться, что за ней последуют другие? не менее интересные произведения.

Его неиссякаемая энергия вызывает зависть, кажется, что от него можно запитать небольшую электростанцию.

Наконец, он прекрасный и порядочный человек, что не так уж часто бывает в наши смутные времена.

Убитая фашистами еврейская девушка Анна Франк записала в своем дневнике: «Для того чтобы узнать человека по настоящему, надо хоть раз с ним поссориться.» Я однажды пытался с ним поссориться, но у меня ничего не получилось, чему я несказанно рад. Надеюсь, что за первым сборником его статей скоро появятся следующие.

**Александр Городницкий, поэт,
автор песен, академик РАЕН**

Тому, кто попал Борису Вишневскому «на перо», в жизни очень повезло.

Если кто-то стал героем его публикации, пусть даже и случайно оприцательным — он есть лицо весьма значительное в российской истории, поскольку по меркам мишеним Борис не целил.

Ну а мне повезло вдвойне: в том, что пишет Борис Вишневский, я присутствую исключительно как положительный герой. Впрочем, все еще впереди.

Буду, однако, стараться не совершать в жизни ничего такого, чтобы изменить эту лестную для меня традицию...

Предлагаю альтернативное название следующего издания книги: «Вишневый сад».

**Владимир Лукин, Уполномоченный
по правам человека в Российской Федерации**

Обозреватель «Новой газеты» Борис Вишневский обдадет исключительным качеством: живет по тем же принципам, которые защищает.

Несмотря на занятость, является свободным человеком.

Многократно отмечен как автор лучших материалов газеты.

Повседневный педантизм компенсирует страстностью публициста в своих статьях.

Ты радуешь нас, Боря...

Дмитрий Муратов,
главный редактор «Новой газеты»

За тем, как работает в СМИ Борис Вишневский, я много лет слежу с большой симпатией и неизменным интересом.

Это — не только талантливая публицистика, это еще и умная публицистика, что встречается совсем уж нечасто.

Не всегда я соглашалась с его точкой зрения, но она всегда мне интересна, потому что честна, аргументирована и неравнодушна.

Среди нынешних журналистов Борис Вишневский — один из «последних романтиков», без устали призывающий, чтобы все было честно и по справедливости — по той самой справедливости, которой в нашем мире — уввы!, — так не хватает...

Но тем более достойно внимания и уважения то, что он делает.

Борис Стругацкий, писатель

Борис Вишневский — не только один из наиболее компетентных российских политических журналистов, но, кроме того, — и это сегодня уникально — кристально честный и абсолютно искренний человек...

Григорий Явлинский,
председатель Российской демократической партии «ЯБЛОКО»

О «ЯБЛОКЕ»

«Я

БЛОКО» — старейшая демократическая партия в России, созданная осенью 1993 г. как альтернатива непродуманным радикальным реформам.

«ЯБЛОКО» трижды участвовало в парламентских выборах и трижды создавало внятельную фракцию в Думе.

Около 400 членов партии занимают выборные должности в органах власти всех уровней, среди них полтора десятка мэров.

Лидер партии Григорий Явлинский дважды участвовал в выборах Президента России. В 1996 г. он занял 4-е, в 2000 г. — 3-е место.

«ЯБЛОКО» проводит политику в интересах большинства населения страны, а не только преуспевающего меньшинства. Мы настаиваем на сокращении разрыва между богатыми и бедными. Мы защищаем интересы российского среднего класса: учителей и врачей, специалистов и студентов, военнослужащих и пенсионеров, рабочих и крестьян. Мы хотим, чтобы большинство наших граждан имели высокий достаток, стабильную работу и уверенность в завтрашнем дне, чтобы наша страна управлялась законными, была стабильной, безопасной и процветающей.

Для этого мы предлагаем Новый Демократический Курс Реформ в интересах большинства населения. Наши ценности — СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Наша цель — свободная, богатая и сильная Россия.

Спрашивайте в библиотеках

книги и брошюры,

посвященные деятельности

Российской демократической партии

«ЯБЛОКО»

- Безопасность. Доверие. Будущее. Предвыборная программа «ЯБЛОКА» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года. Москва, 1999.
- «ЯБЛОКО» действует. Только факты. Москва, 1999.
- Реформы для большинства. Москва, 1995.
- С. Митрохин*. Взять свою судьбу в собственные руки. Москва, 1998.
- Б. Вишневский*. «ЯБЛОКО» в Петербурге. Санкт-Петербург, 1999.
- «ЯБЛОКО» — городам. Муниципальная программа Объединения «ЯБЛОКО». Москва, 1999.
- Свое дело. Мы поможем! Программа поддержки малого бизнеса в России. Москва, 1999.
- О.Л. Шахмиздров*. «ЯБЛОКО» против бедности. Москва, 1999.
- Т. Ярыгина, Т. Антимова, И. Шалаганова*. Дорога в никуда: социальная политика правительства в 1996—1997 гг. Москва, 1998.
- В. Борщев*. «ЯБЛОКО» за права человека. Москва, 1999.
- В. Шейнис*. «ЯБЛОКО» за честные выборы. Москва, 1999.
- Сделаем выборы честными. Советы заинтересованным. Москва, 1999.
- С. Дон, А. Михайлов*. Как снизить налоги. Москва, 1999.
- А. Коноплинник, М. Субботин*. Государство и инвестор: об искусстве договариваться, ч. 1—2. Москва—Харьков, 1996.
- С.А. Сосна*. Комментарий к Федеральному закону «О соглашениях о разделе продукции». Москва, 1997.
- А. Коноплинник, М. Субботин*. Тяжба о разделе. Москва, 1999.
- Е. Михайлова*. О семье и детстве. Москва, 1999.
- Квартиру каждой семье! Справедливую оплату коммунальных услуг! Это возможно. Москва, 1999.
- М. Тубоковоский*. «ЯБЛОКО» — за реформу науки. Москва, 1999.
- А.З. Кузнецов*. Как защитить свои права. Москва, 1999.
- Женщины могут все, а мужчины все остальное. Москва, 1999.
- Программа Объединения «ЯБЛОКО» в области образования. Москва, 1999.

«ЯБЛОКО»: педагогическая поэма. Москва, 1999.

Э. Днепров. Три источника и три составные части нынешнего школьного кризиса. Москва, 1999.

Э. Днепров. Социально-экономические тупики образовательной политики. Москва, 1999.

А. Пинский. Сон образовательной политики: ночь перед Рождеством? Москва, 1999.

Проблемы школы. Актуальные тексты. Москва, 1999.

Парламентские слушания по 12-летию. Москва, 1999.

Как лечить наше здравоохранение? Подходы к реформе здравоохранения в России. Москва, 1999.

«ЯБЛОКО» для молодежи. Москва, 1999.

Т. Ярыгина, Ю. Белавина, Г. Балашова. Молодежь в России. Москва, 1998.

«ЯБЛОКО» за чистое небо. Экологическая программа для России. Москва, 1999.

«ЯБЛОКО» против коррупции. Москва, 1999.

Импичмент. Позиция «ЯБЛОКА». Москва, 1999.

А. Захаров. «ЯБЛОКО» против президента Б. Ельцина. Москва, 1999.

А. Минкин. Арифметика для любителей Эоганова. За бочку вареным и корзинку печеным. Москва, 1999.

Законы «ЯБЛОКА». Москва, 1999.

Кому нужна Государственная Дума? Москва, 1999.

А. Арбатюв. «ЯБЛОКО» и армия. Москва, 1999.

А. Арбатюв. Безопасность: российский выбор. Москва, 1999.

Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 2 (январь—март).

Москва, 2001.

Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 3 (апрель—июнь).

Москва, 2001.

Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 4 (июль—сентябрь).

Москва, 2001.

Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 5 (октябрь—декабрь).

Москва, 2001.

Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 6 (январь—март).

Москва, 2002.

Оборона и международная безопасность. Информационный

бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 6 (январь—март).

Москва, 2002.

Оборона и международная безопасность. Информационный

бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 6 (январь—март).

Москва, 2002.

Оборона и международная безопасность. Информационный

бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 6 (январь—март).

Москва, 2002.

Оборона и международная безопасность. Информационный

- бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 7 (апрель—июнь). Москва, 2002.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 8 (июль—сентябрь). Москва, 2002.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 9 (октябрь—декабрь). Москва, 2003.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 10 (январь—март). Москва, 2003.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 11 (апрель—июнь). Москва, 2003.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 12 (июль—сентябрь). Москва, 2003.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 13 (октябрь—декабрь). Москва, 2003.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 14 (январь—март). Москва, 2004.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 15 (апрель—июнь). Москва, 2004.
- Оборона и международная безопасность. Информационный бюллетень Комиссии Объединения «ЯБЛОКО» по проблемам обороны и международной безопасности, № 16 (июль—сентябрь). Москва, 2004.
- В. Козаки-Ясвий.* Косово: торжество обывательской политики. Москва, 1999.
- Крестьянская программа партии «ЯБЛОКО». Москва, 1999.
- С. Никольский.* Кризис сельского хозяйства: политика и крестьяне. Москва, 1999.
- А. Ехатов.* О земле, о воде и крестьянской доле. Москва, 1999.
- Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому, часть 1. Кубань—Москва, 1998—1999.
- Голоса крестьян. Крестьяне Кубани пишут Г. Явлинскому, часть 2. Кубань—Москва, 1998—1999.
- Г. Явлинский.* Экономика России: наследство и возможности. Москва, 1999.
- Г. Явлинский.* Я выбираю свободу. Президентская программа 1996 года. Москва, 1996.
- Г. Явлинский.* Десять лет. Публикации, интервью, выступления (1990—1999). Москва, 1999.
- Г. Явлинский.* О российской политике. Выступления и статьи (1994—1999). Москва, 1999.
- Г. Явлинский.* О российской экономике. Выступления и статьи (1994—1999). Москва, 1999.
- Г. Явлинский.* Несколько интервью по личным вопросам. Москва, 1999.
- Г. Явлинский.* Кризис в России: конец системы? Начало пути? Москва, 1999.
- Г. Явлинский.* Стратегия прорыва. Президентская программа Григория Явлинского (2000—2004). Москва, 2000.
- В. Колотова.* Григорий Явлинский. Ростов-на-Дону, 1998.
- Д. Костенко.* Как стать просмейстером в 14 лет. Москва, 2001.
- В. Кузнецов.* Ядерная опасность. Москва, 2003.
- А. Арбатков.* «ЯБЛОКО» и армия. Москва, 2003.
- А. Арбатков.* В защиту прав человека в понохах. Законодательные основы социальной политики по защите военнослужащих. Москва, 2003.
- Г. Явлинский.* Все вперед! Москва, 2003.
- Г. Явлинский.* Периферийный капитализм. Москва, 2003.
- Программа Российской Демократической Партии «ЯБЛОКО». Москва, 2003.
- О. Манихин.* Российская Демократическая Партия «ЯБЛОКО». Краткий исторический очерк. Москва, 2003.
- Вл. Андурин.* Письма бестартиного. «Лично Явлинскому».
- А. Михайлов, М. Субботин.* «ЯБЛОКО» и СРП. Москва, 2003.

Если вы хотите БЕСПЛАТНО получить книги и брошюры, рассказывающие о деятельности политической партии «Российская демократическая партия «ЯБЛОКО», присылайте заявки по адресу:

119017, Москва, ул. Пятницкая, 31/2, строение 2.

Если вы хотите достойно жить в свободной стране

Если вы разделите наши убеждения

Если вы хотите помочь нам словом и делом —

Приходите:

119017, Москва, ул. Пятницкая, 31/2, строение 2

Звоните:

Тел.: (095) 780-30-10, 780-30-11. Факс: (095) 780-30-12

Ищите нас в Интернете:

www.yabloko.ru